

W

259

217

$$\sqrt[3]{\frac{259}{217}}$$

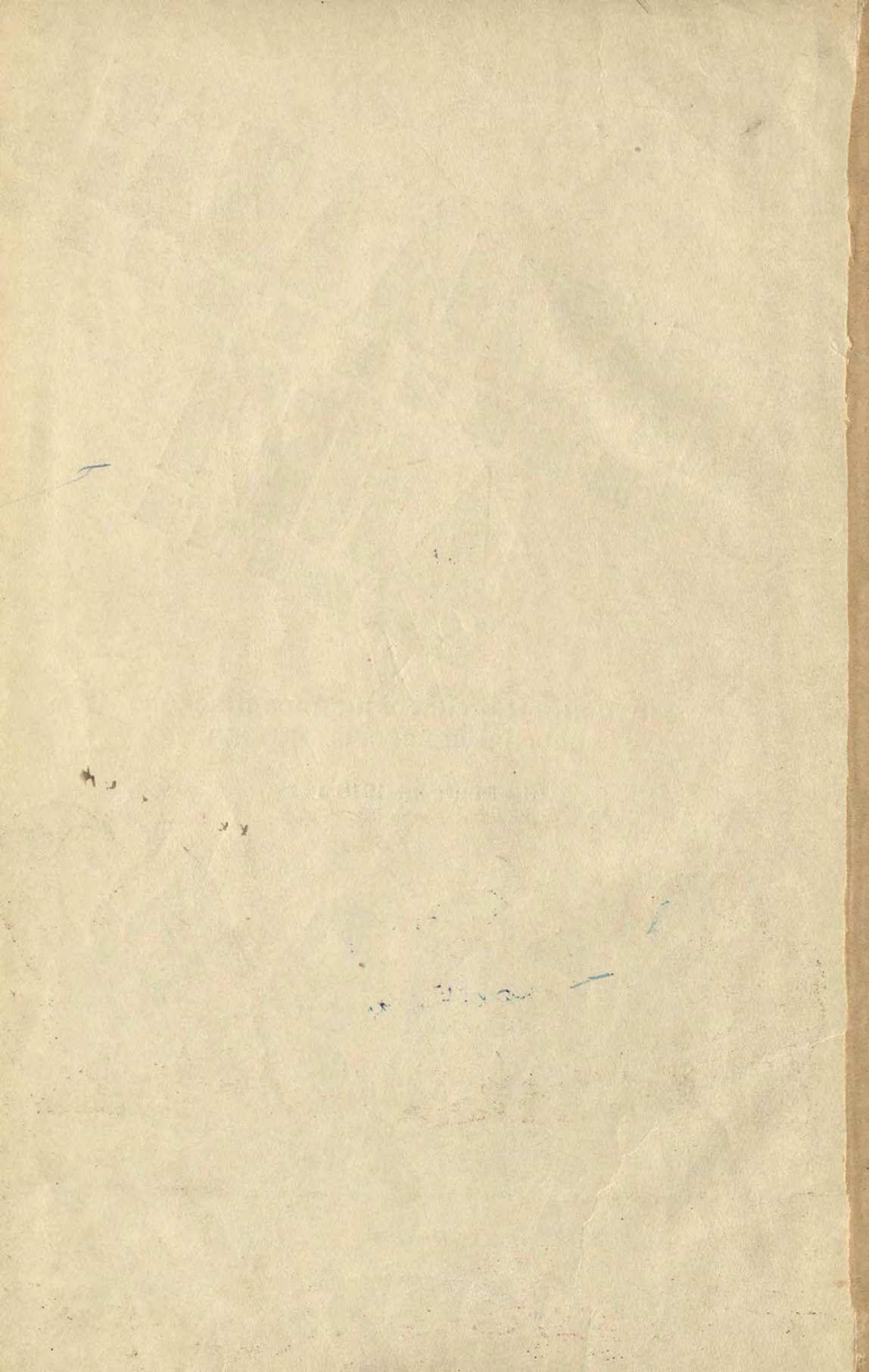
ШЕСТИНАДЦАТЬ ДНЕЙ!

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЯРОСЛАВСКОГО
БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО МЯТЕЖА.

(6—21 июля 1918 года).

W/259
217

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШЕСТНАДЦАТЬ == ДНЕЙ. ==

==

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЯРОСЛАВСКОГО
БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО МЯТЕЖА.

(6—21 июля 1918 г.)

== ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ==
Н. Г. ПАЛЬГУНОВА и О. И. РОЗАНОВОЙ.

хк IV - 20414

ИЗДАНИЕ
ЯРОСЛАВСКОГО ГУБКОМА Р.К.П.
ЯРОСЛАВЛЬ, 1924.

2007077047

Гублит. 1617.   Зак. № 3040   Тираж 2500 экз.
Ярославль, Октябрьская тип. Г.С.Н.Х, Республиканская, 61.

Вместо предисловия.

Ликвидация и подавление ярославского белогвардейского мятежа в 1918 году, несомненно, вписывает новую, самостоятельную страницу в историю ярославского пролетариата.

Ярославский белогвардейский мятеж—тяжелый урок, трудное испытание, через которые принужден был пройти, через которые прошел рабочий многочисленных ярославских фабрик и заводов, чтоб окончательно затем отрешиться от сладкоречивых и коварных лакеев капитала—меньшевиков и эсеров,—окончательно разуввериться в них. Ярославский белогвардейский мятеж—яркий показатель, что везде и всюду за успевающими меньшевиками и эсерами неизбежно следуют их настоящие хозяева—капиталисты, помещики и царские полковники и генералы.

И не только ярославским рабочим белогвардейский мятеж открыл глаза на истинную сущность, на истинную роль соглашателей: ярославское крестьянство точно также на мятеже убедилось, что несут с собой щедрые на добрые обещания эсеры—несут царского генерала, нагайку, земского начальника.

История белогвардейского мятежа в Ярославле должна быть верно, точно и правдиво записана и в этом точном виде сохранена. Отсюда, еще в 1921 году у ряда ярославских работников возникла мысль о создании и выпуске специального сборника материалов о мятеже. В 1922 году уже и вышел первый сборник, главным образом, мемуарных материалов, изданный Ярославским Истпартом. Настоящий сборник—«Шестнадцать дней» является, таким образом, вторым по счету опытом дать исторический очерк событий мятежа.

Предлагаемые читателю в настоящей книжке материалы существенно отличаются по характеру их разработки от материалов, приведенных в первом, уже упоминавшемся выше, сборнике. Собранные в ряде отделов книжки материалы разделены на статьи и обзоры и материалы мемуарного характера—воспоминания.

Статьи и обзоры написаны, главным образом, на основании документов по истории революции в Ярославском крае и на основе исторических памятников. Кроме того, значительная часть материалов, в целях удаления из них неточностей, обусловленных субъективной оценкой отдельных моментов и событий авторами, подверглась просмотру и оценке особых собраний тех

из находившихся в 1923 году в Ярославле советских и партийных работников, которые или участвовали сами в ликвидации мятежа, или же в момент мятежа находились в городе. В общем, до пятидесяти—шестидесяти товарищей принимало участие в обсуждении печатаемых ниже материалов, вносило в них фактические поправки и коррективы и устраняло неточности в описании и освещении событий.

Последнее обстоятельство—пропуск мемуаров через своеобразную «историческую цензуру» (берем эти слова в кавычки), дает уверенность в исторической ценности книжки.

Вместе с тем, редакция книжки согласна, что содержанием книжки история мятежа и предшествовавших мятежу событий не исчерпывается. Согласна редакция и с тем, что в существующих условиях возможно было бы привести гораздо больше и исторических документов о мятеже, представляющих собой безусловный интерес.

Но в условиях спешной подготовки книжки к печати—недочеты книжки неизбежны и редакция, также, как и издатель, почтут свою задачу выполненной и в том случае, если книжка даст хотя и неисчерпывающее, но более или менее полное и, главное, *верное* представление читателю о мятеже белогвардейцев в Ярославле.

Н. Пальгунов.

О. Розанова.

Ярославль,
7 июля 1924 г.

ПЕРЕД МЯТЕЖЕМ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ:

В Ярославле после Февраля—
Я. Минакова.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Борьба за власть Советов в
г. Ярославле до Октябрьск. пере-
ворота—*Г. Петровичева.*

У ярославских железнодорож-
ников—*Ф. Чуркина.*

Город перед мятежем—
Р. Гольдберг.

В Ярославле после Февраля.

Февральская революция прошла в Ярославле и Ярославской губернии совершенно бескровно и почти безболезненно. Собственно говоря, никакой революции в Ярославле и не было, а был лишь, как и по всей России, более или менее мирный переход власти от одной общественной группы к другой, обусловленный успехом революции в Питере и Москве. Чудовищная централизация царского режима сослужила ему в этом случае плохую службу, ибо успех революционного переворота в государственном центре страны сделал неизбежным капитуляцию старого режима и по всей стране. Конечно, в основном это было предопределено самой гнилостью царского режима, многократно выявленной и подчеркнутой непосильными для России испытаниями мировой войны.

Как и везде в России, в Ярославле власть перешла в феврале 1917 года от царской, потерявшей социальную почву полицейско-бюрократической клики к цензовым и интеллигентским носителям буржуазного либерализма. Таким образом, передвижка власти была по существу не велика и совершилась в пределах одной и той же собственнической части российского общества, знаменуя собою лишь политическое оформление изменения соотношения сил собственности помещичьей и буржуазной.

О происшедшем в Петрограде и Москве перевороте Ярославль узнал только первого марта. В тот же день вечером в губернской земской управе состоялось собрание ярославских буржуазно-либеральных деятелей, посвященное обсуждению создавшегося положения. На нем присутствовали представители земства, городской думы, кооперативов, различных групп интеллигенции: врачей, адвокатов, служащих, представители некоторых волостных комитетов Ярославской губернии, а также несколько представителей рабочих железнодорожного узла и Большой Мануфактуры (нынешний Красный Перекоп).

«Речи многочисленных ораторов собрания были направлены к выяснению вопроса о том, как организовать на местах для поддержки правительства Государственной Думы и как охранить надлежащее спокойствие в городе, безостановочный ход выполняемых работ». (Известия Яросл. Губ. Комитета общественного порядка).

Собрание решило обратиться с воззванием к населению города и губернии, с призывом о поддержке временного правительства и о создании на местах органов новой власти. В Ярославле было решено немедленно образовать губернский комитет общественного порядка. По решению собрания этот комитет должен был быть центром ярославских «обществен-

ных сил». В его функции входила охрана порядка, организация власти в губернии и проведение в жизнь распоряжений и законов временного правительства.

Ярославский общественный комитет окончательно сформировался к вечеру следующего дня. Положение же о его составе и о величине и порядке представительства в нем различных губернских и местных организаций было принято комитетом только 6 марта. Следовательно, первоначальный состав его был случаен и неоформлен. Председателем комитета был избран председатель губернского земства Тимрот, а комиссаром губернии член земской управы и видный кадет—Черносвитов, бывший членом Государственной Думы.

Характерно, что уже вышеуказанное организационное собрание «общественных сил» особо подчеркнуло выделенному им комитету необходимость урегулирования продовольственного положения губернии. Это показывает, что уже тогда продовольственный вопрос в Ярославской губернии не был вполне благополучен.

Первыми шагами в практической деятельности комитета общественного порядка были решения: об организации народной милиции из достаточно благонадежных с точки зрения буржуазной «свободы» элементов и о приступлении к разоружению полиции, для чего была избрана «комиссия по обсуждению вопроса о способах разоружения полиции».

Ярославская «революция» и созданная ею новая губернская власть были настолько благонадежны и «порядочны» в глазах даже самых заматорелых представителей старого строя, что эти последние немедленно воспылали самой горячей и преданной любовью к народу и, вероятно-во избежание большего зла, стали дружно присоединяться к новому строю и рассыпаться в изъявлениях неотданной, казалось бы, преданности ему. Так поступил в первые дни марта, когда крах царизма был уже безповоротен, командный состав стоявших в Ярославле воинских частей, воинский начальник, начальник гарнизона и руководители различных отраслей административного, финансового, судебного и т. д. управления губернии. Городское духовенство, которое еще два-три дня тому назад воссылало в церквах молитвы «о самодержавнейшем, благочестивейшем» и т. д., подало в комитет заявление с изъяснением готовности «следовать укреплению нового строя с церковного амвона» и просило о допущении его представителей в комитет, каковая просьба была комитетом великодушно уважена. Даже сам губернатор князь Оболенский и полицейские чины, арестованные и посаженные в Коровники, из тюрьмы письменно просили «дать им возможность доказать на деле свою преданность и горячую готовность служить новому народному правительству». К чести (буржуазной) Губернского Комитета общественного порядка необходимо сказать, что на такие террористические меры, как арест губернатора, его помощника и других полицейских и жандармских чинов он пошел не вполне по своей воле, и в короткое время постарался освободить их.

Такова была умирительная картина первых дней Ярославской буржуазной «революции».

По положению о губернском комитете общественного порядка, принятому на заседании комитета 6-го марта, состав комитета был определен в 80 чел. В него входили в определенном количестве представители: от уездного и губернского земства (5 чел.), от кооперативов (18 чел.) от крестьянского (конечно-кулацкого) союза (10 чел.), от цензовой городской думы (4 чел.), от буржуазной и мелко-буржуазной интеллигенции (21 чел.), от духовенства (2 чел.), от фабрикантов и заводчиков (2 чел.) и от советов рабочих и солдатских депутатов по 10 чел. Таким образом, не менее 80% состава комитета было обеспечено за буржуазными элементами.

Для удобства работы комитет делился на пленум, совет и президиум комитета. Совет состоял из президиума и комиссаров, заведывавших отделами комитета, которых было девять. В президиум входили: председатель, три его заместителя и три секретаря. Одним из заместителей председателя был избран в знак уступки духу времени представитель железно-дорожных рабочих правый меньшевик Мусатов.

С некоторым запозданием, лишь 4 марта, комитетом были освобождены из Ярославского централа политические заключенные, в количестве 191 человека.

В заседании 12 марта комитет следующим образом формулировал свою роль: «исполнительный комитет общественного порядка в своих действиях руководится исключительно интересами общественного порядка и безопасности на местах» (сущность этих «интересов» достаточно ясно определялась самим составом комитета) и «проведения в местную жизнь начал нового свободного строя». «Комитет, учитывая исходящие от центрального правительства распоряжения и считая их обязательными для себя, имеет право делать большинством двух третей голосов отступления от этих распоряжений, оправдываемые наиболее правильным выполнением вышеизложенных задач комитета». Последнее постановление чрезвычайно характерно. Оно показывает, что буржуазное большинство комитета уже тогда недоверяло твердости политики правительства князя Львова и Родзянки, учитывало возможность давления и влияния на политику и на состав этого правительства со стороны организованных рабочих и солдатских масс Питера и заранее готовило себе на этот случай отдушину в виде легального неподчинения распоряжениям центральной власти, не сходящимся с «местными интересами».

С первых же дней своего существования комитет уделил много внимания вопросам политической пропаганды и обработки населения, организовав для этого при себе два специальных отдела: по пропаганде нового строя в деревне и по устройству митингов и собраний. В дополнение к этому он, постановлением 10 марта, решил издавать собственный орган «Известия Ярославского Комитета общественной безопасности», начавший выходить с 15-го марта. Четыре пятых этих «Известий»

были также заполнены агитационно-пропагандистским материалом в выдержанном кадетском духе. «Известия» распространялись бесплатно и особое внимание уделялось на внедрение их в деревню, для чего использовывались уездные и волостные органы власти. Печатная пропаганда велась также путем многочисленных воззваний и обращений комитета к населению с соответствующим «разъяснением» в них всех более или менее важных событий и лозунгов политической жизни. Эта сторона деятельности комитета облегчалась дружным содействием ему всех «живых сил» Ярославля, начиная от попов и кончая профессорами ярославских высших учебных заведений. Официальная платформа комитета сводилась к призыву к порядку и спокойствию, полному подчинению временному правительству, учредительному собранию со всеобщим, равным, тайным и войне до полной победы над «коварным врагом». Уже в середине марта комитет подобрал, подготовил и разослал по уездам группу в 15 пропагандистов и лекторов для разъяснения кадетской свободы и всего, что из нее вытекало. Особенное внимание комитета, конечно, уделялось пропаганде в армии, а главным образом среди отправлявшихся на фронт маршевых рот. Для организации проводов маршевых рот на фронт комитетом была образована специальная комиссия с предоставлением в ее распоряжение соответствующих денежных средств. И как раз на почве этих проводов, повестка дня одного из заседаний комитета в конце марта была впервые омрачена зловещим предвозвещением деятельности в мирном и благополучном до этого Ярославле «темных сил» по кадетской терминологии, конечно. На заседании своем от 26 марта, комитет заслушал внеочередное заявление губернского комиссара «о некоторых выступлениях при проводах маршевых рот».

По изложению этого вопроса в протоколе легко определить, что этими «некоторыми выступлениями» были выступления, не согласные с кадетско-меньшевистскими взглядами на понимание войны и роли солдат в ней. Излагая это печальное происшествие, губернский комиссар, забыв о соответствующей деятельности самого комитета, меланхолически закончил, что по его мнению «высказываться при проводах следовало бы только в тесном смысле прощальных приветствий и недопустить ничего спорного (по отношению к кадетским воззрениям, очевидно) и в частности проповеди тех директив крайних партий, которым место на митингах». Комитет вынес по этому вопросу мудрое решение: «признать, что при проводах маршевых рот выступать могут только ответственные ораторы от организованных групп», причем степень ответственности оратора и принадлежность его к организованной группе должна была подтверждаться комиссией комитета, равно как и вопрос о наличии или отсутствии у данной организационной группы права на выделение собственного оратора при проводах.

В начале второй половины марта в Ярославле состоялся губернский крестьянский съезд, положивший начало совету крестьянских депутатов. И этот съезд и созданный им Совет заняли определенную кулацко-право-

эсеровскую позицию. Любопытны заявления представителей некоторых волостей об отношении крестьян к перевороту.

Представитель Пречистенской волости, Любимского уезда говорил: «переворот у нас сошел гладко. Мы его давно ждали и в нем были уверены. В нашем месте народ сознательный, питерский. От нас все больше идут в Питер в повара или торгуют в мелкий разнос. Так что они всегда были в курсе всех дел, а около них и другие пообтерлись. От 1905-го года остались корни, много также помогли кооперативы, а главное война показала всю измену правительства».

Представитель Архангельской волости, Мышкинского уезда: «Известие о перевороте народ принял с восторгом. Прямо сказать, большинство у нас за социализацию земли и демократическую республику».

В Холмовской волости, Пошехон. уезда: «Давно о таком перевороте мечтали. Еще от той революции много осталось света и мы старались его как никак поддержать и словами, и книжки старые революционные сберегали. В некоторых семьях были люди партийные, согласные. Мужчины у нас все сознательные, а из женщин только у старых суеверия».

В Диево-Городищенской волости: «Все обошлось вполне сознательно. Давно поджидали. Всем война глаза раскрыла, а кто держался за царя, тем распутинские безобразия показали, как и что есть».

В Ставотинской волости: «Насилу и дождались этого пероворота, с 1905 г. к нему тянулись. Многие из нашего места тогда уже понимали, и за это понятие пострадали от старой власти. Война самым темным из нас показала, что дальше толку не будет, что катимся под гору. Старому земству не доверяем».

По ярославской территории переворот прошел с большим опозданием. В уездах смена власти происходила с 5-го до 12 марта, а в волостях и во второй половине марта.

В некоторых уездных городах этот процесс проходил при полной пассивности большинства населения и органы новой власти составляли те-же царские чиновники, но под другими наименованиями. В волостях таких примеров было еще больше, вследствие, как сообщали представители волостей, отсутствия грамотных и опытных людей, которых можно было бы выдвинуть в местные органы власти. Примером для мест здесь была и политика губернского комитета, который сохранил, например, на местах реакционный институт земских начальников, урезав лишь несколько их права, что вызвало протест рабочей группы комитета. Кое где на местах такая политика вызвала отпор. Так, Мышкинский комитет общественного порядка в начале апреля постановил признать старых мировых судей утратившими свои полномочия (они выбирались только более или менее крупными собственниками) и приступить к выборам демократическим путем новых судей. Но это крамольное постановление не только было отменено губернским комитетом, но в связи с этим последним было назначено расследование деятельности уездного комитета.

Начиная с мая месяца, перед комитетом все более упорно и вну-

тительно встает проблема продовольственного вопроса. Комитет уделяет ей по необходимости все большее внимание. По комитетским методам, методам пустых словопрений, призывов к сознательности и хитроумных постановлений, стремившихся и волчьи аппетиты не затрагивать и овец сохранять,—эту проблему нельзя было разрешить, и она лишь сильнее обострялась. В середине июля, по официальному сообщению, «в губернский продовольственный комитет ворвалась буйная толпа городских женщин. Толпа, с явно погромными целями, буйствовала и оскорбляла служащих комитета, в результате чего была прекращена работа продовольственного комитета». Так нарастал голод, могущественный союзник и опаснейший враг всякой революции.

Такова была одна, либерально-буржуазная сторона ярославского (и всероссийского) февраля. Но он имел и другую сторону—рабоче-крестьянскую.

Февральская революция победила силой рабочих и осолдатченных крестьян, победила не при содействии буржуазии, а против ее воли. Плодами февральской победы воспользовались не непосредственные победители, а, как это бывало в истории много раз, чуждый и враждебный им класс. Воспользовался благодаря своей большей организованности, сплоченности, классовой сознательности и прежней близости и навыкам к управлению. Но и рабочий класс в России проделывал за небольшой сравнительно промежуток времени уже вторую революцию и имел значительный революционный классовый опыт, сильно обогащенный годами мировой войны, а, самое главное, он имел закаленные в классовых боях кадры своей революционной партии, руководимые величайшим революционером в истории человечества. Поэтому февральская революция не свелась к одному из вульгарных образцов буржуазно-демократических революций, проделываемых трудящимися в интересах своих классовых врагов.

С первых же дней революции, на ряду с буржуазным правительством, стала организованная сила рабочих, солдат и крестьян. Первоначально эта сила не была подготовлена и не стремилась к захвату власти и подчинению революции интересам ее творцов. Но объективное развитие событий и воля сознательнейшей части пролетариата и крестьянства, направляемых революционной партией, делали совершенно неизбежным превращение революции буржуазно-демократической в революцию пролетарской диктатуры.

И в Ярославле, с первого же момента переворота, центру буржуазных общественных сил был противопоставлен центр общественных сил пролетариата и крестьянской армии. Первоначально это противопоставление, эта историческая классовая роль рабоче-крестьянских органов не сознавалась или плохо сознавалась их деятелями, временами она приглушалась, но лишь для того, чтобы затем под давлением объективной неизбежности проявиться еще сильнее, еще резче.

Организационное собрание представителей ярославского пролетариата состоялось первого марта. Это собрание имело только два вопроса на повестке дня: выборы временного Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов и выборы президиума Исполнительного комитета. В исполнительный комитет были выбраны: Коротков, Додукин, Шестаков, Четвериков, Ягодищев, Мусатов, Орлов, Сергеев, Шапкин и Кобурин. В президиум были избраны: председателем Быков, товарищем председателя Слонин и Боев и секретарем Штендель и Петровичев. Это организационное собрание было до известной степени случайно и мало подготовлено, поэтому на следующем общем собрании Совета, состоявшемся 4-го марта, исполнительный комитет был переизбран. В его вошли: Давнорович, Быков, Хрущов, Штендель, Шаповаленко, Хозацкий, Слонин, Коротков, Кмро, Тиханов, Иванов, Петровичев, Васильев и Вернягор. На этом собрании решались уже и некоторые деловые и принципиальные вопросы. Так, было решено, что «социал-демократы не могут выставлять (и очевидно, занимать) своих кандидатур на административные должности». Это было местным решением вопроса о допустимости коалиции с буржуазией. Комитету общественного порядка было предложено «немедленно приступить к ликвидации старой власти во всей губернии». Было постановлено «требовать от комитета общественной безопасности немедленно сместить командира 254 зап. полка, ибо его поведение внушает опасения новому строю и предоставить солдатам выбрать командира по их желанию». Так в Ярославле еще в начале марта было положено начало выборности комсостава армии. Вмешательство Совета рабочих депутатов в военную жизнь объяснялось тем, что Совет солдатских депутатов сложился позднее и до этого момента рабочий Совет считал своей обязанностью защиту и солдатских интересов. На этом же собрании Совет взял под свое особое покровительство еврейских рабочих Ярославля. Это постановление делается понятным, если вспомнить, что промышленный Ярославль был в то же время одним из центров черносотенного движения, имевшего свои корни в рабочих кругах.

В эти же дни Совет организует и проводит ряд солдатских и рабочих манифестаций. Вообще в первые полторы недели своего существования Совет не сделал ничего для ясного и отчетливого формулирования своей политической и классовой позиции. 7 марта по вопросу об отношении Совета к Комитету общественного порядка, Совет принимает неопределенную резолюцию, предоставляя своему исполнительному комитету определять линию поведения для каждого конкретного случая. Правда, на том же заседании Совета было постановлено издавать свой постоянный орган «с руководящей передовицей», но Совет не определил платформы этого органа и не выделил даже редакционной коллегии. Сильно отмечающим первый период деятельности Совета является отсутствие или малое количество более или менее важных и принципиальных вопросов на повестке дня для общих собраний Совета, и то, что решение таких вопросов или предоставляется вынести ис-

полнительному комитету, или же принимаются решения, предлагаемые докладчиками без всяких дополнений и замечаний. Это обуславливалось вероятно, политической незрелостью и невоспитанностью массы рядовых членов Совета. Немногие товарищи, обладавшие сложившимся политическим и классовым мировоззрением и практическим опытом, были выдвинуты в Исполнительный Комитет, а рядовая масса членов Совета только начинала проходить практическую и теоретическую школу политической деятельности и не решалась еще самостоятельно судить о «высоких материях» предпочитая более мелкие, но конкретные вопросы местной действительности. 9 марта Совет постановляет об организации Совета Солдатских Депутатов и выделяет комиссию для выборов его. Тогда же определяется норма представительства в Совет Рабочих Депутатов в следующем размере: от 250 до 500 рабочих посылают одного делегата, и далее каждые 500 рабочих сверх того же по одному, причем мелкие предприятия соединяются для выборов вместе.

11-го марта Совет заслушивает, наконец, доклад по принципиальному вопросу «о современном моменте и политических задачах рабочего класса», сделанный Суворовым, по которому была единогласно принята резолюция, предложенная докладчиком в духе меньшевиков-интернационалистов. Это единогласие объясняется тем же, что говорилось выше об общем характере первого периода работы Совета. Не только в массе членов Совета, но и в его руководящем ядре не было еще разделения по определенным и четким партийным платформам. Такое разделение и организационное обособление родилось позже, в связи с ростом политического сознания и нарастанием классовой борьбы. Мы должны напомнить, что даже в центрах России позиция большевиков стала четкой и определенной только после приезда Ленина. В Ярославле же организованный раскол в единой до того социал-демократической организации на меньшевиков и большевиков произошел только в середине мая.

На заседании Совета 14 марта представитель фабрики «Феникс» заявил, что рабочие решили с 15 марта явочным порядком ввести 8-ми часовой рабочий день. Таким образом инициатива в этом вопросе была проявлена непосредственно рабочими массами. Очевидно под влиянием этого заявления Совет ставит в том же заседании вопрос о продолжительности рабочего дня в обще-губернском масштабе и постановляет предложить президиуму войти в соглашение с фабрикантами и заводчиками о введении 8-и часового рабочего дня, а при их отказе, вводить таковой явочным порядком, стараясь избежать забастовок. В середине марта Совет требует и добивается увеличения своего представительства в губ. комитете с 10 ч. до 15 и введения 25 человек своих представителей в состав Городской Думы. Только 18 марта Совет осуществляет ранее принятое решение об издании своего единственного органа, которому дает название «Труд и Борьба». Выделяется редакционная коллегия в составе: Давноровича, Слонина, Короткова, Васильева, и Суворова, ко-

торая выносит пожелание держаться точек зрения органа С. Р. и С. Д. Петрограда,

23 марта состоялся первый «большой день» Ярославского Совета,— всестороннее выявление его принципиальной позиции в связи с обсуждением порядка дня предстоящих Всероссийской и Московской областной конференций Советов Р. и С. Д.

В отношении к войне Совет—присоединился к воззванию к народам всего мира Петроградского Совета о мире без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций.

В отношении к временному правительству Совет постановил: «Охранять временное правительство, поставленное народным восстанием во главе государства, от обратного захвата власти представителями свергнутой династии при поддержке реакционных сил. Оказать полную и всестороннюю поддержку временному правительству в осуществлении провозглашенной им политической программы и отстаивать эту программу от всяких попыток ее изменить под давлением господствующих классов. Поставить на очередь самое широкое политическое просвещение демократии относительно сущности, значения и форм народовластия для подготовки ее к учредительному собранию. Содействовать водворению в стране гражданского порядка и немедленному проведению в жизнь всех начал политической и гражданской свободы и т. д. Такая типично меньшевистская платформа была принята Советом единогласно, но это единогласие было уже последним по таким вопросам. На Всероссийскую конференцию был послан Коротков, а на областную—Коротков, Суворов и Тренин. Вообще в этот период деятельности Совета, Коротков и Суворов были одними из виднейших его лидеров.

В конце марта прибывает из ссылки и принимается в число членов Совета меньшевик Савинов, а в апреле и в мае частью приезжают и проходят в Совет, частью выдвигаются из местных партийных работников: Равич, Богданов, Закгейм, Доброхотов и некоторые другие и начинают играть руководящую роль в деятельности Совета и его фракции, способствуя ускорению процесса партийного самоопределения как рядовой массы членов Совета, так и наиболее сознательных и активных рабочих Ярославля.

Отчетный доклад Короткова о Всероссийской Конференции, сделанный 13 апреля, вызвал уже горячие прения по вопросам об отношении к правительству и войне, и на голосовании уже были поставлены две резолюции: меньшевистская, принятая конференцией, и большевистская из питерской «Правды». Первая получила 50 голосов, а вторая—75.

В начале апреля был, наконец, организован Совет Солдатских Депутатов. Вслед за этим обоими Советами был поднят вопрос об объединении их. На соединенном заседании их 8-го апреля было после продолжительных прений единогласно постановлено такое объединение произвести, избрав общий президиум и исполнительный комитет, но сохранив самостоятельное обсуждение и решение рабочей и солдатской секциями об'еди-

ненного Совета своих групповых, профессиональных вопросов. К следующему заседанию Совета объединение было завершено. Первое соединенное заседание Советов постановило срочно приступить к организации Советов Р. и С. Д. в уездных городах и по завершению организации созвать губернский Съезд Советов и выбрать на нем постоянное Губернское Бюро Советов. В тоже время в Совете Р. и С. Д. был поднят вопрос о слиянии на тех же основах с организовавшимся Советом крестьянских депутатов, причем была принята резолюция о чрезвычайной желательности такого объединения. Совет крестьянских депутатов первоначально также склонился к нему, но в дальнейшем, под влиянием правых эс-эров и кулацких элементов, руководивших им, начал саботировать и объединение, и оно, не смотря на неоднократные попытки со стороны Р. и С. Д., не состоялось.

Почти с первых же дней деятельности Совета Р. Д. ему приходилось разбирать жалобы и заявления рабочих на действия предпринимателей, направленные против профессиональных интересов рабочих. Вскоре к этому присоединился и явный саботаж предпринимателей (Кашина, Смолякова и др.), выражавшийся в стремлении их закрывать свои предприятия. Совет реагировал на это соответствующими воздействиями на Губ. Исполнительный Комитет, но последний был очень мало склонен защищать рабочих от предпринимателей и, если из опасения перед рабочими соглашался с требованиями Совета, то затем хоронил их в своей канцелярии. Такое положение очень быстро поставило перед рабочими вопрос об организации профессиональных объединений для защиты своих интересов и организованной борьбы своими силами с предпринимателями. И профессиональные организации начинают стихийно возникать снизу уже в половине марта. Зачастую они строились кустарно. Объединялись рабочие трех—четырёх соседних фабрик или объединение носило цеховой характер и т. д. Тяжело сказывалось в профессиональном строительстве, стихийно подталкиваемом самой жизнью, отсутствие общего руководства и опыта. В конце апреля движение рабочих побудило Совет взять руководство профессиональным строительством на себя. Им была выделена «группа по организации профсоюзам» в составе: Пчелина, Ягодникова, Когановича, Маклакова, Работнова, и категорически затребовано от Губ. Комитета предоставление помещения для профсоюзам. Этим была в значительной степени облегчена и ускорена профессиональная организация ярославских рабочих.

Гражданский мир и всеобщее братство первых дней февральской революции уже очень скоро начали сходить на нет благодаря объективному развитию классовых противоречий и росту в процессе освобожденной от полицейских пут царизма политической и экономической борьбы, классового сознания рабочего класса. Это находило выражение и в появлении и усилении конфликтов и расхождении между организационным политическим центром буржуазии—временным правительством и его местными органами и таковым же центром рабочего класса—Советами.

В Ярославле такие конфликты начались еще в марте м-це — медовом м-це февральской революции.

Выше уже говорилось об отношении Губ. Комитета к «неорганизованным и демагогическим» выступлениям при проводах маршевых рот на фронт. Эти выступления принадлежали членам Совета. Губернский Комитет в предупреждение подобных случаев дал особые инструкции своей «комиссии по проводам», сводившиеся к установлению замаскированной цензуры речей. В ответ на это Совет постановил, что установление какой либо цензуры считает принципиально не допустимым, одобрил действия своей комиссии по организации проводов и уполномочил ее и дальнейшем действовать в том же духе. Второй крупный конфликт возник в связи с отношением Губ. Комитета к полицейским и административным чинам старого режима. Вынужденный условиями момента и движением масс на «суровые» меры по отношению к ним, сводившиеся к аресту и тюремному заключению, Губ. Комитет в дальнейшем исподтишка освобождает их. Такие единичные освобождения полицейских, жандармов и даже провокаторов производились Губ. Комитетом уже в марте м-це и апреле. Некоторые члены Совета неоднократно поднимали в Совете вопрос об этом, указывая на возмущение рабочих масс таким отношением к их недавним врагам, но Совет придавал таким заявлениям сравнительно мало значения, передавая их на разрешение своему Исполнительному Комитету. Наконец, в конце марта он принимает резолюцию с предложением, Губ. Комитету не производить никаких освобождений «политических» заключенных без предварительного сообщения о том Совету, и немедленно отстранить от работы в милиции и других органах управления всех бывших полицейских, жандармов и т. д. Но эта резолюция не оказала должного влияния на Губ. Комитет и в Совет продолжают поступать заявления о продолжающихся освобождениях полицейских и т. д. Но и исполнительный комитет Совета проявлял здесь слишком большую мягкость, не настаивая на решительном исполнении резолюции Совета. Это привело к тому, что в середине мая Губ. Комитет сразу выпустил на свободу всех заключенных данной категории, вероятно надеясь еще прибегнуть к их услугам. Но здесь он просчитался. Поставленный в известность об этом новом вызове Совет принимает резолюцию в заседании 27 мая: Запросить Губернский Исполнительный Комитет — признает ли он Совет Р. и С. Д. и считается ли с постановлениями, выносимыми им». Но глубоко возмущены были и рабочие массы. Рабочие железно-дорожного узла, Большой Мануфактуры, фабрики Львиной, фабрики Дунаева вынесли резкие резолюции, осуждавшие местами не только деятельность Губ. Комитета, но и отношение к ней Совета, что было в известной степени основательно. И вопрос об освобожденных полицейских, жандармах и провокаторах розрósся и занял три заседания Совета под-ряд. В результате Совет присоединился к резолюции рабочих Больш. Мануфактуры и потребовал немедленного ареста и заключения в тюрьму всех выпущенных «политических», по-

становив, что дальнейший выпуск их может производиться лишь организованной Советом Комиссией.

Любопытно реагировал на это постановление Губ. Комитет. В его протоколах сказано «Комитет после долгих и бурных прений постановил: Губернский Комитет признает, что освобождение административно-арестованных было произведено им правильно. Ныне, принимая во внимание тревожное настроение рабочих масс Ярославля, Комитет признает необходимым освобожденных арестовать».

Резкое расхождение принципиально—классовой позиции началось с апреля. В начале апреля, как выше уже было сказано, Совет, ранее стоявший на меньшевистско—примиренческой позиции, принял по докладу Короткова большевистскую резолюцию. Эта резолюция была принята небольшим сравнительно (25 голосов из 125) большинством голосов, но политика правительства быстро усиливала революционное единодушие Совета. На заседании Совета 22 апреля, посвященном обсуждению знаменитой ноты Милюкова союзникам от 18 апреля, Совет решительно протестует против этой ноты и, выражая недоверие правительству, постановляет отказать в поддержке пресловутаго «займа свободы и снять объявление о нем со столбцов своего органа» «Труд и Борьба». В этой же резолюции он требует немедленного опубликования всех тайных договоров, заключенных царским правительством. Эта резолюция была принята уже только при 6 воздержавшихся, 13 мая. Совет постановил организовать на следующий день демонстрацию протеста против смертного приговора Адлеру, единогласно принимает в качестве официальных лозунгов демонстрации такие лозунги, как: «Долой империалистическую войну», «Долой палачей и изменников Интернационала» и т. д.

19 мая произошел раскол в Ярославской социал-демократической организации, из которой выделилось левое крыло, руководимое Коротковым, и положило начало Ярославской организации большевиков.

Ноябрь м-ц был высшим пунктом революционности Ярославского Совета Р. Д. первого созыва. Успехи соглашательских партий и соглашательской агитации в центрах России и первые опыты коалиции, еще не обанкротившейся и внушавшей известные надежды, вообще вся обстановка первого периода не разоблаченной еще Керенщины отразились и на политической платформе Ярославского Совета. С этим совпало и значительное усиление местной меньшевистской организации такими крупными по провинциальному масштабу работниками, как Савинов, Равич, Шлейфер, Богданов и др., между тем, как у большевиков был в сущности говоря лишь один весьма сильный и практический и теоретический работник—Коротков, остальные же только проходили еще школу политической классовой борьбы. Все это имело результатом то, что уже, начиная с мая, Совет заметно окрашивается в меньшевистские цвета. Уже в конце мая, например, Совет меняет свое отношение к «Займу свободы» Исполнительный Комитет в то же время путем довыборов и т. д. пополняется почти исключительно меньшевиками. Фракция с.-р. в Совете Р. Д.

не была сильнее и не играла большой роли в его руководстве. С.-р. обратили свое исключительное внимание на Совет К. Д., которым и руководили безраздельно. В солдатской же секции Совета наибольшим влиянием пользовались большевики; они же имели руководящее влияние и в Губернском Бюро Советов Р. С. и К. Д., но это Бюро не имело большого значения в политической жизни Ярославля и губернии.

Поправление Совета Р. Д. нашло свое выражение и в том, что делегатами от Совета на первый Всероссийский Съезд Советов были посланы меньшевики—Равич и Савинов. По докладу этих делегатов о съезде, Совет присоединился к решениям съезда, имевшим, как известно, оборонческо-меньшевистский характер.

На июльские события*) в Питере Совет, как целое, не реагировал, но меньшевистская организация повела бурную кампанию в рабочих массах против большевиков, заимствуя обвинения и приемы кампании у буржуазной прессы Питера и Москвы, и нередко выводя перед рабочими статьи какогонибудь «Русского Слова» за официальные документы. Широко используя всякую клевету и не разборчивую демагогию, спекулируя на темноте и неосведомленности рабочих масс, меньшевики в то же время принимали все меры к тому, чтобы использовать большевиков и не дать им возможности разоблачать перед рабочими истинную сущность велшейся против их кампании. Для этого употреблялись даже такие приемы, как постановка меньшевистско-эсэровской охраны у входа на рабочие собрания с целью недопущения на них большевиков. Таким путем им удалось устранить из Совета лучших работников большевистской фракции его, в том числе—Короткова и провести взамен их своих людей и получить в Совете решительное преобладание. Но в Совете С. Д. преобладание по-прежнему оставалось за большевиками. На соединенном заседании обоих Советов 8 июля большевистская фракция поставила вопрос об организации демонстрации, предлагая первоначально решить вопрос принципиально с дальнейшим определением лозунгов демонстрации. После чрезвычайно бурного обсуждения этого вопроса, затянувшегося до утра следующего дня, меньшевики полу-мошенической махинацией провели свое решение, демонстрации не устраивать. Этим они с полной очевидностью обнаружили, насколько мало они сами верили в прочность своего успеха, насколько дешев и ненадежен он был. Они боялись масс, боялись потому, что не умели и не могли вести их, а наоборот старались удерживать их и тянуть назад. Всякое массовое выступление в той или иной мере обнаружи-

---

*) В июльские дни солдатская масса горячо поддерживала большевиков. Демонстрация 18 июня была главным образом солдатской демонстрацией.

В августе под влиянием обострения продовольственного кризиса по инициативе рабочих Большой мануфактуры были произведены с вынужденной санкцией Совета массовые обыски у буржуазии на предмет обнаружения продовольственных запасов принявшие беспорядочный характер. Обыски производились группами из 10 рабочих и 10 солдат. Эти обыски были вызваны полной безрезультатностью произведенного перед тем Думой учета продуктов на складах и у богатейших граждан. Эти события продолжались три дня.

вало их бессилие и выходило из под их руководства. Ярославские меньшевики уже имели ответ такого рода. Почти все происходившие в Ярославле массовые манифестации проходили в большей степени под лозунгами большевиков, которые были лозунгами движения и борьбы, чем под пассивными и примеренческими лозунгами меньшевиков, несмотря на то, что все данные для успеха были на стороне последних. Чрезвычайно характерной была в этом отношении демонстрация, организованная Советом 18 июня, которая по мысли меньшевистских лидеров должна была быть демонстрацией за наступление на фронте, доверие Временному Правительству и т. д., но которая в огромном большинстве прошла под совершенно противоположными лозунгами.

Соединенное заседание обеих секций Совета от 18 июня было целиком почти посвящено обсуждению вопроса о введении правительством смертной казни на фронте. Обсуждение закончилось принятием—при 34 воздержавшихся—огромной на трех листах—резолуции протеста. Эта переполненная нудной болтовней об идеях нравственности, справедливости и прочей дребедени резолюция чрезвычайно типична и характерна была для всей деятельности меньшевиков. Будучи объективно радикально-буржуазной и лишь субъективно пролетарской партией, они и во всей своей деятельности неизбежно были осуждены на двойственность практики и идеологии. Объективная природа их сущности предопределяла радикально-буржуазный характер их практики, субъективный же элемент вынуждал к пролетарской фразеологии. Но не всегда эта противоположность действия и идеологии могла быть сколько-нибудь прочно увязана в одно целое, хотя бы для поверхностного и неглубокого анализа. В такие моменты практика почти полностью увлекала за собой идеологию, которая явственно превращалась в невыдержанную, противоречивую и жалкую болтовню. Июльские события и введение коалиционным правительством смертной казни для солдат во имя укрепления в них «беззаветной храбрости» в защитах интересов антантовской биржи, несомненно, были жалкими острыми моментами для российских и ярославских меньшевиков. Их практику в Ярославле в июльские дни мы уже кратко охарактеризовали—она была вполне достойна левых прихвостней буржуазии. В резолюции о смертной казни превосходно выражена их попавшая в пункт идеология. Выполняя свои функции левого крыла буржуазии, они признают в резолюции и наличие развала на фронте, и всю опасность этого развала для «родины, революции и свободы», и превращение армии в «дезорганизованную и деморализованную толпу», и необходимость, (для капиталистов) всячески бороться с этим положением. Но успех их в роли прислужников буржуазии стоял в прямой зависимости от того—насколько сильно было их влияние в пролетариате, на сколько они могли вести его за колесницей капитала. Для этого у меньшевиков было второе лицо, направленное в сторону пролетариата. И в данном случае это лицо разливалось морем жалкой и высокопарной болтовни, явно рассчитанной на долготерпение и недостаточное умение пролетариев разби-

фаться в звонких фразах. Оно вопило о безнравственности смертной казни, о несовместимости ее с «идеями демократии», взывало к идеям министров временного правительства, представителей «всего великого, свободного, русского народа», призывало их вспомнить, что говорили о смертной казни «лучшие из наших философов, человечнейшие из наших писателей и многие ученые юристы», убеждало их, что «проливать человеческую кровь недопустимо для государства», декламировало о «ценности человеческой жизни» и, наконец, заканчивало следующей «марксистской» тирадой по адресу правительства. «Ярославский Совет Р. и С. Д., в том сознании своей моральной ответственности и своего долга перед родиной и человечеством, считает необходимым возвысить в эту тяжкую минуту свой предостерегающий голос. Вы хотите бороться с разрухой на фронте? Боритесь: это ваше право и ваш святой долг. Делайте все, что нужно для спасения страны, для спасения революции и свободы. Но не восстанавливайте смертной казни, ибо путь крови, путь террора—это слишком опасный и скользкий путь, и еще бог знает, куда он может привести Россию». Эта болтовня была рассчитана, конечно, не на «убеждение» правительства, а на убеждение рабочих в «революционной доблести» меньшевиков, к чему была направлена всегда и вся их многообильная фразеология.

Но и она лишь незначительно отделяла их от банкротства. Приблизительно с начала июня, Ярославский Совет Р. Д. заболевает хронической и прогрессирующей болезнью, которая называется: отсутствием кворума. Кворум, несмотря на его незначительность ($\frac{1}{3}$ общего числа депутатов), собирается со все большими усилиями. Вопрос о манкирующих депутатах и мерах борьбы с этим явлением все чаще обсуждается на заседаниях Совета. Принимается ряд резолюций и мер, направленных к увеличению посещаемости Совета, но они пока не помогают. Отсутствие живого и нужного дела, заменяемого потоками безрезультатного красноречия, бесконечными выборами, довыборами и перевыборами во всевозможные комиссии и комитеты гонит из Совета даже находящиеся пока под влиянием меньшевиков члены его.

Все растущее число заседаний или об'является не состоявшимися, или за отсутствием кворума, превращается в совещание членов Совета. Совет Р. Д. постепенно лишался своего значения и авторитета и сводился к канцелярии, да и то плохо налаженной и функционирующей.

Происшедшие в июле выборы в Городскую Думу, давшие большинство меньшевикам и эс-эрам, еще более уронили роль и значение Совета Р. Д., ибо меньшевистские заправила Совета, верные своей «демократичности», с большой охотой отодвигали Совет, как орган, выбранный только частью населения, на второй план по сравнению с думой, представлявшей всю ярославскую «демократию». И поэтому, когда большевики в начале августа предложили переизбрать Совет, меньшевики, хотя и опасавшиеся потерять свое большинство, ничего не могли возразить против этого предложения, которое и было принято. Но приняв

постановление о перевыборах Совета, они тем не менее употребили все усилия для того, чтобы затормозить его проведение в жизнь. И новый Совет смог собраться только 16 октября.

Характерно отметить, что Совет Солдатских Депутатов, находившийся в подавляющем большинстве под непрерывным влиянием большевиков, такого кризиса не переживал. Наоборот, многие документы доказывают, что, по мере падения влияния и значения в местной жизни Совета Р. Д., влияние Сов. Солд. Деп. возрастало. Не было падения и в его работоспособности. Это вело к тому, что руководители Советов Р. Д., опасавшиеся большевистского засилья из Совета С. Д., повели курс на размежевание обоих Советов, прежде слившихся и дружно работавших вместе. Совместные заседания обоих Советов, ранее представлявшие нормальное явление, становятся все реже и реже и, наконец, созываются в торжественных случаях. В июле таких заседаний было только два, в августе столько же.

А между тем, контр-революционные силы в Ярославле, как и во всей России, под шум меньшевистской бловни организовывались и начинали действовать. Еще в мае, в Ярославле антисемитская программа и контр-революционная пропаганда принимает очень заметные и угрожающие общественному порядку размеры. Черносотенные и царские элементы, притихшие и попрятавшиеся по углам в первые недели революции, начинают чувствовать себя увереннее, начинают и приступают к действию. Мягкая, чтобы не сказать больше, по отношению к ним политика правительства в общероссийском масштабе и Ярославского губернского комитета в масштабе губернии, выразившаяся в освобождении полицейских, жандармов и провокаторов, и даже в частичном приеме их на службу «революционной» власти, придает им смелость, еще усиливаемую нерешительностью и растущим бессилием Совета. Рост продовольственных затруднений, которого ни в какой степени не остановили маниловские мероприятия правительства, обесценение денег, тяжело ложившееся на массы, и вообще нарастание в стране недовольства и возмущения политикой Керенщины, не удовлетворявшей ни пролетариев, ни крестьян, ни буржуазию, создавали превосходную обстановку для их агитации на тему о «продаже», «жидовском засилье» и прелестях царизма. Гнусная клеветническая и демогагическая кампания правительства и «революционной демократии» против большевиков и «псевдонимов» давала им готовые образцы и приемы кампаний против революции, а народная темнота и предрассудки были питательной средой для нее.

С начала мая в Совете неоднократно говорилось о появлении и усиления в городе и губернии контр-революционной и антисемитской агитации и безнаказанности ее организаторов, связанных с поповскими кругами и полицейскими деятелями старого режима. В конце мая темная толпа, соответствующим образом обработанная, растерзала в Ростове шесть граждан, обвиняемых в так называемом святотатстве. Несколько ранее,

в самом Ярославле кучка офицеров 618 полка устраивает гнусное издевательство над 74 евреями солдатами полка.

В первом случае все последствия свелись к принятию губ. комитетом резолюции, вызвавшей к сознательности населения, и постановлением об оказании помощи семьям убитых. Во втором—Совет принял 6 июня резолюцию:»

«Сознавая, что гнусное издевательство кучки офицеров 618 полка над 74 солдатами-евреями, как всякое проявление антисемитизма, является актом контр-революционным, Совет требует немедленного строгого расследования и предания виновных офицеров суду».

Но ни того, ни другого не было сделано. На заседании Совета от 5 августа опять рассматривается вопрос о многочисленных «экспессах и агитации темных сил», но никакого решения не принимается и вопрос переносится на следующее заседание. Тем временем, 16 августа в Ярославле происходят крупные уличные волнения погромного характера, вынуждающие Совет почти все заседание 17 августа посвятить вопросу о борьбе с организующейся контр-революцией. Почти все, выступившие в прениях, считали несомненным наличие в Ярославле контр-революционного центра, более или менее планомерно организующего погромное движение и руководящего им.

Точно также некоторыми членами Совета отмечалась ненадежность в политическом отношении милиции, находившейся в распоряжении Губ. Комитета. От имени фракции большевиков было предложено немедленно приступить к созданию под руководством Совета рабочей красной гвардии, к чему большевики призывали с первых дней революции. Но такой путь защиты революции и интересов рабочего класса был, конечно, совершенно неприемлем для меньшевиков, ибо вооруженные рабочие внушали им не меньший страх, чем погромщики. Даже здесь некоторые из них пробовали отделаться обычной декламацией о необходимости воззвания к демократии, к гражданскому долгу и сознательности ее, о сплочении демократических элементов, культурной работе и т. д., и не забывали использовать положение для того, чтобы лягнуть большевиков ссылками на «безответственные крайние элементы, сеющие смуту в стране». Но даже для меньшевиков было ясно, что болтовней улучшить положения нельзя. Необходимо было прибегнуть к реальной силе справа или слева. Они ориентировались направо и принимали предложение Дюшена, сменившего к тому времени Черносвитова на посту губернского комиссара, о наделении его полномочиями для борьбы с контр-революционными волнениями и поручили ему сформировать для этого специальный «караул общественной безопасности» из подобранных им людей.

Вскоре произошел корниловский мятеж, а с ним и генеральная попытка яросл. контр-революции овладеть положением в обще-городском масштабе. На некоторое время меньшевики во всей России вынуждены были под угрозой полной изоляции от рабочих масс, на известный период качнуться влево. Это имело место и в Ярославле. 8 сентября на заседании Совета Р. Д.

один из лидеров местных меньшевиков, Равич, сделал доклад о текущем моменте в связи с корниловщиной. В этом докладе имеются уже небывалые для меньшевика положения о том, что коалиция с буржуазией изжила себя и более недопустима, что буржуазия стала контр-революционным классом и т. д., но старый демократический психоз остался в полной мере, и поэтому внесенное тов. Будкиным от фракции большевиков предложение о переходе власти к Советам и о посылке на демократическое совещание с соответствующим требованием делегации непосредственно от фабрик и гарнизонов, подвергается дружной атаке меньшевиков и отвергается. Советом принимается резолюция, устанавливающая, «что коалиция с ценовыми элементами исчерпана и не оправдала себя и что буржуазия в настоящее время стала на путь контр-революции; поэтому власть должна перейти в руки организованной демократии».

Но ярославские меньшевики, как и их коллеги по всей России, даже полевев, сильно ostали от еще дальше и быстрее левевших рабочих и солдатских масс. Под давлением этих масс 11 сентября было созвано соединенное заседание обоих Советов, посвященное опять оценке положения и выводам из нее. На этот раз доклад делал другой меньшевик-Шлейфер и делал в более левых тонах. Он уже говорил о полном дезертирстве буржуазии и предательстве ею революции, о необходимости резкого разрыва с нею, говорил, что русская буржуазия всегда была антидемократической силой и т. д. Но удержать за собой руководство им на этом заседании уже не удалось, даже многие из шедших за ними членов Совета голосовали не за меньшевистскую резолюцию, а за резолюцию, внесенную от имени большевиков Закгеймом, которая и была принята собранием. Эта резолюция, которая, все же, очевидно уступая неподготовленной массе, обходила вопрос о передаче власти Советам или-вернее не ставила его прямо, говорила следующее: «Принимая во внимание 1) что созываемый с'езд (демократическое совещание) ставит себе целью разрешение не прекращающегося кризиса власти, особенно обострившегося корниловским выступлением, поддержанным всеми буржуазными партиями, 2) что кризис власти питается не столько одной контр-революционной буржуазией, сколько участием буржуазных партий в правительстве, что дает им возможность использовать аппарат государственной власти в своих контр-революционных целях вплоть до вооруженного мятежа, 3) что с'езд по своему составу и норме представительства, где революционная демократия представлена только своими верхами, да еще совместно с представителями политически неорганизованной промежуточной мелкой буржуазии, Ярославской Совет Р. и С. Д., посылая своих представителей на демократическое совещание, находит необходимым отстаивать через них то, что единственно возможной ликвидацией безпрерывных кризисов является окончательный разрыв с политикой соглашения и примирения с буржуазией и образование сильной и единой власти рабочих, солдат и крестьян, в основу деятельности которой

должно быть положено: а) немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира, б) немедленная отмена частной собственности на землю без выкупа и передача ее в заведывание крестьянских комитетов, г) рабочий контроль над производством и распределением, д) беспощадное обложение крупных капиталов и конфискация военной прибыли. В качестве немедленных мер требуем: 1) ареста временного комитета Государственной Думы, 2) реорганизации командного состава и штаба армии на демократических началах, 3) отмены смертной казни, 4) немедленного освобождения всех социалистов-интернационалистов». Эта резолюция была в то же время наказом для избранных Советом делегатов на съезд. Таковыми были избраны: от большевиков — Доброхотов, и от меньшевиков — Шлейфер.

Но эта революционная вспышка была последним более или менее сильным проявлением жизни Ярославского Совета Раб. Деп. первого созыва. Вслед за тем он при энергичном содействии меньшевиков замер совершенно до конца дней своих, который формально наступил в середине октября, когда был созван Совет второго созыва. Вся почти деятельность этого второго Совета принадлежала уже к другой исторической эпохе, — к эпохе осуществленной диктатуры пролетариата.

Выше мы говорили и показывали нарастание контр-революционных сил и действий собственнических классов, достигшее своего апогея в дни корниловского мятежа, но такой же только противоположный по направлению процесс шел и развивался в рабочем классе. И тот и другой процесс были процессами общероссийского масштаба. Явственно проходили они и в Ярославле. Все попытки меньшевиков к сохранению гражданского мира между рабочим классом и бржуазией за счет интересов рабочего класса, конечно, вдребезги разбивались объективным характером развития классовой борьбы, сбросившей полицейские оковы царизма. Непримируемое противоречие экономических интересов обоих этих классов было основой этой борьбы. Уже в первом месяце революции начинаются и увеличиваются в числе столкновения между предпринимателями и рабочими на почве введения восьми часового рабочего дня, увеличения зарплаты и улучшения условий труда. Новая политическая роль рабочего класса увеличивает число поводов для таких столкновений, ибо предприниматели часто отказываются держать на своих предприятиях и оплачивать рабочих, избранных в Совет и вынужденных часть своего времени уделять работе в последнем. Совет в этом отношении с самого начала занял позицию необходимости достижения в каждом таком столкновении мирного соглашения, путем переговоров между обоими сторонами. Принимая 14 марта резолюцию о введении 8-ми часового рабочего дня, он эту меру считает необходимым провести путем соглашения с предпринимателями, всемерно избегая забастовок. В тех же целях мирного разрешения конфликтов Совет 23 марта принимает постановление об организации в Ярославле центральной примирительной камеры на паритетных началах из представителей Совета и

предпринимателей. Но это мало помогает, и уже на следующем заседании Совету приходится обсуждать заявления рабочих и работниц двух предприятий о намерении их хозяев в ближайшие дни закрыть свои предприятия. Совет обращается к обоим предприятиям и к обществу фабрикантов и заводчиков с протестом против закрытия предприятий, причем этот протест, главным образом, обосновывается тем, что оба предприятия работают на оборону, но, судя по дальнейшему, этот протест не был достаточно авторитетен для предпринимателей. В заседании 4 апреля Совет заслушивает уже заявления рабочих четырех предприятий, из коих в трех указывается на саботаж хозяев в деле заготовки сырья для производства, очевидно с целью иметь предлог для закрытия предприятий, а в четвертом рабочие Большой Мануфактуры от Совета требуют принятия решительных мер для борьбы с ростом дороговизны. Все эти заявления передаются Советом на рассмотрение Исполнительного Комитета, который предложил избрать комиссию для обследования предприятий, работающих на оборону, что и было принято Советом, но обследование, если и было произведено, то, судя по дальнейшим протоколам Совета, никаких результатов не дало. Весьма неблагоприятно обстояло дело и с проведением в жизнь постановления Совета о введении 8-ми часового рабочего дня, ибо на заседании Совета от 13 мая этот вопрос рассматривается вторично и Совет принимает следующую резолюцию: «Рабочий класс достигает своих завоеваний как в общем, так и в завоевании 8-ми часового рабочего дня, только организованным путем, поэтому Ярославский Совет Р. Д.: а) призывает рабочих организоваться в профессиональные союзы и вступить во все рабочие организации; б) путем организованных выступлений оказать давление через Петроградский Совет Р. Д. на государственную власть в целях издания декрета о 8-ми часовом рабочем дне; в) призывает рабочих принять самое деятельное участие в выборах в муниципальные органы, могущие регулировать на местах рабочее время и условия труда; г) призывает рабочих добиваться организации фабричной инспекции на демократических началах; д) в виде временной меры постановляет избрать комиссию по обследованию условий труда на всех заводах и предприятиях». Нужно добавить, что комиссия эта никакой деятельности не проявила.

В конце мая Совет заслушивает доклад о закрытии заводчиком Смоляковым своего завода. При этом выяснилось, как и следовало быть, — что все постановления и мероприятия примирительной камеры оставались для предпринимателей пустым звуком и представители их, несмотря на многочисленные приглашения, в большинстве случаев не считали нужным принимать участие в ее работах. После обсуждения Совет принял резолюцию: «Запросить общество заводчиков и фабрикантов — считается ли оно с постановлениями губернской примирительной камеры; запретить Смолякову вывозить все изготавливаемые и сырые материалы и поручить следить за этим заводскому комитету впредь до окончания и улажения конфликта с рабочими».

Тем не менее вслед за этим постановлением Смоляков свой завод закрыл, выбросив рабочих на улицу, не смотря на заключение технической комиссии Совета с участием специалистов, что завод имеет полную возможность продолжать работу. Это было слишком наглым вызовом Совету и рабочим, и Совет на заседании 15 июня постановил завод реквизировать с уплатой Смолякову арендной платы, установленной технической комиссией, и передать для продолжения работы союзу кредитных товариществ. Но рабочие, очевидно, уже потеряли веру в деятельность примирительной камеры и начали самостоятельную борьбу с предпринимателями путем забастовок. На том же заседании Совета рассматривался вопрос о забастовке, начавшейся помимо Совета на заводе Жакова. С этого момента в Ярославле начинается забастовочное движение проходящее, как общее правило, без санкции Совета и его примирительной камеры; в ближайшее время Совет постановляет примирительную камеру ликвидировать, передав ее функции профсоюзам.

Вскоре после забастовки на заводе Жакова, рабочие завода Нобеля вывозят на тачках заведывающего и некоторых других лиц из администрации завода. Совет, узнав об этом, посылает для улажения конфликта трех своих представителей меньшевиков и выносит резолюцию, порицающую «всякие насильственные действия; откуда бы они ни исходили». Понятно, что такое «толстовство» могло лишь еще более охладить надежды рабочих на действительное содействие меньшевистского Совета в их борьбе с капиталом. В конце июля и начале августа происходят непродолжительные забастовки на Большой Мануфактуре и в железнодорожных мастерских, вызванные главным образом возмущением рабочих ростом продовольственного кризиса и непринятием решительных мер к его разрешению.

19 августа началась забастовка Ярославского железнодорожного узла, вызванная чрезвычайно тяжелым материальным положением железнодорожников и отказом правительства удовлетворить их требования. Совет принимает по поводу этой забастовки типично-меньшевистскую резолюцию: «признавая требования железнодорожников вполне законными и подлежащим по возможности немедленному удовлетворению, Совет считает тем не менее при настоящих общих условиях страны железнодорожную забастовку абсолютно недопустимой ввиду огромного вреда, который эта забастовка может принести революции». В то же время вспыхивает экономическая забастовка рабочих механического цеха Большой Мануфактуры, которая привела к остановке всей фабрики, ибо в механическом цехе были сосредоточены все двигатели, водопровод и освещение фабрики. Пользуясь этим обстоятельством, меньшевистский комитет фабрики при поддержке Совета повел кампанию против бастующих, обвиняя их в выступлении против интересов всех остальных рабочих фабрики и натравляя на них рабочих. Благодаря этому забастовка была вскоре сорвана.

Борьба за власть Советов в г. Ярославле до Октябрьского переворота.

(Личные воспоминания).

I.

Началом массовой открытой борьбы за власть Советов (в полном смысле слова) в Ярославле нужно считать демонстрацию 18 июня 1917 г. Устройство ее носило официальный характер, т. е. признавалось меньшевистским Советом. Но было ясно для каждого, немного разбиравшегося в событиях, что демонстрация созвана под давлением левой части рабочих и солдат, т. е. партии с.-д. (б-ов). «Свободолюбивые» м-ки и с.-ры не могли противостоять революционной части Совета, и именем последнего об'явили (по указанию Центра) свободу лозунгов. Рабочие и солдаты определенно выставили лозунги борьбы с буржуазией, управлявшей через своих министров: «Долой десять министров-капиталистов», «Вся власть Советам».

Массы чувствовали всю пагубность политики м-ов и с.-р. Они прекрасно видели, что при существующем порядке не будет мира.

М-ки и с.-р. в этой демонстрации почти не принимали участия, некоторые из них шли за лозунгами б-ов. Их ряды были жидки, лозунги так же нерешительны, как и сами м-ки. Официальные ораторы, представители Совета, говорили принужденно, чувствовалось, что наши, связующие разнопартийные группы оборвались. Перед сознательными рабочими и крестьянами определенно встал вопрос—или революция, или контр-революция.

Демонстрация 18 июня показала, что считавшееся абсолютным влияние м-ов и с.-р. на массы пошатнулось. Особенно резко это наблюдалось в войсковых частях, где м-ки не имели почти никакого влияния, а с. р. свое положение там считали прочным. Демонстрация с очевидностью выявила решение м-ов не уступать добровольно своих позиций.

Нельзя не отметить участие в шествии 209-го полка, сильного революционностью, как в февральские, так и в октябрьские дни.

18-го июня, около полудня, на опушке Леонтьевского кладбища был устроен грандиозный митинг. После митинга солдаты, как один человек, начали готовиться к демонстрации: кто нес знамена, кто собирал солдат своей части и строил ряды, музыканты тащили инструменты, полковой и ротные комитеты отдавали распоряжения и наблюдали за порядком. Несколько человек, причислявших себя к партии с.-р., заявили, что они пойдут тоже под знаменем б-ов. Итти решено без

оружия. Полк выстроился шеренгами, во главе с представителем полкового комитета т. Грозовым и направился к помещению офицерского собрания для приглашения командного состава. Им было предложено оружие снять. Полк перестроился и под звуки марсельезы двинулся по Рождественке к Ильинской площади.

Против Николо-Мокринских казарм, на углу Рождественской и Любимской улиц его ожидали солдаты 210 полка. При встрече, как и полагается, раздались крики «ура», загремела музыка.

В начале революции, в 210-м полку с. р. имели некоторое влияние. Они считали его своей пидателью. Командный состав там был более реакционен, чем в 209 полку. Благодаря злобозням с.-р. и командного состава, солдаты оказались без знамен с лозунгами дня, имея лишь плакаты эсеровского содержания. Просят 209 полк принять их под свои знамена. Им предлагается строиться сзади. Но солдатам не хочется идти вдали от знамен; наконец, строясь, проклиная офицеров, поставивших их в неловкое положение.

На Ильинскую площадь (ныне Советскую) процессии стекались отовсюду: войсковые части со своими оркестрами, издававшими не звуки, а удары грома, призывы к борьбе. И когда при встрече идущих со всех сторон раздалось сливавшееся с оркестрами мощное ура,—казалось грозный подземный гул, силы природы, великие, гигантские силы приветствуют восставший народ. Красные знамена,—протесты против политики буржуазии и соглашательства колыхались над толпой.

Массы показали свою мощь, готовность выдержать решительный бой с буржуазией. Соглашатели не могли учесть происходившего. Они вообразили, что творцами переворотов являются не массы, а они «водители» и все совершается по заранее начертанному ими плану. Все же иначе мыслящие были ренегатами революции. Меньшевики публично объясняли недовольство трудящихся революцией нашей агитацией. В пример ставились первые дни Февральской революции, когда все были настроены радостно: и рабочие, и солдаты, и крестьяне, и купцы, и фабриканты, и генералы. «Все друг друга целовали» (выражение одного из м-ков). А теперь?! ставили они вопрос. И обвиняли во всех бедах нас.

II.

После 18-го июля началась внутренняя работа партий: подготовка боевых сил. Особенно в этом успевали м-ки. Их члены, вернувшись, обвешанными роскошью министерств, со Всероссийского Съезда Советов—привезли определенные директивы.

Характерная перемена произошла с Савиновым. До избрания на Всероссийский Съезд он считал себя противником оппортунизма. После же поездки в Москву вернулся ярким защитником политики м-ков, а потом докатился и до белогвардейского штаба, утверждали, что на его мягкую натуру так повлиял маг и волшебник Равич.

19 мая произошел раскол между м-ками и б-ками; в этот день положено начало Ярославской организации Р. С.-Д. Р. П. (б-ов).

М-ки и с.-р., приехавшие со Всероссийского Съезда Советов, ведут усиленную агитацию против партии б-ов и отдельных ее членов, пуская в ход все средства и сгущая краски. Видно, что после июньских событий в Питере, они были разосланы в провинцию с соответствующими директивами. Все активные силы их направляются на фабрики, заводы, в жел.-дор. мастерские и депо, разнося провокацию о творимых «ужасах» в Питере б-ками, которые де засвидетельствованы самими членами совета, а последние, конечно, превозносили меньшевистский ум и порицали действия «германских агентов». Ко всему сказанному прибавлялось, что и здесь, де, в Ярославле «шпионы» хотят устроить побоище, а посему, на демонстрации ходить не следует, слушать нехорошие речи тоже, в проходах нужно поставить стражу для большей безопасности. Такие разговоры велись от имени 1-го Всероссийского Съезда Советов.

Пишущий эти строки сам проходил через строй патристической меньшевистско - эсеровской стражи 6 или 7 июня (хорошо не помню) в жел. дор. мастерских; пред'является обвинение в нарушении постановления общего собрания: я де, без согласия рабочего комитета и обманным путем провел в мастерские двух большевиков—Короткова и одного тов. солдата (фамилии его не помню) и еще человек 10 или 25. Последние, будто бы, мною были проведены с другой стороны, через материальный склад. В данном случае удивительно контактная работа наладилась м-ов и с.-р. с контр-революционными элементами, в лице служащих, гл. к-ры, перешедших на жел. дорогу из черносотенных губерн. и городских учреждений, во время войны с шкурнической целью. Эти лица с злорадством говорили о мифических б-ках среди других служащих и до того стали развязны, что пророчили, в недалеком будущем большевистским спинам казацкую нагайку. При этих словах они облизились как после сладкой конфетки. Об этих случаях я остановлюсь несколько подробнее. Числа 6 или 7 июля я шел на занятия в главную контору мастерских. Против столовой встречаю Савинова. Останавливаю и прошу рассказать беспристрастно о событиях в Питере, так как буржуазные газеты раздувают агитацию против большевиков чисто погромного характера, указав на неактичность и меньшевистской жел.-дор. организации, допущенную на одном из собраний в столовой. Дело заключалось в том, что на беспартийном собрании ими была прочитана погромная статья против большевиков из Русского Слова, принятая за официальное сообщение, посему была послана телеграмма соответствующего характера.

Я предложил Савинову, как честному человеку, пользующемуся влиянием на рабочих, раз'яснить последним ложь статьи.

Савинов отделался общими фразами и не нашел большого греха в совершенном, обвиняя во всем большевиков. Сделал мне замечание, что, я якобы, по малодушию сложил полномочия представителя в Совете Р. и С. Д. Затем наговорил ужасы про Питер, похвастал о том, что в

мастерских уже произведены перевыборы в Совет и поставлена везде стража из рабочих, чтобы не допускать никаких агитаторов без мандатов Совета.

Действительно, проходя через двор, у будки я был остановлен Чуркиным (как припоминаю, теперь он комиссар Сев. ж.-д.), который спросил, что я несу. Я нес пачку литературы, завернутую в бумагу, но сказал, что несу себе обед. Получив враждебный взгляд, я был отпущен.

В этот же день, после окончания работ, должно было состояться общее собрание всех служащих, мастеровых и рабочих для утверждения намеченных (но не выбранных, как утром заявил м-в Савинов) кандидатов в Совет раб. деп. (м-ки все время старались отделиться от Совета Солдатских Депутатов). О собрании лично я узнал к концу дня, а о цели собрания—на самом собрании. В этот же день Ярославской организацией большевиков предполагалось созвать рабочих мастерских, на котором считалось необходимым выяснить действительное положение вещей, указать на ложь и клевету буржуазии по отношению к нам. На это собрание решили делегировать тов. Короткова. Созвать рабочих было очень трудно в виду меньшевистских предосторожностей, но все же я предложил тов. Короткову придти ко мне перед окончанием работ, и я его постараюсь провести. Предполагаемое собрание рабочих вывело нас из тупика. Оно уже началось, но тов. Короткова все нет. Я метался из стороны в сторону, наконец, Коротков явился, с одним тов. солдатом беспартийным, членом Совета Солдатских Депутатов (фамилии не припоминаю).

В проходной будке в то время никого не было, и мы никем не остановленные (верная меньшевистско-эсеровская стража проспала), пришли на собрание в сборный цех (на канаву). Председательствовал Карабаев. Шло голосование поднятием рук (выборы членов Совета).

Голоса не подсчитывались, вообще была видна скоропалительность. Просим председателя, по окончании выборов, предоставить слово тов. Короткову, последовал категорический отказ, несмотря на наши доводы. Предлагаем поставить перед собранием наше заявление, но и это не принимается. Председатель, закрывая собрание, сказал; «Если хотите, то говорите» и сам ушел. У трибуны остались мы трое. Меншевистско-эсеровская и черносотенная братия, противодействуя нам, подняла крик, шум, свист, шиканье, некоторые направились к выходу. Часть рабочих (около $\frac{1}{3}$) осталась. Тогда хулиганы вернулись и начали грозить насильем, если мы не уйдем. Один кузнец инстр. цеха Кучумов, направляясь ко мне, кричал, что он разорвет меня и сбросит в канаву. Обращаясь к нему, указываю на его озверелость. Кучумов останавливается, но все же не перестает кричать и ругаться. Не прекращавшийся скандал со стороны части рабочих заставил нас покинуть собрание, т. к. говорить было невозможно.

Из мастерских нас проводили с триумфом. Большая толпа рабо-

чих, из которых в последующем были дельные коммунары, окружили нас кольцом и шли с нами до костромского моста, и некоторые до трамвая. Вопросы сыпались как из рога изобилия, возмущение против части рабочих, устроившей скандал, было общим, затем все остались довольными т. Коротковым.

8-го июля созывается Совет рабочих и солдатских депутатов. Это собрание было одно из самых бурных собраний Ярославского Совета. Ставим вопрос об устройстве демонстрации, предлагая решить вопрос принципиально. М-ки и с.-р. против демонстрации вообще. Несколько раз делаются перерывы, совещания фракции. Во время одного из перерывов, когда шло заседание фракции большевиков, меньшев. и с.-ры собрались, открыли собрание и в отсутствие большевиков постановили демонстрации не устраивать, а затем трусили и закрыли собрание. Солдаты, узнав об этом (они, за ничтожным исключением, все шли за большевиками;), страшно возмущались и в тот же день созвали Совет Солдатских Депутатов, на котором было решено, без санкции Совета Р. и С. Д. демонстрации не устраивать. Всякое сепаратное выступление, как могущее внести раскол и дезорганизацию в революционные ряды рабочих и солдат и могущее дать орудие контр-революции, не допускается и порицается.

Тут же было решено поехать, немедленно, по частям войск, об'яснить последним создавшееся положение, агитировать против сепаратных демонстраций.

Собрание закрылось в 8 час. утра 9-го июля.

Фракцией б-ов руководил т. Коротков. Его строго обдуманые, решительные действия приводили в порядок разгоряченные головы т.т., вносили стройность и планомерность в действия членов фракции. Не даром комиссионер американского капитала Равич все стрелы направлял против т. Короткова. Клевету, ложь несли эти стрелы. По его злокозным наш лидер, временно, должен был отойти от советской работы. В последующем т. Короткова оправдали при стыдливом сознании самих меньшевиков; им было важно каким-либо путем лишить активной работы тов. Короткова и выжить из Ярославля, что для Ярославской организации было равносильно смерти. М-ки и с.-р. так и думали, но вышло наоборот. Солдат очень раздражали демагогические выступления Равича, бросаемые им оскорбительные и провокационные слова по адресу некоторых наших товарищей фактически были направлены по адресу солдат.

М-ки и с.-р. организовали Комитет Охраны (точное название не помню) с начальником гарнизона во главе. Не только открытое массовое выступление, но открытое порицание действий, критика Вр. правительства не допускалась. Приходилось очень искусно действовать, публично и энергично — внутри совета через немногих оставшихся в нем наших партийцев. Однажды один из членов партии с.-р., некто Глянка, распустил слух об аресте тов. Короткова. Пробный шар провокации не удался: фракция сделала энергичное выступление в Совете и распро-

странение лжи прекратилось. Но кто мог своевременно разгадать все хитросплетения м-ов и с.-р. как только не тов. Коротков. Благодаря его проницательности, мы избегли многих ошибок. Если придется писать историю Ярославской организации большевиков, то ее нужно начинать историей т. Короткова и только тогда можно знать действия организации. Т. Коротков для ярославской организации до Октябрьского перехода, все равно, что т. Ленин для всей партии.

После июльских дней всякая надежда на совместную революционную деятельность б-ков с одной стороны, м-ков и с.-р.—с другой, исчезла. Июльские дни с внешней стороны являются как бы поражением б-ов и победой контр-революции, к которой официально применили и м-ки и с.-р., но крупной победой б-ов на внутреннем пролетарском фронте; отсталые слои рабочего класса, идя на поводу у м-ов и с.-р., на жизненном опыте все более убеждались, куда приведет политика их вождей. Июльские дни для рабочих были экзаменом на их сознательность, подготовительной школой революции для более решительных боев в последующем. Если демонстрация 18 июня в глазах широких рабочих масс обнаружила внутренний надлом-трещину в революционном здании (между м-ками и с. р. с одной стороны и б-ками с другой), то июльские дни показали во всю ширь трещину и с наружной стороны, правильнее—уже образовалась целая пропасть. Для рабочих масс стало ясно, что эту пропасть ничем не засыплешь и никакие подпорки революционного здания от разрыва не удержат. Перед рабочими, не посвященными в действительное положение вещей, встала мучительная задача:—определить здоровую половину здания.

В меньшевистско-эссеровской половине они ни видели проку; не было под ней фундамента, но она была больше размером и имела больше разнородного материала. Но эта разнородность делала ее устойчивой против урагана революции. Другая половина здания большевистская стояла твердо и угрюмо. При входе в нее не было жидких слов,—все дышало борьбой, самоотверженностью за идеалы будущего. С ее верхушки был виден старый мир, с его пороками и лестью. Если вожди м-ов и с. р. рассчитывали на некоторую помощь со стороны красивого с внешнего вида здания буржуазии: упереть один конец подпорок в его стену или, при неудаче, перейти в переднюю,—то низы рабочего класса думали иначе; или идти на верную смерть, или отдаться в рабство буржуазии (под командой своих вождей). Таков, примерно, мучительный вопрос стоял перед частью (и надо сказать большей частью) рабочего класса Ярославля.

Более сознательные из этой части начинают завязывать более тесное общение с большевиками. Не порывая официально с своей партией, они высказывают желание познакомиться со взглядами большевиков. Например, т. Чуркин, останавливавший меня у проходной будки в горячие Июльские дни, после, неоднократно выражал желание поговорить где-нибудь наедине. Чуркин впоследствии оказался одним из лучших

партийных товарищей, долгое время руководил партийной жизнью 3-го Закопторостльного района, занимал пост комиссара Ярославского района и в настоящее время занимает пост комиссара сев. жел. дорог.

III.

Получив в Июльские дни, посредством гнусной лжи и провокации, громадное большинство в рабочей группе Совета и посредством той же лжи и провокации устранив из Совета более активных вождей авангарда рабочего класса, м-ки и с-р. почувствовали себя хозяевами положения (особенно в рабочей группе) и резко повернули руль в свою сторону, к заветной цели—к низведению революционного органа на степень совещательного придатка, к Городской Думе. Препятствием этому являлась солдатская группа. В ней было сильно течение с.-р. (защитники иллюзии крестьян), но значительная численностью и своим влиянием была группа б-ков, к ним примыкали и беспартийные. Поэтому, на благоприятное разрешение вопросов, совместно с советом солдатских депутатов, рассчитывать было нельзя. Под видом выдвижения особых интересов, у рабочих, ничего общего не имеющих с солдатами, м-ки и с.-р. повели среди рабочих политику отделения совета рабочих от совета солдатских депутатов, что им и удалось отчасти достигнуть. Последующая тактика их шла, именно, в этом направлении. Общие собрания Совета Раб. и Сол. депутатов стали редки, а в августе и сентябре еще реже, или почти не собирались. Революционный орган превратили в справочную канцелярию, открывавшуюся для мелких справок на 3-4 часа в сутки, а иногда и того меньше. Руководителей Совета—членов Исполкома и Президиума—найти было очень трудно. Совет рабочих депутатов начал умирать естественной смертью (со времени действия последней «социалистической» Городской Думы деятельность совета раб. депутатов совершенно замерла). Со дня на день ожидали его кончины на радость буржуазии и ее прислужников. На страже революции стоял лишь совет сол. депутатов. Он еще разгонял уныние в доме, где лежал больной, смерти которого ждали. М-ки, как прямые наследники умирающего, собирались у его постели и вели разговоры, какие подобает вести в ожидании смерти члена семьи, оставляющего богатое состояние. Обстановка комнаты и находившиеся в ней предметы удивительно гармонировали предсмертному часу: темные стены, тусклый свет, отсутствие лишних предметов. На скамейке: лежал Сережников,—«Что такое учредительное собрание.» С-р., как несовершеннолетние подростки, были удалены подальше от умирающего в низ. У них, как у несовершеннолетних, обстановка не совсем гармонировала с переживаемым моментом в доме. Повсюду лежали: Потребительская и трудовая норма, которые дадут счастье и кулаку, и бедному крестьянину, и интеллигенту, и рабочему, согнув в бараний рог фабриканта—сочинение Минора, Чернова и проч. Вообще эсерам, как несовершеннолетним, прощалось многое.

При возникновении каких-либо беспорядков, или эксцессов в городе,

все обращались за помощью к совету сол. депутатов. Один раз мне пришлось присутствовать при разговоре по телефону предисполкома совета сол. депутатов с пассажирской пристанью, где произошли недоразумения между администрацией и грузчиками. На пристань просили прислать представителя сов. сол. депутатов. После окончания разговора я спросил предисполкома: «Почему они обращаются к вам, а не в Совет Раб. депутатов, который ближе стоит к городской жизни и кровно заинтересован в нормальных условиях для рабочих». Он мне ответил, что в Сов. Р. Д. никого никогда не найдешь и об их помощи уже оставили всякую мысль, все обращаются к нам и нас рвут на части.

Вот доказательство меньшевистско-эсеровской «революционной» тактики. «Вожди» не хотят революции и революция остановилась,—так думали тупоумные мещане. Они не заметили, что волна революции прошла мимо их и затишье лишь предвещало новую, более сильную грозу. Если они запрудили ручей в одном месте, то он пробился в другом и смыл их плотину.

IV.

Корниловский мятеж подтвердил правильность тактики нашей партии. Рабочие воочию убедились, увидев пропасть, к которой привели их м-ки и с.-р.; что спасение революции в нашей партии. Например, во время ж.-д. забастовки на передовые позиции выдвигаются в большинстве коммунисты. Когда в лице Дрябкина (быв. члена Р. С. Д. П. объединенной) был обнаружен сотрудник царской охраны и м-ки, с благословенья губ. комиссара Дюшена, решили выслать из пределов Ярославской губ., не выясняя степени его виновности,—мы запротестовали и потребовали от местного ж.-д. к-та на общем собрании служащих и рабочих глав. Ярослав. мастерских выяснения причин высылки без расследования подробностей и в чужое место, где его никто не знал. Как ни старались м-ки оправдать свои действия, но рабочие были на нашей стороне. Я помню, неподалеку от меня шла группа рабочих и один из них по вопросу о Дрябкине заявил: «ну, теперь взяли за дело большевики и так не опустят; давно бы так надо, а то нас, дураков, водили за нос и Дрябкин и м-ки и с.-р.». Б-ки для сознательных, хотя и не партийных рабочих, стали олицетворением, символом силы, энергии, мужества, решительности и стойкости, одним словом, всего, что мог выдвинуть рабочий класс на передовые позиции революционной борьбы за свои интересы. В рабочих массах, вместо апатии к борьбе, пробудилась активность, интерес к революционному органу—Совету Раб. и Сол. Депутатов. Началась агитация о переизбрании совета.

Под давлением рабочих, совет сам назначил перевыборы. Как относились м-ки к совету вообще и к перевыборам в частности, видно из следующего факта.

Кампания должна была начаться 16-го сентября и окончиться 1-го октября. М-ки, державшие в своих руках сов. орган, не только не

популяризировали перевыборы, но даже об'явление о перевыборах появилось в газете перед окончанием их, или даже после. Где в их руках были завкомы, выборы затягивались намеренно. И только, благодаря энергичному вмешательству б-ков и беспартийных, совет послал представителей на те фабрики и заводы, кои не присылали своих делегатов.

Совет раб. депутатов в новом составе собрался только 16 октября (или 15-го, хорошо не помню). На первом собрании выяснить окончательно состав его было нельзя, т. к. не на всех предприятиях закончились выборы. Все же было видно, что если м-ки и с.-р. вместе и будут иметь относительное большинство, то и фракция б-ков представляет большую силу, которая заставит м-ков и с.-р. изменить свою политику в совете или уйти со сцены и дать дорогу другим, более революционным слоям рабочего класса. Поэтому мы не считали таким большим успехом для м-ков избрание Шлейфера председателем Совета Раб. депутатов.

Политика м-ков и с.-р. осталась той же, что и в старом составе Совета, только в несколько замаскированном виде, ввиду изменившихся обстоятельств: ликвидация совета или сведение его до роли совещательного органа, недопустимость слияния с Советом сол. депутатов. Б-ки же, наоборот, из Совета создавали революционную организацию, стараясь укрепить ее мощь посредством тесной связи его членов с местами и настаивая на об'единении Советов.

Это об'единение, против желания м-ков и с.-р., после долгого перерыва, опять произошло. Правда, м-ки выговорили некоторую свободу действий в Совете Раб. депутатов: вопросы, касающиеся той или другой группы, обсуждаются отдельно и решаются самостоятельно каждой группой; на общем собрании ставятся вопросы только обще-политического характера. Они знали прекрасно, что в Совете Сол. Деп. б-ки найдут сильную поддержку. Знали так же, что прямым путем бороться им трудно и они стали запугивать рабочих кровавым призраком и т. п. Некоторые м-ки, в силу партийной дисциплины, хотя и голосовали за резолюции своей фракции, но проявляемая ими нерешительность в таких случаях свидетельствовала о появившихся сомнениях в их среде в правильности тактики вождей.

Внешне казалось, что совместная работа в Совете Раб. Деп. налаживается, в затруднительных случаях выходили из положения, посредством принятия компромиссных решений. Но было видно, что компромиссные решения есть не что иное как отсрочка решительной схватки. Надо сказать, что старались избегать ставить на повестку дня щекотливые вопросы, чтобы отодвинуть дальше решительный момент. Обе стороны, по правде сказать, не верили друг другу: м-ки и с.-р. не верили в то, что б-ки не нарушат их тихую жизнь революционной заразой, а б-ки не верили в то, что м-ки и с.-р. при удобном случае не продадут их. Наши дороги разошлись!

Такое положение продолжалось не долго. Приближался 2-й Всеросс. Съезд Советов Раб. и Сол. Деп., от него, или во время его ждали начала активных действий.

М-ки и с.-р., а в особенности—первые следили за каждым нашим шагом и были мелочно придирчивы, особенно в этом превзошел всех Шлейфер. Он не упускал ни одного случая поставить на вид, когда кто-нибудь из наших т.т. отсутствовал на заседании Исполкома или Президума Исполкома, тогда как из-за отсутствия своих членов затягивали открытые заседания на 2—3 часа. Эта затяжка часто служила причиной отсутствия того или иного тов. из нашей фракции.

Во время 2-го Всерос. Съезда более активные партийцы: Закгейм, Далужин, Доброхотов и Сафронов отсутствовали: были избраны делегатами на Всерос. Съезд; отсутствовал еще один тов., делегированный в это же время в Москву на какой-то областной Съезд. Фракция при отсутствии этих пяти тов. была почти обезглавлена. Наступали решительные и ответственные дни Сведений о действительном положении дел в Питере поступало мало: телефоны и телеграф были не в наших руках. Один раз удалось получить отрывочные сведения через Рыбинск.

В Ярославле произошел разгром винного склада. Солдаты 19-го понтонного б-на, не малую услугу оказавшие революции, перепились и разложились. Вполне трезвой и надежной была одна авто-рота. Другие полки, хотя и меньше, принимали участие в разгроме винного склада. Действовала какая-то темная рука контр-революции и администрации склада, заматавшей свои преступные шаги.

Числа 25-го, или 26-го октября ночью, около 2-х часов ночи (как мне передавали м-ки), м-ками и с с.-р. организуется, с начальником гарнизона во главе, к-т охраны города, которому предоставлялись широкие полномочия. В к-т, кроме нач. гарнизона вошли члены исполкомов—м-ки и с.-р.; большевики отсутствовали. На наш вопрос: почему обошли целую фракцию,—ответили, что к-т избран ночью, когда из фракции б-ков никого не было, а их квартир не могли найти, между тем, как квартиры м-ков и с.-р. нашли и включили некоторых лиц, отсутствовавших при решении этого вопроса. Кроме того, вечером, до избрания к-та, мы находились в помещении Совета почти до часу ночи.

Ясно, что нашу фракцию обошли с известной целью.

В день организации к-та, утром, по приходе на занятия, я ставлюсь в известность о существовании этого к-та и тут же от имени последнего заявляют о делегировании меня на телеграф для контроля телеграмм. на смену Глинке (с.-р.).

Во время дежурства произошел интересный случай. Ознакомившись от Глинки с обязанностями дежурного члена и узнав от служащих о порядке приема и отправки телеграмм, я сел на стул к столу старшего по смене. Завязались разговоры со служащими, сначала деловые, а потом и на политические темы. Инициатива разговора исходила с той и другой стороны. Некоторые из присутствовавших ругали б-ков Я ста-

рался показать вид нейтрального и беспристрастного человека, указывая иногда на те или другие обстоятельства, заставлявшие б-ков действовать так, а не иначе.

Через несколько часов явился монтер или рабочий, по красному лицу его можно было причислить к царской охране. Во время разговора, он, показав на меня пальцем, сказал: «Вот вам б-к, а находится здесь, нужно за ним смотреть, а он смотрит за другими». Я ответил, что я послан к-том охраны и выполняю свой долг так же, как всякий солдат на посту. Ругавшие ранее б-ков ступевались и некоторые стали спрашивать, почему б-ки поступают так-то и так-то. Откровенный разговор сблизил нас. Они удивлялись, так много говорят про б-ков, а между тем во мне видят порядочного человека.

На другой день, когда с другим дежурным вышло небольшое недо-разумение, выборные, придя в к-т охраны, говорили мне: с вами вот не было конфликтов, а с другими, хотя и не б-ками, получились недо-разумения.

М-ки и с.-р., избрав к-т охраны и передав ему полноту власти, не хотели (как я припоминаю) созывать общего собрания Советов Раб. и Сол. Деп., но фракция б-ков, ввиду важности момента, настаивала и настояла на его созыве.

Наконец, 27-го октября назначается собрание Советов Раб. и Сол. Деп. с представителями от фабрич.-завод., полков. и ротных к-тов, Губер. Бюро Совета Крестьянских Деп. На повестке дня вопрос о власти. Президиум собрания, исключительно, или в большинстве большевистский. Председательствовал, как я припоминаю, тов. Веньшау, пишущий эти строки секретарствовал. Официальными ораторами выступали от м-ков — Равич и Шлейфер, от с.-р. Жиркович и Мамырин, последний выступал так же и от Губ. Бюро Сов. Крест. Деп., от б-ков — тов. Будкин. Вопрос о власти стоял первым, дебаты затянулись далеко за полночь. М-ки возлагали надежды на учредительное собрание, сулили тысячи бед, если Советы возьмут власть в свои руки. Указывали на тяжелое продовольственное положение и на надвигающийся крах промышленности. Все это свалится, говорили они, на Советы, их будут считать виновниками несчастий, а если власть останется у буржуазии, она понесет и ответственность за разруху и т. д.

С.-р. Жиркович ничего не мог сказать серьезного, выливал ушатые грязи на б-ков, читая по записной книжке происшествия в разных городах и объясняя их действиями б-ков. Собрание прерывало его несколько раз и не дало, кажется, закончить всех излияний. Жиркович играл роль Замысловского, который когда-то читал наветы на евреев по поводу убийства мальчика Ющинского, так понимало его собрание и так, кажется, он представлял и свою роль. Другой с.-р. Мамырин (принимавший потом деятельное участие в Ярославском мятеже на стороне белых) тоже все пускал в ход и лгал невероятно, в чем мною был уличен, по окончании речи, когда сел рядом со мной. На мое замечание он ответил:

«я с вами больше не разговариваю». Подобные приемы, как мне после пришлось узнать, у Мамырина были довольно часты.

Б-ки предлагали передать власть Советам Раб., Сол. и Кр. Деп. Они указывали, что у пролетариата и беднейшего крестьянства есть два пути: взять власть в свои руки, отняв у буржуазии политическую власть и устроить жизнь на новых началах, или идти в кабалу помещику, кулаку и фабриканту. Вопрос этот мы должны разрешить теперь же, ибо дальнейшее болтание из стороны в сторону невозможно. Мы должны сказать: да или нет.

К концу собрания страсти разгорелись. Чувствовалось, настал решительный и ответственный момент, что в книге истории закончилась одна страница революционной эпохи, нужно перекинуть лист и открыть новую страницу, страницу, открывающуюся впервые человечеству, до сего времени ни кем не открывавшуюся. У всех замирало сердце перед этой новой страницей. На ней не было указано путей. Ранее, в большинстве случаев, мы их заимствовали из истории человечества, из опыта народов. Теперь же мы открывали страницу чистую и история требовала занесения на ней нашего творчества. Каждый участник собрания, что бы он не думал, куда бы не устремлял свой взор, чувствовал это.

«Серединники» (Вемберг) предлагали вопрос не ставить на голосование, т. е. де, никакое решение собрания в целом не удовлетворит составные его части и все это поведет к расколу Совета на две части, советовали подождать исхода дел в столице и тогда уже подчиняться тому или иному решению центра. Одним словом, предлагали закончить одну страницу истории сообща, а откроет другую комиссар из столицы.

Большинство высказывается за решение вопроса немедленно. После долгих прений происходит голосование. Во время его гаснет электричество (злые языки говорили, что это дело рук м-ков и с.-р.). Принесли лампы, но зало большое и в дали видно плохо. Подсчитали.

Рубикон перейден!

Большинство оказалось за власть Советов. М-ки и с.-р. протестуют, заявляя, что в зале темно и подсчет голосов производился неправильно. Решили проверить, пропуская голосующих в двери. Результат опять тот-же.

Новая страница истории открыта!

После объявления результатов голосования, от фракции м-ков Равич сваливает на головы б-ков все невзгоды, ответственность за усиливающийся голод и разруху. От имени всей фракции заявляет, что члены последней слагают с себя полномочия членов Совета. От имени с.-р. п Губ. Бюро Сов. Кр. Деп. аналогичное заявление делает Мамырин и обе фракции с криками, гиканьем, свистом удаляются из Дома Народа.

С такими же заявлениями выступали Федотов от Уездного Совета Кр. Деп., Никифоровский от группы левых эсеров (интернационалистов) и целый ряд других представителей.

Наконец, процедура кончилась! Время позднее. Часть беспартийных, голосовавших за власть Советов, тоже ушла. Нужно предпринять практические шаги. Председатель тов. Веньшау высказывается за компромисс с ушедшими фракциями.

Тов. Ворохов протестует против заявления тов. Веньшау, указывая, что последний полчаса назад голосовал за власть Советов, а теперь зовет на компромисс, это стыдно. «Я воздерживался от голосования, но предлагаю избрать Временный Исполнительный К-т».

Предложение тов. Ворохова принимается. Избирается Временный Исполнительный К-т из 10-ти человек, дается право кооптации. В К-т вошли т.т.: Будкин Петровичев, Оханкин, Коханский, Габелко, Гарновский, фамилии остальных четырех т.т. не помню. Собрание пожелало новому Исполкому плодотворной деятельности, обещало оказывать ему всемерную поддержку и разошлось в 6 часов утра.

Ф. ЧУРКИН.

У ярославских железнодорожников.

I.

Говорить рабочему классу о том, что белогвардейский мятеж в Ярославле 1918 года 6/21 июля дело рук меньшевиков и эс-ров, это значит ломиться в открытую дверь.

Их массовые, слащаво-обманчивые речи на митингах и собраниях затуманивали глаза еще не сознательных рабочих и под маскою социализма через посредство полковников Перхуровых, Савиных, Керенских и др. вели к определенной намеченной цели «учредительной четыреххвостке» и «батюшке царю». Не вдаваясь в оценку деятельности этих социал-предателей, что уже давным давно доказано всему пролетариату самою работою этих прислужников капитала, поделимся воспоминаниями, какие остались в памяти о работе этих господ в городе Ярославле 1918 г.

Во время Керенщины или, проще сказать, во время игры в «демократию» общим собранием мастеровых и рабочих Главных Ярославских мастерских в конце сентября месяца 1917 года, я был избран в так называемый в то время «Местный Комитет Мастерских», состоящий из 11 человек, представителей всех цехов, из числа которых было 3 большевика т. т. Тим, Шутов, Ст. Яблонский и К. Коробаов, остальные частью меньшевики, частью с.-р. и беспартийные.

День 26 октября 1917 года, когда была получена пресловутая телеграмма не менее пресловутого «Викжеля» (Всероссийский Исполни-

тельный Комитет железнодорожников), призывающая железнодорожников остаться нейтральными в этой кровавой схватке труда с капиталом, останется навсегда памятным днем моей жизни.

По получении этой телеграммы, немедленно собрался местный комитет в полном составе для выяснения того, какую занять позицию в настоящий момент мастерским.

На этом заседании комитета (председательствовал т. Коробаев) дебаты продолжались несколько часов, а рабочие и мастеровые ожидали, какое решение вынесет Местком.

Предложенная, наскоро составленная резолюция о переходе всей власти Советам голосовалась три раза, т. к. некоторыми из членов Комитета: Львовым-Даниловым (меньшевик), Петром Звонаревым (правее чем нар. социалист) и Жулевым Николаем (с. р.) вносились поправки, совершенно искажающие ясный смысл резолюции и в замаскированном виде подносилась учредилка.

В последний раз выходом в двери большинством за резолюцию, 14 против 3, резолюция была принята и тотчас же на общем собрании всех мастеровых и рабочих объявлена.

«*Вся власть Советам*», как один человек сказала рабочая масса, в числе более 1500 человек и тут же с собрания отправили делегацию в Ярославский Совет рабочих и Крестьянских Депутатов для выявления своего отношения и сочувствия борющемуся пролетариату

Трусливые гады, неосмелившиеся открыто сказать сплоченной рабочей массе железнодорожников Ярославских мастерских того, куда они хотят вести за собой пролетариат, на следующий день повели по цехам свою подлую провокационную работу и на другой день потребовалось еще раз собрать общее собрание и вторичным голосованием подтвердить вчерашнее постановление.

Всевозможные выходки, выкрики и нападки на партию большевиков со стороны ярых защитников учредилки в лице эс-ров Жулева, Андреева, Елисеева, Куницина, Звонарева, меньшевиков Львова-Данилова, Ив. Соколова и др. не дали для них желательных результатов и хотя часть железнодорожников была с'агитирована, но тем не менее подавляющим большинством лозунг «*Вся Власть Советам*» был вторично принят.

Эта неудавшаяся попытка ввести в заблуждение рабочие массы мастерских своими местными силами заставила их на общие собрания, созываемые по тем или иным хозяйственным вопросам, приглашать более видных лидеров своих партий, как то эс-эра Мамырина, Локтева, меньшевика Абрамова, Кана и др для того, чтобы, выступая в прениях, продолжать свою агитационную работу.

Местный Комитет в лице президиума из большевиков также стал приглашать более сильных товарищей как-то: Будкина, Королькова, Добукина и других.

В прениях выступали и местные работники большевики, т. т. Шутов, Коробаев, Прокофьев, Яблонский, Смирнов Николай, Чуркин, и др. От правых партий: Елисеев, Жулев, Андреев, Соколов, Львов-Данилов, Куницын и др.

Так как в прениях выступал постоянно популярнейший из всех товарищей и пользующийся всеобщим авторитетом от рабочих масс мастерских тов. Шутов, то и постановления собраний в большинстве случаев принимались по заранее выработанному президиумом месткома плану.

Не добившись ни малейших результатов в стенах мастерских, м-ки и эс-эры перенесли фронт своей работы на 3-й участок тяги, где в то время чувствовался большой уклон к меньшевизму и где часто на собраниях выступал Дюшен.

Из местных же рабочих депо партий меньшевиков руководили: Преснов, Евтихов, Лесин (последние два теперь члены РКП) и др., а затем повели работу в объединенном масштабе участка с мастерскими на общих собраниях в столовой (теперь Народом имени Карла Либкнехта).

На этом объединенном фронте меньшевиков и эс-эров против большевиков они стали обладать большими ораторскими силами, выпуская самую головку: Богданова, Мамырина, Локтева, Абрамова, Дюшена, Кана, где выносились самые разухабистые резолюции от имени 3000 ч. железнодорожников.

В разговоре моем с эс-эром Елисеевым о том, что эти резолюции бессмысленны и нелепы, последний сказал: «мы знаем что делаем, и вам нас не остановить».

Не довольствуясь такими подходами к рабочим массам мастерских, добиваясь своей цели одурманить рабочих путем красного словца, эс-эры и меньшевики совместно задумали в среду рабочих поместить одного из своих лидеров, эс-эра Локтева в инструментальный цех под видом рабочего и для переговоров пригласили его лично в мастерские.

Тов. Вас. Ключин по телефону известил меня, что в цех мастерских явился для какой то цели Локтев. Я немедленно отправился к эс-эру Елисееву в инструментальный цех и попросил Локтева удалиться, т. к. вход в мастерские без разрешения месткома был воспрещен.

При следовании с Локтевым к проходным воротам мастерских, после дней проговорился и сказал мне, что он скоро будет иметь возможность ходить в мастерские, как и все рабочие, свободно.

Зная, что в городе заведывающим Отделом Распределения Рабочей Силы состоит меньшевик Шлейфер (о нем будет речь впереди) и чувствуя, что тут затевается что нибудь недоброе, пришлось насторожиться и недопустить привести в исполнение задуманное нашими противниками в жизнь.

По некоторым обстоятельствам из инструментального цеха мастерских увольнялся мастеровой высокой квалификации, пилонасекающий и вот на эту должность председатель цехового комитета с.-р. Елисеев прочил своего приятеля с.-ра Локтева.

При содействии меньшевика Шлейфера, последний получил уже ордер на право поступления в мастерские, но местный комитет (состав его в то время уже несколько изменился: председатель месткома т. Яблонский в то время был болен, его замещал беспартийный т. Наумов, тов. Шутов работал в районном комитете железнодорожников (исполком, секретарем был я), несколькими днями ранее принял другого, очень опытного пилонасекальщика и намеченный план с.-ра Елисеева потерпел крах.

Здесь я приведу тот разговор, который происходил по этому поводу между мною и Елисеевым, сначала по телефону, а затем уже лично:

— Алло: у телефона тов. Чуркин?

— Да, что угодно, кто говорит?

— Я—Елисеев. Почему местком отклонил прием т. Локтева на должность пилонасекальщика?

— Должность пилонасекальщика уже занята.

— Этот пилонасекальщик плохо знает свое дело, Локтев может лучше его работать!

— Знаю, что Локтев хорошо может работать языком, но пробы его местком не видал и судить о его работе, как пилонасекальщика, не может.

— Я буду жаловаться начальнику мастерских о том, что плохих берете, а хороших нет.

— Можете жаловаться!

Трубка вешается.

— Через несколько минут:

— Алло, кто у телефона?

Попросите к телефону тов. Чуркина—я Елисеев. Или скажите ему, что я сейчас приду в кабинет вместе с Локтевым!

Минут через 15 в комитет входят Елисеев и Локтев. Я и Наумов сидим за столом, на котором лежит револьвер системы «Смит-Вессон».

Елисеев, сильно горячась, обращается ко мне! «Как вы смели отвергнуть постановление цехового комитета по вопросу приема тов. Локтева на должность пилонасекальщика».

Отвечаю:

«Постановление цехового комитета, комитету мастерских неизвестно, а лишь известно президиуму комитета мастерских желание председателя цехового комитета Елисеева о приеме Локтева и только».

— «Вы ничего не смыслите в работе инструментального цеха, принятый вами пилонасекальщик не годится, его нужно уволить».

— «Этого сделать нельзя, так как проба принятого пилонасекальщика рассматривалась президиумом в присутствии опытных слесарей из механического цеха и признана удовлетворительной, ваши же доводы о непригодности одного и пригодности Локтева ведут совершенно к другому». «Скажи мне, тов. Елисеев, ведь все равно мысль твоя разгадана, Локтев нужен вам не как мастеровой, а как агитатор».

Елисеев говорит, что Локтев эмигрант, работал в Америке и др.

странах, опытный слесарь и т. д.; но в конце-концов сознался в том, что это так и есть на самом деле. Хотелось устроить Локтева в мастерских.

После этой отбитой атаки меньшевики и эсэры повели другую игру: во что бы то ни стало удалить из местного комитета ненавистных большевиков, мешающих их умыслу одурачивания рабочих масс и срывающих маску с их подвоха.

II.

В первых числах марта 1918 года местный меньшевистский лидер Шлейфер был за что то арестован и заключен под стражу с преданием суду.

Этим обстоятельством воспользовались меньшевики и эсэры для того, чтобы путем остановки работ на фабриках, заводах, железнодорожных мастерских и депо предъявить ультиматум Совласти на предмет освобождения Шлейфера, а возможно и более широкого плана «свержения ненавистных большевиков».

19 марта в Ярославских мастерских был образован стачечный комитет в составе: меньшевика Кана (мастер инструментального цеха инженер), Соколова Ивана, Елисеева Николая и представителей от цехов.

Я, как единственный член местного комитета от большевиков, своего влияния в должной мере проявить лично не мог и лишь сейчас же сообщил райкомпарту железнодорожников и районному исполкому о намечающемся прекращении работ.

В ночь на 20 марта часть стачечного комитета была арестована и препровождена в места заключения, вторая же часть продолжала свою работу, призывая рабочих к остановке работ, сообщая ложные сведения о том, что рабочие большинства заводов и фабрик бывш. Корзинкина, трамвай бросили работу и митингуют.

Такие сведения давал член местного комитета Жулев, получая в свою очередь их по телефону из источников сомнительной справедливости. На заданный мною Жулеву вопрос, откуда вы знаете, что Романовская мануфактура, Норская фабрика и Константиновский завод прекратили работу, получил ответ: «у нас не хуже вашего поставлено дело».

Часов в 12 дня на канаву сборного цеха мастерских стали сходиться мастеровые и рабочие не только мастерских, но и депо 3-го участка тяги, движенцы, путейцы, торговцы ларьков, сомнительного вида интеллигенция и лица духовного звания.

Председательствовал инженер Кан.

Рабочие как то инстинктивно разделились на две половины: правая и левая, причем правая первоначально была настроена очень восторженно, с левой же стороны по адресу торговцев, интеллигенции сомнительного вида и особ духовного звания сыпались не совсем лестные реплики и возгласы.

Прения велись местными силами, сообщение эсэра Жулева о том, что к протесту железнодорожников присоединились и другие рабочие заводов и фабрик, а также и Красная Гвардия, правой стороной было принято аплодисментами, левая молчала.

Внесенное предложение об освобождении части стачечного комитета было принято и отправлена депутация в город с ходатайством об исполнении.

Вечером в столовой (ныне яросл. нардом Карла Либкнехта) было общее собрание всего железнодорожного узла. Внесенное предложение, работу на другой день не производить, за исключением подвижного состава, дабы не прекратить движения поездов, было принято большинством голосов (лишь бы не работать).

Истина, доказываемая большевиками, о вреде этой забастовки и удержки из жалования как за прогульный день,—опровергалась криками с мест, подстрекаемыми лидерами руководителей стачки.

Вечером того же дня мне удалось установить истину в совете, что никаких остановок на фабриках не было за исключением завода Солодуха, где работало от 5 до 12 человек, и несколько других кустарных заводов, фабрика Корзинкина работала полностью, также работал и трамвай до 6 час. вечера, а вечером само собой понятно везде происходили митинги на злободневную тему дня. Тут же я узнал, что часть стачечного комитета железнодорожников из под ареста будет освобождена.

На другой день там же, где и вчера, собрались железнодорожники мастерских и депо, но уже в гораздо меньшем количестве.

Для полноты картины и выявления отношения Красной Гвардии к создавшемуся инциденту был вызван из штаба Красной Гвардии (бывший Кадетский корпус) один из начальников.

Прения были очень бурные, правая торжествовала, но вот выступает тов. от Красной Гвардии и в своей речи заявляет, что Красная Гвардия стоит на защите Советской Власти и руководящей партии большевиков, что никакого посягательства с чьей бы то ни было стороны на ее права она не допустит. Виновные лица в создании настоящей стачки должны понести кару по законам революционного времени и т. д. Левая аплодирует. Правая молчит.

Слова делегата Красной Гвардии подействовали на пылкие головы как ушат холодной воды. Был объявлен перерыв и головка стачечного комитета с более активными членами такового отправилась в столовую на совещание, где, запершись, совещались около часа. По возвращении было объявлено:

Стачку прекратить, приняться утром за работу, а вечером опять собраться в столовую для дальнейших дебатов.

В 7 часов вечера столовая была полна мастеровыми, рабочими и служащими. Зал был набит битком, сцена тоже полна.

Президиум собрания:

конторщик Павел Кузнецов, купец Иван Соколов и машинист Петр Евтихов—меньшевики.

Повестка дня злободневная.

Доклад и начало прений вели м-ки и с-эры, с большевистской стороны присутствовали тов. Будкин, Закгейм, Зеличенко, и если память не изменяет, тов. Розанова и др. товарищи из города, не говоря уже о местных товарищах.

Собрание носило очень буйный характер, с обеих сторон слышались крики—«долой», «вон», «довольно». Звонок и голос председателя моментами заглушались совершенно. Председательствующий вначале Соколов от ведения собрания отказался и передал Кузнецову,

На сцене чуть не произошла рукопашная схватка между монархистом. Веткиным и беспартийным в то время тов. Городком (теперь член РКП).

Выступал ряд товарищей, доказывая бессмыслицу забастовки, созданной противниками рабочего класса, сторонниками учредилки и буржуазии. Собрание затянулось до часу ночи. Тов. Закгейм и другие ушли с собрания несколько ранее, но тов. Будкин оставался на нем до конца. Принятую резолюцию восстановить в памяти не могу.

И так кончился пир меньшевиков и эс-эров их бедою.

Жалованье за два дня с рабочих за забастовку было удержано, как за прогульное время, Шлейфер не освобожден и большевики остались у власти!

Этим можно и закончить. После Шлейферовской забастовки как будто все вошло в нормальную колею, работы в мастерских пошли своим чередом. Но кажущееся затишье было тишью перед бурей. Продажная свора продолжала свою гнусную работу, занимаясь напештыванием, науськиванием и провокацией.

Гроза над Ярославлем надвигалась, тучи сгущались.

При случайных посещениях центра города, можно было наблюдать много военных людей, разгуливающих по Казанскому бульвару и изредка посещающих вокзал.

И 6 июля 1918 года гром грянул..

Город перед мятежем.

Обучаясь в Ярославском Демидовском Лицее, я жила с октября 1917 г. по июль 1918 г. в Ярославле и больше всего в первые месяцы своего пребывания в Ярославле сталкивалась со студенчеством, лучше всего знала его настроение. Как только свершился переворот в Петрограде, а за ним в Москве, на обще-студенческом собрании был вынесен протест против «насилий, чинимых большевиками» во время революции, над «демократией». Резолюция была принята почти единогласно всеми группировками студенчества, в том числе эс-эрами и меньшевиками.

Когда же на следующий день, я написала протест против расплывчатости и непригодности этой резолюции, подчеркивая, что ни один революционер не может с ней согласиться, на моем протесте, хоть он и провисел в лицее две—три недели, подписались лишь два студента (фамилии их не помню). Настроение большинства студенчества было контрреволюционно. Меньшевики подтрунивали над «смелостью» большевиков, пророчили последним со дня на день провал. Со дня на день ожидали, когда портфели ярославских большевиков вновь перейдут к ним. Вскоре, уже не на открытом собрании, а путем добровольной записи, стал организовываться белогвардейский отряд. Кто вошел в него, не помню.

Меньшевики организацию отряда одобрили. С 24-го ноября, т. е. с уходом меньшевиков и других группировок из Совета, я начала активно работать в Совете в качестве секретаря Исполнительного Комитета. Студенчество меня всячески бойкотировало, знакомые старались не замечать меня. Меньшевики подтрунивали надо мной, или вернее над большевиками. Это обстоятельство вынудило меня порвать связь с лицеем. С декабря 1917 года я всецело отдалась работе Исполкома.

Теперь несколько слов об отношении обывателей к Советской Власти.

Так, например, направляясь однажды по делам Исполкома в штаб Красной гвардии (он находился в доме Лопатиных) я распрашивала у прохожих, где находится этот дом. После того, как мне указывалось расположение дома, меня тут же украдкой предупреждали (моя наружность, должно быть, внушала к себе полное доверие), чтобы я туда не ходила, ибо там живут большевики. Таких предупреждений мне было сделано несколько.

Теперь еще один любопытный факт. Я привлекла дочь моей хозяйки, очень бедную девушку, для работы в Исполкоме в качестве машинистки. Несмотря на доверие и симпатию ко мне и постоянные беседы с ней о большевиках, после проведенного ею дня в Испол-

нительном Комитете с ней сделался нервный припадок, который она об'ясняла как результат сдержанного страха перед большевиками.

О настроении рабочих коснусь после, когда перейду к перевыборной кампании в Совет и работе по внешкольному образованию.

Активное участие в октябрьском перевороте в Ярославле принимали следующие товарищи: Закгейм, Ворохов, Петровичев. Из активных работников по строительству Сов. Власти после октябрьских дней я помню: Гарновского, Барбей, Королькова, Будина, Работнова, Розанову, Денисова. На последнем Пленуме Советов, совместном с меньшевиками, эсэрами и прочими, меня не было, но я обрабатывала протоколы Пленума. Речи, которые произносились ораторами, не помню. В мою память врезалось лишь заявление одного видного меньшевика: «Когда б-ки возьмут власть в свои руки, они провалятся на продовольственном вопросе. Нам останется только радоваться».

Когда б-ки взяли власть в свои руки, первым об'явили бойкот почтово-телеграфные служащие. Исполнительный Комитет отдал распоряжение об увольнении тех служащих, которые через три дня не приступят к работе. Через три дня бойкот был сломлен. Помню, как реагировали меньшевики на это распоряжение. Они пытались мне доказать, что такое насилие не наблюдалось при царизме. Вслед за ним начался бойкот работников Продовольственной Управы. Бойкот длился довольно долго. Поддерживаемые и подстрекаемые м-ками и эсерами, которые через продорганы все еще надеялись на срыв Сов. Власти, служащие Прод-Управы упорно бастовали. Наконец, когда начались увольнения и замена одних чиновников другими, то и начался саботаж при сдаче дел: уничтожались важные документы, статистические сведения, отчеты и проч. В результате не возможно было учесть, где находился хлеб, хотя должен был поступить в Прод-Управу с осени на весь год. В результате этого саботажа была страшная запутанность дел в созданном позже продкоме и близился сильный голод. Население было переведено на сильно урезанный прод-пак.

В продолжении 8-ми месячного пребывания моего в Ярославле Прод-Комитет оставался самым не налаженным из всех органов Совета. Состав служащих менялся непрерывно. Это были люди не внушающие к себе никакого доверия и не имевшие соответствующей подготовки для работ.

Теперь коснусь *финансового* аппарата. Предстояло провести в жизнь декрет о национализации банков. Это было поручено провести товарищу Петровичеву. Петровичев—идейный и преданный делу революции б-к. Немного был знаком с конторской работой и только. На первых порах пришлось ему наткнуться на собрание чиновников. Того единодушия, что наблюдалось среди служащих Прод-Управы, здесь не было заметно. Часть служащих ушла, а часть осталась. Ценности сохранились в целости. Аппарат был реорганизован. Реорганизация проводилась тов. Петровичевым

при необычайном напряжении всей его энергии, кажется, наиболее безболезненно по сравнению с другими органами.

Организации других сов. учреждений, как-то: военных дел, труда и проч. касаться не буду, ибо имею о них самые служебные воспоминания.

Из наиболее активных сов. работников помню тов. Закгейма — председателя Ярославского Совета и председателя Горкома и тов. Ворохова — зам. пред. Совета.

О товарище Закгейме могу сказать след.: это был идейный коммунист, по социальному положению пролетарий, по духу — революционер, имел хорошую марксистскую подготовку, руководил партийной организацией и Яросл. Сов. Р. Д. Пользовался большой популярностью и авторитетом в партийной среде. Вопросы всегда ставил правильно, принципиально, выдержанно. На практике не раз доказал свою тонкость в понимании окружающей действительности. При решении тех или иных принципиальных вопросов его мнение оказывалось часто решающим. Агитатором он не был. Он говорил тихо, но продуманно, серьезно. Рабочие его любили. Для урегулирования важных вопросов рабочие часто требовали к себе Закгейма. Не смотря на всю сложность налаживающегося советского аппарата, он хорошо понимал значение широкой агитации и популяризации сов. строительства. По его инициативе собирался материал — декреты, распоряжения, дискуссионные статьи по всем вопросам сов. строительства и издавался в форме брошюр по каждому вопросу.

Этот материал собирался мной, тов. Ключковой и тремя техн. работниками. Материал был собран по количеству огромный. Одна брошюра по жилищному вопросу была издана. Что стало с материалом после мятежа — мне не известно. По инициативе тов. Закгейма я собирала сведения о наиболее интересных мероприятиях, предпринимаемых сов. учреждениями. В отношении понимания момента он отличался удивительной гениальностью. Он часто предугадывал опубликование тех или иных декретов, а чаще — до опубликования и появления последних в печати, они уже проводились им в жизнь. Так, например, до издания декрета о пятимиллионной контрибуции с буржуазии, Ярославский Испол. Комитет обложил видных представителей местной буржуазии изрядной контрибуцией. Это не помешало также успешно собрать с буржуазии пятимиллионную контрибуцию. Контрибуцию назначал сам Закгейм. Я ему технически помогала. Интересно было наблюдать за ним, как выполнял он эту работу. Ни мольбы, ни уверения, ни проклятия буржуазии не возмущали его спокойствия. Так же спокойно реагировал он на затаенную месть буржуазии. Он был тверд, решителен, уверен в правоте выполняемого им долга перед пролетарской республикой. Удивительно объективно с виду, как будто без всяких внутренних переживаний, проводил он в жизнь самые решительные мероприятия, не повышая ни на одну ноту свой тихий голос.

Говоря о Закгейме, я не могу попутно не остановиться на лич-

ности его заместителя тов. *Ворохова*. Тов. Ворохов был сельский учитель, работал со дня организации Сов. власти в Исполкоме. Он очень преданный, честный, идейный работник, в высшей степени справедливый. Свою ненависть к буржуазии он скрывал очень плохо, хладнокровно с ней говорить он не мог. Чаще он бывал с ней груб и решителен. Не менее, чем буржуазию, он ненавидел чиновников дела, работавших в канцеляриях. Перерывая одну бумажку за другой, он всячески мне объяснял, сколько глубины и содержания заключала каждая из них, особенно те из них, которые были написаны более скверным почерком, малограмотной крестьянской беднотой. Такую выучку давал он мне как секретарю Испол. Комит. Он проводил большую воспитательную работу среди заключенных. Пользовался среди них большой популярностью. Беседовал с ними на всякие темы, чаще всего на соц. политические. Он разъяснял им, что их преступление есть неизбежное зло капиталистич. общ., что с уничтожением капитализма исчезнет и самый факт уголовного преступления. Бывали случаи, когда заключенные приходили одни без стражи к нему в Исполком—при возвращении их обратно начальник тюрьмы тотчас же извещал его по телефону. Я наблюдала однажды следующий случай: работая в соседней с Исполкомом комнате—я услышала необычайно сильный стук дверей в Исполкоме. Спустя немного времени вошел ко мне т. Ворохов и рассказал следующее: у него был один преступник, за которым числилось очень много убийств. В разговоре с Вороховым заключенным было заявлено, что ему ничего не стоит придушить человека, что это не труднее, нежели задушить червяка и что при этом он испытывает даже некоторое удовлетворение. Тут Ворохов должно быть не стерпел и сказал ему резкость, после чего заключенный выбежал из комнаты, хлопнул дверями со всей силой. У Ворохова мелькнула мысль, что после означенного факта заключенный один без стражи не пойдет в тюрьму. Однако, бежать за ним не имело смысла, а больше нечего было предпринять. Ответственность за его побег легла бы на него со всей тяжестью. Однако, спустя некоторое время, начальник тюрьмы сообщает по телефону, что заключенный возвратился. Радость Ворохова была так велика, что он не замедлил тут же со мною поделиться. Спустя некоторое время заключенные преподнесли ему рамку, собственноручной выделки, которую он оставил в Исполкоме, как память о работе среди заключенных.

Перед переВыборами Совета он внезапно уехал. Мотивы, побудившие его к отъезду, для меня остаются неясными. Спустя некоторое время я получила от него письмо, в котором он просил меня прислать брошюры, которые издавались мною, но по инициативе Закгейма, а также и его. В этом же письме он коснулся и своего семейного положения. У него была семья—трое ребят, которые не имели никаких средств к жизни. Устроиться в своей деревне он не мог; ему отказали в учительской должности. Это письмо осталось без ответа, т. к. с получением его я вскоре вынуждена была уехать в отпуск.

Из видных *меньшевиков*, которые брюзжали на Сов. Власть, но сами ничего не делали—я знала Иоффе (быв. Комиссар Труда) из активных знала меньшевика *Шлейфбер*.

Из *важных моментов* за период с ноября 1917 г. по июнь 1918 г. помню следующее: в связи с создавшимся тяжелым положением в отношении продовольствия, темные силы еще надеялись нанести серьезный удар Сов. Власти. Они организовали обывателей и людей, которые носились с корзинками и мешками и т. п. на случай разгрома прод-складов. Они организованно подошли к Прод-Ком. Испол. Ком. направил против этой толпы красногвардейцев. Толпа разбежалась.

Прежде чем перейти к целому ряду таких событий, коснусь того момента, когда проводилась кампания по перевыборам в Совет. Проводилась она, кажется, в апреле месяце. Выступила я на Лесопильном заводе Жакова. Выступления мои и еще одного тов. были встречены спокойно. Никто со стороны рабочих не выступал против, но только начали мы закрывать собрание, как выступили мен-ки и давай помоями обливать тех, которые работают в Совете, в Испол. Ком. Следует отметить, что один из этих меньшевиков работал в Исполн. К-те до того, как его ф-ка отозвала.

Хотя митинг закончился не совсем удачно, однако, ко мне подошло несколько человек рабочих, которые просили почаще к ним заглядывать.

Несмотря на организованную меньшевиками оппозицию, настроение на крупных фабриках было определено в нашу пользу.

Теперь коснусь других событий. Об одном я уже писала, когда темные силы организовали выступление возле Продкома. Дальше, с изданием декрета об отделении церкви от государства, предполагался так же маленький погром. Приметив на одной из главных улиц огромную толпу и говорившего по середине человека, одетого в солдатское платье, я не замедлила втереться в толпу, чтобы выяснить, в чем дело. Оказалось, что эта толпа, которая состояла из самого разнородного элемента, собиралась громить еврейские лавки. Советом были предприняты меры. По городу раз'езжали отряды Красной Гвардии. Город был об'явлен на осадном положении, толпы рассеялись, но настроение оставалось тревожным.

Тех граждан, которые проходили по улицам города позднее положенного времени, красногвардейцы приводили в Совет. Женщины от страха падали в обморок, а Ворохов не переставал их убеждать в том, что «погромы не христианское дело», «что они вообще не христиане».

На следующее утро атмосфера разрядилась, наступило спокойствие. Следует отметить, что когда началась тревога, приходили рабочие некоторых предприятий весьма организованно, просили оружие и организовали рабочую самооборону.

Следующее событие это крестный ход, когда именно—не помню, но, кажется, в марте месяце.

Помню только, что духовенство просило разрешения в Исполкоме. Исполком предупредил духовенство, что в случае мятежа оно отвечает собой, своей семьей, имуществом.

Мы к этому шествию по городу готовились. Наши патрули весь день и ночь охраняли город.

Дальше как то смутно помнится, как мы отправляли наши части Красной гвардии на «Чехословацкий» фронт. Народу отправлялось мало. Настроение было серьезное. Речи без особенного энтузиазма. Проводы проходили не ярко. Чувствовалась серьезность момента. Надежды на их возвращение, на победы были слабы.

Сорганизовался отряд из добровольцев членов РКП. Уехали из работников Гарновский, Барбей.

Развертывавшееся наступление немцев совпало с празднованием годовщины февральской революции.

К Город. К-ту Коммунистов прибыло сотни две, в большинстве, коммунисты. К ним присоединилась небольшая часть рабочих, никого больше из обывателей. Настроение у всех серьезное, деловое.

Чувствовалось, что эта часть преданных делу революции товарищей придет во всякий момент, когда того потребует революция. Эта та часть рабочих, которая не считала все счёты с революцией поконченными, которая ждала величайших трудностей, колоссальнейшей борьбы, но все же решила грудью отвоевать все завоеванное. Сильный холод, опустелые улицы и шествие маленькой группки крепко спаянных одной волей, одними и мыслями и стремлениями людей, производило сильнейшее впечатление.

О пакостях меньшевиков можно судить по их провокации на Съезде Советов, где председательствовал тов. Доброхотов. Коснусь одного маленького инцидента, который произошел во время съезда. На 3-й день съезда, когда делегаты начали в газете читать отчет съезда, в той же газете был прочитан стихок довольно хороший, однако, если прочитать начальные буквы стихка, то получалась брань по адресу т. Ленина. В самом отчете вкралась опечатка вместо «мы не сдадим нашу власть» было напечатано «мы сдадим нашу власть». За недосмотр при печатании стихка Съезд потребовал объяснения от редактора ярославской газеты т. Денисова; за вторую опisku съезд потребовал привлечения к ответственности меня, причем и я и т. Денисов были съездом заподозрены в провокации. Съезд потребовал нашего ареста.

Помню заявление тов. Денисова перед всем съездом. Он ничего в свое оправдание не сказал, но заявил лишь одно, что он был в тюрьме, в ссылке, но арест от своей партии, конечно, не снесет. Я также в свое оправдание ничего сказать не смогла.

Ясно, что Денисов в дни съезда так перегружен был работой, что стихок, который он поменял в печать, не мог быть им прочитан и вдоль и поперек.

У меня также могла вкратиться подобная ошибка, если принять во внимание то, что я одна вела протоколы с'езда без замены, причем, так как стенографистки не было, я вынуждена была речи заносить полностью. Работала я по 12 час. в сутки с маленькой передышкой на обед. Однако, раз с'езд потребовал из редакции протоколы, надо было послать в редакцию за ними. Могла быть ошибка у наборщиков, но я этого не подозревала, я полагала, что ошиблась я, и мысль о том, что я могла быть заподозрена в провокации, приводила меня в такой ужас, что я не могла выйти из оцепенения, когда уже материалы были принесены. Механически взяла я протоколы, начала читать с'езду, оказалось, что в оригинале было все правильно.

С'езд успокоился. К счастью, на с'езд пришел т. Закгейм и вывел из трудного положения Денисова, заявив что Испол. Б-тет разберет его дело и вынесет по этому поводу соответствующее заключение.

Тут уже не трудно было догадаться, что всю эту штуку проделали меньшевики типографии.

Настроение с'езда было бодрое, хорошее. Все вопросы разрешались безболезненно, полностью, несмотря на то, что к концу с'езда было получено сообщение об угрожающем наступлении немцев. Настроение осталось бодрым. С пением интернационала делегаты раз'ехались.

Я уехала из Ярославля в последних числах июня. О всяких выступлениях со стороны тех или иных групп населения приходилось слышать очень часто. Не помню ни одной недели, которая бы протекла без этих известий. Всякие сообщения о принятии мер мы получали в 11—12 ч.—2 ч. ночи. И всегда приходилось быть на-стороже. Как раз незадолго, так за пару недель до мятежа, до нас дошел слух о том, что офицерство вооружалось и предполагает организовать выступление против Совета.

Были Советом произведены обыски, часть офицерства была разоружена. Со средних же чисел июня наступило полное затишье, а спустя неделю я узнаю о мятеже.

МЯТЕЖ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ:

У белых под пятой — Д. Малинина.

ВОСПОМИНАНИЯ:

О днях прошедших — Г. Петровичева.

Из под пуль... — Барыгина.

Генерал-майор Перхуров - Ярославск. — М. Васильева-Южина.

У белых под пятой.

„Союз Защиты Родины и Свободы“.

Империалистическая война с необычайной ясностью обнаружила всю гниль и мерзость трехсотлетней царской диктатуры. И в февральско-мартовские дни 1917 года, несмотря на все старания помещичье-буржуазной клики в лице господ Родзянко, Милюковых и К^о спасти династию Николая кровавого не удалось, царский трон рухнул под напором огромной волны народного возмущения. Защитникам монархии ничего не оставалось, как сделать веселую мину при плохой игре и прицепить на грудь красный бантик.

Среди царских генералов и кадрового офицерства продолжала таиться надежда на возвращение монархии. Керенщина еще более укрепляла в них эту надежду. Так, в августе 17 года мы имеем выступление генерала Корнилова, который был спровоцирован на это самим Керенским с целью окончательного разгрома большевиков. Но замысел не удался и Керенскому, для спасения своей шкуры, пришлось об'явить Корнилова изменником народа.

Октябрьская Революция, направленная против самых основ буржуазного общества, вызвала непримиримую ненависть против большевиков со стороны защитников «священной собственности», начиная с монархистов и кадетов и кончая мелкобуржуазными «вождями» в лице эсеров и меньшевиков. Вместе с царскими генералами эсерово-меньшевистская братия сражалась на улицах Ленинграда в октябрьские дни 17 года и Москвы. В глазах кадетских светил и эсерово-меньшевистских умников большевики являлись кучкой безумцев, которые и двух недель не продержатся у власти.

Используя великодушные победившего пролетариата, Красновы спешат на Дон, собирают там бежавших из Москвы офицеров и юнкеров и поднимают восстание против Советской власти. Не успели затихнуть бои с белогвардейцами на улицах Москвы, как стали создаваться контр-революционные организации и «союзы» под заманчивыми «демократическими» и революционными лозунгами для свержения Советской власти.

Одной из наиболее сильных контр-революционных организаций оказался, созданный умелой рукой с.-р. Савинкова—«Союз защиты Родины и Свободы», которым было организовано в Ярославле восстание. Что представлял из себя этот союз, можно судить лучше всего со слов самих же членов этого союза. Один из них А. Дикхоф-Деренталь, в

«Отечественных Ведомостях» (белогвардейская газета—в 1918 г. выходившая в Екатеринбурге) пишет:

«После Октябрьского переворота прибыл в Москву с Дона Б. В. Савинков и, как член гражданского совета при генерале Алексееве,—с определенным поручением последнего организовать и, по возможности, объединить офицерские силы Москвы без различия партий и направлений на единой патристической основе и также связаться с московскими общественными элементами. Во исполнение этого общего поручения Б. В. Савинковым и основан тайный «Союз защиты Родины и Свободы», имевший ближайшей целью свержение большевистской власти».

Другой член этого союза Пинка в своих показаниях при допросе В.Ч.К. определенно утверждал, что цель их организации—установить неограниченную монархию. «Наша организация, показывает он, называлась «Союзом защиты Родины и Свободы». Цель установить порядок и продолжать войну с Германией. Во главе нашей организации стоит *Савинков*, он побрился, ходит в красных гетрах и в костюме защитного цвета. Начальник нашего штаба *Перхуров*... Сильное пособие мы получали от союзников, пособие мы получали в деньгах, но была обещана и реальная сила. Наши планы были таковы: при оккупации Москвы немцами—уехать в Казань и ожидать там помощи союзников. Но союзники ожидали, чтобы мы создали правительство, от лица которого бы их пригласили официально, правительство было уже намечено во главе с Савинковым. Цель—установить военную диктатуру». Кроме московской организации «союз защиты Родины и Свободы» имел целый ряд других в провинции: Ярославле, Рыбинске, Муроме, Калуге и т. д. при центральном штабе существовал даже «иногородний отдел» для связи с местами, оказания им помощи: оружием, деньгами и людьми.

Этот контр-революционный союз, как известно, получал поддержку со стороны иностранной буржуазии, которая стремилась использовать все силы и средства для борьбы против Советской России.

При «благосклонной» поддержке союзников, начиная с весны 1918 г. нам приходится выдерживать со всех сторон натиск контр-революции, которая спешит использовать нашу слабость во время Брестского мира, когда старая царская армия разложилась, а новая красная армия еще только что зарождалась.

Но получая средства от союзников, Савинков в своей работе должен был руководствоваться указаниями представителя французского капитала г. Нуланса (бывший французский посол в России), Нуланс на интервенции строил свою карьеру и требовал от Савинкова устройства восстаний в ответ на просьбы о помощи.

Устраивать восстание в Москве было невозможно, так как московская организация союза защиты Родины и свободы была раскрыта В.Ч.К. прежде чем успела выступить. Оставались надежды на провинцию.

Организация белогвардейцев официально скрывалась за ширмой беспартийности, чтобы привлечь разношерстную массу офицерства и

интеллигенции. В действительности она представляла блок целого ряда партий и групп, вдохновляемый махровым монархистом в лице генерала Алексева и составляла нелегальную организацию монархической добровольческой армии. Об этом можно судить по приказу начальника штаба «союза защиты Родины и свободы» полковника Перхурова, изданного им по взятии Ярославля:

§ 1. На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Север. добровольческой армии, находящейся под верховным командованием генерала Алексева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в ярославском районе, занятом частями Северной добровольческой армии.

§ 2. Впредь до восстановления нормального течения жизни в городе Ярославле и его губернии, вводится военное положение и на это время воспрещаются всякие собрания и митинги на улицах, в публичных местах. 6 июля н. ст. 1918 г. Полковник Перхуров.

Добавлять к этому вряд ли чтонибудь нужно, картина ясна, если принять во внимание, что генерал Алексеев был убежденнейшим монархистом.

Но так как после Октябрьской Революции открыто монархистам выступать было нельзя—за монархистами никто не пошел бы, то и «союз» был разбавлен так называемой «социалистической» публикой. Так, например, *Пинка*, ведавший в организации пехотным формированием, о составе организации сказал следующее: «из политических партий к нашей организации принадлежат: народные социалисты, социал-революционеры и левые кадеты, а сочувствовали даже меньшевики, но оказывали помощь только агитацией, избегая активного участия в вооруженной борьбе (как это похоже на меньшевиков—они везде этого избегают). По словам же Перхурова, в его штабе нечто вроде информаторов были: *Фортунов* (с.-р.) и *Алексинский* (с.-д.)

И так, восстание 6 июля 1918 г. совершенно было этим монархическо-социалистическим—«союзом защиты родины и свободы». Но теперь возникает вопрос—что же заставило «Союз» совершить переворот и именно в Ярославле, где была одна из слабых организаций. Дикюф-Деренталь объясняет это восстание организационным моментом. «Наступил, говорит он, тот психологический момент в жизни организации, когда эта организация должна или проявить себя немедленно из подполья на свет божий, или же начать неизбежно внутренне разлагаться». Перхуров дает несколько иное объяснение. Он говорит, что штабу «Союза защиты родины и свободы» стало известно о высадке десанта союзников в Белом море, тогда-то—«нам важно было занять один конец ветки в Архангельске и другой в Ярославле».—(Слова Перхурова). Чтобы яснее была необходимость для союза защиты поднять восстание в Ярославле, необходимо привести показание Рене Маршана на процессе с.-р., касающееся роли Нуланса (французского посла в России) в Ярославском мятеже.

— «Савинков обратился через Готье (державшего связи между

Савинковым и Нулансом) к французскому послу—говорит Рене Маршан, со слов Готье—с просьбой о необходимости увеличения кредита ассигнований его организации и Нуланс, который был чрезвычайно скуп, отказал. Когда Савинков стал настаивать, Нуланс, через Готье, сказал: «Передайте ему, что пока он не докажет, наконец, что он по крайней мере, имеет где-нибудь людей способных идти на бой, я ему больше ни одного су не дам». Савинков, увидя, что нет возможности получать дальше кредиты через Готье, просил передать французскому послу, что он может сейчас выступить в двух городах—или в Калуге или в Ярославле по приказу французского посла и по его выбору. Нуланс передал через Готье, что он выбирает Ярославль, так как Ярославль ближе к северу, чем Калуга. Но основании этого торга Савинков, по приказу французского посла, поднял Ярославское восстание, сам зная, о чем через Готье он передавал, что это дело безнадежно, что он не имеет настолько вооруженных сил, чтобы его поддержать. Этот шаг был сделан для того, чтобы получить лишние кредиты и доказать французскому послу, что он действительно может иметь людей, которые готовы идти на смерть, чтобы угодить французскому послу.

Перхуров подтверждает это указанием на то, что в конце июня «Союз защиты» получил от Нуланса полтора миллиона.

На первый взгляд все эти объяснения Ярославского мятежа кажутся различными, в действительности же каждое из них дополняет другое.

Организованный Савинковым «Союз защиты родины и свободы», состоящий в большинстве своем из офицеров старой царской армии, не знающих никакого ремесла, кроме военного, существовал только пока членам его —офицерам платили. Перестань платить—союз развалится и Савинков берет в конце июля полтора миллиона у французов, а так как они давали только тем, кто действует—«французы большие материалисты»—то Савинков обещает восстание и устраивает его в Ярославле, как нужно было французам, хотя и ясно было, что в Ярославле долго продержаться нельзя с силами, имевшимися у «Союза защиты». Одним словом, Ярославль был разрушен за полтора миллиона и ни о какой идейной борьбе в данном случае, конечно, разговора и не могло быть. Русским белогвардейцам, силы которых были сосредоточены на Дону—Ярославль был совершенно не нужен и если восстание в Ярославле было важно, так это для французов, которым было выгодно укрепиться на севере и тем самым захватить один из русских портов—Мурманск. Для этого французы купили Савинкова с русскими офицерами за полтора миллиона.

На кого опирался Перхуров.

Но, конечно, одной той силы, которая имела у «Союза защиты» в Ярославле—каких-нибудь 200 офицеров, скрепленных, большей частью, французским золотом—недостаточно для того, чтобы продержаться хотя

бы две недели, как это удалось белогвардейцам в Ярославле. Нужна была какая-то другая сила, которая нашлась-бы в самом Ярославле.

Эта сила нашлась. И этой силой в первую очередь была интеллигенция. Интеллигенция, привыкшая видеть в себе «мозг страны» и «соль земли», в октябре 1917 года была, не совсем осторожно, отодвинута рабочим плечом в сторону.

Октябрь 1917 г. отводил интеллигенции, вместо той руководящей роли, к которой она себя готовила, роль исполнителя. Это, конечно, не могло понравиться интеллигенции и после Рабочего Октября она пытается бороться. Она перестает учить в средних и высших школах, перестает работать в больницах и в высших органах управления страной. В этой борьбе ее поддерживали уверенность, что рабочая власть продержится не долго «не больше двух недель».

К июлю 1918 г. этой уверенности в интеллигенции уже не было; «две недели» несколько раз проходили, а рабочая власть существовала, и интеллигенция, оставшаяся в России, уже не боролась, а только тосковала.

Наиболее характерно отражает настроение интеллигенции стихотворение «Тоска по городовой», найденное после мятежа у одного интеллигента (учителя гимназии) и датированное маем 1918 г.

— «Городовой, как чудно это слово,
Какая власть, какая сила в нем.
Ах, я боюсь: спокойствия бывшего
Мы без тебя отчизне не вернем.
Мечтой небес, миражем чудной сказки
Всегда встает знакомый образ твой,
И вижу я, что без твоей указки
Мне не пройти житейской мостовой.
Где-б не был ты—ты был всегда на месте,
Всегда стоял ты грозно-впереди
В твоих речах, в твоих державных жестах
Один был клич «подайся! Осади!».

И когда в июле 1918 г. в Ярославле этот городской пришел, как же интеллигенция могла не помочь, столь любезному сердцу, городскому укреплению. Как только Перхуров приказом 6 июля объявил о своем захвате Ярославля, так сейчас же интеллигенты пошли к нему на работу и неизвестное имя Перхурова в глазах обывателя было подкреплено именем интеллигентного помещика Черносивитова. 7 июля, на другой день переворота, во главе управления городом встали интеллигенты: инженер Лопатин, педагог Соболев и присяжный поверенный Мешковский.

Интеллигенция же дала и часть боевой силы Перхурову. 200 офицеров, которых он привез в Ярославль и набрал здесь, было достаточно разве только для занятия командных должностей, а боевую силу нужно было откуда-то набрать. Тут интеллигенция пришла на помощь Перхурову, мобилизовав своих детей: студенты, гимназисты и реалисты—

дети инженеров, врачей, адвокатов, учителей, явились довольно солидной единицей в армии Перхурова.

Другой дружественной силой Перхурова явилась буржуазия. Она взяла в свои руки материальную часть—продовольственное дело взяла в свои руки торговец Кузнецов, столовыми ведал трактирщик Сазонов, наконец, вместе с интеллигентами Соболевым, Мешковским и Лопатиным видную роль в Перхуровской городской управе играл заводчик Каюков. Другая часть буржуазии приняла участие в боевой работе Перхурова—в этой области большую известность приобрела семья колбасников Работновых.

Нельзя также обойти молчанием роль в мятеже духовенства, которое сразу же встало на стражу Перхурова. Ярославское духовенство с самого начала октябрьской революции было настроено активно, контр-революционно. Еще в январе 1918 г. ярославские попы пытались устроить опять что-то вроде восстания, но их попытка была быстро подавлена. Уже тогда попы призывали «православных христиан» покаяться и причаститься перед вступлением в бой с большевиками.

Те же самые призывы слышались из уст духовенства и в июльские дни. Кроме того, чтобы поднять, начавший быстро падать дух «защитников» Ярославля, попы все время мятежа служили господу богу молебны—«о победе и одолении» ненавистных большевиков. Некоторые, наиболее ярые из попов не ограничивались этим и принимали активное участие в боях. Так после мятежа на ст. Всполье был расстрелян священник Владимирской церкви, как пулеметчик, стрелявший из пулемета с колокольни своей церкви.

Вот силы, которые сразу без всякой борьбы встали на стражу Перхурова, но ему, выступавшему под демократическим флагом, конечно этого было недостаточно.

Крестьяне и рабочие в мятеже.

Генерал Перхуров в своих показаниях на судебном процессе упоминал очень настойчиво несколько раз о том, что перед выступлением союза защиты в Ярославле штаб союза в Москве получал ряд крестьянских приговоров о поддержке восстания крестьянством.

Ввиду важности этого вопроса для истории белогвардейщины вообще и Ярославского восстания, в частности, я подробно останавлиюсь на показаниях Перхурова по этому вопросу.

Разсказав суду о том, как союз защиты работал вместе с эсерами и другими партиями и как с ними потерял связь, Перхуров перешел к вопросу о связи союза с крестьянами «Наша организация—начал Перхуров, стала работать совершенно самостоятельно, преследуя чисто имущественные интересы, и имела сведения в виде ходок с мест от крестьян и в конце концов у нас получалась картина, что недовольство возрастает все больше и больше и не сегодня-завтра мо-

тут вспыхнуть неудовольствия—получилась картина такая, что на местах будут вспыхивать восстания. Тогда мы послали свои лозунги и получили согласие на то, что они вполне солидарны с нашими взглядами и согласны действовать вместе. Между прочим, был такой случай, когда из Ярославской и Тверской губернии поступили сведения о том, что они не хотят ждать и готовы выступить с голыми руками. Мы посылали парламентариев о том, чтобы они потерпели. Переговоры довели до того, что они согласились ждать, но при условии, если мы дадим им оружие. На этих условиях у нас закрепилась связь».

О характере постановлений крестьянских сходов Перхуров говорит следующее: «Насколько мне помнится, постановления по редакции были различны, но сводились к тому, что разверстка и реквизиция являются разорением для крестьянского хозяйства, а главное, что наступает голод и отсутствие полной возможности купить хлеба, потому что куда ни поедут, повсюду рискуют, что у них хлеб отберут и даже арестуют, или побьют. Вот причины, которые, главным образом, вызывали недовольство. Поэтому они считали, что существующий порядок крайне неудобен и некоторые указывали, что надо созвать учредительное собрание. Некоторые просто высказывались против существующей власти, некоторые были согласны на наши лозунги «Учредительное собрание, земля—народу» и т. д. и что если будут восстания, то он поддержать их своей добровольной мобилизацией».

Вот как характеризует Перхуров настроение крестьянства в то время, причем все время старается указать, что крестьянство толкало белогвардейцев на выступление. Крестьянство готово было выступить с голыми руками против Советской власти и белогвардейцам стоило больших трудов их уговорить подождать. Если сопоставить с этим приведенное выше показание того же Перхурова о том, что белогвардейцы, поднимая восстание в Ярославле, не могли надеяться на успех, то станет ясным, почему Перхуров так нажимает на крестьянство. Белогвардейцы, мол поплыли на явно неуспешное предприятие под давлением народа.—Так ли это.—Ряд лиц, привлеченных к ответственности за участие в белогвардейском мятеже, и на предварительном следствии и на суде определенно заявили, что Перхуров занимался распространением литературы среди крестьян, так в начале мятежа были отправлены агенты с приказом № 1 по деревням. Агенты Перхурова, говорили,—они ездили по деревням и там проводили мобилизацию и один из отрядов, например, был отправлен из села Диево-Городищ на помощь белогвардейцам.

На истории мобилизации этого Диево-Городищенского отряда стоит остановиться, как на наиболее характерном деле,

О способах агитации белых рассказывает один из участников этого отряда! «В белую гвардию я не записывался, а поехал в Ярославль под давлением Кононова Павла (агент Перхурова в с. Диево-Городище), который говорил, что если я не пойду, то он меня убьет на месте. Участники мобилизации Диево-Городищенского Отряда так ри-

суют эту попытку белогвардейцев перетянуть на свою сторону окрестное ярославское крестьянство.

(В качестве материала для изложения этого эпизода Ярославского восстания взято дело Костромской Губ. Чрезвычайной Комиссии о Диево-Городищенском восстании).

Началось с собрания в воскресный день, когда собрались в Диево-Городище крестьяне из соседних деревень, встревоженные слухами о каком-то перевороте в Ярославле. — «Когда я пришел на собрание, рассказывает один из участников этих событий—то здесь было очень много народа, были выкачены бочки, на которых стоял Кононов и трое мне неизвестных (уже только после я узнал, что это были привезенные из Ярославля агитаторы). Первым выступил один из неизвестных для меня лиц. Он говорил, что в Ярославле уже нет власти Советов, что там теперь всего будет очень много. Обещал крестьянам хлеб и все, в чем они сейчас нуждаются и вместе с тем призывал крестьян воласти идти на помощь Ярославлю».

Но этого оказалось мало, крестьяне плохо шли на белогвардейскую удочку и тогда была выдвинута тяжелая артиллерия—попы. В этот же день в 6 часов вечера состоялось второе собрание. На это собрание принесли икону и попы отслужили молебен. На этом собрании было решено всей воластью идти в Ярославль и поп благословлял идущих в Ярославль, как защитников «церкви и отечества» от большевиков.

Во главе этого «крестьянского движения» стояла группа местных богатеев, причем некоторые из них оказались бывшими офицерами: Копанов, Москвин, Тарасов, Ершов, Перелыгин и др., местный поп и дьякон, приехавший из Ярославля эсер (Мамырин) и учительница. Этой теплой компании из кулаков, эсеров и попов все же не удалось поднять всю воласть, хотя, очевидно, агитация была сильная. Так, один из участников этих собраний рассказывает, что после агитационных речей и молебна «бабы кричали, что если мужики добровольно не пойдут в Ярославль, то они их побьют вилами». — После молебна сформировавшийся отряд направился к Ярославлю, причем несколько раньше его в качестве передовых отправилось несколько человек на велосипедах. Один из «передовиков» рассказывал при дознании в Ч. К. о путешествии отряда до Ярославля следующее: «Ехали мы очень тихо, стараясь не уехать от оставшихся пешеходов и приехали в Яковлевскую слободу поздно—часов около 9. Здесь мы узнали, что в Тверицы можно проехать свободно и поехали туда. В Тверицах нам предлагали ехать на встречу нашей волости и мы отправились обратно. В Яковлевской слободе наших крестьян еще не было и мы остались их здесь поджидать. Через некоторое время мы наших крестьян нашли около Народного Дома, в котором в это время находились крестьяне Яковлевской слободы и обсуждали свое положение. На улице было много крестьян нашей волости, сюда же приехал и Кононов и уговаривал крестьян идти в Тверицы, а те отказывались и потом уже один по одному стали собираться и идти

далее».—Это было в воскресенье вечером, а вот уже в понедельник утром, те же лица видели следующее: «когда я уходил из Твериц, то много крестьян шло домой с винтовками». Приблизительно ту же самую историю, что и с Диево-Городищенской волостью белогвардейцы проделали и с Сереновской (теперь Тургеневская) волостью, из которой тоже пришла часть крестьянства.

Таким образом, о какой-либо поддержке белогвардейского мятежа крестьянством говорить не приходится. Крестьян «рвущихся» восстать против Советов «с голыми руками» белогвардейцам приходится уговаривать при участии кулачья, эсеров и попов. И то это уговаривание не действует—крестьянин вооруженный в Ярославле сейчас же идет домой.

Так обстояло дело с отношением крестьян к Ярославскому мятежу. Если так плохо обстояло дело у белогвардейцев с крестьянством, то тем паче они не могли завоевать симпатии у рабочих, хотя, как мы увидим ниже, и пытались правдами и неправдами перетянуть на свою сторону рабочих.

Первыми и наиболее определенно высказали свое отношение к мятежу рабочие Красного Перекопа (Ярославская Большая Мануфактура), выделив боевую дружину для борьбы с белогвардейцами и, в знак поддержки Советской власти, выкинув красное знамя, которое все время мятежа реяло над фабrikой.

Несколько хуже было положение у железнодорожников, как на ст. Ярославль, так и на Урочи. Там с самого начала революции положение коммунистов не было достаточно прочным, так-как им приходилось долго и упорно бороться с влиянием на железнодорожников меньшевиков и эсеров. Не смотря на это, и тут белогвардейцы проиграли. В первый же день мятежа, 6 июля, к железнодорожникам явились посланцы Перхурова с призывом дать возможно больше людей, как они говорили, для «охраны города». Но на это железнодорожники не пошли.

На общем собрании рабочие железнодорожных мастерских избрали делегацию, чтобы узнать, что за новая власть, в которую вошло 5-ть человек: от меньшевиков—Блохин и от беспартийных—Покрышников и Шипин. Когда эта делегация сходила в город, и затем, вернувшись, рассказала рабочим, что она видела в штабе плакаты с лозунгами:— «Да здравствует свободная Россия, Долой большевиков. Да здравствует учредительное собрание» и что у встреченных около штаба военных личностей имелись георгиевские ленточки и всюду слышались голоса: «господин поручик, господин капитан» и т. д., то это сообщение вызвало среди рабочих большие разногласия и «охранять город» пошли только 142 человека. Но и они не принесли никакой пользы белогвардейцам.

Характерный рассказ один из этих 142-х приводит в своих воспоминаниях о Ярославском мятеже т. Чуркин: «Вернувшись из города в понедельник 8 июля мастерской Шипин явился ко мне в кабинет и спросил:—«а что будет мне сейчас за то, что я послушался призыва,

ушел в город, а теперь оттуда бежал». Я ответил—иди работать, но все-таки скажи, как и что там было и как удалось тебе бежать и он рассказал следующее: «Пришли мы в город 20—25 человек, нас сначала покормили, дали много хлеба и консервов, говоря: наверно большевики вас голодом морили, а потом предложили садиться на бронированный автомобиль и ехать обстреливать кадетский корпус. Мы все поголовно отказались и сказали, что нас звали только охранять магазины и склады от погрома. Тогда нам дали винтовки и поставили в ряды стрелять по закторосельной стороне. Я не знаю, как другие, но у меня за Которослью остались мать и отец, стрелять я совершенно не мог и задумал убежать в ту же ночь (т. е. в воскресенье), что и проделал, перебравшись вплавь через реку и ползя лугом на животе». В доказательство он поднял рубашку и показал исцарапанное травой и песком тело.

Те рабочие мастерских, которые не пошли в город, ответили на мятеж продолжением спокойной работы. 8 июля на гудки в мастерские пришло работать немногим более 300 чел., 9 июля пришла половина всех рабочих, а 10 июля мастерские начали работать полностью при неявке рабочих человек в 100. Так же точно работали и другие службы этого участка.

На Урочи положение было несколько иным. Там белогвардейцам удалось первое время перетянуть на свою сторону рабочих, которые принялись за оборудование броневиков для белых, но скоро оставили мастерские и разбрелись по домам. Но характерно отношение рабочих к коммунистам в то время, когда рабочие, казалось бы, примкнули к белым. В железнодорожных мастерских ст. Урочь в первый день мятежа большие шли дебаты о том, что делать с коммунистами, которые к тому времени были арестованы и сидели в вагоне. Рабочие настояли на том, чтобы арестованные были отпущены и в результате только несколько человек было отправлено в штаб белых.

И так, после краткого обзора нам становится ясным, что Перхуров опирался исключительно на буржуазию, интеллигенцию и попов, а его попытки опереться на крестьян и рабочих кончились весьма плачевно. Теперь для большей ясности нам остается проследить участие отдельных политических партий в мятеже.

Участие эсеров и меньшевиков в мятеже.

Если Перхурову в результате и удалось перетянуть на свою сторону часть крестьян и рабочих, то это произошло исключительно благодаря тому, что вместе с Перхуровым возглавляли движение наши так называемые, «социалисты», которым в то время верили и за ними шли многие еще из крестьян и рабочих. Вот, например, как рассказывает на суде Богданов-Хорошев о значении меньшевиков в Ярославской губернии перед мятежем: «Вам, вероятно, известно, что Ярославская

губерния была в одно время оплотом с.-д. Туда были приглашены, отчасти случайно собрались, очень ответственные работники Р. С. Д. Р. П. Я не скажу того, чтобы среди наших идейных противников была противопоставлена такая же сила и организация, каковая была у нас.»

Не смотря на стремления меньшевиков и эсеров, как-нибудь умалять их значение в мятеже, им это не удалось. На ряде судебных процессов выявилась их роль в мятеже, да кроме того значения отдельных лиц из эсеров и меньшевиков никак не скроешь. Вот например,—Мамырин—эсер принимал горячее участие в мятеже, агитировал за помощь Перхурову среди заволжских крестьян и на эту агитацию потратил советские деньги. Он до мятежа был членом Губ. Исполнительного Комитета и на его руках находились деньги, принадлежащие Губ. Исп. Комитету.

Другая черная личность это меньшевик Савинов И. Т.—Председатель Ярославского Комитета меньшевиков. Об участии его в мятеже говорят очень много. Но характерна обрисовка Савинова, сделанная тов. Чуркиным (член РКП), которому пришлось встретиться с Савиновым в штабе Перхурова в первый день мятежа, куда т. Чуркин ходил по поручению железнодорожников, чтобы выяснить, что из себя представляет новая власть. Вот что рассказывает т. Чуркин:

«Иван Савинов стоял на нижней площадке при входе с Перхуровым и несколькими из военных личностей с героиевскими ленточками в петлице. Я обратился с вопросом к Савинову: «Скажи мне, т. Савинов, что это за военные люди, откуда они взялись и какая их программа.» На это Савинов ответил:—«Это отряд добровольческой армии Савинкова под командой полковника Перхурова в связи с чехо-словацким выступлением и англо-французским десантом на севере. Программа ясна, взгляни на плакат». А на плакате были следующие лозунги. «Да здравствует свободная Россия. Долой большевиков. Да здравствует Учредительное собрание.»

Еще один «из стаи славных» — Дюшен — ярославский губернский комиссар временного правительства, член РСДРП меньшевиков — был душой переворота; тот час же был восстановлен Перхуровым в должности комиссара. Наиболее ярко характеризуется Дюшен все тем же Богдановым-Хорошевым. Он рассказывает, что когда Дюшену было предложено от имени меньшевистского собрания уйти из штаба Перхурова, то получился следующий ответ: «Прежде чем, как меньшевик, я здесь стою по долгу представителя временного правительства. Город взят сторонниками учредительного собрания, сторонниками временного правительства, которого представителем я являюсь, поэтому я здесь остаюсь, как уполномоченный временного правительства. Кроме того я сейчас уже не могу уходить, потому что объявлена мобилизация офицеров, и потому я здесь останусь до конца».

Если к этой галлерее прибавить более мелкие фигуры — Мешковского,

меньшевика (присяжный поверенный), эсера Андреева и др., то станет совершенно ясным, что отдельные члены партии, и довольно влиятельные члены, являются активными помощниками Перхурова. Теперь остается проследить официальное отношение этих партий к мятежу и к руководителю его—«Союзу защиты родины и свободы.»—Здесь, пока что, единственным источником, можно считать опять таки Перхурова и Богданова-Хорошева, а именно их показания суду.

Прежде всего о меньшевиках.

Меньшевики, по словам Богданова-Хорошева, (он был тов. председателя Ярославского Комитета партии меньшевиков и ему ли не знать о том, что делалось у меньшевиков), знали еще 4 июля о том, что предполагается антисоветское выступление. В этот день, на собрании К-та партии, председатель К-та И. Т. Савинов сделал следующее сообщение: «Товарищи, я должен вам дать сообщение внеочередное и весьма важное. Я только что был на собрании группы лиц, которые предполагают выступить в Ярославле против местного Ярославского Коммунального Совета».

После того, как было указано, что на совещании были: Борис Савинков, какой то полковник и калет Кизнер, т. е. выяснилось, что переворот будет белогвардейско-буржуазный, Комитет выносит следующую резолюцию: «Выслушав доклад т. И. Т. Савинова о готовящемся в г. Ярославле выступлении, Комитет Партии Р. С. Д. Р. П. меньшевиков, согласно программы и тактики партии и директивам Ц. К. отказывается от какого бы то ни было активного участия в этом выступлении, сохраняя за собой нейтралитет.» Потом, как объясняет Богданов—«под влиянием страха, что будет в дальнейшем»—были добавлены слова: «оставляя за собой свободу действий», причем тут же было решено организовать рабочие дружины для охраны города, порядка и безопасности, которые и были организованы и отданы под команду перхуровских офицеров и тем самым стали частью армии Перхурова.

Так ярославские меньшевики, узнав, что прееполагается белогвардейское выступление, отошли в сторону, постаравшись предварительно использовать свой авторитет на увеличение бойцов в армии Перхурова. Интересно отметить то обстоятельство, что Перхуров, используя меньшевиков для того, чтобы с помощью их обмануть рабочие массы, отбросил их, как негодную ветость: когда меньшевистский комитет вздумал протестовать против расправ белогвардейцев с коммунистами (очевидно это было сделано под давлением рабочих масс, т. к. рабочие все время интересовались судьбой коммунистов), Перхуров, через начальника штаба, дал делегации следующий ответ: «Подите к чорту, нечего нам с вами разговаривать».

Вслед за Ярославским Комитетом Центральный Комитет меньшевиков также обсудил только на словах выступление белогвардейцев.

Б. Горев, выступавший на процессе Богданова—Хорошева в качестве свидетеля, рассказал суду о резолюции, принятой Ц. К. меньше-

виков о Ярославском мятеже: «Эта резолюция гласила: как только выяснилось, что восстание руководится белыми офицерами,—резолюция констатировала, что это—политическая авантюра, в которой партия во всяком случае не должна участвовать, не должна вмешиваться. Но тут же делались экивоки вправо и говорилось:—«то при этом партия должна соблюдать нейтралитет. Ни одна капля рабочей крови не должна пролиться в защиту большевистского правительства».

Если меньшевики хоть на словах стремились показать себя противниками Перхуровской авантюры, то эсеры такого колебания не высказывали. Они были не только активными участниками белогвардейского восстания, но и организаторами его, состоя действительными членами «Союза защиты родины и свободы». Так, один из активных членов этого союза Пинка, на следствии показал, что «из политических партий к организации принадлежали: народные социалисты, социалисты-революционеры, и левые кадеты», затем во главе организации стоял с.-р. Савинков и, наконец, ярославские эсеры участвовали в организации мятежа путем мобилизации крестьянства в армию Перхурова. Вот что об этом рассказывает в своих показаниях Перхуров: «От крестьян ко мне заходил некий Мамырин—эсер, который передал мне, что целый ряд волостей ближайших к Ярославлю вполне готовы к выступлению и намереваются идти все поголовно. Среди них есть очень толковые руководители из офицеров—местных жителей, так что в посторонних руководителях—крестьяне не нуждаются. В некоторых волостях оружие, по крайней мере для первых шагов, есть, но некоторые, как Толгобольская, Сереновская, оружия не имеют.

Перхуров, выступая, знал, что его сил хватит только на 4 дня, но тем не менее он поднял восстание, т. к. думал через эсеров и меньшевиков получить поддержку у крестьян и рабочих. Мы видели, что эти планы рушились, но тем не менее все говорит за то, что на них много строилось. Говоря об эсерах, Перхуров указал также, что с заверениями о поддержке его 2000 рабочих Ярославля приходил меньшевик Савинков.

Вот какие силы участвовали в мятеже и кто являлся его вдохновителями.

Прежде чем перейти к описанию самого мятежа, мы считали необходимым осветить и этот вопрос.

Дни мятежа.

Еще 4 июля предполагалось «Союзом защиты родины и свободы» произвести выступление в Ярославле и на этом настаивал Б. Савинков. В это время французский десант подходил на судах к Архангельску и выступление должно было облегчить французам высадку и продвижение вперед. Выступление предполагалось произвести одновременно в Рыбинске, Ярославле, Костроме и Муроме, причем в Рыбинске была самая мощная организация. Но из этих городов Кострома оказалась неподго-

товленной и прислала только обещание, прислать помощь Ярославлю. В Ярославле в организации Союза было 200—300 человек, в большинстве офицеров, да Савинков обещал прислать из Калуги и московской организации 200 человек, причем с этими силами необходимо было продержаться 4 дня, когда должен был придти на помощь восставший Рыбинск и высадившийся в Ахангельске французский десант.

Начало восстания в Ярославле по плану должно было произойти с артиллерийского склада, где помощник начальника склада был член Союза защиты и 4 июля дежурный по караулу был свой для Перхурова человек; за несколько дней до восстания Перхуров был на складе и осмотрел там нужные для него орудия, которых было там 8. Сбор был назначен к 2 ч. ночи с 4 на 5 июля на кладбище около склада. К этому времени Перхуров явился на сборный пункт, причем застал всех в тревожном настроении, т.к. получились известия, что на ст. Всполье остановился воинский эшелон. Кроме того, на сборном пункте оказались только 86 человек, т.к. глава Ярославской организации полковник Лебедев не успел всех известить. Кроме того в 2¹/₂ часа должен был прибыть броневой дивизион, но он не прибыл и к 3 часам. Это заставило Перхурова отложить выступление до следующего вечера.

После этой неудачи, днем 4 июля Перхуров собрал командиров частей, начальника штаба, начальника артиллерийского склада и сделал новые распоряжения, причем сборный пункт был оставлен прежний. В этот же день состоялось собрание политических организаций, поддерживавших белогвардейцев, созванное эсером Локтевым. На этом совещании присутствовали представители кадет, эсеров и меньшевиков и Перхуров. Вечером 4 июля из Рыбинска от Савинкова Перхуров получил предложение отсрочить выступление до 8 июля, т.к. произошла какая то задержка, но состояние организации было настолько неустойчиво, что каждая оттяжка грозила разрушением организации и поэтому Перхуров, не смотря на изменившееся к худшему положение, все же назначил выступление в ночь с 5 на 6 июля. Первые моменты выступления Перхуров в своем показании на суде осветил следующим образом:

«Я в назначенные часы отправился на сборный пункт и сидел в канавке между артиллерийским складом и кладбищем, делая подсчет. Прибыл полковник Лебедев, он всем уведомления разослал, но винтовки приказал не приносить, так что мы оказались фактически с голыми руками. Затем постепенно приходили люди, не помню, сколько собралось, но оказалось больше того количества, которое я назначил, как минимальное. Затем мы поджидали автомобиля из дивизиона. Он не прибывал. Я решил брать артиллерийские склады. У нас всего оружия было только 12 револьверов. С этим оружием мы решили брать склад. Пошли и взяли его без одного выстрела и без всякого сопротивления. Отсутствие дисциплины, за которую мы ратовали, в этом отношении дало свои результаты. Часовые с нами разговаривали, мы сказали им,

кто мы и предложили сдать оружие и отходить в сторону. Нас было человек 108—110. Караул был человек 40, даже более—человек 50. Вошли в склад, стали разбирать оружие. Я их выстроил для того, чтобы показать себя. Рассветало уже совершенно. Мы оборвали провода, но один уцелел. Бросились к обозу. Мы могли запретить только два орудия. На большее количество лошадей рассчитывать не было возможности. Когда людей выстроили, поставили у склада свой караул для наблюдения за всеми подходами к нему. Времени, назначенного для выхода броневоегo автомобиля, прошло много больше. Тогда я обратился к собранным людям с таким заявлением: высказал им сомнения, которые одолевали меня относительно броневоегo дивизиона и предложил им на выбор, что они хотят, идти ли захватывать Ярославль или отправиться в Рыбинск, к чему я лично был склонен, потому что там наша организация более сильна. Все заявили. «Пойдем брать Ярославль».—Я распределил людей по назначению и сам с оставшимися 30 человеками отправился в город. В самый интересный момент появился броневой дивизион... Когда броневик прибыл—дело улучшилось.

Мы двинулись. При входе в город, с левой стороны, тянулись заборы и тут показались скачущие всадники человек 40—50. Я поставил цепь и приказал, чтобы огня не открывали. Цепь имела дозоры, а броневик ушел вперед. И когда всадники увидели нас, пошли шагом; когда подошли шагов на 100—150, я вышел вперед... Но в этот самый момент один из дозорных выстрелил и ранил одного из всадников. Я предложил им сдать оружие и присоединиться к нам или идти по домам. Часть их присоединилась сейчас же. Все оружие было сдано до карманных револьверов включительно. Это оказалась конная милиция. Между прочим, я совершенно не знаю, каким путем она узнала о нашем выступлении. Когда мы пошли, резерв продолжал двигаться. Все было спокойно. Жители стали появляться на улицах; мы тихо подвигались во внутрь города. Мы удивлялись, что нигде никакой стрельбы не происходило. Полная тишина была, и затем только тогда, когда подходили к Корсунской гимназии, раздалось несколько выстрелов. Когда после этого пришли в гимназию, там оказалось, нас ждут с донесением, что занят дом Лопатина и город находится в наших руках. Затем, когда я вошел в штаб, то послал на мотоцикле с приказом к рабочим, чтобы они поторопились *). Как я говорил, я оставил человек 15 охранять склад до тех пор, пока не подойдут вагоны от рабочих. Причем было сказано, учитывая то, что на Всполье стоял эшелон, мною было приказано, что в решительные минуты не связываться, а садиться на автомобиль, который я им оставил. Они сделали такую ошибку. Они вступили с солдатами в разговор, подпустили к себе слишком близко и в конце концов все были переколоты. Один или двое остались, которые и

*) Речь тут идет, очевидно, о железнодорожных рабочих, за которых Савинов дал обещание Перхурову, что они подадут к артиллерийскому складу платформу, на которой должны были быть перевезены орудия со склада Перхурову.

принесли известие о гибели своих товарищей. Таким образом, артиллерийские склады оказались в руках советских войск. Единственные ресурсы, которые оставались, — это был маленький Ярославский арсенал».

Так начался мятеж, вызванный политической авантюрой, заранее обреченный на неудачу самими его организаторами и принесший так много бедствий гор. Ярославлю и его рабочему населению.

В первый же день Перхуровым был издан приказ, показавший населению, что из себя представляет «новая власть», который мы приводим полностью: «На основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армией, находящейся под верховным командованием генерала Алексеева, я, полковник, Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в Ярославском районе, занятом частями Северной Добровольческой армии. § 2. Впредь до восстановления нормального течения жизни в городе Ярославле и его губернии, вводится военное положение и на это время воспрещаются всякие сборища и митинги на улицах, в публичных местах.

Полковник *Перхуров*.

6 июля н. ст. 1918 г.

Красные защитники г. Ярославля быстро организовались и составили мощную боевую силу, начавшую с 6 же июля самоотверженную борьбу с кучкой авантюристов.

Дело в том, что расчеты Перхурова с первого же момента восстания не оправдались — прежде всего железнодорожные рабочие не пошли за Савиновым, платформа для орудий к артскладу не была подана и склад оказался в руках Красной армии, не оправдались надежды Перхурова и на Красную армию — только броневой дивизион под влиянием своих белогвардейских начальников перешел на сторону Перхурова, 1-й же Советский полк, на который рассчитывал Перхуров, остался верным Советской власти. Тем не менее Перхурову в первый же день удалось создать небольшую армию, путем обязательной мобилизации офицерства, вербовки молодежи и усиленную частью рабочими, обманутыми меньшевиками.

Расправа с коммунистами.

Захватив город, белогвардейцы утром же 6 июля бросились по городу розыскивать оставшихся коммунистов для того, чтобы с ними расправиться. Помощь в этом отношении белогвардейцам оказали перешедшие на сторону белых отдельные ответственные работники советской власти. Наиболее ярко из этих предателей выделяется начальник команды мотоциклистов, бывший юнкер-матрос Ермаков, который «метался по всем войсковым частям и указывал белой гвардии кого нужно взять и кто неблагонадежен». Затем, также старался на этом поприще инспектор уголовного розыска Греков, производивший обыски в квартирах советских служащих и розыскивавший их по различным учреждениям. Кроме

того перешли на сторону белых: комиссар губернский гражданский, бывший прапорщик Фалалеев (числился ранее большевиком), был у белых начальником одного из отрядов и был убит на позициях; комиссар военного отряда, бывший прапорщик Баранов, разоруживший свой отряд; комиссар авто-пулеметной роты Супонин и некоторые участковые комиссары милиции. Вот с помощью этих предателей, знавших советских работников, эти последние арестовывались.

Рано утром 6 июля группа белогвардейцев явилась на квартиру председателя Ярославского Городского Исполкома т. Закгейма, которого вывели во двор и на глазах жителей тотчас расстреляли, вытащив труп на улицу для обозрения обалделой от радости буржуазии.

Другая группа белогвардейцев зашла в гостиницу «Бристоль», где были арестованы жившие в этой гостинице советские работники и в их числе председатель губисполкома и комиссар военного округа С. М. Нахимсон, которого вместе с другими отвели в каземат 1 участка милиции. Сюда через несколько времени пришел сыщик Греков, вызвал Нахимсона, вывел его во двор участка и здесь Нахимсон был расстрелян.

Всего было арестовано советских работников — коммунистов и красноармейцев более 200 человек, размещенных в здании суда, в бывшем Лопатинском доме и в других местах. Для наиболее опасных, с точки зрения белых, устроили тюрьму на барже с дровами, которую вывели на середину Волги. Это был один из гнуснейших видов издевательств белых. Эта баржа находилась под обстрелом красных и белых и в ней арестованные сидели 2 недели, буквально голодные. Вот как об этом передает один из «баржевиков»:— «Нас на пароме повезли на баржу. Здесь раздалась торопливая команда: «живей» и мы, подталкиваемые прикладами, полезли на баржу с дровами. Кругом белые и вода, так как мы стояли посредине Волги. Нам ясно было, что долго ли, коротко ли потопят или заморят с голоду. У меня не было ни куска хлеба. Начинаем строить баррикады из дров, так как по барже со всех концов, кому не лень, стреляли. Появились раненые и убитые. Ребята каждый день посылал меня: «иди кричи, граждане, дайте хлеба». На мой крик получался ответ пулемета. Я кубарем летел вниз на дно баржи. И так было 13 дней. Я, как многие, каждую ночь вязал плот из дров и хотел бежать. Чувствуя от голода слабость, я не решался; на вязанных мною плотках ежедневно ночью уплывали другие, но участь их была не лучше. Некоторые тонули, а некоторые снова попадали в лапы белых.

Так проходили дни. Мучил страшный голод, стал есть березовую кору и чавкать рукав засаленной гимнастерки. Вот приезжает пароход за ранеными. У стоящего на носу парохода офицера стали просить хлеба, но лишь получили ответ: «молчать, сволочь» и он, подняв винтовку, выстрелил по направлению к нам. Мы успели убрать свои головы. Дальше еще не слаще. Попал снаряд в баржу и несколько человек убило и ранило. Трупов накопилось порядочно, от разложения которых вонь и зараза были повсюду. Все приуныли, стали поговаривать: «умереть бы

лучше на земле», но вдруг увидели утром, на заре красное знамя на Тверицкой стороне за Волгой. Над пеплом, все время мелькающим в наших глазах, выросло красное знамя. Это нас воодушевило. Видим его и на железно-дорожном мосту через Волгу.

Баржа тонула... дюйма три осталось до больших окон. Были последние минуты жизни. Устроили совещание. Более активные товарищи решили, что т. Смоляков с Урочи, токарь Кокорев с свечного завода и Гагин с Урочи должны плыть и подавать лодки с белогвардейской стороны, а затем нашелся рулевой. Меня назначили машинистом. Это был план захвата парохода «Пчелка», стоящего на берегу у белых и на нем переехать на сторону наших в Тверицы. Я и некоторые возражали против этого плана из тех соображений, что нас белые с этой «Пчелкой» потопят. План этот выполнить не пришлось, т. т. Смоляков и Кокорев не доплыли и утонули, а Гагин, видя тонувших, не решился плыть. Стали решать, как быть, решили цепь отпугнуть и одну чалку обрезать. Эта работа была поручена мне и т. Петрову, с завода «Вестингауз». Работу, хотя с трудом, но выполнили. Вдруг треснуло и чалка порвалась. Баржа понеслась. В нас стреляли белые и красные. Дровяные баррикады нас защищали и лишь немногие погибли. Баржа плывет около лица и в нас стали стрелять орудия с Коровницкой стороны красных. Здесь т. Кошкин, я и Петров стали махать и кричать уже не граждане, а «товарищи, здесь свои». Вся баржа, начиная с самого сильного и кончая умирающими, гудела: «товарищи, мы свои». Окровавленные и истощенные вылезали из своих баррикад. В то же время под'ехала лодка, откуда кричали: «Петров, Васильев, разве вы живы». Нас всех приютили, обогрели и накормили. Баржа тут же утонула.

Гражданское управление.

Тотчас по захвате города Перхуровым было организовано гражданское управление, во главе которого был поставлен в качестве помощника главноначальствующего по гражданской части меньшевик И. Савинов; в этом же гражданском управлении работали: Дюшен—меньшевик, кадет—Кизнер и помещик Черносвитов.

Первым актом Перхурова и его гражданского управления было обращение к гр-нам гор. Ярославля. Мы приводим это обращение полностью, как пример лжи и выдумок, которыми Перхуров, вкупе с меньшевиками, думал приобрести себе сторонников:

—«Граждане, власть большевиков в Ярославской губернии свергнута. Те, кто несколько месяцев тому назад обманом захватили власть и затем, путем неслыханных насилий и издевательств над здоровой волей народа, держали ее в своих руках, те, кто привели народ к голоду и безработице, восстановили брата на брата, рассеяли по карманам народную казну, теперь сидят в тюрьме и ждут возмездия. Люди, свергнувшие эту власть, имеют своей целью установление форм широкого

государственного народоправства. Народное собрание, законно, в нормальных условиях избранное, должно создать основы государственного строя, установить политическую и гражданскую свободы и на точном основании закона закрепить за трудовым крестьянством всю землю в его собственность. Как самая первая мера, будет водворен строгий законный порядок и все покушения на личность и частную собственность граждан, в какой бы форме это не проявлялось, будут беспощадно караться. Вместе с этим будут отменены все запрещения и ограничения, мешающие каждому по мере сил работать на общую пользу. Все препятствия торговле и передвижению будут устранены и к делу снабжения насел. предметами продовольствия будет привлечен частный торговый капитал. Долгая война и владычество хулиганов истощили народные богатства, но и до сих пор у нас еще много хлеба и по Волге, и в Сибири. Чтобы получить этот хлеб, чтобы победить голод, нужен только порядок, спокойствие и трудовая дисциплина. Новая власть твердо будет требовать беспрекословного выполнения всех своих распоряжений и будет беспощадно преследовать всех нарушителей правильного хода работ во всех учреждениях и предприятиях. То, что произошло в Ярославле, произошло в тот же день и час по всему поволжью. Мы действуем вместе с Сибирским и Самарским правительствами и подчиняемся общему главнокомандующему, старому генералу Алексееву. Северной Армией командует старый революционер Борис Савинков. Москва окружена теперь тесным кольцом. Еще немного усилий и предатели, засевшие в Кремле, разорившие страну и морящие народ голодом, будут сметены с лица русской земли. Все, кто способен носить оружие, пусть идет в Добровольческую Армию. Как триста лет тому назад наши предки в высоком патриотическом подъеме сумели залечить раны разтерзанной родины, так и мы в дружном порыве спасем нашу родину и наш народ от позора, рабства и голода.

Главначальствующий, командующий Северной Добровольческой армией Ярославского района полковник Перхуров.

Заместитель, помощник Главначальствующего по Гражданской части, член Управления И. Савинов».

В этом воззвании есть не мало хороших слов о свободе и прочем, но уже тогда, когда задумали строить на деле гражданское Управление, то от этих свобод не осталось и помину. 13 июля выпущено было за подписью Перхурова постановление о восстановлении в губернии «законности и порядка». Этим постановлением уже отменяются не только постановления Советской власти, но отменяются и постановления временного правительства и постановление открыто возвращает граждан Ярославской губернии к монархическому помещичьему строю. Это постановление, конечно, вырабатывалось не без участия меньшевиков Дюпина и Савинова, так как Перхуров то был только офицер. Вот это постановление дословно:

— «Объявляю гражданам Ярославской губернии, что со дня опубли-

кования настоящего постановления в целях воссоздания в губернии законности, порядка и общественного спокойствия:

I) Восстанавливаются повсеместно в губернии органы власти и должностные лица, существовавшие по действовавшим законам до октябрьского переворота 1917 года, т. е. до захвата центральной власти Советом Народных Комиссаров, кроме особо установленных ниже изъятий.

II) Признаются отныне уничтоженными все законы, декреты, постановления и распоряжения так называемой «Советской власти», как центральной в лице Совета Народных Комиссаров, так и местных в лице рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Исполнительных Комитетов, их отделов, комиссий, когда бы и за чьей бы то ни было подписью означенные акты не были изданы.

III) Упраздняются все органы означенной «Советской власти», где бы в пределах Ярославской губернии таковые не находились и как бы не именовались, как коллегиальные, так и единоличные.

IV) Все находящееся у них имущество, все дела и делопроизводства в Ярославле переходят в распоряжение Управления Главногоначальствующего по гражданской части, а в прочих городах губернии — в распоряжение начальников уездов, коими и распределяются по подлежащим учреждениям и лицам.

V. Отменяются действия положений Временного Правительства: а) о губернских и уездных комиссарах, б) о милиции и в) о губернских уездных и волостных земельных комитетах. Дела означенных комитетов временно передаются в ведение губернского и уездных земств и волостных старшин по принадлежности.

VI. Приостанавливается действие постановлений, изд. Временным Правительством: а) о производстве выборов городских гласных, б) губернских и уездных земских гласных, в) временные положения о волостных земских самоуправлениях, г) о поселковом управлении, правила о волостном обложении, о волостных сметах, раскладах и о волостных сборщиках и д) положение о судах по административным делам.

VII. Все могущие возникнуть на практике вопросы и недоумения о применении приостановления или отмены действовавших законов разрешаются в срочно порядке распоряжением Управления Главногоначальствующего Гражданской части Ярославской губернии.

VIII. Судебная власть в Ярославской губернии восстанавливается в числе окружного суда и мировых установлений, причем мировые судьи в первой инстанции решают все дела, как гражданские, так и уголовные, единолично и институт членов мирового суда упраздняется. Все выбранные в 1917 г. уездными земскими собраниями, Ярославской Городской думой мировые судьи восстанавливаются в своих правах, причем устранение их и председателя мирового съезда от занимаемых должностей принадлежит Главногоначальствующему Ярославской губернии. Назначение новых мировых судей до полного их комплекта по закону, изданному

Временным Правительством, временно производится Управлением Главногоначальствующего, из кандидатов по представлении общим собранием отделений Ярославского Окружного Суда, по предварительному избранию Земскими и Городскими Собраниями по принадлежности. Также восстанавливается прокурорский надзор, судебнo-следственная власть и вообще все органы судопроизводства.

IX. Органами земского и городского самоуправления временно являются Управы с председателями и городскими головами во главе, Земскими и городскими собраниями при них из местных лиц, назначаемых по представлению Управ. Управлением Главногоначальствующего по гражданской части в числе, определяемом особым распоряжением.

X. В волостях все полномочия по делам местного управления переходят к волостным старшинам, назначаемым властью начальников уезда. Последние в случае надобности могут назначать помощников волостных старшин. При старшине состоит волостной секретарь, назначаемый той же властью.

XI. Все должностные лица губернии, в случае несоответствия их деятельности пользе дела, могут быть временно отстранены и замещены властью Главногоначальствующего губернии.

XII. Все функции общей полиции ведают органы уездной и городской стражи, во главе коих стоят назначаемые властью помощники главногоначальствующего по гражданской части и начальника уезда, начальники уездные, городские, районные и участковые, а также их помощники и нижние чины стражи, назначаемые по особо установленному расписанию.

Примечание: п.п. IX, X, XI, XII вводятся лишь временно до восстановления общего государственного порядка в пределах Государства Российского.

Главногоначальствующий Ярославской губернии, командующий вооруженными силами Северной Добровольческой Армии Ярославского района.

Полковник *Перхуров*».

13 июля 1923 г.

Кроме гражданского управления Перхуров своим приказом организовал, так называемую, городскую управу, в которую вошли: в качестве городского головы—инженер-домовладелец *Донатин*, членом управы меньшевик Абрамов, кадет-учитель Соболев, купец — Баюков, кадет—Горелов и меньшевик—адвокат Мешковский. Проявила себя эта управа только посылкой на верную смерть социалиста Суворова, пользовавшегося большой популярностью у работников Советской власти. Суворов был послан парламентарем к красным войскам и по дороге был убит.

Второе проявление деятельности городской управы было в выпуске возвания к населению г. Ярославля. Характерно опять таки то, что и тут, конечно, было не без участия меньшевиков (их ведь двое было в управе). Они тут дошли до того, что стали писать уже черносотенным

стилем с беспрестанными упоминаниями бога. Мы приводим его полностью:—«К населению г Ярославля.—Уже 9-й день ведет свою героическую борьбу с наседающим на него со всех сторон противником Ярославский отряд Северной Добровольческой армии, Город Ярославль несет огромные жертвы и людьми и имуществом, но население города должно нести эти жертвы, веря, что ни одна жертва зря не пропадет, что каждая капля невинно пролитой крови идет на дело строительства новой свободной и великой России, чуждой между-усобной брани и жажды ее. Разрозненная, разбитая, ослабленная врагом, эта страна будет игрушкой в руках любого ловкого авантюриста. Наоборот, единая, собранная, сплоченная национальной идеей Россия должна выйти победительницей, в начинавшемся разгаре борьбы. Перст истории указал на наш город и нужно верить, что Бог спасет нашу родину в настоящую тяжелую годину.—Воспрянь же, Русь, и крикни клич и принеси еще жертву для ее возрождения. Нужно твердо помнить и отчетливо знать, что выход только в победе, мужестве и самоотвержении. Твердо решившись отстоять свое благополучие, нужно собрать все свои душевные и телесные силы и довести дело до конца, не предаваясь малодушию и унынию. Главный враг на войне—это суетливость, нервность. Давайте делать каждый спокойно свое дело, к которому он приставлен в трудную годину, интересоваться им и доводить его до самых лучших результатов, доверяя, что и всякий также делает свое дело. Бог поможет нам и Ярославлю с его святынями и от него пойдут здоровье и сила в тело нашей несчастной родины.

Да здравствует Всенародно-законно-избранное учредительное собрание.

Ярославский отряд Северной Добровольческой армии и Городская управа—15 июля 1918 г.»

Как протекало восстание.

Уже первый день для белых принес ряд разочарований и эти разочарования продолжались. На второй-третий день у красных защитников Ярославля появилась артиллерия и начала бить по части Ярославля, занятой белыми. Начались пожары. Со стороны белых действие артиллерии быстро закончилось, т. к. они успели взять два орудия, которые тотчас же были подбиты артиллерией красных. Положение белогвардейцев уже на второй день было настолько тяжело, что ихнему штабу пришлось искать другое помещение—гимназия Корсунской, где помещался в начале штаб, стала не безопасной. Переехали в здание государственного банка. Вместе с занятием банка под штаб, белогвардейцы решили за одно и ограбить банк, что им отчасти и удалось. Довольно характерно рисуют показания на суде по делу Перхурова, свидетеля Цеханского о попытках белогвардейцев взять из банка деньги:—«Спустя несколько дней после занятия банка, ко мне в квартиру,

которую я занимал в нижнем этаже, явился отряд вооруженных людей и требовал открыть кладовую для выемки двух с половиной миллионов рублей. Я категорически отказался, требуя разрешения Центральной власти, но, конечно, в этом было отказано. Затем я сказал, что я выдать не могу, потом ключ у меня только один, а потом есть ключи у контролера и кассира, которые живут в городе. Мне было сказано, что если я откажу, то могут обойтись и без меня. Тогда в кладовой было денег свыше 100 миллионов. Эта была по тому времени значительная сумма. Тогда я сообразил, что действительно получается что то владное: если попадут в кладовую так, то вся денежная сумма подвергнется расхищению, потому что если разломают кладовую, то в такое время ее заделывать не придется. Я попросил разрешения переговорить со своими сотрудниками по охране денежной кладовой, и мы решили деньги эти выдать, для того, чтобы спасти все остальное, что там было, с условием если будет выдана расписка в получении этих денег. Был послан автомобиль и отряд для того, чтобы доставить живущих в городе на частных квартирах контролера и кассира. Деньги два с половиной миллиона в присутствии их взяли и выдали расписку. Затем спустя несколько дней, меня опять арестовали при другом составе штаба. Мне было предъявлено требование выдать четыре с половиной миллиона. Мои протесты не были приняты во внимание и было предложено под угрозой расстрела выдать. Тогда я попросил разрешения переговорить с Карповым. Я вошел с ним в чисто—человеческие переговоры, что дескать эта идейная борьба, а зачем растрачивать народные деньги. Мне удалось его уговорить до того, что он вместо четырех с половиной миллионов, взял только два миллиона. И тем кончилось дело с выемкой денег. — Все остальные деньги остались в целости и сохранности. Была попытка сделать еще выемку, но тогда была пьяная толпа из 15—20 человек, которую потом разогнала конная милиция, перешедшая на сторону Красной Армии».

Не смотря на то, что, как и указывалось выше, Перхурову и компании было ясно, что держаться в городе долго нельзя и сам Перхуров, начиная борьбу, надеялся продержаться только 4 дня до помощи, для успокоения гимназистов—сынков интеллигенции и обманутых рабочих и крестьян выпускались бюллетени, в которых пелось о победах. Вот, в качестве примера, один из бюллетеней, помеченных 17—18 июля, за 4 дня до падения Ярославля, а в нем все же продолжают басни о победах:—«Сегодня ночью нам удалось вывести с передовых линий один из захваченных броневиков противника. Работы по извлечению двух других машин продолжаются. Вчера днем противник перенес огонь артиллерии на левый берег р. Волги, очевидно потесненный действующими там нашими отрядами.— На передовых линиях минувшие сутки перестрелка и поиски разведчиков. С рассветом противник вновь начал бомбардировать центральные части города. Бомбардировка, не причиняя городу большого вреда, рассчитана только на угнетение духа граждан,

утомленных осадой. Благодаря энергичной и сплоченной работе всех общественных организаций снабжение граждан продовольствием, водой и медицинской помощью, несмотря на невероятные трудности работы, успешно налаживается. Необходимо собрать силы духа еще на несколько дней, перенесенные испытания к этому обязывают. Торжество свободы близко. Штаб Ярославского Отряда Северной Добровольческой Армии».

«Бои продолжались своим путем, но постепенно созревало сознание, признается Перхуров, что помощи ждать неоткуда. Кажется, на девятый день выяснилось, что трех-линейных патронов остается очень и очень немного. Я тогда приказал выдать винтовки Ветерли с теми патронами, которые были. Их хватило бы дней до 10—12. Потом винтовки Бердан, Гра, они были последним ресурсом. Трех-линейные патроны мною было приказано оставить для набойки пулеметных лент. Таким образом, у каждого бойца получились две винтовки: одна Ветерли с патронами и другая только со штыком без патронов. Приходилось что либо предпринимать своими средствами. Я разработал план прорыва всем гарнизоном вырваться из кольца и пробраться на свежий путь. Уже начали писать приказ об этом, но ко мне явился Супонин. Он явился в разорванной рубашке с окровавленным лицом и говорит, что был у красных. Он остался при штабе, ничего не делая, не неся никаких обязанностей. И когда был приказ разработан, он явился с гардемарином Ермаковым, тем самым, который попался с мотоциклом 5 числа, и они заявили, что люди не хотят уходить из Ярославля. Я поехал на фронт. Поговорил. Настрое-ние было очень хорошее, люди говорили, что всякие ваши приказы будем исполнять. На тверицкий участок я послал одного полковника Гонпера. Когда я стал перерабатывать план и опять писать приказ, пришел опять Супонин и сказал, что люди не пойдут. Прорыв—это вещь очень рискованная, и надо было идти с людьми, которые твердо на это решились. В это время положение Тверицкого участка было очень тяжелое. На участок были посланы полковник Гонпер и Масло, которые привели его в порядок, но держаться долго там не могли. Пришлось собрать военный совет, где был генерал Карпов, который пользовался большим авторитетом у местного населения. У нас существовал импровизированный военный совет из членов штаба и представителей с боевых участков. Были представители и гражданского населения. На совете Карпов и другие сказали, что они из Ярославля не уйдут, а иногородние, не ярославские, говорили, как угодно и когда угодно. Поэтому я решил вместо прорыва сделать частичную вылазку. На участке полковника Гонпера положение было тяжелое, ему необходимо было оказать помощь, а потом войти в связь с партизанскими отрядами и действовать с тылу противника. При обсуждении этого вопроса в принципе все согласились и я предложил желающим взяться за руководство этим делом. Желающих не нашлось. Дебатировался вопрос и о сдаче, но за сдачу был только один голос. Вылазка была признана необходимой, но руководить

ею никто решительно не хотел. Я послал по участкам. Ответы были такие, что желающие есть, но руководителей нет. Я предложил сесть на пароход на рассвете в то время, когда с Волги поднимается туман, и пользуясь быстрым ходом, проскочив через линию обстрела, высадиться на левом берегу. У меня была одна волость—Толгобольская, которая из'явила желание идти за нас, если ей будет выдано оружие. Его приходилось давать с большим разбором, и покуда эти разборы шли, они оказались без оружия, и круг был замкнут. И вот после этого, когда все отказались, я сказал, что за эту историю возьмусь сам. Когда я им делал предложение относительно парохода, то все говорили, что это вещь совершенно невозможная и в лучшем случае крайне опасная и рискованная. Пошли разговоры относительно того, как это сделать. У меня был план взять человек 200. Оборону Ярославля продолжать, оборону передать генералу Карпову. Он ручается, что продержится неделю минимум. Я доказывал, что не продержаться, потому что патронов нет. Был разговор и относительно людей и когда было потом сказано, что мне надо взять 200 человек, он сказал, что без 200 человек оставаться в городе не может. Тогда в его распоряжении оставались еще новые рабочие Вахрамеевской и Дунаевской фабрик. Карпов сказал, что пока к нему они не придут, он при условии, если я возьму 200 человек, не останется. Они должны были придти через день на рассвете. Из Твериц все время шли тревожные телеграммы. Я вынужден был согласиться пойти на вылазку с меньшим количеством людей, чтобы оказать Гопперу, хотя бы на первое время, небольшую помощь. Цифра, на которую я согласился, была 50. Затем я начал готовиться к выполнению плана, приказал подготовить небольшой пароход, сложить запасы продовольствия, т. е. они уже были сложены, в виду предполагавшегося прорыва. Набрав винтовки берданки для вооружения крестьян Толгобольской волости, мы в таком составе направились. Причем получилось то, что по телефону было получено сообщение, что желающих на вылазку очень много, но приходилось, чуть не метать жребий, из за этого происходила задержка. Пришло 30 человек. По поводу недостающих я сообщил в помещение, где находились отдыхающие с участков. Я взял оттуда недостающие 20 человек и всего в количестве 50, я 51-й, отправились к Волге. Парохода в определенном месте не оказалось. Находясь все время под обстрелом, уже совсем рассветало, когда мы этот пароходик нашли, разместились и тронулись. Было почти совершенно светло. Только туман поднимался на Волге и на прикрытие этого тумана я рассчитывал. Людей я поместил вниз, сам остался на верху и еще два-три человека. Отвалив от пристани, мы полным ходом пошли вверх. В виде предохранительных мер я приказал свести на пароход спасательные круги, потом лодки. В таком положении двинулись. На мосту стоял часовой, которого я ясно видел. Не знаю чем объяснить, но по нам кроме оружейных выстрелов не было дано ни одного артиллерийского выстрела. Наконец, мы вышли из линии обстрела, самое опасное место было про-

скочено. Мы под'ехали к пристани Толга. Там были люди, которые нам показались непонятными. Я решил к этой пристани не приставать, а продвинуться вверх по Волге и высадиться на берегу. Продвинувшись немного дальше, мы высадились, команду человек в 15 я оставил на пароходе, а с остальными пошел в ближайшую деревню. Это было часов в шесть утра. По дороге нам встретились крестьяне. Мы разговорились и они сказали, что все ушли на работу, покуда будут собираться, покуда что, а по одиночке они решить не могут. Мы ждали обеденного часа. С парохода тем временем успел перевезти все запасы продовольствия, оружия и патронов. Были три пулемета и несколько винтовок Бердана. Подводы раздобыты были крестьянами из Толгского монастыря. Затем стали постепенно собираться крестьяне, но довольно мало. Затем они предложили такую вещь: оставить оружие в потайном месте, т. к. они опасаются, потому что есть люди, которые могут выдать, но крестьяне соберутся не раньше завтрашнего дня. Ждать дальше мне было нельзя и я с 50 человеками отправился. Были даны проводники, тут же примкнули человек 5-6 еще, потом был дан один из крестьян, который должен был знать, где будет сложено оружие. Мы прошли так, приблизительно верст 10—16 и там сложили оружие. Дальше проводники нас хотели провести по лесным тропинкам, чтобы миновать дорогу, где можно встретить вооруженную силу. Нам в силу этого пришлось отказаться от подвод. Припасы мы оставили в одной деревушке, а сами отправились по лесным тропинкам, причем пулеметы несли на руках. Люди страшно устали и настроение у них было пониженное, потому что реальной поддержки ни откуда нет. Мы так прошли до глубокой ночи. Мы сделали привал для отдыха. Потом пошли дальше лесом, попали в какое-то болото. Поднялся большой туман. Проводники в этом тумане заблудились и отправились одни без нас отыскивать дорогу. Прошел час. Их нет, двигаться дальше было нельзя и нам пришлось заночевать. Когда утром встали, проводники еще все искали дорогу. Я послал нескольких человек обратно, чтобы подвезти продукты, сам стал сидеть и ждать. В это время я услышал разговор между людьми отряда, которые говорили, что идти дальше нельзя и надо идти обратно в Ярославль. Я указал им на невозможность этого и пояснил, что наша задача — помочь Тверицкому участку: опять запирается в железное кольцо — пользы никакой не получишь. В это время проводники вернулись и сказали, что они далеко забрались на север. Продукты не приехали. Я оставил на деревне записку и с голодными людьми, плохо отдохнувшими, двинулся вперед в сопровождении вернувшихся проводников. Дозор, посланный мною на железную дорогу, частью куда то скрылся, а часть до линии железной дороги не дошла. Пришлось к железной дороге подойти самим, — железно-дорожная будка была далеко. По ту сторону железной дороги был лес, и я перевел свой отряд в этот лес. Когда дело дошло до того, чтобы опять двигаться вперед, то желающих набралось только пять человек. Остальные до такой степени устали, что не могли даже встать».

Эта длинная выписка характерных показаний Перхурова говорит нам, что за положение было тогда, когда в бюллетенях писалось о бедах белых. Положение было таково, что приходилось думать о собственном спасении. Под предлогом вылазки Перхуров бежит, без него положение становится все хуже и хуже.

Оперативная сводка революционных войск от 19 июля говорит, что «замкнутые в кольцо белые пытаются делать вылазки, но последние отражаются огнем и, наконец, летчиками прилетевшими из Москвы, согласно предписания Чрезвычайного штаба было совершено два полета над городом для подготовки наступления наших войск. Для этой цели за два полета было сброшено более 12 пудов динамитных бомб, большая часть которых, по полученным сведениям, попала в район расположения штаба противника (около бывш. губернаторского дома). Летчиками, по словам оперативной сводки, замечены сильные повреждения зданий и возникшие пожары. Ими было насчитано большее число пулеметных гнезд, из которых производились обстрелы по аэроплану и очевидно по городу. Не смотря на значительную высоту (1200—1600 метр.) около аэроплана был слышен свист пуль и замечено одно пробитие аппарата. Артиллерийский огонь противник не открывал, ограничившись одним или двумя выстрелами из мелко калиберных орудий, видимо, с броневигов. В настоящее время, в виду упорства противника, решено усилить бомбардировку, применяя для этой цели наиболее разрушительной силы бомбы.

Наконец, белые не выдерживают и 21 июля является уже последним днем их царствования.

Капитуляция города.

Белогвардейцы, решив сдаться, все же думали заставить Советскую власть продолжать войну не с ними, а с германцами. Они, об'явив в начале, что находятся в войне с Германией и затем, когда перед ними стал вопрос о необходимости капитулировать, то они об'явили, что сдаются германской армии в лице председателя Комиссии военнопленных лейтенанта Балка и 21 июля появился следующий приказ, подписанный лейтенантом Балком.—«Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Республики и уполномоченная тем же Правительством Германская Комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее: Штаб Ярославского отряда Северной Добровольческой Армии об'явил 8-го сего июля Германской Комиссии № 4, что Добровольческая Армия находится с Германской империей в состоянии войны. Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избежать дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославский отряд Северной Добровольческой армии 21 июля 1918 г. предложил Германской Комиссии № 4 сдаться ей и выдать свое оружие. Германская Комиссия

№ 4 приняла предложение. 2) Комиссия передаст штаб в качестве военнопленных Германской империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее. Германская Комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета. Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни Комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку. Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее. Ярославль 21 июля—Председатель Германской Комиссии № 4 лейтенант Балк».

Но эта провокация белым не удалась и после непродолжительных переговоров по требованию Советской военной власти германские пленные были разоружены и Советская власть вновь укрепилась в Ярославле.

Ликвидация мятежа.

Главари белогвардейского мятежа скрылись из Ярославля, в числе которых были: Перхуров, генерал Карпов, Гоппер, Савинов и другие.

Следы остатков отряда Гоппера некоторое время отмечались в Костромской губернии, там же оказался и Савинов. Последний был пойман отрядом Костромской губернской Чрезвычайной Комиссией в одном из северных городов Костромской губернии; был посажен на пароход для отправки в Кострому, но по дороге пытался бежать, бросившись с парохода в воду, но отрядом был пристрелен.

Для расследования дела о мятеже в Ярославле была организована особая следственная Комиссия, по постановлению которой были расстреляны активные участники банды и организаторы мятежа в количестве 350 человек. Кроме этого при самом занятии города было расстреляно 57 человек в большинстве офицеры.

Впоследствии был задержан и Перхуров и 19 июля 1922 года Выездная сессия Военной коллегии Верховного Трибунала в г. Ярославле приговорила Перхурова к высшей мере наказания. В 1 час ночи на 22 июля Перхуров, во исполнение этого приговора, был расстрелян.

Так закончилась авантюра «Союза защиты родины и свободы» в угоду французскому империализму.

Итоги мятежа.

До 6 июля 1918 г. г. Ярославль представлял из себя крупный культурно-промышленный центр верхнего Поволжья и северной области не останавливавшийся в своем развитии, а все более и более развивавшийся. Несколько цифр, имеющих в нашем распоряжении, в достаточной степени характеризуют значение и развитие города.

В 1897 году по первой всеобщей переписи в Ярославле числилось

населения—71616 чел., а в 1917 г. население города, вместе с пригородами, исчисляется уже цифрой—128255 чел., т. е. на 56639 ч. больше, чем в 1897 г. Но все значение только что приведенных выше цифр будет нам ясно, если мы познакомимся с данными, показывающими, из чего состоит цифра в 56639 чел. прироста гор. Ярославля.

Данные статистики о рождаемости и смертности населения города Ярославля за 4 года с 1910 по 1913 год—говорят, что естественный прирост населения в Ярославле ежегодно равняется приблизительно—1084 чел.: если мы эту цифру примем за цифру ежегодного прироста населения города в течение 20 лет, то за все 20 лет получим 21680 ч. естественного прироста—

При таком положении на прибыли населения путем притока в Ярославль новых жителей из других местностей ляжет 34959 чел. на 20 лет, т. е. в один год в среднем 1748 чел. Такой прирост в городе может быть только при условии развития его в промышленном и торговом отношении.

Ту же картину нам рисуют и цифры ярославской промышленности и грузооборота ярославских пристаней. В 1861 г. в Ярославле числилось фабрик и заводов с рабочими в количестве 1621 чел. и производительностью, оцениваемой в 1.866.478 рублей. К 1887 г. эти цифры изменяются следующим образом: число фабрик и заводов уменьшается до 57, но за то число рабочих на них увеличивается до 8080 чел., а сумма производства достигает 10.993.265 руб. Почти накануне мятежа, к 1916 г. промышленность г. Ярославля достигла еще больших размеров: фабрик и заводов в этом году в Ярославле было 58, с количеством рабочих в 16578 чел., производящих ценностей на 40 мил. рублей. Рост грузооборота ярославских пристаней шел следующим путем: в 1899 г. грузооборот равнялся 64,2 миллионам пудов, в 1905 г.—69,4 мил. пуд. и в 1910 г.—75,9 мил. пуд.

В культурно-просветительном отношении г. Ярославль к 1916 г. характеризуется следующими цифрами: учебных заведений в городе—97, из них высших—2, средних—14, низших—56, специальных—16 и частных курсов—9.

Вот что представлял из себя Ярославль накануне того дня, когда господа из «Союза защиты родины и свободы», поддержанные буржуазией, интеллигенцией и так называемыми социалистами с. р. и меньшевиками, в угоду антантовскому капиталу, подняли в Ярославле мятеж, против рабоче-крестьянской власти.

Теперь обратимся к цифрам для того, чтобы узнать, во что обратился Ярославль в результате двухнедельного владычества белогвардейцев вкупе с эсерами и меньшевиками. Прежде всего посмотрим, как это отразилось на промышленности.

Из промышленных предприятий, находящихся в части города, занятой белогвардейцами, уцелели только табачная фабрика бывш. Вахрамеева и завод бывш. Оловянишникова на Срубной ул., остальные же

все были разрушены или окончательно уничтожены огнем. Вот список предприятий, разрушенных во время мятежа и частью уже восстановленных:

1) Паровая мельница быв. Вахрамеева—стоимость оборудования и всего владения по оценке 1918 г.—1.353.429 р.

2) Свинцово-Белильный и маслобойный завод быв. Вахрамеева—стоимость по оценке 1918 г.—487.500 р.

3) Табачная ф-ка быв. Дунаева—стоимость—1.811.201 р.

4) Спичечная ф-ка быв. Дунаева—стоимость—1.489.911 р.

Следующие предприятия сгорели окончательно и восстановить их уже не представляется возможным:

1) Лесопильный и фанерный завод быв. Жакова—стоимость предприятия—484.477 рублей:

2) Известково-обжигат. печи стоимость 26.190 р.

3) Валенно-Сапожный завод быв. Кириллова стоимость 93.928 р.

4) Кожевенно-сапожный завод быв. Львиной 382.504 руб.

5) Колоколо-лит. завод быв. Оловянишникова стоимость 184.944 р.

6) Ящичный завод стоимость 26.944 р.

7) Фабрика ваты и валеной обуви быв. Пошехонова стоимость 138.213 р.

8) Два завода валяной обуви быв. Разводова стоимость 113.307 р.

9) Механический завод быв. Смолякова стоимость 546.276 р.

10) Гильзовая ф-ка быв. Танагоз стоимость 83.346 р.

11) Валяно-Сапожный завод быв. Шаброва стоимость неизвестна.

12) Водокачка быв. Муранова стоимость 30.763 р.

13) Колбасный завод быв. Работнова стоимость 88.860. р.

14) Две кондитерские фабрики стоимостью 71.459 р.

Кроме того, окончательно сгорели двое торговых бань стоимостью по оценке 1918 г. в 445.488 рублей.

Таким образом, только стоимость фабрично-заводских предприятий, разрушенных и уничтоженных мятежем, без других владений равна 7.858.829 руб.

На всех сгоревших фабриках было занято 4.000 рабочих, выкинутых таким образом на улицу.

На зданиях правительственного и общественного значения мятеж отразился следующим образом: из общего числа зданий этого характера 116, сгорело 19 $\frac{1}{2}$, значительно повреждено 47 и незначительно повреждено 49 $\frac{1}{2}$. В число сгоревших 19 $\frac{1}{2}$ зданий входят Демидовский Юридический лицей, школа садоводства и огородничества, городская и терапевтическая больницы, тюрьма на Углической ул., Некрасовские казармы, половина гостинного двора и др. здания. Кроме того из 10 зданий занимаемых быв. начальными училищами—совершенно сгорело 9 зданий с 26 классами для 1000 учеников, лишенных возможности продолжать образование.

Из общего числа жилых строений, существовавших в городе до июльского мятежа—1.108 каменных и 6.580 деревянных (всего 7.618) сгорели 2.147 строений с числом квартир до 6 тысяч, стоимостью по городской оценке в 20.233.692 рубля. Без крова осталось после мятежа до 40 тысяч жителей. К этим красноречивым итогам белогвардейского мятежа остается добавить только неподдающуюся учету—ценности—сгоревшую библиотеку Демидовского лицея, лучшую в России из всех библиотек при высших учебных заведениях.—

Трудно также учесть вред, принесенный мятежем городу тем, что во первых, долгое время жители снабжались недостаточно—по количеству и доброкачественности водой, в виду повреждения частично водопровода, во вторых—разстройством противопожарной организации, во время мятежа разрушены 2 и 4-ая пожарные части и в третьих уничтожением двух больших по размеру торговых бань.

Вот итоги двухнедельного хозяйничанья «защитников свободы», итоги еще до сих пор стоящие перед рабочими города Ярославля в виде одиноко торчащих труб разрушенных заводов и чистого поля вместо, когда то, полной жизни рабочей части города.

О днях прошедших.

(Личные воспоминания).

I.

Ярославский мятеж является лишь звеном в целом ряде других аналогичных событий, может, не менее значительных, но для огромного большинства рабочих г. Ярославля он является поворотным пунктом в оценке движущих сил русской революции, групп, участвующих в ней и их целей и задач. Рабочий класс Ярославля воочию увидел и перенес на своей собственной спине красобайство прихвостней буржуазии м-ков и с.-р.; увидел, кто стоит за их спинами. За их спинами оказались именитая буржуазия и продажное белое офицерство.

II.

О подготовке мятежа я знаю очень мало и то лишь из частных разговоров с товарищами, впоследствии.

Месяца за два до мятежа от некоторых товарищей приходилось слышать о появлении в гор. Ярославле приезжих офицеров и, чем ближе к мятежу, тем эти сведения стали появляться чаще и тревожней и уже говорили о численности. Некоторые товарищи говорили, что очень много офицеров бывает на бульваре, и что начинают держать себя вызывающе, даже нацепляют значки бывшего царского времени. Занятый финансовыми делами, разбираться во всем этом я предоставил специальным и ближе стоящим к этому органам, сам же лично, к стыду моему, на деле не проверил ни на бульваре, ни в другом месте.

Что предпринимали органы надзора и управления, мне известно было немного, за несколько дней до мятежа, я заметил в Горисполкоме о наличии каких-то секретных дел. Прихожу однажды в помещение президиума и спрашиваю тов. Закгейма. Мне ответили, что он вверху. Придя в комнату, где был тов. Закгейм, нашел там еще тов. председателя Горисполкома тов. Фреймана. Видно было, что они кого-то ожидают, но мне об этом ничего не говорили, через четверть часа пришел начальник городской милиции тов. Мухин. Я зачем то вышел из комнаты и вскоре вернулся. Мое присутствие как будто их стесняло. Это бросилось потому, что тов. Закгейм раньше никогда ничего от меня не скрывал. Подумав, что он, как председатель Горисполкома, имеет что-либо секретное в отношении тех или других мер по милиции, я из комнаты вышел. Немного спустя, спускаясь по темной лестнице с третьего этажа во

второй, я еще раз встретил тов. Закгейма и тов. Мухина. Не желая мешать их разговорам, я прошел мимо их. В этот момент я слышал, что тов. Закгейм предлагал тов. Мухину о чем то выяснить, подлинное его было выражение «нужно, товарищ, выяснить». После мятежа тов. Мухин говорил мне, что их разговор тогда шел о подготавливавшемся белогвардейском мятеже в г. Ярославле и что тов. Мухину якобы было известно об этом и он просил у тов. Закгейма разрешения на производство арестов, но тов. Закгейм, как передавал тов. Мухин, в тот момент на это не согласился, предложив выяснить более детально.

III.

Относительно специфических особенностей гор. Ярославля вообще мною вскользь было указано в воспоминаниях о борьбе за власть Советов в гор. Ярославле до Октябрьского переворота. В связи с этими особенностями, представлявшими известную почву для мятежа, были также некоторые особенности в тактике и действии соглашателей, сущность которых была: выступать агентами буржуазии, проводить ее цели и задачи через рабочие массы, предательство втихомолку, строить из себя невинных агнцев и мучеников Советской власти и т. д.

Когда рабочий класс города и Советская власть предполагали посмотреть закромы буржуазии, на предмет проверки оставленных ею для себя потребного количества хлебных и других продуктов, соглашатели точно поняли мысль своих господ; они повели агитацию среди рабочих масс, что Советская власть хочет отобрать все, что имеется лишнее, а последние толковали так, что не излишками мол считается только то, что в данный момент употребляешь и носишь на себе, что якобы будут забирать лишнюю подушку, одеяло, рубашку и т. д. Рабочие массы, сбитые с толку, толковали и выносили резолюции против всяких обысков и т. п. Несколько раз пускали слух, что по квартирам ездят автомобили и обирают последнее. Рабочие, раздраженные и терроризированные, покидали работу и бежали к себе на квартиру защищать от несуществующих грабителей свой скраб. Но такое разжигание страстей подготавливалось не для одних лишь только резолюций и шума, а имело целью оправдание некоторых реальных действий. В один из таких случаев, во время бегства с работы рабочих железнодорожников, соглашателями был разобран на ст. Ярославль-город вагон винтовок, и хотя впоследствии, как было слышно, часть из них была отобрана но, надо полагать, не большая. Рабочие, по рассказам очевидцев, бежали с работы, как угорелые. Жены, встречая их дорогой, были в недоумении и не зная, что случилось с их мужьями, когда узнали о причине их бегства, то уверяли их, что в квартирах обстоит все благополучно и что никто ничего не отбирает. Но несмотря на это, некоторые не верили в целостность своего имущества до тех пор, пока сами не убедились своими собственными глазами. Подобные провокации проделывались не только при намерении Советской власти посмотреть амбары буржуазии,

но и без всякого повода. Последнее, вероятно, делалось как страховка от всяких намерений, в этой области, а также служило и подготовкой к мятежу. Они, как верные псы, стоящие на страже у буржуазии, работали, как подобает их рангу.

Левые с.-р. своей тактикой, если не прямо, то косвенно создавали благоприятную обстановку для выступления белогвардейщины. Хотя лидеры их как напр. Богачев, и оправдывали морально свои действия поведением нашей фракции Губисполкома, но в частном разговоре говорили иное: «нам с вами не попути и мы рано или поздно все равно с вами разойдемся». Левые с.-р. выкинули первый трюк приблизительно за месяц до мятежа: об'явили в своем органе, без ведома Губисполкома, созыв Губернского с'езда Советов и тут же забросали грязью коммунистическую фракцию Губисполкома, а следовательно и нашу партию вообще. Хотя созданный ими с'езд был признан ими совещательным, но и дальше они тоже не унимались. Когда на 1-е июля был созван 2-й Губернский С'езд Советов от имени Губисполкома и число их сторонников на с'езде оказалось меньше, чем коммунистов и шедших за ними беспартийных, они придрались к мелочи и ушли со с'езда, открыв свой параллельный с'езд. Эти выходы левых с.-р. впоследствии стоили дорого: с одной стороны, послужили причиной к бегству из партии истинных революционеров не только рабочих, но и крестьян; с другой, не малую услугу также оказали и белогвардейщине; последняя использовала их целиком.

Базавшееся усиление влияния левых с.-р. на крестьянство, что в большой степени и вскружило им голову, оказалось влиянием на их самих кулачества и приток последнего в их ряды. Кулачество через с.-р. хотело влиять на советы и этим самым ослабить нажим бедняков на их карманы и на их амбары. Созданный ими самочинный с'езд в большинстве состоял из кулачества, которое не только поднимало руки за Советскую власть без Комитетов Бедноты, но и за меньшевистско-право-эсеровскую учредилку. Вопрос о власти дебатировался до седьмого пота и закончился ли—не помню. Рекламиривавшие себя «левыми из левых» на деле очищали путь или по крайней мере оказывали значительную услугу самой махровой реакции.

Выкидывание лидерами левых с.-р., разного рода «трюков» раздражало рядовых членов их партии товарищей рабочих. Я помню, один товарищ с «Красного Перекопа» (кажется, тов. Никитин) со слезами на глазах говорил, что разногласия между фракциями Губисполкома проникли в низы и вносят дезорганизацию в наши ряды; беспартийные рабочие не дают нам прохода, а контр-революция пользуется в своих целях. «Мы у себя решили», продолжал товарищ, что если кто окажется виновником раздора из фракции левых с.-р., то мы сами того сметем с лица земли, но в свою очередь и вам предлагаем со своими расправляться также. Во время борьбы с белогвардейцами под стенами гор. Ярославля, вследствие восстания левых с.-р. в Москве, хотели разору-

жить их боевую дружину при фабрике «Красный Перекоп», находившуюся на красном фронте. Один из представителей дружины заявил штабу Красной Армии: «если будет свергнута Советская власть, то контр-революция на одном столбе повесит и большевика и левого с.-р.; мы все рабочие едины, а что верхи делают, мы не знаем» и далее просили оставить их на фронте вместе с коммунистами. Члены нашей партии с «Красного Перекопа» поддержали их просьбу и штаб согласился оставить их в рядах Красной Армии до конца подавления мятежа.

IV.

После октябрьского переворота произошла перегруппировка сил: все коммунисты и честные беспартийные рабочие, сторонники Советской власти, были сняты со своих фабрик и заводов и брошены на строительство и защиту Советской власти. Невероятно трудные условия работы в советских органах, напор со всех сторон контр-революции, голод, саботаж старого чиновничьего и буржуазного аппаратов и тысячи других причин не давали возможности коммунисту, а особенно активному часто бывать на своем предприятии, делиться со своими товарищами по станку о своей деловой работе, впечатлениями и правильно разъяснить им о происходящих событиях, причине голода и прочих недостатках, воодушевляя и заражая их своим энтузиазмом для дальнейшей борьбы с контр-революцией. В это время, оставшиеся, что называется, безработными из-за союза с буржуазией против рабочего класса и Советской власти, «истинные» представители рабочего класса и крестьянства—м-ки и с.-р. пошли на фабрики и заводы и в деревни, призывая несознательные массы выступить против Советской власти, которая якобы является виновницей всех страданий, главным образом, спекулируя на голоде. В каком свете выставлялась советская власть и авангард рабочего класса РКП (б-ов), об этом и говорить не стоит, т. к. у всех почти в зубах навязло. Тут, конечно, еще не выдохлись: и «немецкие шпионы» и «захватники власти» и «узурпаторы» и «шайка бандитов» и т. п. по этой «священной» проповедью вопрос не решался.

«Вожди» рабочего класса после слов, по указу буржуазии, приступали к действиям не только на политическом фронте, но и экономическом, они призывали рабочих не работать для большевиков т. е. к открытым и скрытым (итальянским) забастовкам и саботажу, крестьян—недавать хлеба б-кам и т. п. Были попытки поднять против Советской власти оставшиеся еще не расформированными части старой армии—(Шлейфер), но эти попытки не увенчались успехом.

Где чувствовалось потеплей, где были свои люди и где их слово скорей могло быть воспринято, там они свили себе теплые гнездышки. В городе им более всего полюбилися: железная дорога, спичечная фабрика «Факел» (б. Дунаева), Лесопильный завод Жакова, Нефтесклады и еще кой какие предприятия с ничтожным количеством рабочих. В волостях: Днево-Городищенская, Боровская, Норская, главным образом Нор-

ский Посад и часть в других, где были свои по духу, напр. насчет свободы торговли, учредилки и проч. В волостях географически их любовь, как видно, наиболее совпадала с базарным местом, попом, заезжим офицером и проч. В городе очень полюбили их подрядчики, домовладельцы и прочая братия. Один товарищ рабочий железнодорожник, (не партийный) рассказывал, как на одном узловом собрании один подрядчик по доставке кладей, ничего общего с железной дорогой не имеющий, тянул к ним свои руки: когда у него денег просят, говорил товарищ, то он не слышит, а как предложат голосовать какую либо резолюцию против б-ков, то обе руки подымает. Сколько такой братии бывало на собраниях, никто не проверял, а действовали именем рабочего. Это говорится о тех, которые приходили со стороны для поддержки «истинных представителей трудящихся», а сколько их пришло на предприятия во время войны и еще оставалось там и скрывавшихся под вывеской рабочего.

Как ни велика, сравнительно, была агитация «истинных» представителей рабочего класса, но она не имела бы такого значения и была бы парализована, если бы велась партийная работа в нашей организации непрерывно. С Октябрьского переворота до весны 1918 г. серьезной партийной работы не велось. Все активные коммунистические силы по уши ушли в Советскую работу, направлять работу партийную и советскую с точки зрения партии, а не отдельного товарища, выпрямлять линию неизбежных уклонов в Советской работе и призывать на свои места товарищей было не кому, и только начавшиеся трения и другие причины заставили всех вспомнить о громадном упущении. Дело было, конечно, не в нежелании работать и не в том, что принципиально считали Советскую работу выше партийной или равной партийной (конечно, были и такие мнения, но они серьезного значения не имели), но требования момента, момента непрерывного действия, при ограниченности сил не только руководящих, но и технических, заставили активную часть по уши уйти в советскую работу в ущерб партийной. В первое время мы были рады каждому предлагавшему услуги работнику техническому, а не только честному беспартийному, которому можно дать ответственную работу. Весной принялись наверстывать упущенное, но сделать быстро это было нельзя, и мы работали в советах, без контроля партии, как без узды. Окружающая обстановка не позволяла всецело взяться за партийное дело.

У.

В конце июня уже чувствовалось, хотя и не так отчетливо, что атмосфера накаливается. Проведение выборов на 2-й губернский съезд Советов, созывавшийся на 1-е июля при таких условиях было делом не легким: в уезды решено было послать лучшие партийные силы. В Тутаев был послан тов. Закгейм, в Данилов т. Нахимсон; эти два уезда считались более кулацкими. Указанные два безвременно погибших товарища, справлялись со своей задачей более чем, ожидали. Съезд собирался в боль-

шинстве из коммунистов и их сторонников. Ожидания левых с. р. о их влиянии на крестьянские массы не сбылись. Они стали искать предлога сорвать с'езд: потребовали в Комиссиях и Президиуме С'езда большего или равного числа мест (точно не помню) не смотря на то, что их сторонников было меньше. В день открытия с'езда наше фракционное заседание затянулось долее условленного времени на 1—1½ часа. Они придрались к этому случаю, покинули театр и в помещении б. губ. земской управы (удивительно, они и помещение земства считали эсеровским) открыли свой параллельный Губернский С'езд Советов.

VI.

Действиям левых с. р., как и действиям белогвардейцев, сопутствовали разногласия в нашей партийной среде, а главное между Городским Комитетом и Фракцией Губисполкома, не желавшей подчиниться или даже работать в контакте с Горкомом (Губкома тогда еще не было). На фракционных заседаниях Губенского С'езда эти разногласия выявились в полной очевидности и для тех партийных товарищей, кои ранее не знали сути дела. Как наболевший гнойник прорвался и материя вышла наружу, так и на фракционных заседаниях С'езда, длившихся трое суток подряд, прерываемых на обед и несколько часов для сна, выявилась наружу болячка нашей организации.

Где берет начало этих разногласий, сказать не могу, но по крайней мере более рельефно это выявилось вскоре же после I Губернского С'езда Советов Раб., Кр. и Кр. Депутатов, между вновь избранными губисполкомом и горисполкомом. С'езд проходил в конце января и в начале февраля 1918 г. В это время меня в Ярославле не было—уезжал в командировку в Питер и Москву и как проходил с'езд, я знал только по рассказам товарищей: но в тот момент о личных делах говорить много не приходилось, а тут еще как раз перед самым моим приездом было поповское выступление и им более всего были заняты. По приезде я узнал, что значительное число товарищей, членов Горисполкома избрано на с'езде в Губисполком, но там не работают, а остаются в Горисполкоме и уже между ушедшими в Губисполком и остающимися в Горисполкоме произошли разногласия.

Чем дальше шло время, тем более углублялись разногласия. Поднимался этот вопрос частично или под той или другой оболочкой и в партийной организации, раза два приезжали товарищи из областного бюро, а во время ревизии наркома тов. Кедрова были представители ЦК. и после всех дискуссий постановляли жить в мире и друг другу помогать. Но немного спустя опять появились эти несогласия и еще с большей силой. Эти решения «жить в мире и друг другу помогать» имели силу столько же времени, сколько нужно предупредительности приезжающему на долгое время знакомому гостю. Сущность всех этих недочетов стала ясна для широких партийных масс только на 2-м Губернском С'езде Советов Раб. Кр. и Кр. Депутатов.

VII.

Перед 2-м губернским с'ездом Советов Р., Б. и К. Д. губернской следственной комиссией, куда входили беспартийные, начинается следствие по поводу каких-то незаконных действий и злоупотреблений председателя горисполкома т. Закгейма; заводят дело и как находящегося под следствием, Губисполком отводит тов. Закгейма из членов С'езда. Делегаты—члены РКП. (б), приезжающие из уездов и Губисполком, конечно, посвящаются фракцией Губисполкома в эти «преступные» дела (даже я бы сказал: наказываются этим добром). К этому еще распространяют слухи, что городской комитет РКП. (Губкома еще не было) хочет руководить всей губернией и фракция Губисполкома мешает работать. Делегаты из уездов определенно настраивались против Горкома и Горисполкома, а крестьянские массы, мало привыкшие разбираться в существе вопроса, тем более легко поддавались этим взглядам.

Первое фракционное заседание и последнее происходили в Волковском театре, остальные в Доме Народа. На первом же заседании натолкнулись на этот проклятый вопрос. Сначала хотели было оставить его в стороне и заняться вопросами С'езда, но он появлялся на сцену. В конце концов фракция С'езда вынуждена была заняться специально этим вопросом и заседания перенесли в Дом Народа. На одном из заседаний фракции было решено созвать собрание только членов партии без сочувствующих и обсудить этот проклятый вопрос детально. Собрание состоялось и на нем было решено: 1) избрать для подробного выяснения злоупотреблений и преступлений председателя Горкома т. Закгейма комиссию из трех человек, в которую входят только делегаты уездов; 2) члены фракции Горисполкома и Губисполкома не участвуют в фракционных заседаниях, но на с'езде подчиняются решению фракции. Как только это постановление было принято (заседание происходило в историческом зале Дома Народа), часть членов фракции Губисполкома покинули заседание.

VIII.

На предпоследнем заседании фракции был заслушан доклад комиссии, после которого на минуту у всех уездных товарищей появилось на лицах какое то недоумение. Они поняли смысл действий фракции Губисполкома до и во время с'езда, так как вся история с преступлением оказалась дутой. К этому моменту уже имелись сведения о закрытии нефтяниками кранов от нефти и железная дорога оставалась без топлива; во время перерыва получилось второе известие, что 4 июля вечером пароходы отойдут последний раз. С 5 числа все движение по Волге приостановится. На железной дороге агитация соглашателями против Советской Власти усиливалась.

IX.

Вечером 2 июля, наконец, открылся Губернский С'езд Советов Р., Б. и К. Д. без левых с. р., причину отсутствия которых я уже указывал выше. На с'езде был избран Исполнительный Комитет из 25 чел.

X.

Не долго просуществовал вновь избранный Губисполком, даже не пришлось приняться ему за дела. На второй день по окончании с'езда 5 июля собрался президиум вновь избранного Губисполкома (в доме Народа) и постановил потребовать от Губисполкома старого состава сдачи всех дел, печатей и пр. Но когда с выпиской из протокола заседания Президиума обратились в Президиум Губисполкома старого состава, то получили категорический отказ, который был мотивирован тем, что с'езд Губисполкомом старого состава признается незаконным и до созыва нового с'езда старый Губисполком является единственной властью в губернии. Часть товарищей, в том числе т.т. Пожаров и Нахимсон должны были ехать на 5-й Всероссийский с'езд Советов, а потому решили ликвидировать конфликт через ЦКРКП и ВЦИК, но здесь в конфликты не вступать. С'езд отколовшихся левых с. р. еще продолжался.

XI.

5 июля вечером происходило заседание Горкома, на котором присутствовал и тов. Нахимсон. Из членов Комитета присутствовали т.т. Закгейм, Фрейман, Скудре, Петровичев, Дадукин. Всей повестки дня я не помню, но были два важных вопроса: 1) о 200 латышских стрелках, затребованных тов. Нахимсоном из Рыбинска и 2) отношение к левым с. р.

Сущность первого вопроса заключалась в том, что тов. Нахимсон, по своим личным соображениям, затребовал из Рыбинска 200 латышских стрелков и внес на обсуждение Комитета, в случае несогласия последнего, он мог бы отменить свое распоряжение. Этот вопрос ставился в Комитете почти и исключительно в плоскости отношений с левыми с. р. Дело в том, что перед с'ездом и особенно во время с'езда создались отношения с левыми с.р. очень натянутыми. Доходило дело до того, что с их стороны приходили в I-й Советский полк (что находился в б. Кадетском корпусе) и зондировали почву на случай борьбы между левыми с. р. и б-ками, а некоторые определенно предлагали встать на их сторону. Наша тактика ранее в Горкоме, во фракции 2-го Губернского с'езда Советов и в момент заседания Комитета была такова: употребить все усилия, и если возможно, сохранить с ними связь в советской работе, или по крайней мере, нейтрализовать их. Вызов стрелков, думали тогда, будет принят за нажим на них военной силой и может привести к преждевременному столкновению, что для нас крайне было не желательно. Кроме того, предложено было уезжающим делегатам на 5-й Всероссийский с'езд Советов немедленно возбудить этот вопрос (об отнош. к лев. с.р.) в центре и последний, надеялись, ответом не замедлит. На основании всех вышеизложенных мнений, решено было от присылки 200 стрелков пока воздержаться.

По второму вопросу было то же решение, что и Фракции 2-го Губернского съезда Советов и самого съезда: если левые с. р. желают работать совместно, предоставить им в Губисполкоме $\frac{1}{3}$ мест. Фракция съезда, определив число мест для членов с. р., разрешила (официально или не официально — не помню) смотря по обстоятельствам, изменить соотношение по с условием перевеса в числе на стороне коммунистов. Переговоры с с. р. поручено было вести тов. Закгейму. Представители от левых с. р. были два раза, но ни к какому соглашению не пришли: с. р. требовали $\frac{1}{2}$ мест в Губисполкоме и из их Фракции избрать председателя. В последнем случае приводили мотивировку, что председателя должен избрать съезд, а т. к. съезд коммунистов закрыт, их же продолжается, то в силу этого, он должен быть избран из числа с. р.

Тов. Нахимсон, написав телеграмму об отмене высылки 200 стрелков, печати с собой не имел, попросил тов. Скудре приложить печать Губвоенкома и сдать телеграмму на телеграф; сам же уехал или ушел в 1-й Дом Советов.

Мы закончили заседание, перешли в помещение президиума Горисполкома, выпили по стакану чаю., спели интернационал и начали собираться по квартирам. Окна были открыты, ночь теплая и тихая, безмолвно внимала нашим звукам и также безмолвно наблюдала за нашими действиями. Они сели в автомобиль и направились на Советскую площадь к Губвоенкомату а я, как секретарь заседания, сложил протокол и прочие бумаги в стол Б-та и тоже направился к Губвоенкомату, где они обещались подождать меня. Время было 3 часа 15 мин утра.

Идя Советским переулком, я встретил возвращавшегося откуда то в Дом Народа тов. Зелинченко, настойчиво предлагавшего мне остаться почевать в Доме Народа, ввиду свободных кроватей. Я указав ему, что на квартире не был уже четверо суток, направился далее. Встретил еще в переулке какого-то человека по виду зажиточного крестьянина или середняка в праздничной одежде; личность его была мне незнакома. Затем заметил совершенно незнакомого человека на углу Советского переулка и Советской ул., стоявшего неподвижно. Хотел я удостовериться в его личности, но автомобиль меня уже ожидал и я поспешил к нему. При проезде здания б. губ. земск. управы из окна второго этажа остановил нас быв. тогда военком Душин, перекинулся с тов. Скудре несколькими словами и сообщил что съезд левых с. р. еще не закончился. Сдавши телеграмму, мы поехали по Октябрьской ул. Дорогой никого не встречали. Мы рассуждали о необходимости прокладки новой линии трамвая, вернее удлинить линию Всполие—Спасский монастырь в следующем направлении: Всполие—Советская площадь—Советская ул.—Загородный вал,—Сенная площадь—или Всполие (хорошо не помню), чтобы рабочие кварталы сблизить с рынком и центром города. Инициатива в данном случае принадлежала тов. Закгейму.

Высадив меня у Спасского монастыря, они направились далее по Октябрьской, а я пошел по Москвскому Шоссе. Дорогой повстречался

мне верхом с одним милиционером начальник городской милиции тов. Мухин. Я по обыкновению осведомился, как дела. Он ответил, пока ничего не слышно. В это время промчался из города к вокзалу грузовой автомобиль, будку для шоффера, казалось мне, я видел в первый раз. Распровавшись с тов. Мухиным, я пошел по направлению вокзала, а он с милиционером поехал в центр города. Тишина была невероятная: ничто не шелохнется, только в городе слышны были выстрелы и казались несколько чаще предыдущих ночей. Выстрелы были и ранее почти каждую ночь и мною неоднократно указывалось и военному командованию и милиции и вообще ответственным работникам на эту ненормальность. Указывалась, что эти выстрелы не столько принесут материальный вред, сколько напортят при действительной тревоге. Товарищи отговаривались на невозможность искоренения этого зла и указывали на две причины в этой стрельбе: трусость и разгильдяйство охраны. Мои предположения оказались правильны: в первый день мятежа утром еще не было большой перестрелки и многие сочли происходившие выстрелы за обыкновенные, ежедневно повторяющиеся. В описываемую ночь (правильнее утро) выстрелы казались чаще были в трехугольнике: Всполие, железнодорожный мост, Воздвиженский спуск-Всполие.

XII.

Спать я лег в 6 час. утра 6 июля и встал в 10—11 час. дня; окна квартиры были открыты. Они выходили на Кадетскую ул. и во двор против среднего дома. Из углового окна по Кадетской ул. виден Дегтяревский пер. (Против Ямы). Отходя от умывальника к полотенцу, я услышал выстрелы. Посмотрев в угловое окно, вижу по Дегтяревскому переулку от Московского шоссе к Бутырской ул. бегут люди. Что такое произошло, не знаю. По Кадетской ул. слышу, кого то сильно ругают. Выглянув в окно, вижу, идут два железнодорожника движенца и ругают большевиков: «так им, проклятым, и надо» и т. д. Предлагаю жене взять продовольственные карточки, идти в продовольственную лавку за хлебом и узнать, что произошло. Она быстро вернулась без хлеба и сообщила, что город и жел. дорога будто бы заняты чехо-словаками, приехавшими на пароходе, в город не пускают. Красноармейцы кадетского корпуса стоят кучками без оружия.

В моей квартире занимал комнату эвакуированный во время империалистической войны с Привислянских дорог паровозный машинист Якубовский, шляхтич по происхождению. Хотя он к б-кам вообще относился враждебно (от умершей жены досталось его детям 30 дес. земли, он собирался строить мельницу), но я полагал, что он все же не предаст. Я попросил его выйти и узнать поподробнее о происшедшем. Он скоро вернулся и сообщил. На счет Советского полка (в быв. Кадетском корпусе) сказал, что он держит нейтралитет. Солдаты, видел, стоят кучками с винтовками; на вокзал его не пустили, в город тоже не пускают. Вместе с этим он принес мне известие о «гневе» бушую-

шей толпы. Он заявил, что на дворе меня спрашивают, но он сказал, что меня дома нет и советовал мне из квартиры не выходить, «а то увидят и разорвут»,— закончил он. Действительно на дворе был шум и беготня. Рядом с моей квартирой проживали мать старуха с 3 молодыми сыновьями, служащими по профессии и у них жилец. Мать и жилец были ярые монархисты; старший сын правый с. р., ушедший из дому в первый день мятежа и до сего времени не показывался. Я считал, что он не настоящий с. р. а больше из бахвальства—такова была мода—но все же, видимо, какую-нибудь роль выполнял. В этой квартире раздается ругань по моему адресу: «что ему, он забрал деньги из банка, да и уехал», сумму определяли кажется в 50.000 рублей. Жену ругали, что она сознательно ночью потихонькупустила и выпустила меня и я якобы уехал на автомобиле. В действительности у меня денег почти не было ни копейки.

Пана Якубовского я посылал узнавать несколько раз и все безрезультатно. После утренних выстрелов водворилась тишина, которая как будто подтверждала слух о занятии города и ж. д. Расчитывать мне на помощь партийных товарищей, хотя бы в смысле сведений, не приходилось, т. к. не только на дворе, но и по близости их не было, квартир их я тоже не знал. В домах на своем дворе, если не все, то большинство было противники Советской власти. Два семейства, правда, были лучше других, но они тоже мало могли оказать помощи. Я решил, как только будет темно, направиться в сторону фабрики «Красного Перекопа», надеясь пройти менее замеченным, чем по ж. дороге. Но вот в 6 час. вечера приходит пан Якубовский и говорит, что сейчас отправляется поезд на Ростов, с ним отправляют всех пассажиров, очищают станцию и советовал мне уехать с этим поездом и взялся меня проводить. Я решил уехать.

Действительно поезд сгоял на станции (далее от вокзала к посту), у вагонов никого не было, пассажиры все сидели в теплушках и я зашел в теплушку, в которой пассажиров было мало, через минуты 3-4 поезд отправился.

XIII.

По приезде в Ростов, направляюсь в Исполком. Ночные патрули меня не пустили, пришлось до 7 час. утра пробыть на вокзале. В 7—8 час. утра попадаю в Исполком. Дежурный член Исполкома отвел мне комнату. Осведомившись кратко о положении в Ростове, я лег спать. Проснувшись часов в 12 или немного позднее, направился в Исполком. Там уже было несколько новых товарищей, в том числе один быв. член Губисполкома I-го созыва из фракции левых с. р., по профессии крестьянин, фамилии его не помню. Последний, увидав меня, очень обрадовался, что я остался жив и сообщил кой что о Ярославле, что от них отправлен на Ярославский фронт отряд в 32 человека, а прибывший автомобиль принес известие, что закоротрозьяная часть очищена от бело-

твардейцев. Сообщили также о проезде из Москвы с отрядом т. т. Будкина и Гарновского. Тов. Будкина описывали стоящим на платформе без фуражки. Он, как оказалось, фуражку потерял и после чуть не весь мятеж проходил с открытой головой с развевающимися темными волосами. Насчет положения в Ростове заявили, что пока активных выступлений нет, но напротив Исполкома в номера гостиницы появляются подозрительные личности, ввиду чего через каждые два часа делают поверку номеров. Не налажена связь с фабрикой и опасаются за склад снарядов.

Проходя через другую комнату Исполкома, я увидел сидящего в углу у окна товарища в очках, мало на кого обращавшего внимание, оказавшегося тов. Вишневым. Мы разговорились на темы дня. Я предложил избрать Военно-Революционный Комитет, облечь его всей полнотой власти, довести об этом до сведения населения и указать, что всякие попытки против Советской власти будут беспощадно подавляться, лучше усилить связь с рабочим центром—фабрикой б. Кекина, мобилизовать рабочих для охраны города и т. д. Он согласился. Предложили Президиуму Исполкома, последний в экстренном порядке собрал членов Исполкома, устроили заседание и избрали Военно-Революционный Комитет из 5 лиц, 3 коммуниста и 2 левых с-р.

Работа В.-Р. Комитета действительно пошла по военному. Когда в 6 час. вечера я уезжал на автомобиле в Ярославль, то связь уже была налажена не только Исполкома с фабрикой, но по всему городу и со складом снарядов, караул у которого также усилили. По городу расклеены об'явления В.-Р. К-та, на постах стоят вооруженные рабочие и в довершение всего грузовые автомобили с вооруженными людьми. Врагам Советской власти сразу же дали почувствовать, что с ними шутить не будут, что жезловая рука вооруженного рабочего раздавит его при первой попытке выступить против его, кровью добытой, власти.

XIV.

В 6 час. вечера выезжаем из Ростова на грузовом автомобиле в Ярославль. Со мной были (вернее я с ними был) два товарища ростовца, веские патроны и продовольствие своему отряду, попадают массы беженцев, главным образом железнодорожники—тут же были, конечно, впоследствии оказавшиеся «беспартийными». Первые результаты работы последних уже дошли и до нашего слуха: слышны были выстрелы пушек и слышали от беженцев, что Ярославль горит (горел Лицей и Спасский монастырь и в Закоторосльной части дом Согина).

Когда приехали в Ярославль, была уже ночь. Остановились мы у клуба 3-й Интернационал. Московское шоссе освещалось заревом пожаров. Вбегаю в 3-й Интернационал, там ни живой души, только перед балконом с саквояжиком в руке вижу б. члена Ярославского уездного Совета крестьянских депутатов, или вернее члена крестьянской секции т. Чеснокова; он приехал из Москвы со Всероссийского Съезда Советов.

Принадлежал он к партии левых с.-р. Спрашиваю, как в Москве и как они устроили выступление. Он отвечает, что когда на фракционном заседании подняли вопрос о выступлении, то он сейчас же ушел, видя, что из этого ничего путного не выйдет, решил выйти из партии левых с.-р. Расставшись с Чесноковым, посмотрел еще раз на пожар и на город. На Туговой горе ухало орудие, посылавшее в город снаряды. Ночь была тихая, отсутствие паровозных свистков и суетливой толкотни на шоссе и у вокзала придавало еще больше тишины. Эхо от выстрелов орудий, ни чем не заглушаемое, разносилось далеко по окрестности. Как человек не военный, не зная ни приемов, ни порядков военных, я был, что называется, без рук, о чем очень пожалел. Направляюсь к себе на квартиру узнать, какие есть новости. Дорогой встречных почти не попадалось. На квартире уже все имущество было связано в узлы и в ямы вырыты канавы на случай пожара. В то время у меня лежала больная параличом мать жены. Моя кровать соприкасалась с ее кроватью. Мать жены очень стонала и плакала. Я отдохнул немного и решил идти в 3-й Интернационал или на вокзал. Когда я вышел с квартиры, то встретил соседку, — «Григорий Иванович, вы приехали», заявила она, «а я была рада, что вы уехали, думаю, что вы может живы останетесь, а здесь на вас очень многие злятся, вас убьют так как вас искали» (или спрашивали, теперь не помню) и далее все охала. Придя на вокзал, в комнату Военно-Революционного железнодорожного Комитета, там застал т. т. Суслова, Сергей, Орехова и др. Угостили чаем. Сел на два стула и заснул. На утро часть железнодорожных рабочих явилась за пропусками на работу и разбудила меня (вернее от дремотного состояния, чем от сна).

XV.

Днем мы ездили на ст. Всполие, центр борьбы. Были в штабе у тов. Скудре и у коменданта ст. Всполие тов. Громова. Решили на следующий день на ст. Всполие созвать общее совещание активных работников и затем направились на ст. Ярославль город. Что мы узнали в штабе, я не помню, но тов. Громов говорил, что в первый день мятежа чуть не сдали ст. Всполие. «Тов. Скудре, говорил тов. Громов, уже отдал распоряжение об отступлении за ст. Всполие (по какому направлению, я теперь не помню), но он (Громов), вопреки приказанию штаба остановил отступающих красноармейцев и повел их в наступление». До известной степени он свою задачу выполнил: наступление белогвардейцев приостановили и заставили на некоторое расстояние отступить. И эта линия впоследствии сделалась исходной линией нашей обороны. Главным образом, говорил т. Громов, мы отстояли бараки, которые, находясь в руках белых, могли оказать им очень большую услугу. Далее тов. Громов говорил, что он предлагал штабу занять загородный вал, но его не послушали и теперь его заняли белые; нам придется массу усилий употребить, чтобы белых оттуда выбить. Действи-

тельно впоследствии главная борьба свелась за загородный вал. Он дольше других позиций мог держаться белыми и действительно он удержался до окончания мятежа. Он все время угрожал и жел. дороге и ж. д. мосту. Два раза он брался красной армией атакой, но каждый раз опять оставался в руках белых. Первый раз белые силой заставили уйти, а второй обманным путем: надели красные ленточки; близко подошли к нашему правому флангу, затем забросали красноармейцев бомбами. Правый фланг не выдержал, отступил, а за ними отступили и по всей линии.

XVI.

Ночевал я опять в помещении В. Р. комитета на ст. Ярославль город. Днем мы опять ездили на ст. Всполье. На совещании затрагивались вопросы и оперативного характера и касались деятельности командной части.

Тов. Доброхотов указывал, что мятеж изменит социальные условия жителей г. Ярославля, а потому необходимо выработать новую конституцию (положение) для регулирования жизни граждан на новых началах, вообще, предлагал заняться подготовкой к гражданскому управлению городом. Как я не считал важным поднятый вопрос т. Доброхотовым, но в душе был против обсуждения его, так как в первую очередь ставил вопросы военные, т. е. вопросы обороны.

После совещания я зашел к тов. Громову и спросил его, как он справляется. Он мне ответил, что три ночи под ряд не спал. Я решил ему помочь, на что он охотно согласился.

Первым долгом мне резко бросилось в глаза, казавшаяся значительной, ненормальность в самом помещении, где занимался тов. Громов—в телеграфе. И без того маленькое помещение телеграфа было настолько полно посторонней публикой, что телеграфистам невозможно было работать. Публика была различная. Кто пришел за пропусками (в большинстве железнодорожники), кто за другой надобностью, кто просто толкался, а кто пришел «невинно» поглядеть на работу коменданта и послушать что он говорит по телефону. Интерес послушать разговоры по телефону для «невинного» человека был, так как первое время штаб не имел телефонной связи ни с боевой линией, ни со ст. Ярославль—город, и все его распоряжения по боевой линии и переговоры со ст. Ярославль—город и Москвой передавались из штаба коменданту ст. Всполье, а затем уже последний передавал далее по назначению. Двери в соседнюю комнату (дежурного по станции), откуда был вход, были открыты и соседняя комната тоже была переполнена различной публикой и получалось как два водоема воды, соединенные между собою небольшим каналом.

Я первым долгом начал очищать помещение телеграфа от посторонней публики: пропуска стал выносить в соседнюю (дежурного по станции) комнату и наказал ответов дожидаться тоже там, но это мне

удавалось с большой трудностью, т. к. во первых публика напирала, а во-вторых во время моего отсутствия помещение опять заполнялось. Тов. Громов, мне казалось, как будто не замечал этой ненормальности, но, нужно сказать, фактически у него не было времени, он был занят оперативной работой.

С пропусками на проход по станции у нас хлопот было очень много. Во первых, я стал замечать, что некоторые железнодорожники приходят за вторым и третьим пропуском; во вторых, дошли до нас слухи, что наши пропуска продают по тысяче рублей. В первом случае приходилось вопрос ставить по военному и, помявшись человек сознавался, что он пришел не в первый раз, но оправдывался тем, что не знал о действительности одного пропуска на несколько дней и т. п. Во втором случае пришлось несколько раз аннулировать старые пропуска и выдавать новые, а также затребовали от железнодорожной администрации списки на тех лиц, коим необходим проход по станции. В середине борьбы по нашей просьбе военно-революционный комитет ст. Ярославль — город прислал нам в помощь тов. Вайвара, которому мы и поручили все дело с пропусками, чем облегчили свое положение и разгрузили помещение.

У нас работа с Громовым пошла дружно. Спать приходилось 3—4 часа в сутки; только, кажется, один раз я проснал 5 или 6 часов и то считал большой эксплоатацией Громова. В конце мятежа тем же Военно-Революц. Комитетом был прислан для помощи прямо от станка т. Рахманов *).

Со дня прихода к тов. Громову, без всякого официального назначения, я становлюсь заместителем коменданта ст. Всполье, где и пробыл до конца мятежа.

XVII.

В первые дни белогвардейцы, хотя и не так часто, обстреливали наш штаб из орудий. В одно утро один снаряд упал недалеко от штаба, а другой, кажется, в порожний вагон (видимо, расположение штаба было известно). Около штаба со своим вагоном находился окружной комиссар тов. Аркадьев. Он немедленно приказал подать его вагон на ст. Ярославль-город, а затем, кажется, по делам уехал в Иваново-Вознесенск и приехал через несколько дней. Многие товарищи были недовольны его действиями, особенно резко выражал свое возмущение тов. Будкин.

Обстрел из пулеметов ст. Всполье, ее окрестностей и железной дороги производился все время, особенно с возвышенностей, из которых более всего припоминаю: спичечная ф-ка Дунаева, Владимирская и Никитская церкви, Леонтьевское кладбище. В последнем месте скоро заставили замолчать. Однажды, идя по главным путям станции, вижу, стоявшие в кучке красноармейцы разбегаются врассыпную под вагоны и кричат мне: «убегай!»! «убегай!»! «летят пули». Я, признаться, ни-

*) Кузнец главных Ярославских железнодорожных мастерских. После тов. Громова он долгое время был комендантом ст. Всполье и затем ст. Ярославль-город.

чего не замечал, но тут кругом был песок и они в него падали, много летело шальных пуль. Нескольким стрелочникам на крайней стрелке от ст. Всполье к реке Которосли ранило ноги. «Борцы за культуру и цивилизацию» очень много стреляли разрывными пулями, то и дело разрывавшимися, особенно при ударе в строения или деревья.

Штаб помещался в вагоне, стоявшем приблизительно между первым (от Которосли) резервуаром и Леонтьевским кладбищем. Впереди его (к Которосли) несколько вагонов занимала часть снабжения; сзади (по направлению к Волге) стоял отряд кавалерии, оказывавшей очень большую услугу при очищении от белых ст. Ярославль-город и в поддержке связи между штабом и частями и между частями друг с другом, особенно в первое время, когда телефонная связь была не налажена. Я помню еще теперь их взмыленных коней, несших с различными поручениями кавалеристов. Несколько человек из них всегда были наготове, ожидающих распоряжения. Очень часто, а иногда-несколько раз в день надсмотрщики телеграфа ездили на их конях или вместе с ними на линию исправлять перебитые пулями провода. Трехдюймовая батарея из трех орудий стояла против первого резервуара; наблюдательный пункт был на последнем. В первое или второе наше посещение батареи 8 или 9 июля, во время поездки со ст. Ярославль-город одна смена артиллеристов работала, другая спала почти у самых орудий, несмотря на довольно частую стрельбу. Затем мы были на наблюдательном пункте. В это время наблюдатель рассматривал беготню на пожарной каланче 2-й части и говорил, что как будто устанавливается пулемет. Мы посмотрели и действительно там увидели снующих людей и один сидел как будто за пулеметом. Несмотря на начавшийся обстрел каланчи, люди оттуда несходили. Снаряды падали мимо каланчи, только подошедший впоследствии броневик с дальнобойными морскими орудиями, сшиб быстро верхушку каланчи. Этот бронепоезд был действительно герой. Хотя он сам на себе и не имел брони, был сделан из железных платформ, но зато он был поворотливее своих тяжелых коллег. На нем были дальнобойные морские орудия. Он не мог верно стрелять по закрытой цели, но за то по видимой цели он бил без промаха. Он как силач в рукопашной схватке, где рукой махнет, там и валяется. Я помню, когда не могли долго сбить белогвардейский пулемет с верхушки спичечной фабрики «Факел» (б. Дунаева), то он моментом выполнил эту задачу, также было и в других местах. Не мало вероятно нагнал он страху белогвардейцам, а нам большую оказывал услугу.

Где и в каком порядке были расположены отряды Красной армии — я теперь сказать не могу, но помню, что от Коровников по всей Заготосльской части и частью по другой стороне Которосли были: 1-й Ярославский Советский полк, Ярославский коммунистический отряд, левозеро-вская боевая дружина при ф-ке «Красный Перекоп», Интернациональная рота, и еще кажется Ростовский отряд; еще кто был, не помню; от них по линии ст. Всполье и далее к Волге: Московский Сводный

полк, 2-й Интернациональный отряд (китайцы), Иваново-Вознесенский, Рыбинский, Костромской, Шуйский, крайний к Волге Кинешемский отряд, впоследствии замененный латышскими стрелками. Относительно того, в каком порядке эти отряды располагались, за исключением Кинешемского, я точно сказать не могу.

XVIII.

Гул орудий и трескотня пулеметов были почти беспрерывные. Орудия то стихали, то усиливая свой рев, облегчая положение пехоты или подготавливая ей наступление. Один раз после усиленного обстрела белых с батарей и бронепоезда предполагалось начать наступление. Вдруг после полночи (точно время не помню) получаем по телеграфу с 11 версты (туда телефона не было) известие, что при соединении главного пути от Волги к ст. Всполье и запасного произошло столкновение воинского поезда и бронепоезда. Тендер паровоза бронепоезда сошел с рельс и одна площадка бронепоезда перекувырнулась под откос; находившийся на площадке Главнокомандующий отрядом т. Гудзарский сего помощником тов. Нейманом и другими товарищами получили легкие повреждения головы. Ну, думаем, белые используют нашу катастрофу. Требуем со ст. Ярославль вспомогательный поезд с рабочими. Последний прибыл уже на рассвете и с ним прибыли несколько (кажется двое товарищей) из Центрального Комитета Сев. ж. д. Долго ли ставили на рельсы тендер не помню, но всетаки было выполнено быстро. Площадка так и осталась под откосом, ее подняли уже после подавления мятежа. Второй подобный случай был на раз'езде 11 версты. В темную дождливую ночь, когда уже заволжская сторона была очищена от белых, прибыл из Филино без огней бронепоезд из отряда тов. Геккера. Раз'езд 11 версты тоже не освещался, бронепоезд наткнулся в темноте на вагоны и тендер, паровоза также сошел с рельс, но и его подняли быстро. Очень много в этом деле да и вообще в железнодорожных делах, связью с Москвой и проч. помогали товарищи члены Центральн. К-та Сев. ж. д.; их было, кажется, человек пять: Парфентьев, Сазонов, Мионов, Колкотин (приезжали позднее) Гайнов (левый с. р.) и еще товарищ, фамилию не помню. Сазонов и Колкотин хорошо работали на телеграфе и в секретных делах помогали в сношении с Москвой. После первого крушения тов. из Ц.К.С.Д. хотели меня назначить комиссаром ст. Всполье, чтобы влиять на железнодорожников и по административной линии, но я им отсоветовал, заявив, что дело не в титуле, что знаю и могу все, равно сделаю и так, сила принуждения у меня имеется, а кроме того, если город освободят от белогвардейцев, я сейчас же должен буду идти туда по долгу службы.

Белые очень часто раз'езжали по городу на броневом автомобиле, иногда под'езжая очень близко к нашей линии. Это с одной стороны, трудность ведения борьбы в городской обстановке с другой, заставили нас в свою очередь затребовать тоже броневые автомобили из Москвы.

Присылали их нам три раза. Первая партия была прислана в количестве 3-х штук, в том числе один из них более легкого типа: дутые шины и вооружен одним пулеметом прибыл с большим опозданием. Последнее обстоятельство объяснялось необходимостью их в Москве, ввиду выступления левых с.р. Деятельность их была не совсем успешна, так как мостовые в прилегающих к ст. Всполие улицах были плохие, а в некоторых местах намеренно испорчены белогвардейцами, услышавшими о прибытии к нам броневых автомобилей; почва кругом, ввиду дождей, превратилась в вязкую грязь. Первая партия броневиков, по независящим от нас обстоятельствам, использована нами неудачно. Приехавшая прислуга на них расположения города не знала. На одном едет тов. Громов, остальным даются указания, как действовать. Легкий броневик застревает на Никитской ул., к нему подходит на выручку тяжелый. В этот момент в отверстие для орудия тяжелого броневика попадает снаряд и внутри разрывается, людей убивает. Оба броневика выводятся из строя и делаются негодными к употреблению. О судьбе их я точно сейчас сказать не могу: увезен ли один нами, а второй белогвардейцами, или оба нами оставлены на месте и один из них увезен белогвардейцами, а второй оставался на месте до конца мятежа, сейчас точно сказать затрудняюсь, мне кажется правильным первое. Белогвардейцы, увезя негодный к употреблению автомобиль, возили по городу и показывали как добытый в горячем бою трофей. Откуда прилетел снаряд в тяжелый броневик—точно неизвестно, но, вероятно, с нашего бронепоезда, принявшего наш броневик за белогвардейский.

Разгрузка броневых автомобилей с платформы происходила у пятильника, где место вязкое, особенно после дождей, приспособлений для выгрузки не было. Помню, один раз нужно было разгрузить три платформы с броневыми автомобилями. Дело было в какой то праздник, рабочие не работали. Дорожный мастер, которому предложено было представить рабочих, привел последних очень мало, заявляя, что все разошлись, приходилось действовать самим. Продовольственная жел.-дор. лавка была открыта и около нее много толпилось народу. Я сначала хотел взять оттуда нужное количество людей, но набрал по пути. Кто нес шпалы, кто лафетник и автомобили были разгружены своевременно.

XIX.

Нажим белогвардейцев на нашу линию в первую половину борьбы был значителен. То там, то тут нажимали они на наши части и усиливали огонь, главным образом, — пулеметный (пулеметов им досталось достаточно). Главный, самый длительный и упорный нажим с их стороны был на железнодорожный мост через р. Волгу. Во время бегства из Ярославля на пароходе в верх по Волге главы заговорщиков полковника Перхурова им удалось занять предмостную часть железной дороги. Другой берег Волги находился в их руках с самого начала мятежа, таким образом, оказалось, что весь железнодорожный мост через р. Волгу ока-

зался в руках белых. Наши части при поддержке бронепоезда, вскоре восстановили свое прежнее положение. Белые сумели продержаться этот участок всего часа два, никаких повреждений мосту они сделать не успели, но зато в этот момент проскользнул в верх по Волге пароход с убегающими из Ярославля Перхуровым и его ближайшими соратниками по авантюре. Наши орудия начали его обстреливать, когда он уже был выше моста и обстрел результата не дал. Вскоре нам сообщили, что прибыл из Тутаева вооруженный пароход с отрядами коммунистов во главе с тов. Паниным и Корольковым. Все вооружение парохода состояло из одного орудия и было, кажется, несколько пулеметов. Тов. Панин, как я помню, спрашивал, насчет убежавшего парохода: они не знали, с чьей стороны был пароход и затем спрашивали, как им действовать. Но и мы знали только то, что пароход белых, но куда и с кем он идет, не знали. Не помню теперь, с парохода ли приезжали тутавцы в штаб или из штаба к ним ездили, но только помню, что им были даны задания: захватить ушедший вверх по Волге пароход и очистить от белых оба берега Волги от Ярославля к Тутаеву. Эту задачу, нужно сказать, они выполнили. Хоть пароход с Перхуровым и его кликой до их приезда выбросился около Толгского монастыря на берег и людей на пароходе они не застали, но следы ушедших с парохода белогвардейцев и часть спрятанного ими оружия они нашли, а также выполнили целиком и вторую задачу: очистили от белогвардейцев оба берега р Волги. По словам тов. Панина, при розыске белых, ушедших с выбросившегося парохода на берег и их оружия, они подвергались большому риску, имея небольшой отряд и уходя далеко от Волги, где бедное крестьянство было сбито с толку или запугано белыми и кулаками и в лесах скрывались белогвардейцы и их сторонники. Подобно Тутаевскому, Костромской отряд очищал берега Волги снизу, разбивая на пути все гнезда контр-революции (Диево-Городищенская вол., Боровская и проч.).

XX.

Вскоре после ухода парохода с Перхуровым было получено сведение, что на той стороне Волги на насыпи высадился с поезда какой то отряд и дал залп по нашей стороне. Из нашего отряда по ним не стреляли, а выставили сигналы (красные флаги), думая, что если свои, то увидят и стрелять не будут и в свою очередь дадут знать нашему отряду. Хотя они на наши сигналы не отвечали, но и не стреляли более. Нами были получены сведения окружным путем через Петроград, что к нам на помощь идет отряд в 500 человек из Любима и из Вологды, отряд тов. Геккера с бронепоездом. Нас занимала всех мысль, чей это отряд, высадившийся на насыпи жел. дор. Если наш — откуда он прибыл Мы предполагали, что отряд наш, и всего скорей Любимский, это предположение вселяло в нас надежду на скорую помощь, но немножко приходилось задумываться в том, что от него нет никаких сведений и не было никакого ответа на наши сигналы. Думали и то, что, может быть, не

поняли наших сигналов или из предосторожности не вполне уверены в правильности их. После посылали на тот берег людей, что они сообщили, хорошо не помню. Вскоре же было получено сведение, что слышны выстрелы с Заволжской стороны. Нас это тоже интересовало: подошли ли наши и идет бой с белыми или усилились белые и энергично начали действовать против наших частей, которых мы ожидали. Как скоро я не помню, но были получены после точные сведения об этом.

Когда Урочская сторона была очищена от белых, пришел к нам бронепоезд из отряда тов. Геккера. На раз'езд 11 версты он пришел ночью без огней и без предупреждения и в темноте натолкнулся на вагоны. Тендер паровоза бронепоезда сошел с рельс. Это известие нас опечалило и порадовало. Опечалило то, что второе крушение с бронепоездами и в самые нужные моменты, что работу по под'емке теперь нужно производить на глазах у белых. Радовало то, что его прибытие было первой ласточкой от товарищей из-за Волги это во-первых, во-вторых это была действительно стальная сила, которая окажет большую помощь нашему импровизированному бронепоезду из железных платформ и с не защищенным паровозом, одна площадка которого уже лежала под откосом. Тендер был быстро поднят и стальной гигант прибыл на ст. Всполье. Прибытие его нас радовало и он действительно оправдал наши надежды. Но не меньше нас радовало впоследствии прибытие к нам самого Геккера, виновника в немалой степени победы над белогвардейцами в Ярославле. Тов. Геккер был у нас не долго, он спешил куда-то на другой фронт. Он не справлял ни праздника, ни тризны, и даже не отдыхал и спешил на новый такой же подвиг, на новый такой же трудный фронт. В наших глазах это был боец и о нем осталась хорошая память, хотя мы в глаза его видели очень мало.

XXI.

Несмотря на окружение белогвардейцев в кольцо, замыкавшееся реками Волгой и Которослью, пустырем от реки Которосли к ст. Всполье, прилегающими улицами к ст. Всполье, доходящими до Сенной площади и Загородного вала до реки Волги, они еще не сдавались и на своих позициях, особенно со стороны жекезной дороги, держались крепко. Белогвардейцам и населению города для воздействия на первых предлагалось неоднократно (эта попытка делалась несколько раз и ранее) прекратить борьбу во избежание дальнейшего кровопролития, но эта мера, как и в предыдущие дни, не имела успеха, они продолжали оказывать сопротивление, иногда даже усиливая пулеметный огонь. Наконец, решено было начать обстрел города из более тяжелых 8-ми или 6-ти дюймовых орудий. Числа 18 или 19 июля была доставлена шестидюймовая батарея из четырех орудий. Для установки последних требовались сырые кряжи, под руками которых и по близости не имелось, пришлось посылать за ними на Костромскую линию. 20 июля утром, наконец, орудия были установлены и начался обстрел тех мест, где, по имеющимся сведениям,

были белогвардейцы. Во время установки орудий белогвардейцы, как раненый, но не добытый зверь, собравшись с последними силами, бросается на охотника, выпустили еще несколько снарядов, в направлении устанавливаемой батареи, один из которых, я помню, упал по близости в шагах 150—200 в крышу барака. Стрельба происходила навесным огнем; ввиду близкого расстояния, в снарядах оставляли половину пороха. Сколько было выпущено всех 6-ти дюймовых снарядов, точно и не знаю, но всего их было у нас не более четырехсот штук.

С шестидюймовыми снарядами были два значительных недоразумения: первый присланный вагон оказался со снарядами для морских орудий, второй со снарядами не вполне в готовом виде и только в третий раз прислали годные к употреблению в количестве около 400 штук. Шестидюймовые снаряды, видимо, оказали гораздо больше воздействия, чем всякие словесные переговоры.

XXII.

21 июля все думали, что стрельба возобновляется, но она не возобновлялась. Правда, у нас шестидюймовых снарядов в запасе ничего не осталось, а новые были еще не получены. В этот день была моя очередь поехать за табаком в В.-Р. К-т на ст. Ярославль-город, вместе с этим я решил воспользоваться после двухнедельного отсутствия побывать в своей квартире, главным образом, обрить, около месяца росшую беспрепятственно бороду. Тов. Громов в этом случае был опытнее и находчивее меня: эти процедуры сумел проделывать на месте. Когда я стал садиться на самоход—тов. Громов мне вскричал: «Петрович, белые сдаются». Я хотел было остаться, но он кричит: «поезжай, пока официально еще переговоров нет, стрельбы не будет, здесь справлюсь один». Я на самоходе ехал уже в совершенно ином настроении.

Дорогой от ст. Ярославль-город до квартиры я встретил несколько кучек железнодорожных рабочих. Все они были очень любезны и даже почтительны, должно быть, шестидюймовые снаряды оказывают влияние и на «зрителей», подумал я. Когда я пришел к себе на квартиру, жена мне рассказывала, что в первые дни мятежа на своем дворе некоторые лица не давали ей прохода, а после, по мере усиления артиллерийского огня и продолжения борьбы, становились мягче и после стрельбы из шестидюймовых орудий сделались «любезны» и даже «почтительны», считали своим долгом непременно заговорить с ней ласковым тоном, а один комнатный жилец соседней квартиры, ярый монархист, о котором я упоминал выше, весной 1917 г. заявивший, что непременно зарежет большевика, пришел даже осведомиться насчет порчи электрического звонка и из'явил горячее желание к его починке, между тем как ранее я никогда не видал его в нашей квартире.

Когда я вернулся на ст. Всполье, около станции была масса народа: это были прибывшие из города для проверки их личности. Около публики лежали большие груды рваных кредиток. Рассказывали, что по

публике прошел слух, что у кого найдут деньги и ножи, тех будут расстреливать. Деньги, говорили, служат доказательством состоятельности, воровства, близости к белогвардейскому штабу и т. д., каким доказательством служил ножик, я не знаю. Я говорил тов. Громову, что пусть хоть вместо займа государству, часть кредиток погасят сами. Несколько наших тт. производили проверку прибывающих из города. Кто дал распоряжение сгонять людей из города на ст. Всполье я не знаю, но мы тогда предполагали сделать проверку иным способом, и он, мне кажется, был бы действительнее.

О занятии белогвардейцами Госбанка мы узнали на ст. Всполье вскоре же и меня беспокоила участь денег, которых было до мятежа более 58 миллионов рублей. Встретив главнокомандующего Гудзарского я спросил насчет положения дел. Он ответил, что одно дело сделано, т. е. белогвардейцы разбиты, но появилось другое: белые сдались не нам, а немецким военно-пленным, предварительно об'явив войну Германии, и город находится в руках военно-пленных; придется дело улаживать в Москве с их послом; хотя мы ведем переговоры и здесь с начальником их отряда. Прошу разрешения пробраться в город в Госбанк и узнать о судьбе денег. Он мне предложил обратиться к тов. Скудре. Последний, при моем к нему обращении при всем командовании, отказал, заявив, что красноармейцы лучше деньги охранят, чем я. В Госбанк я попал только 23 июля к вечеру.

Конец 21 июля и утро 22 июля были заняты более работой по ликвидации. Стали прибывать из города пленные белогвардейцы. В числе последних был и белогвардейский штаб последнего состава. Их привели рано утром 22 числа. Ночь была дождливая и было еще темно. Всматриваясь в их лица, мне показались почти все людьми незнакомыми, но правда, было очень темно и некоторые сами старались скрыть свои лица, так что мной могли быть и незамечены, к тому же и давно прибывших людей я мог не заметить в городе, постоянно занятый делами и имея очень ограниченный район своего посещения. Например я не знал Ермакова, Баранова и Фалалеева (может быть в лицо то я знал, но не знал их фамилию, что бывает очень часто).

XXIII.

В город я пробрался только 22 июля часам к 11—12 дня. Проезжая по Октябрьской ул., видим, пожаром освобождена (погорела) громадная площадь от деревянных строений, а стоящие каменные дома от рам, стекол, даже крыш. Провода все порваны, столбы где выворочены, где стоят покривившись, во многих местах мостовая перекопана канавами, рельсы трамвая изогнуты. На пути то и дело попадаете оборванная и смятая проволока, которая зацепляется за автомобиль и вытянувшись останавливает его или вырывает из него какую-либо часть. На Любимской ул. разрушений меньше. На тротуаре лежат несколько трупов в

серых шинелях, некоторые уже почернели. Едем далее. Провода оборваны по всему городу, стекла выбиты, стены домов, где со следами пуль, и снарядов, где разрушены или полуразрушены. Первым долгом заезжаю в Комиссариат Финансов: замки у столов сломаны, хранившиеся в столе отобранные незадолго до мятежа у эвакуированной Гродненской таможни несколько наганов исчезли. Хозяева квартиры (мы занимали часть квартиры б. до войны управляющего Соединенного Банка Малоштанова, про которого после был слух, что он был на службе у Деникина или Врангеля) заявили, что все бумаги были разбросаны и уже они сами собрали их в одно место. Далее рассказывали, как несколько раз приходили белые в Комиссариат и искали денег, но не находя их, приставали к хозяевам квартиры, чтобы те указали место их хранения. Не верили им, что в Комиссариате нет денег и долгое время грозили им расстрелом и проч. репрессиями.

Далее едем в Дом Народа. У 1-го района милиции большая очередь пришедших граждан для регистрации, из числа которых выделялся один мужчина высокого роста, с порядочным брюшком, в черном суконном сюртуке, с большой окладистой бородой, у которого по бокам развевались две длинные красные ленты. Мы посмотрели и засмеялись. Кто-то сказал. «Как он любит Советскую власть». В Доме Народа все было перевернуто вверх дном. Кассы все взломаны. В 3-м этаже по направлению к лицу сияла громадная дыра, да и в других местах были шрамы. В саду несколько могил. Недалеко от Дома Народа по набережной под деревьями лежали два трупа в серых шинелях с георгиевскими лентами в петлицах.

По набережной Волги и Которосли везде окопы. У лица в саду стояло оружие. В сквере лежало около 20 (кажется 22) бочек с бензином и порожних из под бензина. У нас перед мятежом сколько бились из-за бензина, ввиду недостатка, белогвардейцы где-то сумели сохранить, оружие всех родов, особенно винтовки и пулеметы, патроны и снаряды валялись по всему городу, особенно было много сношено к театру. Сбор оружия проиешодил очень медленно, чуть ли не целый месяц. Возложили эту работу на тов. Широкова с небольшим количеством рабочих и он собирал около месяца.

XXIV.

В Государственный Банк, как я указывал выше, прибыл 23 июля, к вечеру. Здание во многих местах пострадало от снарядов: пробита в нескольких местах крыша, вследствие чего вода проходила сквозь штукатурку в операционный зал, стены в нескольких местах изрыты были снарядами, в одной стене выдавило большую яму 6 дюймовым снарядом, в квартире управляющего или старшего контролера в нижнем этаже был выбит простенок и часть верхнего этажа грозила обвалиться и много других следов. Внутри помещения в операционном зале полный хаос, кучи бумаг, сложенных и порванных и лежащих на полу: кучи книг, печатей, штемпелей и прочих принадлежностей, собранных

почти из всех советских учреждений. Я стал смотреть, что поважнее. Нашлась папка с допросами арестованных белогвардейцами коммунистов и советских работников. Нашел еще две папки, с какими делами — теперь не помню. Все три папки в тот же день были переданы в Ч.К. В этот же день нашли ящик с бумагами б. начальника Губрозыска Трекова, который сначала работал с белыми вместе, а потом они его расстреляли. На второй день было найдено много географических карт, снятых в 10 верстном масштабе. На некоторых картах оказались пометки, по которым нашли намечавшийся путь наступления белых по Волге и от Ярославля к Архангельску. Материалы контр-разведки, хотя большей частью были уничтожены самими белогвардейцами (перед сдачей города, заявляли банковские служащие, они сожгли на дворе банка массу документов и осталось только то, что не успели сжечь или не считали важным), но все же были кой какие документы, в том числе одна из «знаменитых» петиций «истинных» представителей рабочего класса. Всего я три раза возил материалы из Б-ка в Ч.К. К сожалению, сам даже не успел посмотреть его, делалось все на спех и урывками. Необходимо было на помещение банка обратить внимание в самую первую очередь, но я попал только на третий день к вечеру, представитель Ч. К. пришел только через неделю. Правда, в промежуток этого времени был представитель В.Ч.К. тов. Шиманский, но он детально осмотра не производил, а главным образом интересовался, сколько взяли белые денег и каким образом было произведено изъятие и т. п. Я замечал, что с каждым днем часть материала куда-то исчезает, была ли в этом случае небрежность или злой умысел — неизвестно. В кладовках на дворе Банка была вещевая часть белогвардейцев и там осталась часть интендантского и продовольственного имущества, которое было передано в Губпродком. Снаряды Красной армии не мало хлопот приносили не только обывателю но и белогвардейскому штабу и его сотрудникам: их заставили уйти из помещения б. гимназии Корсунской в помещение Банка, а в последнем из второго этажа в нижний. Один снаряд попал в стену здания и хотя ее насквозь и не пробил, а только выдавил яму. но его направление было таково, что если бы он прошел насквозь, то два или три отдела штаба были бы сметены его полетом, и если бы он еще разорвался в здании, то обжег бы своими горячими осколками не только сидящих на одной стороне, но и всех находящихся в помещении операционного зала и к нему примыкающих. После этого страшного удара (стали страшны удары б-ков), рассказывали служащие, все моментом из второго этажа убежали вниз и в спешном порядке перенесли туда все дела. И рекламировавшая свои успехи всеми неправдами г-жа Барковская вынуждена была склониться перед большевистскими снарядами, уйти вниз.

Относительно занятия помещения Б-ка белогвардейским штабом и выемки денег из кассы банка из рассказов служащих и управляющего Банком Цехонского, я узнал приблизительно следующее:

В первые дни мятежа приехали несколько офицеров на автомобиле и попросили открыть Банк. После долгих разговоров их провели в помещение. Они осмотрели и заявили, что помещение Банка будет занято штабом. Управляющий Банком Цехонский просил не подвергать риску достояние государства и их лично, так как при переезде штаба, вероятно, на здание Банка усиленной будет направляться обстрел и добавил, что они, как борющиеся за правду и защищающие интересы народа, не допустят этого, но белогвардейцы в первом вопросе были неумолимы. Что касается «справедливости» их борьбы и «защиты» народных интересов, конечно, было дано подтверждение в полном объеме: они обещали не только ни одной народной копейки не трогать, но и ко всему относиться бережно. Мы хотя не особенно верили заявлениям этих представителей, но вынуждены были повиноваться силе, заявил управляющий Банком

Белогвардейский штаб, заняв помещение Банка, большую часть квартир администрации и весь двор с кладовушками, сделался полным хозяином, и все делалось так, как нужно штабу, а уже народное достояние и народные интересы были подчинены интересам штаба и никакие против этого разговоры не допускались. Служащим Банка предоставлялось охранить (ставилось ли в обязанность, не знаю) от пожара находившиеся во дворе Банка дрова, которых было большое количество, и кладовую с ценностями Банка.

Денег было изъято из Банка белогвардейским штабом за два раза 4.500.000 руб. В оба раза требования предъявлялись на гораздо большую сумму, но в конце концов, мирились и на меньшую. В первый раз предложили управляющему Банком Цехонскому выдать пять миллионов рублей. Цехонский, как и в разговоре о помещении, обратился к их совести, указав, что они борются за справедливость и защищают народные интересы и не позволят насильственным образом брать из Банка деньги, которые являются народным достоянием, при этом ссылаясь на восьмимесячную работу с Советской Властью, которая ни разу не только насильственно но и без соответствующих положений ни одной копейки из Банка не взяла и администрацию Банка в тяжелое положение не ставила.

Белогвардейцы и тут, конечно, распинались в «справедливости» их борьбы и «защите народных интересов» и устроили такой маневр. Однажды рано утром позвали Цехонского в штаб и заявили, что ввиду того, что в Ярославле Банку находиться не безопасно, необходимо его перевести в один из уездных городов, а именно: Данилов, для чего немедленно предлагалось начать упаковку ценностей и к 4 час. дня направить на пароход для перевоза через реку Волгу. На заявление управляющего банка, что у них очень много % % бумаж и их не представится возможным в такой короткий срок запаковать, получился ответ: % % бумаги оставить в Ярославле, а запаковать деньги, и что поценнее. Когда они начали упаковывать, пришли представители из штаба

в кладовую и предъявили категорическое требование на деньги. Управляющий Банком и служащие, видя, что их обманули, просили уменьшить сумму и дать разрешение устроить совещание из лиц высшей администрации Банка по этому вопросу. Последнее было разрешено и представители белогвардейского штаба временно из кладовой удалились. Совещанием было решено, чтобы избежать захвата всей суммы денег, согласиться на выдачу по письменному требованию штаба, но постараться выдать меньшую сумму. Служащие банка, видя обман белогвардейцев, во время переговоров и совещания запакованные пачки с денежными знаками, вместо ящиков, начали рассовывать по полкам за 0/0 0/0 бумаги, на случай, если бы пришли и захватили все, что ими выложено. В конце концов сошлись на 2.500.000 рублей, на которые было дано требование белогвардейского командования, подписанное четырьмя лицами, в том числе «самим» Перхуровым-начальником отряда, начальником его штаба, адъютантом и пом. главн. начальника части снабжения, Е. Д. Кизнером.

Во второй раз было изъято два миллиона рублей, требование же было предъявлено, как и в первый раз, на гораздо большую сумму (кажется, на 4.500.000 р.). Управляющий Банком Цехонский рассказывал, что во второй раз они долго не соглашались выдать и два раза было совещание администрации банка. Со стороны белогвардейского штаба было заявлено, что если они денег не дадут, то будет взорвана ценная кладовая банка. Совещание решило то-же, что и в первый раз. Второй документ выдан уже за подписью новых лиц, например, вместо Перхурова генерал Карпов, подпись начальника штаба хотя и не разборчива, но можно прочесть, что она принадлежит «вождю» рабочего класса Дюшену, также, хотя и в измененном виде, остается подпись Кизнера, оставлено место для подписи городского головы Лопатина, но он почему то своей руки не приложил, но по словам управляющего банком и служащих, в переговорах о деньгах принимал активное участие и часто бывал в штабе вообще. Для солидности документ скреплен комендантом города Веревкиным.

Третий раз приступ к деньгам был утром 21 июля. Управляющий, зам. контролера и кассир, видя агонию белогвардейцев, начали избегать с ними встречи и, в конце концов, разошлись. Управляющий ушел к сотруднику в Сберегательную кассу, зам. контролера Седов забрался куда то в духовую печь и там отсиживался, а кассир жил на частной квартире и когда его привезли, то он заявил, что без двух остальных он не имеет права входить в ценную кладовую и часть ключей находится у них, следовательно без указанных двух лиц попасть в кладовую не представляется возможным. Белогвардейцы хотели выламывать дверь, но охрана Банка не пустила их, помогло еще то, что спрашивали кассира белогвардейского штаба, но когда им сказали, что кассир садится на автомобиль и уезжает, то часть белых бросилась за ним. В это время один из охраны Банка т. Пасхин дал в окно три выст-

рела, остальные, белогвардейцы, струсив, разбежались. Что было с белогвардейским кассиром, никто не знает, после никто его не видал. В этот раз участвовало несколько из лиц конной милиции.

Последние дни в штабе шла суматоха: жгли на дворе документы, выдавали подложные паспорта и в последний момент передевались из военной в штатскую одежду. Что платили служащим Банка или по крайней мере, как их кормили не известно, но служащие рассказывали, что во время бегства белогвардейцы у них забрали два костюма и ничего за это им не заплатили.

Несмотря на громкие вывески белогвардейцев, указывающих на «справедливость» их борьбы и в «защиту» народных интересов, участие «вождей» рабочего класса*, рать их не прибывала, а с течением времени таяла, приходилось для поддержки духа прибегать к самому наглому вранью. «Более всех, рассказывал Цехонский, дурачила головы простакам Барковская, истолковывая каждый случай в свою пользу: бегство Перхурова истолковали, как поездку для организации новой армии в тылу Красной Армии, а наступившее вскоре затишье артиллерийской стрельбы, как результат наступления на Красную армию новой армии Перхурова с тыла, что кругом везде возстания и с минуты на минуту предвещала разбить Красную Армию в пух и прах». Оставленный нами в грязи бронированный автомобиль, негодившийся уже к употреблению, возили по городу, как трофей, произносились речи и после каждой раздавалось «мощное» ура. Для выслушивания всех этих новостей на фронте собирались ежедневно в штабу. Тут больше происходили театральные упражнения Барковской. Почему то Дюшен* уступил свою роль Барковской: или его красноречие ниже было Барковской или родом не вышел?

Управляющего банком Цехонского вызвали в «демократическа» назначенную Городскую думу, кажется, насчет денег. Видимо, и челядь тоже хотела прикоснуться к государственному пирогу. Должно быть, самим себя облагать налогом совершенно не справедливо: раз они защищают интересы «всенародные» ну и «всенародные» средства тоже должны идти на них; на счет же законного основания—это дело юристов, за что им и деньги платят.

Когда управляющий банком Цехонский проходил по улице к Городской Думе и обратно, пули свистали кругом со всех сторон. Сидя в здании банка, они боялись очень пожара, так как двор был полон сухих дров: снаряды Красной Армии, видимо, тоже не мало нагоняли страха. Что действительно это было пережито, подтверждалось выражением лица, как часто бывает с людьми после пережитой катастрофы, носящими на себе отпечаток всего пережитого ужаса; особенно было заметно это на лице управляющего Банком Цехонского.

Все учреждения в первые дни после ликвидации мятежа очутились без денег и ждали открытия банка. Здание банка не починалось до

---

*) Дюшен называл себя даже большевиком, только не ленинцем.

осмотра помещения и допроса служащих представителем ЧК, что производилась через неделю после окончания мятежа. Через неделю же после осмотра банк был открыт для операций. В ремонте здания много помогли товарищи железнодорожники из ЦК С. Ж. Д., они дали листового железа, стекла и двух кровельщиков. Оказанная помощь имела очень большое значение, так как все учреждения сидели без денег. Я помню, как то пришел к председателю Губревкома тов. Ленцману насчет оказания содействия по устранению каких то недостатков по комиссариату финансов, на что он мне ответил: «тов. Петровичев, у нас банк открыт через две недели после мятежа, комиссариат ваш работает и уже этого нам достаточно».

XXV.

Необходимо еще указать на следующий факт: после мятежа в кабинете управляющего банком Цеханского был обнаружен небольшой железный денежный ящик, который оказался запертым. Служащие банка и управляющий указывали, что этот ящик находился в пользовании Мамырина (прав. с.-р.), что в нем есть сколько то денег, но сумму указывали небольшую (близко подходящую к действительности) и больше ничего нет. Когда пришел в банк представитель Ч. К., ящик бы вскрыт и в нем оказалось денег несколько больше 22 тысячи рублей и счета Мамырина из какой то деревенской чайной на чай и обеды или закуску на большую группу лиц, и счета за подводы тоже на несколько лиц, одного ли числа с чайной, не помню. Дата на счете значилась концом июня 1918 г. Указывалось ли место нахождения чайной, теперь точно также не помню, но почему то представляется село Диево-Городище или на пути от него к Ярославлю. Ясно, что «истинный» представитель и «вождь» ярославского крестьянства и лидер ярославской право-эсеровской организации Мамырин получил откуда то и на какую то цель деньги под отчет и, осуществляя эту цель возил кого-то из города в деревню или из деревни в город за счет дающих деньги, кормил их обедом и поил чаем. Я предполагаю, да и думаю, со мной согласится большинство, что эти деньги были получены не из какого либо другого источника, как из толстого кошелька Антанты, конечно, для «спасения» России (читай: от русского народа) и во имя этого «спасения» раз'езжали эсеровские молодцы по деревням, произнося «священную» проповедь по указанию дающих против ненавистных их хозяев б-ков и Советской Власти. Получение денег с. р. от Антанты на удушение трудящихся России не удивительно, но характерно в этом случае то, что союзники, давая деньги с. р., видимо, требовали от них не только активных действий, но и документов в оправдание расходов. Раз дело «общественное» и «всенародное», а они люди коммерческие, без этого нельзя, поэтому они сразу дело ставят на прямую ногу. Из этого факта можно сделать тот вывод, что партия правых с.р., находилась у союзников в некотором смысле на правах пожизненной приживалки, гордилась и видимо, за определенного рода деятельность получала определенную плату.

С. Р. очень часто кичатся тем, что они ведут свою родословную от тех гусей, что Рим спасли.

На самом деле партия правых с. р. не только затоптала в грязь, поставила позади заветы своих предков, именами которых она кичилась, но объединила в себе с точки зрения политической порядочности все виды преступлений от мелкого жульничества до крупного мошенничества и, как промотавшаяся проститутка, вступала в союз и продавала себя любому кошельку, лишь бы уничтожить ненавистную Советскую власть, власть рабочих и крестьян, которых на своем знамени она начертила защищать. Этот всероссийский хамелеон менял свою ориентацию, смотря по сиянию золота. К партии с.-р. действительно применима поговорка: «по платью встречают, по уму провожают». Русский рабочий и крестьянин встретили ее по ее лозунгам, а проводили ее со сцены политической арены по ее действиям; проводили ее до могилы и вбили в ее могилу осиновый кол. Редкой партии, да еще социалистической, достанется на долю такое обилие резких контрастов на своем революционном пути: на словах партия правых с. р. защищает рабочих и крестьян от помещиков и капиталистов, на деле—продает себя последним для борьбы с рабочими и крестьянами; на словах: борьба за «единую» и «неделимую» Россию, а на деле: призыв иностранных интервентов, поступление к ним на службу и продажа «столь дорогой» им России по частям, как плата за удушение рабочих и крестьян. Лозунг: социализация земли, а на деле: аресты земельных комитетов и т. д. и т. д., без конца. С партии правых с. р. маска сорвана, и она, как политическая партия, сошла со сцены и если она возродится, то уже только партией крепких кулаков, но тогда она не принесет такого вреда рабочему и бедному крестьянину, потому что они будут знать, кого она представляет.

XXVI.

Необходимо несколько слов сказать и о другой более блудливой части соглашателей—меньшевиках. Если гул орудий и трескотня пулеметов оказывали известное воздействие на окопчиваемую соглашателями часть рабочего класса, то от этого воздействия не ушли и сами «вожди», только последствия имели разные. Один наш товарищ (т. Аникштейн), во время мятежа находившийся в городе, в одном помещении с некоторыми «вождями» рабочего класса (м-ками) и остававшийся все время незамеченным ими, благодаря содействию одного из членов Бунда, передавал выдержки из слышанного им разговора двух видных м-ков (Давноровича и Рыбальского). Один другому говорил, кажется, (Давнорович—Рыбальскому), что он не подозревал такой большой силы у большевиков и не думал, что они окажут такое сильное сопротивление. Далее, сознавая свое незавидное положение, продолжал: белые победят, после разгрома б-ков примутся за них (м-ков), красные победят—будут вымещать им (м-кам) за их работу перед мятежом и т. д.

«Вожди» рабочего класса, связавшие свою судьбу с белогвардей-

щиной и начинавшие сомневаться в успехах последней, высказывали друг другу свои сокровенные мысли и думы. Видимо, результатом этих «сокровенных дум» и появилась на свет «знаменитая» петиция м-ков белогвардейскому командованию, которой впоследствии м-ки очень часто гордились и приводили в доказательство непричастности их партии к мятежу. Мы жестоко обманули бы сами себя, если бы хотя на минуту допустили, что воздействие борьбы с ее разрушительными действиями одинаково влияло на м-ков и в том же направлении, как и на околпачиваемую ими часть рабочего класса. Если каждый новый день борьбы, каждое новое лишение, каждый новый удар Красной Армии по белогвардейцам у околпачиваемой соглашателями части рабочего класса срывал повязку с глаз, выколачивая из голов эсеровско-меньшевистский дурман, служа хорошим уроком, благодаря чего рабочие делали сознательнее, то для м-ков оставалось найти такую лазейку, где можно, как говорят, «выйти сухим из воды», искать способ для устройства новой авантюры в будущем, хотя бы и не в Ярославле (где им едва ли поверят).

Не в пример храбрее двух вышеупомянутых «вождей» оказался их коллега по оружию бундовец Фишкин, который очутился на ст. Всполье в числе регистрирующихся и при нашем (я, Овсеевич, и, кажется, Бушуев) прибытии для «его спасения» заявил, что он не боится смерти и тут же рассказал нам, как «невидимая» сила в первый день мятежа несла его из-за Которосли в город и, кажется, принесла прямо к м-кам. Фишкин объяснял, что бежал спасаться от еврейского погрома, а попал в мятеж, которого, он никак не мог предположить. Конечно, м-ки тоже не знали, что из себя представляет «долгожданная всенародная власть». «Партия в целом не принимала участия в мятеже», как заявили некоторые видные м-ки, «участвовали лишь отдельные члены и потому партия их решила отозвать из белогвардейского штаба, а не подчинившихся исключила из партии». А кто же эти «отдельные члены». Мы знаем, что Савинов являлся председателем Ярославского К-та партии м-ков, Дюшен — членом К-та. Эти двое были белогвардейские штабисты, а сколько было «отдельных членов» партии м-ков, на других должностях и выполняющих другие обязанности, как, например, трубачей глашатаев о «долгожданной и всенародной власти» и пр. до побегушек включительно. Богданов-Хорошев разве не член К-та м-ков?

Что м-ки (а за ними, как хвост, и бундовцы) участвовали в мятеже — факт неоспоримый, ряд фактов, а особенно процесс м-ка Богданова-Хорошева ясно говорят об этом. Каково было взаимоотношение между ними и белогвардейцами: подчинялись ли они всецело руководству белогвардейского центра или имели известную самостоятельность и шли с ними в контакте. Эти вопросы интересны в гораздо большей степени, чем роль их в технических выполнениях в самом мятеже, так как их участие в мятеже было следствием предыдущей их политики. В период до мятежа положена основа союза м-ков с белогвардейцами, в этот мо-

мент закладывается фундамент работы м-ков в пролетарской революции, здесь нужно искать ключ к их деятельности, к их «революции». Факты деятельности м-ков говорят за то, что м-ки не такие невинные овечки, что не знали, что из себя представляет «долгожданная всенародная власть», наоборот, они являлись исполнителями заданий белогвардейцев и в известной области, в области для последних более трудной, а именно: агитация против Советской Власти среди рабочих масс. Если бы рабочий, увидя на трибуне генерала с эполетами, буржуя с толстым брюхом в цилиндре, да еще старого царского чиновника, ясно бы он такой компании не поверил, чтобы они не говорили, а взял бы дубину и прогнал их с фабрики или завода, хотя бы с ними вместе был и сам мен-к, последний в таком случае, конечно, разоблачил бы себя сразу и рабочих обманывать было бы трудней. Такая политика не выгодна буржую, он знает это лучше рабочих. Поэтому он своего лица не показывал. Он знал, что прошло то время, когда его толстое брюхо внушало страх рабочему, а лучше, рассуждал он, послать к рабочим м-ков, кои недавно еще имели мандат на выражение воли рабочих и посейчас носят вывеску «вождей» рабочего класса. М-к, благодаря такому доброму отношению буржуя, благодаря надежде, что какая нибудь кроха с буржуяского стола перепадет и ему, рад оказать услугу буржую. Кто мешает меньшевикам оказывать услугу буржуазии, раз так им она близка, а рабоче-крестьянская власть так им ненавистна, но пусть они не ждут крох за чужие услуги, пусть они не втягивают в это рабочий класс и не обманывают его, как в Ярославле перед мятежем.

В подтверждение этих взглядов я укажу на следующие факты из прошлого, взятые на выдержку. Например, насчет близости к буржуазии было отчетливо видно еще во время предвыборной кампании в последнюю «социалистическую» городскую думу, когда наша партия, входившая в число покровительствуемых Советом Р. и С. Д. партий, не могла добиться у покровительствующего Совета получить хоть бы на один вечер городской театр для устройства в нем предвыборного собрания, а кадеты получили. Тоже было и в самой городской думе. М-ки в первое же заседание думы нарушили свое обещание, данное нашей фракции до открытия думы, без всякого на то повода с нашей стороны, и повернули руль на контактную работу с контр-революционной буржуазией, в лице партии К.—Д. Хотя рулевой меньшевистской лодки, Равич, заигрывая с к.-д., иногда и направлял ее в левую сторону, но это была игра, и даже в это время м-ки, удаляясь от к.-д., не переставали махать им своим платочком в знак близости их сердец; поигравши же, возвращались опять на старое место. Тоже проделывали и кадеты, но те, удаляясь, не платочком махали, а поглядывали на м-ков из-под лобья; те были похитрее м-ков, им нужно было свою «честь соблюсти» и капиталец приобрести.

Сложив свои полномочия на историческом заседании Совета Р. и С. Д. 27 октября 1917 г., м-ки не пошли на фабрики и заводы также слагать

свои полномочия, а остались в Совете, но не для налаживания советской работы, хотя бы в технической области, а для ее тормазы, для вставления палок в советские колеса, для агитации против Совета. Если и вошел в горисполком член их партии Мусатов, то тоже же не для действительной работы, а видимо для «связи» с оставшимися вне работы м-ками. В период ближе к мятежу Мусатов вел иную политику, чем вначале своего вступления в горисполком, и перед самым мятежом дезертировал из горисполкома, не заявив даже об этом.

Когда были отчаянные моменты в продовольственном деле, м-ки вместе со своими союзниками буржуазией радовались, что рабочие голодают, даже злорадствовали на одном из Пленумов Совета, за что, конечно, получили хорошую отповедь, затем, чем ближе к весне, тем реальнее принимаются меры. Как я уже указал выше, разбирается на ст. Ярославль - город вагон винтовок, переодеваются в рваные шинели (Шлейфер) и идут в остаток солдат, не расформированных еще бывшей царской армии и тех, зовут на выступление с оружием в руках против Советов. Но это им не удастся. Пусть им не удалось, но факт призыва к мятежу против Советской власти на лицо. Идя в полки, разве они не заручились поддержкой белого офицерства. Конечно, заручились, может быть, и план был, но сила то была не в офицерстве, а в самих солдатах, которые разгадали м-ков и не пошли свергать свой Совет, а вместо этого донесли последнему о деятельности м-ков.

Весной, с прибытием в Ярославль белого офицерства из других мест, появляются в Ярославле также видные меньшевики из центра и чем ближе к мятежу, тем приезжает их больше, тем усиленнее ведется ими агитация против Советов, тем наглее они становятся. Перед самым мятежом закрываются на Ветке краны от нефти, останавливается пароходное движение по Волге, ведется усиленная агитация за прекращение железнодорожного движения и т. д. и т. д. В самый мятеж часть верхушки партии (Савинов и Дюшен) занимает руководящие посты в белогвардейском штабе, часть ее идет к рабочим извещать о «поставленной волею народа долгожданной всенародной власти» и призывает активно поддерживать ее; члены их партий Мусатов и Иоффе, как мне передавали, раз'езжали по городу и также извещали о воцарении в Ярославле той «долгожданной и всенародной власти», сущность которой меньшевикам не была известна и т. д. и т. д. без конца. Эти факты взяты не при помощи университетской схоластики, а вбиты в голову самой подлинной жизнью.

Меньшевики, как мы знаем, работали не за страх, а за совесть в белогвардейском штабе и помимо штаба, изливая свое красноречие о «всенародной власти» и призывая рабочие массы поддерживать ее с оружием в руках. С другой стороны, белогвардейцы разве допустили бы членов Ярославского К-та меньшевиков на руководящие посты, не узнав предварительно их преданности белогвардейцам. Так что и самые фантастические пути никак не подходят к доводам меньшевиков. Петиция

меньшевиков белогвардейскому командованию была первым признаком разочарования.

Один наш товарищ, услышав о подаче этой петиции, сказал о партии меньшевиков: «удивительно, как идеально чиста и добродетельна эта партия, не знает ее правая рука, что делает левая».

Второй товарищ сказал про меньшевиков: они, как истые идеологи мелкой буржуазии, находящейся между классом капиталистов и классом рабочих, а в силу своего существования, ведут не крупный торг за чужой счет, т. е. с тем или другим классом за счет другого класса, вернее—являются посредниками или ходатаями. Этот торг почти всегда происходит за счет рабочего класса, т. к. краснбайство, словесные угрозы и маханье картонными мечами на крупную буржуазию не действуют, она знает хорошо им цену; принимать же решительные меры они не в состоянии. В погоне за призрачными успехами всегда ломают себе шею, правда, в первую очередь всегда выносит на своей спине «представляемый ими» рабочий класс, а когда очередь дойдет до них самих, то они с буржуазией сделаются, люди свои: укладываются в рамки, указанные буржуазией, посожмутся, ничего не поделаешь.

Третий товарищ уже гораздо позднее сказал о меньшевиках: они пужны теперь буржуазии также, как и служители религии: они по существу занимают первое место после нее и, наоборот, меньшевики также без буржуазии существовать не могут».

Эти мнения вышли не из голов посевших на теориях, а получивших свое знание на жизненном опыте и перенесших злокозны меньшевиков на своей собственной шкуре.

Отклики Московского лево-эсеровского выступления во время мятежа в Ярославле.

О выступлении левых с.-р. в Москве стало известно быстро. Находясь в Ростове, я уже знал об этом выступлении и разговаривая в Ростовском Исполкоме с быв. членом Губисполкома 1-й сессии левым с.-р.; я намеренно избегал касаться этого вопроса, а если кто-нибудь и вставлял в наш разговор, то я отговаривался неимением точных сведений, газет и т. п., да и мой собеседник, как я заметил, не охотно наводил на это наш разговор. Нужно сказать, что особенным сочувствием у рабочих и крестьян, которые делают политику ради работы, а не работу ради политики, это выступление не пользовалось. Оно положило начало разложению партии: верхи остались без масс и массы без верхов; это чувствовали и сами члены левых с.-р.

О боевой дружине левых с.-р. на «Красном Перекопе» я уже упоминал вкратце в начале своих воспоминаний. Были еще три члена партии левых с.-р., занимавшие видные посты во время мятежа: 1) Гайнов, член ЦК рабочих сев. ж. д. и, как представитель последнего, кажется, входил в В.-Р. К-т железнодорожников при ст. Ярославль-гор; 2) коман-

дир первого бронепоезда и 3) комендант того же бронепоезда. О последних двух я знаю из заявлений авторитетных товарищей, были ли на это официальные данные, я теперь не помню.

Гайнов нес большую работу на ст. Ярославль-город, в том числе распределение снарядов по фронту (все снаряды шли через ст. Ярославль-город). Ввиду важности этого дела наши т. т. требовали изъятия его из рук т. Гайнова и передачи в руки члена РКП. б., особенно на этом настаивал т. Будкин. Решено было это дело изъять из рук Гайнова и передать т. Будкину. Как работал т. Будкин, я теперь не помню, но помню, Гайнов обиделся на это решение, доказывая, что он вполне справляется с этой работой. Я доказывал т. Гайнову продуктивность труда и т. д. Действительно у т. Гайнова было много другой работы и снятие с него этого дела освобождало его энергию для более производительного употребления в другом деле.

Первый бронепоезд.

В какой день появился в Ярославле первый бронепоезд—теперь не помню, но когда я приехал на ст. Всполье, то он уже был там. Он состоял из двух площадок, сооруженных из железных американских четырехосных платформ (с высокими бортами) и обыкновенным, ничем не защищенным паровозом. Площадки были вооружены морскими дальнобойными 3-х дюймовыми орудиями и пулеметами. Этот бронепоезд далеко уступал своему тяжеловесному коллеге, закованному в действительную броню, по стойкости стенок от снарядов, но зато он был гораздо поворотливее и легче; попевал везде. Его меткого прицела не мало боялась ярославская белогвардейская рать и буржуазия вообще. Правда, его орудия метко били по видимой цели, при закрытой же цели было промахов больше. Работал он обыкновенно часов с 2 дня или немного позднее и почти до 12 час. ночи, бывало, что и позднее, затем уходил на ст. Хожаево для исправления недочетов, погрузки снарядов и отдыха прислуги.

Если бронепоезд работал хорошо, то он делал это, конечно, не автоматически, а виновниками его была команда. Я помню пом. командира бронепоезда матроса т. Таранского (не партийный; вся команда была из не партийных, за исключением двух левых с-р.) в белой матросской рубашке, матросской фуражке и брюках, всегда спокойное и серьезное выражение его лица, стоящим на той или другой площадке. Он также был устойчив и непреклонен волей, как и его орудия. Я часто видал его на площадке, когда бронепоезд стоял между станций Всполье и рекой Которослью с направленными в белогвардейскую сторону орудиями, из которых то и дело сверкали огненные языки. Не было у него и в это время ненужной суетливости, он был и тут также спокоен и серьезен. Куда и когда ушел этот бронепоезд из Ярославля после мятежа не знаю, но мне передавал один не партийный товарищ,

уже перед окончанием фронтов, что т. Таранский все время непрерывно находится на фронте и уже с сильно расстроенными нервами. После, когда ликвидированы были фронты, иногда, вспоминая т. Таранского, я думал: на таких героях держится опора Рабоче-Крестьянской власти и с ними она выдержит не один натиск международной буржуазии; они не победимы.

Спор о неверном „наследстве“.

Несмотря на серьезность положения в Ярославле, куда и следовало обратить больше всего внимания, уездные власти подняли спор о наследстве. Тутаевский военком Шашкин об'являет себя ярославским губвоенкомом (вероятно, как ближайший к Ярославлю), а за ним об'являет себя тем же ярославским губвоенкомом рыбинский военком Ферапонтов. Поднимается спор и, как следствие его, заводится тяжба: Ферапонтов экстренным поездом едет в Центр. к-тов. Троцкому. Как разрешил центр этот вопрос—я не помню, но вскоре (кажется, до приезда Ферапонтова из Москвы) Ярославль был занят Красной Армией и предмет спора исчез.

„Нашему нраву не препятствуй.“

Я помню, т. Дадукин рассказывал мне о тутаевских т.т., вступивших в спор с т. Корольковым о первенстве инициативы в посылке помощи Ярославлю. Дело было приблизительно в таком виде: т. Корольков, попав в Тутаев, поднял там всех на ноги и потребовал скорейшей помощи Ярославлю, в том числе и оружием, и желая ускорить, кажется, вмешался в техническую работу этого дела. Тутаевцы возымели недовольство «вмешательством» его в «чужие» дела и чуть дело не дошло до серьезного конфликта. Честь и слава тем тутаевским т. т., кои с оружием в руках отстаивали «свою» инициативу и право на защиту Ярославля.

О борьбе с контр-революцией во время мятежа на ст. Всполье.

Задержка контр-революционных элементов производилась обыкновенно всеми: кто где (конечно, каждый более был компетентен у своего дела) замечен, специального органа не было. Степень виновности окончательно решение выносил штаб. До решения дела задержанные находились в отдельном вагоне под ведением коменданта штаба Иванова, быв. командира 1-го Ярославского Советского полка, который в первый день мятежа предлагал полку держать нейтралитет. Не редки были случаи побега. Сам Иванов, он от природы ли таков или стусевывался вследствие «оплошности» с предложением о нейтралитете, был какой то мямля.

В середине второй половины мятежа, специально для борьбы с контр-революционными элементами приехал из Москвы т. Аронов, который уже при сдаче ему задержанного требовал обязательно давать пись-

менные пояснения о причине задержки. Такое требование обуславливалось уже упорядочением этого дела вообще и увеличением случаев задержек, т. е. с одной стороны, лицо, задержавшее человека, несло документальную ответственность, а, с другой, вследствие накопления дел и уже более тщательного их расследования, чем в штабе, заставляло производить следствие или выяснение дела не в момент сдачи задержанного, а впоследствии. Т. Аронов, на мой взгляд, представлял человека энергичного, твердого и настойчивого, с революционным опытом. В дело борьбы с контр-революционными элементами он внес, до известной степени, плановость и порядок: во первых, он ввел известную квалификацию в состав преступлений и распределение в отношении спешности разбора, во вторых, от него ни один задержанный не уходил без рассмотрения и не было случаев побега. Он же судил и взятый в плен белогвардейский штаб последнего состава.

Когда приехали представители ВЧК с тов. Евсеевым во главе—я точно не помню, но, кажется, перед окончанием мятежа или в момент окончания его. Т. Евсеев, как я припоминаю, очень заинтересовался папкой с допросами белогвардейцами наших т.т. коммунистов, застрявших в городе и попавших в плен белогвардейцев, и о некоторых не совсем лестно отзывался. По его словам, как будто некоторые т.т. отреклись от коммунистической партии, но в каком смысле понимать отреклись, я не знаю, так как это было сказано почти на ходу и не было времени расспрашивать. Эта папка была оставлена белогвардейцами в госбанке и 23 июля (в первый день моего посещения госбанка) мною была сдана вместе с другими материалами в ЧК., но, к сожалению, я сам лично ее не просмотрел, за что неоднократно от некоторых товарищей имел нарекания, которые говорили, что не следовало торопиться с передачей в ЧК. или по крайней мере следовало хорошенько всю просмотреть. Но я, как на ст. Всполье, весь без остатка был занят борьбой, так после ликвидации мятежа был занят скорейшим исправлением разрушений и недочетов, это во первых, а во вторых, всякие материалы сдавал в спешном порядке в ЧК., думая, что некоторые из них могут чтонибудь дать важное, и ЧК. по свежим следам могла бы немедленно предпринять нужные меры. Например, знаю, что по сданным мною географическим картам очень быстро был установлен путь намечавшегося белогвардейцами похода с Урала на Волгу, с низу вверх по Волге, (кажется до Ярославля) и с Волги на Север. Помещение госбанка было центром всей работы белогвардейцев и я, что мог, старался дать оттуда ЧК. Правда, не знакомясь с материалами, я терял очень многое в отношении опыта в борьбе с контр-революцией, что признавалось мною и самим, но выше всего ставил общее дело. Это руководило мной в быстрой сдаче всех материалов, может быть и очень интересных, особенно в данный момент. Кто не знает, как велика была опасность в то время РСФСР от окружающей железным кольцом контр-революции. Эта опасность диктовала мне: все на алтарь револю-

ции, все на общее дело и ничего для себя, победив врага, тогда разбирайся, и согласно своего внутреннего голоса я и действовал.

Заканчивая воспоминания о работе на ст. Всполье, укажу еще на разные характерные случаи.

Расстрел шпиона полк. Лебедева.

Однажды, выходя из штаба, вижу кучку красноармейцев, понукают какого то человека, заставляя идти вперед к штабу. Человек этот был высокого роста, в простом штатском картузе, в толстой холщевой рубашке, на которой ни ремня, ни пояса не было, какие были брюки — не помню, кажется, черные, в простых русских сапогах. Человек этот повторял на понукание красноармейцев, что он солдат. Провели его в вагон. Я пошел посмотреть и вижу, точно бы полковник Лебедев, быв. нач. гарнизона Ярославля при Керенском, но все же сомневался, т. к. черты лица его сильно изменились или уж лицо сильно было покрыто пылью и оттого выявляло иной вид. Я решил узнать, спрашивая: «полковник Лебедев вы», «Я», — отвечает он. Красноармейцы, видя с его стороны обман, немедленно вывели его из вагона и тут же расстреляли. Все это произошло так быстро, что я не успел ни сам остановить, ни штабу об этом сказать, чтобы узнать от него, как и с какой целью он попал в линию красной армии и каково положение белых; хотя он, может быть, ничего бы и не сказал или сказал не то, что есть на самом деле, но после меня этот вопрос интересовал. После Перхуров на суде объяснял, как я припоминаю, что Лебедев был главным лицом в подготовке мятежа до приезда Перхурова, но оказался слабым и за это дело взялся сам Перхуров. В начале мятежа, по словам Перхурова, Лебедев получил якобы разрешение пробраться к своей семье за Которосль. Соответствует ли действительности заявление на суде Перхурова — проверить трудно.

После приезжала прислуга Лебедева и ей показали его могилу и ни в чем не препятствовали.

Прежде я часто имел неправильный взгляд на военную форму. Видя иногда того или иного товарища в военной форме, часто думал, что они уж очень спешат получить ее, не успев что-нибудь сделать, но во время мятежа на ст. Всполье пришлось мне разубедиться в этом взгляде.

Первое время моей работы на ст. Всполье я ходил в штатской одежде. Однажды ночью, идя по путям с наганом в руке, встретил красноармейца интернациональной роты — китайца. Он, увидя меня, вскинул винтовку на руки и штык направил ко мне в грудь и в таком положении преградил мне дорогу. Я говорю «свой» но он не понимает меня или не верит моим словам. Тогда я говорю: идем в штаб. Он повторил несколько раз «дем, дем» и мы направились к штабу, он не меняя своего положения, а я сделав три четверти оборота. Подходя к части

снабжения, нас заметили некоторые товарищи из нее, находившиеся у вагонов, которых оказалось, знал и красноармеец. Поняв в чем дело, они закричали красноармейцу «свой, пусти». Услыша их, он пустил, взял винтовку за плечо и пошел к штабу, а я повернул обратно и пошел по путям далее. На второй день пришлось от штаба затребовать военное обмундирование.

Комендант первого бронепоезда был левый с.-р. и еще, кажется, командир этого бронепоезда тоже был левый с.-р., но последний был выдержаннее и честнее. Во второй половине мятежа комендант бронепоезда собирался в Москву за какими-то частями для бронепоезда. Перед отъездом забрал с баггаза мануфактуру, папиросы и еще что-то. Его задержали и предложили ему все сдать обратно. Все ли у него было отобрано, или часть, или ничего я не знаю, или не помню, так как его операции происходили на ст. Ярославль гор. Эта канитель продолжалась дня два или три. В один прекрасный день приезжает он на ст. Всполье с двумя классными вагонами. Где он был по приезде на станцию—не знаю, но через некоторое время вбегает в телеграф станции, где мы работали, с толстой палкой в руке и за ним пять человек красноармейцев-бородачей с винтовками на перевес. Комендант стучит тяжелой палкой о пол, а красноармейцы окружают меня, не меняя своего положения. Я сначала не знал, в чем дело, но потом понял, что они требуют немедленно их отправить со ст. Всполье, кажется на ст. Хожаево, где всегда стоял их бронепоезд вне боя. Я сначала уговорил красноармейцев быть покоем, указав, что я лично их не задерживаю, что если получу распоряжение, то немедленно их отправлю. Когда они немного поспокоеились, я стал говорить им и о дисциплине: они больше винтовок не поднимали и ушли в вагон дожидаться распоряжения об отправке. По уходе их я спросил штаб и через несколько минут их отправили.

О железнодорожниках ст. Всполье.

Описывая те или другие события, гром пушек, трескотню пулеметов, зарево пожаров, движение полков и т. д., необходимо хотя в малой дозе коснуться и тех отдельных лиц и групп, кои в черновой, невидимой для большинства людей работе готовят или оказывают влияние на подготовку победы или поражения. Первоклассная в мире армия, если ей не будет доставлено снаряжение, если не подвезено продовольствие, если она не имеет хорошей связи со своим центром и отдельными частями и пр. и пр., она будет в конце концов деморализована и потерпит поражение. Конечно, одни эти вопросы дела не решают, но имеют большое значение. О тех работниках, кои выполняют эту второстепенную, но весьма важную работу, я и хочу немного коснуться.

Не знаю, как до моего вступления в должность заместителя коменданта ст. Всполье, но при мне некоторые отдельные лица и группы железнодорожников работали не только добросовестно, но иногда прямо

геройски. Были случаи, что работали круглые сутки без смены, совершенно выбиваясь из сил. Например надсмотрщики телеграфа дежурили очень часто по целым суткам или отдыхая очень не много. Они поддерживали телефонную и телеграфную связь по линии железной дороги. Провода постоянно прерывались от пуль и они вынуждены были очень часто ездить на линию и исправлять их под пулями белогвардейцев, особенно часты были перерывы на самом важном участке между ст. Всполье и раз'ездом 11 версты. Во второй половине мятежа, когда части Красной Армии очистили Урочскую сторону, то они чуть ли не под пулеметным огнем ползком протягивали провода, по мосту и соединили ст. Всполье со ст. Филино; они несколько раз делали попытки и каждый раз вынуждены были удаляться (но и это соединение было прервано и они опять вынуждены были проводить их, как и в первый раз). Если у белых не хватало сил пробить стену Красной Армии, то портить связь и тормозить ее налаживание еще силы были.

В войне нельзя о всех делах говорить во всеуслышание, необходимо кой что сохранить в тайне. Опять эти же надсмотрщики были нашими сотрудниками и они одни только знали передаваемые секретные сведения. *) Я помню т. Куракина с медной каской на голове, то и дело уезжающего на линию для исправления проводов или стоящего у аппарата, соединяющего раз'езд 11 версты со ст. Всполье (телефона с 11 в. не было). Если несколько меньше т. Куракина выезжал на линию его сотрудник (фамилию его не помню), то он, не покладал рук, работал в телеграфе. Эти два товарища были основным хребтом нашей связи по линии железной дороги. Тов. Куракин вскоре после мятежа помер, а его товарищ вступил в ряды РКП. (б-ов), как я после узнал, был на нескольких фронтах и теперь красный спец ШЧ (начальник участка сл. Связи). Был еще надсмотрщик телеграфа или старший по смене т. Касовский, телеграфист Александров тоже работали добросовестно и нам помогали (помимо своей основной работы). Тов. Касовский теперь тоже член РКП и красный спец ШЧ, а где теперь т. Александров, не знаю. Во время нашей работы на ст. Всполье он собирался вступить добровольцем в Красную Армию и, как я после слышал, он свое решение выполнил и, кажется тоже член РКП (б-ов). Очень добросовестно работала телефонистка, работавшая без всякой смены, а также добросовестно работали и другие телеграфисты.

Водокачка, подававшая воду в резервуар на ст. Всполье, работала электричеством от трамвая, а так как провода были прерваны в первый же день мятежа, то ст. Всполье с этого же дня осталась без воды. Для питья привозилась вода со ст. Ярославль гэр. в водянке (большой деревянный бак на платформе), паровозы набирали воду тоже там. Это положение много приносило хлопот и тормозило дело. Во второй половине борьбы решили сделать попытку провести электрическую энергию

---

*) После передачи по телеграфу секретных сведений лента с ними вырезалась и сейчас же сжигалась.

с фабрики «Красный Перекоп». За работу взялись опять те же вышеупомянутые надсмотрщики телеграфа, но работа, ввиду перегруженности их делалась урывками и на спех и попытка не удалась. После этого скоро был подавлен мятеж и нам уже вторично приниматься за эту работу не пришлось.

После телеграфа, а иногда и наравне с ним идут паровозные машинисты, работавшие часто по круглым суткам и нередко под пулями неприятеля. Например, с первым бронированным поездом из двух площадок находился паровоз без всякой броневой или другой защиты и однажды обшивка паровоза была пробита в 55 местах. Работа машинистов еще усложнялась отсутствием воды на ст. Всполье—нужно было каждый раз ездить по воду на ст. Ярославль гор. Передки были случаи, когда запасной воды в паровозе уже было мало, а работа срочная, его задерживают и паровоз едва успевал добраться до воды, один, кажется, чуть ли не сожгли.

Помню, один молодой машинист работал целый день на ст. Всполье. Встретилась надобность что то привести из Тутаева или свести туда, заявляем: товарищ, поезжайте в Тутаев. Машинист заявляет, что он ничего не ел и не имеет крошки хлеба. Даем записку в продовольственную часть на хлеб и консервы и машинист отправляется и таких не один случай. Сначала нас стеснялись, а потом начали заявлять о тех или других недостатках сами и указывать способы устранения недостатков.

Много помощи оказала нам и администрация службы пути в лице начальника участка он же был и комиссар, фамилию его не помню (кажется Радзишевский) и старшего дежурного мастера Шидловского.

Одиноко как то стояла и мало проявляла энтузиазма сл. движения. Правда, движение поездов на ст. Всполье шло нормально. Столкновение первого бронированного поезда (это касается администрации раз'езда 11 версты) об'яснялось виной красноармейцев Кинешемского отряда, уезжавших со смены, которые якобы заставили силой дежурного раз'езда 11 версты отправить преждевременно их поезд, не дав возможности пройти стрелку, соединяющую запасную путь с главной линией, вперед ушедшему поезду. Все может быть, но что то об этом насилии, кроме заявления в тот момент, я ни от кого не слышал. Второй случай был на ст. Всполье. У бакгауза был расхищен вагон сыру. Железнодорожная администрация сваливала всю вину на красноармейцев, заявляя, что администрация не могла их удержать, т. к. у нее нет-де физической силы. На наш вопрос, когда начали таскать сыр, оказалось что его таскали уже несколько дней, а пришли заявлять нам, когда уже осталось несколько фунтов. Мы заявили начальнику станции, что если еще раз будет обнаружено подобное действие со стороны жел. дорожной администрации, то вы подвергнетесь самой суровой мере наказания—вплоть до расстрела. Дежурные на станции Всполье все время работали в невероятно трудных условиях: с напряженным вниманием нужно было

следить за движением поездов, в тоже время посторонняя публика наполняла их комнату, особенно в первое время, мешая их работе.

Как шла работа в депо ст. Всполие я не знаю, но пропусков для рабочих выдавалось много. Надсмотрщики телеграфа, начав проводку электричества на железнодорожную водокачку, задели видимо, самолюбие начальника депо. Во время их проводки начальник депо зачем то зашел к нам в телеграф, кажется, за пропуском и завел разговор об этой проводке, заявляя, что надсмотрщики телеграфа взялись не за свое дело и им ничего не сделать, а это дело касается всецело начальника депо и прочие высказывал доводы. Как бы то ни было, кого бы это по существу не касалось, но начальник депо ранее не предложил ни плана, ни своих услуг, между тем как до того момента водокачка бездействовала уже более десяти дней и ст. Всполие оставалась без воды. Надсмотрщики телеграфа, видя тяжелое положение, решились сделать попытку выйти из него. Понятно, что у них не все могло оказаться под руками, какаянибудь мелочь и та могла служить тормозом. Но ценность их работы заключалась не в том, что они закончили или не закончили свою работу, но они первые решили устранить громадной важности недостаток и тем самым усилить боеспособность Красной Армии. Где был в это время начальник депо, что он мыслил—мы не знаем. Может быть, у него были «грандиозные планы», которые могли в несколько часов сделать нас с водой, но для нас остались неизвестны. Если бы начальник депо имел искреннее намерение помочь нам выйти из кризиса, то он взял бы роль не постороннего наблюдателя, а принялся работать, не дожидаясь надсмотрщиков телеграфа или вместе с ними. Ему было это сделать тем легче, что к его услугам были мастеровые всех родов из вверенного ему депо, а, при нужде, могли быть брошены и из мастерских. Если же он сознал бы бесполезность какой бы то ни было работы в этой области, он пришел бы и заявил: провести нельзя. Но он этого не сделал. Он был наблюдателем и пришел в конце кризиса заявить частным путем о его правах на эту работу. Безусловно, много было отдельных лиц и групп ж. д., кои оказали большую услугу, но вспомнить на память о всех в данный момент нет возможности, необходимо собрать по официальным материалам или дать сведения другим товарищам, кои знают что либо.

Преступная халатность Московского сводного полка.

Нельзя не отметить преступную халатность красноармейцев Московского сводного полка, во главе с командиром полка, прибывшим за несколько дней до окончания мятежа. По прибытии на ст. Всполие, командир полка первым делом потребовал себе классный вагон и проведение к нему в вагон телефона. При всем недостатке классных вагонов, просьба его была удовлетворена, на счет второй же массу пришлось потратить разговоров. Мы говорили: вы, товарищ, из вагона что ли командовать будете, ведь вы солдат должны вести в бой и наблюдать

за боем а не в вагоне сидеть. Действительно, должно, быть он так и думал делать. Его солдаты занимавшие, с таким трудом освобожденное здание б. Духовной семинарии (ныне медфак), прозевали: их белые выбили оттуда. Говорили тогда, что они якобы в карты проиграли, а если и следили, то больше за материальными вещами, чем за белогвардейцами. Как было на самом деле—теперь сказать трудно, но факт упущения был на лицо, нам после пришлось требовать бронепоезд из двух площадок и посредством его выбивать опять из этого здания белогвардейцев. При от'езде их из Ярославля, после окончания мятежа, товарищу Громову не мало пришлось потратить усилий для задержки у них набранных в городе вещей. Эта часть была, что называется, бельмом на глазу.

Первое время, до приезда т.т. из Москвы дела всех преступников и задержанных по подозрению разбирал штаб. До выяснения дела они находились под охраной коменданта штаба. Должность последнего занимал быв. командир 1 советского полка офицер старой армии Иванов, который в день мятежа стоял за нейтралитет полка. Этот-ли «неактивный» поступок или он такой был по характеру, но действия его были все время настоящего мямли, хотя иногда он не лишен был формальности, неоднократно были случаи побега из под стражи задержанных тех или других лиц. Например, один тип был задержан нами при испрашивании пропуска на ст. Козьмодемьянск и препровожден в штаб. Постовой красноармеец, водивший его в штаб, заявил, что ему там сказали, что этот тип уже два раза был арестован и оба раза убегал. После этот тип убежал и в третий раз.

Триста старых боевых фронтовиков «с Красного Перекопа» просили отправить их на фронт для борьбы с белогвардейцами, заявляя, что они имеют большой опыт и могли оказать очень ценную услугу Красной Армии. Наши товарищи с Красного Перекопа по какой то причине от их предложения воздержались. Один из этих фронтовиков, направлявшийся по делам фабрики в Курск, брал у нас пропуск и высказывал свое недовольство в отказе наших товарищей.

Указывая в своих воспоминаниях о выемке денег белогвардейцами, считаю долгом отметить заслугу служащих госбанка в сохранении ими для Советской власти денежных знаков из 58 слишком миллионов руб. 54 миллиона. Благодаря их тактичности, устойчивости и другим положительным их качествам осталась эта сумма. В первую очередь нужно отнести эту заслугу к стоявшему тогда во главе отделения Цехонскому, затем предместкома тов. Пасхину и заместителю старшего контролера, ныне завхозу тов. Седову. Недаром чиновник Рыбинского отделения Госбанка, приезжавший в марте месяце 1918 г. с комиссаром того же отделения Госбанка по поводу выпуска бон, сказал, что они называют Цехонского «мудрым». Это нарицательное имя, если сравнить Цехонского

с другими его коллегами чиновного мира, можно отнести на счет его в положительном смысле. Например, в контактную работу с Советской властью Цехонский вступил первым из всех заправил чиновного мира гор. Ярославля и при том без всякого давления со стороны Соввласти. Большую услугу оказал Цехонский Соввласти в ликвидации забастовки служащих государственных и общественных учреждений, намечавшейся на 15 декабря 1917 г. Дело обстояло в следующем виде:

На 15 декабря 1917 года, при участии, конечно, соглашателей, намечалась забастовка служащих государственных и общественных учреждений, как мера борьбы с Соввластью. Перед забастовкой бывш. губернский комиссар врем. правительства м-к. Дюшен, не желавший не только подчиниться Соввласти, но и сдавать дела, до своего ухода, даже выписал служащим госучреждений (казначейство, казенная палата и др.) двухмесячное жалование, с целью поднятия духа забастовщиков. Отделение госбанка считалось более солидным из всех учреждений особенно государственных. Но служащие отделения госбанка не бастовали, за ними заколебались и не приняли участия в забастовке почтовики и, в конце концов забастовка прошла куцей, (конечно, где была в большинстве «демократия», как например продовольственная управа и др., там забастовка прошла по всем правилам демократического искусства). Но служащие отделения госбанка не бастовали не потому, что они все так шли за Советы, а действовала железная рука Цехонского, подкрепляемая авторитетом к-та служащих в лице тов. Пасхина. Цехонский сделал категорическое заявление служащим, что если кто не выйдет на работу 15 декабря, немедленно будет уволен, и служащие вышли. Много было и после этого случаев, но я указывать их не стану, на этот случай я указал как на иллюстрацию, более яркую по действиям и времени, которое давало больше повода противопоставлять себя Соввласти. Цехонский—старый служака госбанка и не молодой уже в должности управляющего отделением. Какие мотивы руководили им вступить в контактную работу с Соввластью (сочувствие Соввласти или практические соображения, как человека, безусловно, умного—я этого сказать не могу, я указываю на факт который был).

Тов. Пасхин—нишний служащий отделения госбанка, много работал в местном комитете служащих, будучи его членом. Первое время, насколько мне известно, Пасхину приходилось большую борьбу вести с чиновниками высшего ранга, захватившими в начале комитет в свои руки. Тов. Пасхин, как и многие из нас, не имел теоретической подготовки марксизма, даже, можно сказать, плохо разбирался в этих теориях, не знал всех тонкостей и банковского механизма, но он имел пролетарский инстинкт, благодаря которого он мог угадывать более правильный путь. Правда, бывали случаи, что он сбивался с этого пути, особенно в сторону желудочных интересов, но без этого обойтись очень трудно, особенно в обстановке тов. Пасхина: председатель комитета, обслуживающего чиновничью мелкобуржуазную стихию, умеющую говорить, а многие с

университетским образованием, тяжелые условия жизни и пр. и пр. Пасхин ли ладил с Цехонским, Цехонский ли с тов. Пасхиным, но в бытность мою комиссаром финансов между ними острых конфликтов не происходило. Во время нахождения белогвардейского штаба в помещении отделения госбанка тов. Пасхин был начальником охраны ценной кладовой Отделения. В значительной степени ему принадлежит инициатива отпора белогвардейцев физической силой. Он дал выстрелы в окно, когда банда подонков белогвардейщины хотела ворваться силой в ценную кладовую банка.

Н. И. Седов во время мятежа замещал старшего контролера Любартова, который уехал перед мятежом в отпуск «по самым неотложным делам»^{*)}). Седов находился все время при отделении и на него выпала не малая доля нажима белогвардейцев. Он если не проявлял всегда сам инициативы, то своей исполнительностью, думаю, помог многому. Правда, по заявлению служащих банка, белогвардейцы сами сделали промах: они не спросили книг учета денежных знаков и других ценностей, а поэтому наличие кладовой для них не было известно, но от этого заслуга служащих на умаляется, а наоборот, возрастает, что они сумели использовать белогвардейскую оплошность в пользу Советской Власти. При национализации частных банков я более всего опирался на отделение госбанка. Представителей частных банков привлекал как более живую и подвижную силу, но как более устойчивая сила был Госбанк.

Я упомянул только о трех лицах из служащих отделения госбанка, но эти три лица без участия остальных безусловно ничего сделать не смогли бы, так что в их заслуге повинны и другие, но заслуга и этих трех лиц как руководителей безусловно выше остальных.

И. БАРЫГИН.

Из под пуль...

(Воспоминания).

Дня за три—четыре до мятежа комиссар труда был вызван для улаживания конфликта в одном из уездов Ярославской губернии. Оставаясь заместителем комиссара, я получил телеграмму из Наркомтруда с предписанием принять срочные меры к ликвидации забастовки на нефтескладах («Ветка С. Ж. Д.»)

По наведенным справкам, забастовка оказалась серьезной. Принимались меры к ликвидации ее, но безуспешно, вплоть до введения войск и назначения политкома. Эта забастовка явилась как бы предвестником Ярославского мятежа.

---

^{*)} После мятежа Любартов уехал второй раз в отпуск тоже по самым неотложным делам и не вернулся.

6-го июля, в 4 часа утра белогвардейцы стали занимать совуcreждения, арестовывать ответственных работников и разоружать штаб красной гвардии и другие воинские части.

Живя за Которослью, я в 7 часов утра был уже в комиссариате труда. По дороге слышал, что идут аресты, свержения власти большевиков и совершено убийство председателя Горисполкома тов. Закгейма, я не верил в действительность этих слухов пока, наконец, проходя по Рождественской улице, сам не увидел зверское издевательство над трупом тов. Закгейма.

Пробравшись в комиссариат труда, я застал там несколько человек своих сотрудников и в том числе тов. Попова; все присутствующие были удивлены, что я смог пробраться, а также и моим сообщениям, что в городе тихо. Попытки завязать сношения по телефону с партийными организациями и исполнительными органами оказались бесполезны, потому что центральная станция была захвачена белогвардейцами. Так как в комиссариате труда имелись две винтовки, мною было предложено тов. Попову вооружиться и отправиться в штаб красной гвардии на помощь для подавления восстания, но было уже поздно. В этот момент в комиссариат ворвались два вооруженных белогвардейца в форме матросов, дали несколько выстрелов внутри помещения, набегая с побоями, руганью и другими издевательствами, начали производить арест присутствующих. Арестовав меня и тов. Попова, белогвардейцы вывели нас на улицу, где стояла кучка людей человек в тринадцать, которые, при виде нас, стали кричать и ругаться, предлагая утопить нас «дармоедов» в Волге, удавить, расстрелять, и так далее. С подобными «напутствиями», нас вели через бульвар по Стрелецкой ул. по направлению к штабу красной гвардии, тут набросилась на нас остервенелая толпа человек в 40, готовая пустить в ход самые зверские издевательства, так что жутко и больно было переживать эти минуты.

У самого штаба встретила нас с тою же руганью еще более зверски настроенная новая толпа, человек в сто, и требовала над нами немедленно самосуда. Но в это время появились новые конвоеры со знаками на груди и георгиевскими ленточками, что дало возможность понять, куда и к кому мы попадаем. Усиленный конвой вывел нас из разъяренной толпы и доставил в здание (ныне занимаемое почтамтом)—штаба Перхурова, где в 3 этаже помощники Перхурова произвели тщательный обыск и, отобрав все документы, в том числе и партийные билеты, посадили нас в одной из больших комнат (вместимостью до 100 человек). Здесь уже находилось несколько человек, в том числе тов. Суворов, под строгим надзором из учащейся молодежи буржуазных сынков. Часа через два комната была набита арестованными. Вскоре одним из пришедших офицеров была произведена поверка, и по его заявлению крестьяне, делегаты 5-го Съезда Советов, меньшевики и правые эс-эры могут быть освобождены, прочие останутся здесь. В конце проверки не освобожденными оказались лишь я, Попов, Белов и Суворов. Затем

комната стала вновь наполняться арестовываемыми. На улице же под окном слышалось: «раз, два, три»; заглянув в окно, я увидел, что идет вербовка и запись в добровольческую армию преимущественно из сынков и дочерей буржуазного и мелко-буржуазного элемента и тут же происходит подготовка к военным действиям. Два грузовых автомобиля с винтовками и патронами, захваченными из штаба красной гвардии и др. частей, вооружают подготовленную часть и направляют по улицам или высылают к месту по приказу Перхурова и его сообщников. Дальнейшую картину уловить было трудно, т. к. строгая охрана с ругательствами отгоняла от окон. Часам к 9 вечера наша комната снова была переполнена арестованными, которые, по сведениям, полученным ими от белогвардейцев, говорили, что восстанием охвачен не только Ярославль, но ряд других городов, а в Москву, Кострому и Архангельск летят из Англии аэропланы; Ленин арестован, Троцкий убит и т. п.

Часов в 11 вечера на крышу Спасского монастыря были втащены два пулемета и на колокольне противоположной церкви также виден был пулемет. Стрельба происходила по направлению к быв. кадетскому корпусу и вокзалу. На той и другой колокольне видно было троих из духовенства и двоих вольных.

Стрельба продолжалась до 3-4-х часов утра седьмого июля, когда на площади раздавались один за другими два орудийных снарядов, брошенных красными. Эти взрывы среди арестованных произвели довольно сильную панику, что послужило поводом к просьбе о переводе в другое в более безопасное помещение. Вскоре по приказу Перхурова всех нас арестованных вывели во двор здания, выстроили в ряды по четыре человека и под строгой охраной повели по направлению к Волге.

Проходя по улице, пришлось встречать убитых, окровавленные и искалеченные тела людей и видеть, как с окраины города поднимался дым от загоравшихся домов. Спустившись к Волге, нас посадили на паром парохода, который пошел по направлению к противоположному берегу, но, сделав несколько кругов, остановился против арсенала около баржи, на которую нас и высадили. Это было 7/VII около шести часов утра. К часу дня еще была доставлена партия арестованных из первой части города человек 70—80. С баржи по всей набережной видно было, как расставлялись пулеметы на 3—4 сажени друг от друга и рылись окопы. К вечеру раздались орудийные выстрелы и в нашу баржу попал снаряд, которым четырех ранило и трех разорвало в клочки. В этот же день еще прилетел снаряд и кроме того мы все время находились под артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем. Много было раненых и убитых, которые лежали на барже до конца мятежа— 19/VII, когда баржа была отвязана.

За все время сиденья на барже никто из 273 человек не брал в рот куска и только на девятый день привезли на лодке (Красный крест) три буханки хлеба, его ломали и с лодки кидали на баржу, но

только половина из присутствующих имела возможность чуть-чуть укушать из привезенной поначки, остальные же продолжали ждать: авось привезут еще. Многие смелчаки пытались перебраться на другой берег к Тверицам вплавь, но, не достигнув цели, потеряв силы от голода, они тонули на глазах у остальных. Таких случаев было до десяти. Дня за три до ликвидации мятежа Тверицы были заняты красными войсками и когда мы увидали развевающееся красное знамя над ст. Урочь, то, не смотря на голод и полное изнеможение, дух бодрости и радости наполнил наши сердца. За тринадцать дней пребывания на барже пришлось питаться исключительно размоченной корой березовых дров и мочалой, лежащей на дне баржи. Будучи отрезаны от города, мы не имели возможности получить какие либо сведения о всем совершающемся в нем, т. к. прибывавшие несколько раз на баржу белогвардейцы ни о чем не рассказывали. Ввиду того, что баржа была вся разбита, она начала тонуть и был единственный выход — сняться с якоря. Из находящихся на барже одиннадцати человек коммунистов было устроено совещание, после которого решено отвязать все приспособления и обрезать канаты мешающие движению, чтобы тем самым иметь возможность спастись. Решение тут же было приведено в исполнение. Был дождь с сильным ветром по течению, благодаря чему баржу понесло к Коровникам, баржа все время обстреливалась, неся новые жертвы убитыми и ранеными до тех пор, пока в Коровниках не была перехвачена красными войсками, где и началась разгрузка. Сначала сняли убитых и раненых, а затем едва сошли все остальные, окончательно потерявшие физические силы, после тринадцати дневной голодовки, всех пережитых ужасов под непрерывным огнем, среди стана умирающих и истекающих кровью; высадка на берег красными товарищами явилась для нас неопишуемой радостью, вслед над которой наступила реакция всего пережитого и последние силы меня покинули — я упал. Пришел в чувство уже будучи в околке кадетского корпуса, откуда был переправлен в больницу «Красного Перекопа», там пролежал недели три, не имея возможности принимать пищу, т. к. от употребления коры во рту образовались большие нарывы. По выздоровлении, возвратившись к прежней должности зам. комиссара труда, в здание, занимавшееся в мятеж штабом белогвардейцев, я нашел ряд документов, касающихся распоряжений белогвардейцев и в том числе первоначальный список сидевших на барже, заверенный судебным следователем и гербовой печатью. Из числа поименованных в списке до 35 человек назначено к расстрелу, в том числе и я, а против фамилий остальных (до 40 человек) стояли разные непонятные отметки.

Трудно поведать словами весь ужас, пережитый с первого и до последнего дня мятежа. Картины зверств, побои, окровавленные трупы, непрерывный гул снарядов, город, охваченный огнем пожара — врезались на всю жизнь тяжелыми, кошмарными воспоминаниями. Не добрую память оставили также зачинщики этой бойни и подстреканием к пролитию

человеческой крови, зверствами и разрушением города, вследствие чего масса рабочих лишилась последнего крова.

Ярославский рабочий не забудет никогда той лжи и обмана правых эсеров и меньшевиков, работой которых разрушен город и унесена масса человеческих жизней, не забудет и тех, кто пал в бою, защищая его интересы и завоевавших Октябрьскую революцию.

М. ВАСИЛЬЕВ-ЮЖИН.

Генерал-майор Перхуров-Ярославский.

(Опыт характеристики генерала-белогвардейца).

Полковник Перхуров за свои подвиги в ярославские дни был не только произведен «верховным правителем» Колчаком в чин генерал-майора, но и получил прозвище—«Ярославский». Генерал-майор Перхуров-Ярославский... Это звучит гордо... а, главное, по-старому—на екатерининский лад: Потемкин-Таврический, Румянцев-Задунайский, Суворов-Рымнинский... и Перхуров-Ярославский!..

При торжестве реакции он, несомненно, был бы возведен в графское или княжеское достоинство: граф Перхуров-Ярославский, светлейший князь Перхуров-Ярославский.

И Перхуров, конечно, мечтал о грядущей славе, надеялся блистать в императорской свите. Ибо он, прежде всего, монархист—прирожденный, наследственный, убежденный монархист.

В 1918 году я видел еще дымящиеся развалины бывшего тихого Ярославля. Вид разрушенного города был ужасен. В 1922 году все также мрачно и вопиюще зияют страшные раны старого города. И даже зеленые картофельные поля и огороды, разбитые на месте разрушенных домов и кварталов, не могут замаскировать и скрасить этих ужасных ран.

Нанесены они старому Ярославлю русским патриотом—монархистом генералом Перхуровым совместно с патриотами—социалистами—Б. Савинковым, ярославскими меньшевиками и эс-ерами. И получено было за это отвратительное преступление от французского посла Нуланса полтора миллиона серебрянников.

Кто же такой Перхуров? Что представлял собой этот белогвардейский герой, ныне растреленный?

По наружности это—человек высокого роста, несколько неуклюжий, с длинными руками и небольшой головой. Черные волосы спускаются у него широким мысом над низкими упрямым лбом, делая последний еще ниже. Смуглое, почти темное лицо с резко выдающимся носом, небольшая черная борода и усы и лихорадочно сверкающие, напряженные, неискренние глаза. Во время суда ему было всего 46 лет, но выглядел он, пожалуй, даже моложе.

Он—потомственный дворянин Тверской губернии. Учился в Московском кадетском корпусе, Александровском военном училище и в академии генерального штаба. Последнюю кончил по второму разряду в 1903 г.

В начале империалистической войны Перхуров состоял в чине капитана; в 1917 году он был уже представлен к производству в чин генерал-майора, но Октябрьская революция помешала ему стать «превосходительством». Об этой кровавой обиде, нанесенной ему большевиками, он говорит на суде с плохо скрытым негодованием, подчеркивая, что когда колчаковское правительство произвело его в генерал-майоры, он гордо заявил, что уже имеет этот чин.

Генеральскому чину Перхуров придает исключительное значение. В подписанном им проекте воинского устава допускается небольшая «демократическая» вольность: разрешается называть офицеров «господами» — господин поручик, господин капитан и т. п. Но и генералам строго предписывается обращаться с почтительным—«ваше превосходительство».

Как же ему не пылать ненавистью к озорным большевикам, дерзко упразднившим не только «благородия», но и «превосходительства»!

У отца его в Тверской губернии было небольшое поместье—«хуторок», как выражается Перхуров, этак десятин в 80. Поместье после Октябрьской революции забрали крестьяне. Превосходительный наследник не мог, разумеется, и этого «преступления» простить ненавистным большевикам.

И эта ненависть, непримиримая классовая ненависть бывшего помещика, потомственного дворянина и генерала, бросила его в бурный водоворот контр-революционной борьбы, привела к ряду тяжких преступлений и заставила усиленно работать мозгам, от природы посредственными и неактивными.

Перхуров—монархист, старый, закоренелый, убежденный и преданный монархист. Даже отвратительная распутинская грязь не могла поколебать его монархических убеждений. Это он сам признал на суде. Правда, он уверяет, что против февральской революции он не протестовал, не боролся. Но почему? Только потому, что бороться пока не было возможности. Кроме того, он соглашается, что «покойный государь был, действительно, слабават умом».

Перхурову, как и многим другим генералам, реакционерам, монархистам, пришлось пойти дальше, пришлось войти в союз, объединиться, временно побороться даже с людьми, которые продолжали называть себя «социалистами»: с меньшевиками, с эсэрами, с самим Борисом Савинковым, старым бомбистом, когда-то организовавшим покушения на генералов, адмиралов, губернаторов, великих князей. Конечно,—временно, конечно,—с презрением в душе, конечно,—с твердым намерением при первой же возможности сурово расправиться со своими «социалистическими» друзьями. Не пришлось!

На суде Перхуров не скрывал презрительного отношения к этим своим временным друзьям. Эсэров он называл болтунами, которые сами

не способны ни на какое путное дело и другим везде и всегда мешают. С наивным злорадством подчеркивал он, что французская миссия эс-эрам давала тысячи, а Савинкову—миллионы рублей. Тогда эс-эры стали интриговать перед Нулансом против Савинкова, называя его авантюристом и обманщиком.

— А все-таки,—с удовлетворением добавляет Перхуров,—союзники нам продолжали давать больше, чем эс-эрам.

Да, монархисту Перхурову временно пришлось об'единиться с бывшим бомбистом и республиканцем Б. Савинковым. Он был даже правой рукой Савинкова, состоял начальником центрального штаба «Союза защиты родины и свободы», организованного Савинковым. Но и Савинкова Перхуров презирал и ненавидел в душе. С пренебрежением отзывается он о попытках Савинкова организовать при помощи отрядов особого назначения покушения на советских крупных деятелей.

Сознаваясь, что высказался бы за монархию, если бы нашелся царь вроде Петра I, Перхуров считает Колчака, Деникина, Алексеева и даже Николая Николаевича Романова неподходящими кандидатами на престол.

— Ну а Савинков подходит или нет?

— О, только не Савинков!—брезгливо морщится бравый генерал.

И, все-таки, он вступил в союз, организованный Савинковым, был его правой рукой, даже усвоил некоторые демократические лозунги и понятия. Ибо этого требовал момент, требовали интересы класса. Против большевиков можно было заключить союз не только с чортом и его бабushкой, но и с бывшими «социалистами».

Нужно было навести на свою монархическую «карточку» хотя бы розовый колер. Такой колер давали контр-революционным генералам эти маргаритовые социалисты.

Захватив Ярославль, Перхуров обратился к «гражданам» с воззванием, в котором писал:

«То, что произошло в Ярославле, произошло в тот же день по всему Поволжью. Мы действуем вместе с сибирским и самарским правительствами и подчиняемся общему главнокомандующему, старому генералу Алексееву. Северной армией командует старый революционер Борис Савинков».

Как видите, немедленно пригодился и «старый революционер Борис Савинков». Старый генерал Алексеев нужен Перхурову, офицерам, помещикам, купцам и т. п., а Борис Савинков—массам, взбаломученным проклятой революцией. Борис Савинков—это румяна на лице белого генерала. Такой же косметикой, такими же румянами является и меньшевик И. Савинов, подписавший вместе с Перхуровым цитированное воззвание в качестве «заместителя и помощника главнокомандующего (т.-е. Перхурова) по гражданской части».

В политическом отношении Перхуров, разумеется, поразительно невежествен, просто безграмотен. Политической экономии он учился у ме-

печников и спекулянтов на железных дорогах, называя эту публику «страдающим народом». Его законодательные опыты сумбурны, нелепы и... слишком уж откровенно реакционны. Он немедленно восстанавливает исправников (уездных начальников), полицию, стражников, упраздняет волостные земства, земельные комитеты и тому подобные «революционные» учреждения и установления даже временного правительства.

Перхуров не только невежествен, но и неумен. Более или менее сложные логические построения и умозаключения ему не по силам. На суде, желая скрыть то или иное обстоятельство он, не задумываясь, прибегает ко лжи, но тотчас же попадаетея, запутывается в явных противоречиях, беспомощно и многословно нагромождает одну на другую нелепейшие выдумки.

Но хитрости и коварства у него было вполне достаточно. Рассказывая о своих контр-революционных подвигах, он неоднократно упоминает о военных «хитростях», применявшихся им. Он постоянно хитрил и во время процесса. Хитрость заменяет ему ум, а коварство—храбрость.

Несостоятельность ярославской авантюры выяснилась очень скоро. Одновременно с Ярославлем готовилось восстание в Рыбинске, успех которого имел бы для мятежников гораздо большее значение. Там находился огромный артиллерийский склад, там скопилось большое количество заговорщиков-офицеров, туда направился для руководства восстанием сам Борис Савинков вместе с полковником Бреде.

«Ярославское и рыбинское выступления,—писал впоследствии известный сподвижник Савинкова А. Дингоф-Деренталь,—организационно были тесно связаны одно с другим и одно без другого теряли самостоятельное значение».

Но восстание в Рыбинске провалилось, было подавлено. Об этом немедленно стало известно ярославским руководителям мятежа.

— Почему же вы не прекратили дальнейшего, уже бесполезного и бессмысленного с военной точки зрения сопротивления? Почему продолжали подвергать город страшному разрушению, а жителей обрекали на гибель?—спрашивают Перхурова на суде.

— Я боялся, что красные учинят кровавую расправу над повстанцами.

— Но разве вы не могли сделать попытки прорваться, особенно в первые дни осады?

— Под конец я предложил такой план прорыва.

Он сам даже прорвался. Но с кем?

Это произошло за 3—4 дня до падения Ярославля. Перхуров рассказал, что он составил план вылазки для облегчения стесненного положения осажденных. Необходимо было ударить в тыл наступавшим красноармейцам. Участвовать в вылазке нашлось очень много охотников.

— Но,—уверяет Перхуров,—не нашлось подходящего руководителя. Тогда Перхуров решил сам руководить вылазкой.

— Как же вы, начальник гарнизона осажденного города, решили покинуть город, покинуть гарнизон в самый критический момент?

— Никто не соглашался стать во главе отряда, считая вылазку безнадziejной. Мой заместитель по гражданской части, местный общественный деятель (кадет) Кизнер произнес горячую речь, требуя назначения начальником именно меня.

— Значит, были протесты против вашего назначения, раз потребовались горячие агитационные речи?

Генерал Перхуров растерянно мнется и несет путанный вздор.

Для вылазки из массы охотников он выбрал 50 человек, в том числе начальника своего штаба полковника Афанасьева, полковника Ивановского и Березовского, присланных ему на помощь Савинковым, и, несомненно, других своих ближайших сподвижников, имена и фамилии которых он не захотел назвать.

Это было трусливое, позорное и коварное бегство главарей мятежа, предальское оставление на произвол судьбы обманутого гарнизона.

Чтобы облегчить побег, было произведено демонстративное наступление. Самый побег совершился на маленьком пароходе под покровом утреннего тумана.

Для приличия захватили с собой небольшое количество оружия—сто винтовок и три пулемета,—якобы, для вооружения сочувствующих крестьян. Но крестьяне, по словам Перхурова, отказались сражаться под предлогом полевых работ. Оружие бросили в лесу. Настроение отряда, уверяет Перхуров, пало и, не сделав даже попытки ударить, согласно обещанию, в тыл врагу, Перхуров распустил отряд, а сам с ближайшими соратниками (Ивановским и Березовским) направился в Казань.

Отправляясь на странную «вылазку», Перхуров не забыл предусмотрительно захватить значительную сумму денег.

— Разве вы не понимаете, что своим побегом вы совершили в отношении гарнизона бесчестный, постыдный, преступный акт?

Но Перхуров упорно старается представить свою «вылазку» чуть ли не доблестнейшим подвигом. В послужном списке Перхурова этот акт отмечался, как отважный прорыв из Ярославля. За него именно полковник Перхуров превратился в генерал-майора Перхурова-Ярославского.

— Мою вылазку охарактеризовал, как прорыв, Борис Савинков, а не сам я...—смущенно добавляет Перхуров.

Еще один характерный для сего белогвардейского героя штрих. На суде он неоднократно и демонстративно подчеркивал, что симпатии крестьян и даже рабочих были на стороне мятежников.

— Даже 16 июля человек 200 рабочих с фабрики Дунаева и с мельницы Вахрамеева предложили мне свои услуги в качестве бойцов.

— Это было накануне вашей «исторической» вылазки?

— Да.

— Что же, вы приняли их предложение или отказали им?

— Я приказал вооружить их и поставить в строй.

— Как же вы решили сделать это, зная о безнадежном положении дела, задумав уже покинуть город? Как могли вы обречь на гибель новых 200 человек, будто бы преданных вам?

Невнятный, растерянный лепет. Смущенный вид.

Перхуров долго и подробно рассказывал на суде о своих подвигах в Казани и при отступлении армии Колчака вглубь Сибири. Вместе с генералом Галкиным и Казагранди он прикрывал это отступление. Почти одновременно с ними он был взят в плен, окруженный в тайге красными партизанами.

Для чего это рассказывалось?—Чтобы доказать Верховному Трибуналу, что он, Перхуров, очень храбрый и талантливый генерал и может пригодиться даже Советской Республике. В последнем слове он так и сказал, что ждет от Трибунала ответа, может ли он быть полезен Советской России.

Но в своей храбрости он вряд ли кого-нибудь убедил. Ибо мужества, настоящего, прямого и сурового мужества, которое внушает невольное уважение даже в злейшем враге, в нем нет и следа.

Наоборот, он трус, явный и презренный трус. И не только позорное бегство из Ярославля свидетельствует о том. Это вытекает по-мимо воли Перхурова, даже из его хвастливых рассказов.

Он поведал, что сдался в плен только тогда, когда его уверили, что смертная казнь советским правительством отменена, что «белые ходят с красными под ручку», как буквально выразился сам Перхуров. Ему будто бы даже показали газету, где было напечатано об отмене смертной казни.

Следовательно как только прошел страх расплаты за ярославские подвиги, он отказался от борьбы. Вряд ли это можно назвать храбростью.

Но Перхуров хитер и вероломен. Он прекрасно учитывает беспредельное благодушие и терпимость Пролетарской Республики. Он не прочь попробовать обмануть Верховный Трибунал, как одурачил своих ярославских сподвижников, как проводил уже некоторые советские органы и очень ответственных работников.

А он их проводил и одурачивал не раз. Судите сами.

Попался в плен генерал-майор Перхуров-Ярославский, один из первых генералов, поднявших мятеж в самом сердце России, виновник гибели старого Ярославля и ряда наших лучших товарищей. Думаете, что он немедленно предан революционному суду? Нет, он благополучно просуществовал с 1920 по 1922 год, был некоторое время на свободе и даже служил в штабе одного из военных округов.

Из концентрационного лагеря его освободил особый отдел 1-й трудовой армии и препроводил, как специалиста генштабиста в Екатеринбург. А там он больше трех месяцев работал в войсках Вохры и в

штабе Причальского округа, беседовал будто бы с командующим войсками и даже писал по его заказу брошюры.

— В это время,—рассказывал на суде Перхуров,—на стенах Екатеринбурга после кронштадтского мятежа расклеивались плакаты, в которых, между прочим, писалось: «Кто разрушил Ярославль?—Полковник Перхуров!».

— Вы не родственник этому полковнику Перхурову? спрашивали его сослуживцы.

Перхуров, конечно, отрицал.

Попался он потому, что снова затеял слишком уж глупую каверзу против не в меру простодушной Советской Республики. Когда после кронштадтского мятежа во многих местах России стали вспыхивать бандитские восстания, Перхуров решил приложить свою руку и к этому делу.

Начались совещания с подобными ему полковниками и офицерами, великодушно прощенными советским правительством. Уже было испрошено благословление местного архиерея на восстание; уже Перхуров все подготовил для своего побега. Но тут, наконец, вмешались екатеринбургские власти.

Вот бегло нарисованный портрет одного из контр-революционных генералов. Думается, что в нем много типичного. Нам нужно хорошо знать, тщательно изучать наших непримиримых врагов, дабы возможно реже попадаться впросак.

БОРЦЫ РЕВОЛЮЦИИ.

С. М. Нахимсон—*биография*.
Тов. Нахимсон в XII армии—
В. Д. Денисенко. Враги о т. На-
химсоне—В. Л. Р.

Памяти товарища Закгейма—
Г. Петровичева. Из воспомина-
ний о тов. Закгейме—М. Кадек.

А. С. Савельев Шелехес—О. М.

С. А. Суворов—О. Розановой.

Тов. Будкин—Н. Л.

А. С. Шмидт.—Беркович.

Тов. Зелинченко—О. Р.

Тов. Кожин—О. Р.

Тов. Лютов—О. Р.

Семен Михайлович Нахимсон.

Родился тов. С. М. Нахимсон в Либаве (Курл. губ.) в 1885 г. Там он получил среднее образование, а высшее закончил затем за границей—в Берне (Швейцарии).

С самых юных лет тов. Нахимсон отдался служению революции. Еще будучи учеником, он принимал активное участие сперва в либавской организации «Бунда», а затем в латышской соц.-дем партии, ведя энергичную работу в ученических, рабочих и солдатских кружках.

Когда разразились события 1905 г., тов. Нахимсон играл в Либаве видную роль в революционном движении. Разгром революции заставил его скрыться за границу от карательных отрядов, терроризовавших тогда Прибалтийский край и приговоривших его заочно к смертной казни.

Пребыванием в изгнании покойный, однако, тяготился до того, что после короткого времени он, с риском для жизни, вновь возвращается в Россию и уже летом 1907 г. опять стоит на революционном посту в г. Ковно, где входит в Комитет с.-д. партии и отдает все свои силы ковенской военной организации, работая под кличкой «Павел». Ковенская организация делегирует его на партийный съезд в Лондон и там тов. Нахимсон фигурирует под именем «Саян».

Возвратившись оттуда, он вскоре, в связи с разгромом ковенской организации, вынужден уехать и переносит свою деятельность в Брест-Литовск, ведя как там, так и в других городах интенсивную подпольную работу.

Не покидая до последней возможности революционной работы в России, он вследствие свирепствовавшей в то время реакции и последовавшего ряда разгромов одной за другой большинства социалистических организаций принужден, наконец, все же вновь покинуть Россию. Период эмиграции не проходит для него бесплодно: тов. Нахимсон всецело пользуется им для усиления своих теоретических знаний, изучая в ряде заграничных университетов интересующие его предметы. Однако, это не мешает ему по-прежнему посвящать свои силы партийной работе и он все время принимает участие в заграничных с.-д. организациях.

Центр русской эмиграции—Швейцария притягивает его к себе и он переселяется в Берн, где продолжает университетские занятия и добывается диплома доктора философско-экономических наук.

По окончании университета тов. Нахимсон вновь возвращается в Россию и принимается за партийную работу в Петрограде, входя здесь

в организацию большевиков. Одновременно он сотрудничает в газете «Правда», где его статьи появляются за подписями «Михальчи» и Павел Салин. В этот период состоялся в Москве съезд торгово-промышленных служащих и тов. Нахимсон, как всегда, является активным деятелем и на этом съезде. Предательство провокатора Малиновского выдает в руки полиции большинство участников съезда и в их числе, на Воробьевых горах, попадает под арест и тов. Нахимсон вместе с группой товарищей, застигнутых во время заседания большевистской фракции съезда.

Настает тяжелое время в жизни отважного революционера. Сперва московская тюрьма, затем высылка на родину, в Либаву на два года под гласный надзор полиции. Но энергию тов. Нахимсона не удалось убить и этими испытаниями. Неуклонно он продолжает, даже при таких условиях, свою работу в рядах партии, принимает энергичное участие в группе латышской социал-демократии. В конце концов это приводит к новому аресту и тюремному заключению. Осенью 1913 г. ему выносятся приговор за принадлежность к с.-д. партии и подготовку выступления по поводу процесса Бейлиса.

После тюрьмы тов. Нахимсон опять принимается за продолжение своей партийной и газетной работы в Петрограде. Одновременно он, в качестве лектора народного университета, читает ряд лекций по рабочему вопросу, находящих живейший отклик в рядах пролетариата.

Когда грянула война, тов. Нахимсон попадает в Кременчуг, где в течение слишком года он ведет самую широкую общественно-политическую деятельность; с присущей ему энергией он борется за организацию торгово-промышленного пролетариата и под его непосредственным руководством развивается строительство профессиональных союзов. Не оставляет он и поприще литературной деятельности, сотрудничая в газете.

В 1916 г. мы видим тов. Нахимсона уже на фронте, сперва в качестве помощника, а затем начальника санитарного отряда Всероссийского Союза Городов. Этот пост дает ему возможность широко развивать свою революционную работу и он является вдохновителем партийных военных организаций, огромную роль которых показали последующие события. Но еще до момента революции, в половине февраля 1917 г. военные жандармы пресекают его деятельность; контр-разведкой он арестовывается на фронте и против него возбуждается дело. Уже последовала резолюция начальника штаба о предании тов. Нахимсона военно-полевому суду, что было равносильно смертному приговору, как разразилась февральская революция и восставший народ освобождает своего твердого, преданного борца.

Прибыв в Петроград в качестве делегата, тов. Нахимсон сразу же весь уходит в партийную работу. Комитет Партии большевиков 1-го Гор. Района избирает его председателем, а затем делегирует его в оборонческий тогда Совет 1-го Гор. Района. Здесь тов. Нахимсон проявляет свои огромные организаторские способности в самом ярком свете;

тотчас он организует при Совете фракцию большевиков и не проходит несколько месяцев, как ему удается добиться большинства левого течения над соглашательскими элементами Совета, в котором он уже занял пост председателя.

Не ограничиваясь советской работой, тов. Нахимсон по прежнему неустанно работает в партии, состоя представителем ее в районной и центральной городской думе, входя в Петроградский комитет партии, в военную секцию Петроградского Совета, состоя членом Ц. И. К.

Вместе с партией он переживает тяжелые июльские дни, не теряя веру в грядущую победу, своим личным авторитетом внося успокоение в колеблющиеся ряды, одних удерживая от отчаяния, других от опрометчивых шагов.

Тесно сросшийся за годы своей предшествующей деятельности с латышской социал-демократией, тов. Нахимсон почувствовал после июльских дней, что в рядах латышских стрелков XII армии нужна организационная работа, нужна борьба против соглашательских тенденций, нужна пропаганда истинно революционных идей. И он возобновляет прежние связи с латышскими стрелками, которые приглашают тов. Нахимсона в качестве комиссара. Однако, находившийся тогда в руках группы Гоца, Либера и Дана Центр. Исп. Комитет убоился того, что искренний революционер занесет в ряды латышских стрелков слова истины, раскроет им глаза на пагубную политику оборонческой клики, поэтому не утвердили тов. Нахимсона в качестве комиссара. Тогда партия делегирует его в XII армию как партийного агитатора. Сразу же поведя успешную борьбу против соглашательских тенденций, принимая деятельное участие в издании «Окопной Правды», тов. Нахимсон быстро приобретает широкую популярность в солдатских кругах и избирается первым комиссаром всех латышских стрелков, а затем становится во главе всей XII армии, будучи избранным председателем Искосола и комиссаром XII армии. В качестве одного из трех членов коллегии он стоит во главе командного состава армии и получает новое подтверждение доверия солдатских масс при выборах в учредительное собрание, пройдя как делегат от Северного фронта.

Германское наступление вынуждает его вместе с армией покинуть Валк и переехать в Рыбинск. Здесь старая армия расформировывается, тов. Нахимсон, работая одновременно в местной организации большевиков и в Ярославском Совдепе, деятельно отдается организации кадров новой Красной армии.

Эта деятельность вскоре приводит его на пост военного комиссара Ярославского округа и, таким образом, Совет Народных Комиссаров возлагает на него ответственную задачу военной организации входящих в этот округ 8 губерний, включая и Петроградскую губ.

В деятельной работе по военной организации в Ярославском Совдепе и в партии протекают последние месяцы его работы.

Его острая наблюдательность позволяет ему вполне учесть суще-

ствующую в Ярославле обстановку и он ясно отдает себе отчет в сгущающейся там атмосфере. Всего за неделю до своей смерти, отстранив военного руководителя, быв. ген. Ливенцова, за контр-революционную деятельность, он предпочитает не отправиться в качестве избранного делегата на 5-й Съезд Советов, а находит нужным остаться на месте, чтобы отразить, если возможно, надвигающуюся катастрофу.

В это время происходит губернский съезд, на котором тов. Нахимсон избирается председателем и вновь самым деятельным образом принимает участие в работах Съезда.

Не успел закончиться съезд и связанные с ним совещания, как вспыхнуло восстание предателей—белогвардейцев и его, только что вернувшегося из заседания, схватывают банды палачей.

Зверская расправа контр-революционеров, выливших на нем свою месть за революционную XII армию, вырывает из наших рядов этого стойкого борца за свободу и социализм, твердая вера в который не покидает т. Нахимсона до последней секунды и он умирает, как герой, гордо бросая своим врагам слова веры в конечную победу своего правого дела, в торжество социализма, несмотря ни на какие расстрелы и неистовства белогвардейцев.

Краток был жизненный путь этого борца, но на всем этом пути он горел ярким огнем борьбы за свободу, за торжество справедливости и освобождение угнетенных от рабских цепей. И, поэтому, надмогилой безвременно вырванного из наших рядов товарища будем с верою смотреть в будущее: дело, за которое кладут жизнь такие борцы, не может погибнуть, оно одержит победу и в этой победе своей пролетариат довершит работу тех, кому не суждено было дожить до окончательного торжества, но чья память будет им чтима во веки веков.

В. ДЕНИСЕНКО.

Тов. Нахимсон в XII армии.

Сейчас мне припоминаются, поистине, жуткие и кошмарные дни: когда на фронте приказами Керенского была удушена всякая политическая жизнь во всех ее проявлениях, когда были запрещены всякие собрания, митинги и т. д., когда военная организация нашей партии добросовестно и систематически громила насими идейными врагами, когда каторжные, пересыльные и крепостные тюрьмы Двинска, Пскова, Валка, Юрьева и др. были заполнены с.-д. большевиками, имевшими мужество и в этой обстановке бесправия и ничем неприкрытых насилий и террора работать и будить в широких солдатских массах чувства возмущения и протеста.

И ужас и трагизм этих дней, это было накануне октябрьского

переворота, заключался и ограничивался не одним только террором г. г. оборонцев, которые так рьяно и самоотверженно выступают теперь в защиту якобы попранных свобод слова, печати, собраний — саботажников и реакционеров. Нет, именно в эти октябрьские дни на фронте больше, чем где-либо внешне наблюдалось молчание и тишина. Но в этой тишине, в этом спокойствии было что-то зловещее.

И только слепцы, да просто наивные люди (чтобы не сказать более, ибо среди вожаков оборонческого, неперизбранного Искосола попадались типы, которые, даже в кругу своих же товарищей и единомышленников, слыли за авантюристов) не видели и не понимали, что армия, старая дореволюционная, а к тому же и истрепанная 3½ летней войной, — такая армия разлагается и отмирает изнутри. Донесения корпусных командиров (укажу на ген. Новицкого, командующего 2 сиб. корпусом) отмечали абсолютную утрату веры на возможность дальнейшего ведения войны.

А война все-таки продолжалась, как тягучий и липкий кошмар, все-таки в тиши и спокойствии министерских и штабных кабинетов разрабатывались солидные планы весенней, летней и осенней кампании 1918 года и т. д.

Чем грозила такая постановка вопроса, с которым так тесно и неразрывно были переплетены и связаны судьбы всей революции, — это понимали и представляли себе все, кроме, опять таки, политических и просто слепцов и авантюристов, управлявших в то время судьбами армии.

Начались отдельные, разрозненные выступления, отказы исполнять приказы, сменять боевые части и т. д. Талантливо и детально разрабатываемые военными комиссарами Временного Правительства диспозиции, на предмет призыва к порядку этих взбунтовавшихся частей, конечно, были всего менее действительным противоядием и производили как раз обратное действие, т. е. еще более растрavляли и без того вздувшиеся и порядочно нагноившиеся язвы.

Взрыв, неминуемый и самый страшный взрыв уже висел в воздухе.

В эти дни прибыл к нам, в 12 армию т. С. М. Нахимсон, командированный туда Центральным Комитетом нашей партии.

О работе т. С. М. Нахимсона в 12 армии я хочу сказать несколько слов.

Как уже достаточно явствует из вышесказанного, 12 армия в период, непосредственно предшествующий октябрьскому перевороту, представляла уже достаточно горючий и легко воспламеняемый материал. Армия клочкотала. Но именно в таком состоянии она была орудием обоюдоострым и опасным. Ведь был же пример (5 армия), когда для того, чтобы, в угоду г.г. Милюковых, Терещенко и К^о, двинуть армию в наступление, потребовались целые кавалерийские корпуса для умирения

взбунтовавшихся рабов и помещения с решетками для десятков тысяч этих рабов. 5 армия определенно отказалась от наступления, но сделала это неорганизованно, кустарным способом. И в неорганизованности и только в одной ей и кроется, я полагаю, уму непостижимая возможность выделения из этой же армии и отправка в Питер для усмирения июльского мятежа, свыше десяти тысячного сводного отряда под командой бравого г. Мазуренко.

Работа т. С. М. Нахимсона в 12 армии в эти до-октябрьские дни и сводилась, главным образом, к точному, математическому учету накопившейся за восемь месяцев энергии, справедливого негодования и возмущения политикой предателей, именующих себя Врем. Революционным Правительством России, и направлению этого возмущения и протеста по руслу наибольшего и наилучшего революционного приложения и использования его.

И мы видим С. М. Нахимсона прежде всего первым комиссаром всех латышских стрелковых полков и редактором так усердно травимой Керенским и его прислужниками «Окопной правды».

Вступив в военную организацию нашей партии, а также в «Исколястреж» (Исп. Ком. Сов. Латышских стрелковых полков), С. М. Нахимсон положил основание левому блоку 12 армии, это была незначительная вначале группка людей, на которую, однако, уже в первых числах октября (на малом совете 12 армии), брюзжа слюной и с кулаками, нападали оборонцы, но о которую разбились впоследствии эфемерные силы их.

Как редактор «Окопной правды» С. М. Нахимсон был неподражаем и именно в лучшем смысле этого слова. Один человек, он мог заполнить всю газету, и надо сказать, что эта газета с первого и до самого последнего столбца была сплошной огонь, воспламеняющий массы.

Недаром оборонцы, допускающие в своей экспедиции буржуазные и просто черносотенные газеты, наложили вето на «Окопную правду». Недаром коменданты ст. Вендет, Рамоцкое и т. д. иступленно рвали и жгли кипы «Окопной правды».

Характерно и важно только одно: армия, т. е. подлинная окопная армия, ея низы, считали «Окопную правду» своей газетой.

Да и существовала она и издавалась (не в пример оборонческим «Красн. Знамени», «Делу Трудов. Народа») не на субсидии, а на гроши, которые собирались в каждой роте, в каждой батарее, эскадроне, парке и т. д.

Организацией левого блока 12 армии, пропагандой (изустной и через «Окоп. правду») и внедрением в широких окопных массах идей советской власти, т. С. М. Нахимсон сделал великое дело. 12 армия, наиболее близкая и многочисленная (в то время в 12 армии насчитывалось свыше 700.000 человек), армия, на которую Керенский возлагает все свои надежды, а Кучин—председатель старого, оборонческого Иско-сола, на 2 с'езде советов, от имени солдат этой же армии, заявляет:

12 армия, все штыки 12 армии, как один человек, поднимутся на защиту Врем. Правительства, эта армия первая с восторгом приняла и приветствовала свержение правительства предателей, первая выступила на защиту рабоче-крестьянской революции, которую она поддержала не только морально, резолюциями и просто словами, но делом, жизнями сотен и тысяч лучших своих товарищей.

Я помню армейские с'езды 27—31 октября и 15—17 ноября, с'езды, на которых мы выдержали последние бои с социал-соглашательской ратью.

Были жуткие и вместе с тем красивые дни, оборонцы мобилизовали все свои силы.

Но они разбились о гранит сознавшего свои истинные нужды и чаяния революционного духа солдат.

Ничто не помогло и не спасло предателей. Напрасны были их потуги и еще более у места оказалась их тяжелая артиллерия, так назыв. солдаты вынырнувшего неожиданно циммервальдца Чернова.

Солдатские массы 12 армии, идейно руководимые т. С. М. Нахимсоном, резко бросили этим господам: руки прочь, довольно предательства.

С этого времени т. С. М. Нахимсон начинает работать как председатель арм. исполнительного ком. 12 армии (Искосол 12). Помимо того, он занимает посты военного комиссара 12 армии, председателя военнорев. комитета района 12 армии и позднее, на малом совете в двадцатых числах декабря, единогласно избирается командующим 12 армии (членом коллект. управления армии).

Говорить о том, что сделано С. М. Нахимсоном для русской революции в то время, это значит говорить о том, что каждому уже достаточно известно.

12 армия, возглавляемая и идейно руководимая С. М. Нахимсоном, больше чем какая-либо другая армия, отдала свои лучшие, революционные части для борьбы с Калединым, Украинской радой и т. д.

Я хочу еще остановиться на одном моменте, который как нельзя более характеризует т. Нахимсона.

Все так или иначе обойденные и ушибленные октябрьской революцией штабные и черносотенные офицеры, меньшевики, правые эсеры и уже с ними, смертельно ненавидели С. М. Нахимсона.

Но зато солдатская масса, ее подлинные низы, обожали своего вождя.

Его одно слово, даже одно имя успокаивало бури.

И все, кто был в 12 армии, кто видел и знал, что сделано этим идейным и стойким товарищем-коммунистом для армии и для русской революции, теперь, узнав о его смерти от руки мерзавцев, сводивших счеты за 12 армию (так об'яснялась в Ярославле смерть С. М. Нахимсона), искренно будут убиты горем столь тяжелой утраты.

Вечная память дорогому товарищу. Проклятие и месть, сторицей месть убийцам, вырвавшим из наших рядов нашего учителя и друга т. Нахимсона.

Враги о тов. Нахимсоне.

В газете «Петроградский Голос» от 2-го августа помещена статья о тов. Нахимсоне за подписью В. Новицкого, бывшего генерала и командира XII армии, в который покойный столь широко развернул свою революционную работу. Эти строки останавливают на себе особенное внимание, как отзыв из резко противоположенного проводившимся тов. Нахимсоном идеалам лагеря, усматривавшего в перестройке армии по новым революционным принципам «разложение и большевистские крайности». В виду этого целиком приводим означенную статью В. Новицкого, в которой он пишет следующее:

В среду состоялось погребение на Марсовом поле с необычайной пышностью Ярославского военного Комиссара Нахимсона, павшего жертвой гражданской войны в Ярославле. Покойный был видной фигурой революции, особенно в ее последнем, большевистском периоде, причем наиболее яркую деятельность он проявил на северном фронте. Я был лично знаком с Нахимсоном и не раз встречался с ним во время своей службы в рядах 12-й армии.

Уже к лету 1917 года он был заметной величиной на Рижском фронте. Занимая должность председателя исполнительного комитета латышских стрелков, он деятельно вел свою работу в латышских частях, энергично проповедуя в них большевистское учение. Такой его деятельности много способствовало его близкое участие в газете «Оконный Набат», которая распространяла на фронте крайние революционные идеи.

Вообще, покойный со свойственной ему энергией, настойчивостью и увлечением вложил много труда и души в эту работу. Разложение же латышских стрелков, раньше других пропитавшихся идеями большевизма, должно быть всецело отнесено к агитационной работе покойного.

После рижской операции и отхода 12-й армии на венденские позиции, Нахимсон принял участие и в работе армейского исполн. комитета (искосола), имевшего в то время меньшевистский состав. Здесь постепенно и настойчиво он формировал и укреплял левое крыло этой организации, деятельно подготовляя в армии тот переворот, который уже был задуман в Петрограде.

В эти октябрьские дни 1917 года деятельность покойного развернулась в Вендене: велась усиленная агитация в войсках, как в тылу, так и на позициях, распространялась партийная литература, а «Окопный Набат» призывал к изганию командного состава и оставлению позиций.

Увлекающийся, пламенный, весь горевший огнем мятежа, Нахимсон быстро завоевал себе видное положение в искосоле. Когда настали дни октябрьского переворота и в начале ноября собрался в Вендене чрезвычайный армейский съезд для перевыборов искосола, оказалось, что подав-

ляющее большинство съезда-большевистское, искосом же был избран почти из одних большевиков. При этом Нахимсон был избран его председателем. Судя по той единодушной и длительной овации, которая была устроена ему по этому случаю участниками съезда, не подлежало сомнению, что популярность и известность Нахимсона в солдатских массах 12-ой армии были весьма значительны.

Как раз в это время я принял командование этой армией, почему мне и пришлось иметь дело с ним с первого же дня его вступления на это новое поприще. Ежедневно, по вечерам, один или с другими членами искосола, он приходил ко мне в Валке с докладом, и мы долго сидели за делами, распутывая те сложные и колючие узлы, в которых сплетались в то время войсковые недоразумения.

В этом личном общении, в этих продолжительных беседах, признаюсь, Нахимсон производил на меня впечатление честного, идейного большевика, идущего с беспощадной прямолинейностью к осуществлению своих революционных идеалов. И потому, будучи его идейным противником, считая своим долгом, где возможно, умерять его разрушительную энергию, я в тоже время спокойно работал с ним и чувствовал доверие к нему.

Уезжая в конце ноября из армии в Псков, для вступления в командование армиями северного фронта, я с сожалением расставался в этот тяжелый политический момент с человеком, который, несмотря на всю непримиримость своих взглядов, для меня совершенно неприемлемых, сумел тем не менее создать эти сносные условия для совместной работы со мною.

И потому мне доставило большое душевное удовлетворение - отдать ему здесь, на Марсовом поле, последний долг, снявши фуражку, прекрестившись и помянувши его.

Г. ПЕТРОВИЧЕВ.

Памяти тов Закгейма.

Первый раз я встретил тов. Закгейма в первые дни Февральской революции в Совете Раб. Деп., он был представителем, если не ошибаюсь, от рабочих мелких часовых мастерских. Всегда скромный Давид, как его часто называли, стоял в большинстве сзади и внимательно слушал горячие споры при обсуждении тех или иных политических вопросов. Часто споры затягивались и не приводили ни к каким результатам. Т. Закгейм никогда никого не перебивал и вперед не лез на сцену, а выслушивал внимательно и в конце или в середине спора брал себе слово. Я помню, часто Давнорович, давая слово т. Закгейму, говорил спорящим: «подождите, подождите, вот т. Давид хочет говорить». Аудитория замолкала и раступившись, обнажала «скрывавшегося» взади т. Давида *). Т. Закгейм

*) Первое время Сов. Рабочих Депутатов помещался в тесных помещениях и, за отсутствием скамеек, члены Совета часто на заседаниях стояли.

говорил всегда тихо, хладнокровно и серьезно, его слушали внимательно. Иногда в нескончаемых спорах рабочие, не искушенные в политической борьбе и не связанные партийной дисциплиной, не знали, кого поддерживать и выступление т. Закгейма имело в этом случае большое значение: он некоторых выводил из затруднений.

Коммунистическая идеология и недюжинный, ясный ум были видны в т. Закгейме в начале его работы в Совете Раб. Депутатов: например, я помню, во время приезда в Ярославль м-ка Колокольников разговаривал о войне. В комнате было четверо: Давнорович, Колокольников, тов. Закгейм и я. Давнорович в большинстве расспрашивал Колокольникова о мнении стоявших тогда у власти и из своей центральной меньшевистской братии. Т. Закгейм сразу же задал вопрос о прекращении войны. В то время такое мнение считалось не только слишком резким, но и не допустимым. М-ки и с.-р только что облобызались с буржуазией, последняя же за этот поцелуй требовала ведения войны «до победного конца».

К Июльским дням в Совете Раб. и Сол. Депутатов, особенно в рабочей части наших товарищей, остается небольшая группа, во главе которой вскоре же становится т. Закгейм. Т. Коротков, вынужденный оставить советскую работу, в Июльские дни направлял работу фракции Совета и руководил партийной работой.

После отъезда из Ярославля т. Короткова *) вскоре и эта работа переходит к тов. Закгейму.

В партийной работе в первый раз я встретил т. Закгейма 19-го мая 1917 года—в день раскола Ярославской организации—на собрании большевиков. На этом собрании, к сожалению, я не присутствовал, т. к., будучи перед этим за неделю избран членом Вр. К-та тогда еще единой Р. С. Д. Р. П., отдавал отчет на общем собрании уже не единой Р. С. Д. Р. П., а м-ков и вновь пришедших в партию рабочих. Когда я пришел в собрание б-ков, то оказалось оно уже закрытым но, как припоминаю, участники собрания еще не разошлись и меня, кажется, тов. Закгейм вписал в список присутствующих. Но ближе я с ним познакомился уже впоследствии в Городском Бюро Партии **). С июля до октября месяца в совете я не работал и все свободное время отдавал работе в партии. На меня, как жезнодорожника, возлагались различные поездки в Москву, в том числе и по приобретению литературы, как популярной (для продажи), так и фундаментальной (для библиотеки). Распространением и продажей литературы ведал освобожденный секретарь бюро т. Волокитин; (т. Солдат) ***)) он же получал и членские взносы. Деньги в первый раз на покупку литературы были заняты у казначея бывш. Смоляковского завода и члена бюро и казначея партии т. Пчелина (из заводских денег). Через непродолжительное время т. Волокитин устроил нам настоящую

*) В конце августа или в начале сентября 1917 года.

**) Бюро называлось в отличие от Комитета М-ков: в то время обе партии имели одно название и название К-та могло смешиваться.

***)) От распространения и продажи литературы не освобождался ни один член партий, но учет и продажа в бюро возложены были на т. Волокитина.

волокиту: никак не могли разобраться в отчетности, первый, кажется, начал разбираться в этой путанице т. Закгейм, после—т. Москалев и затем привлекли меня. Подолгу и очень усидчиво т. Закгейм сидел за этой работой, внимательно рассматривая происхождение каждой суммы и делая выборки. От этого взгляда ее ускользала даже какая либо мелочь. Тов. Закгейм один составил опись и каталог нашей библиотеки, в которой в это время насчитывалось уже сравнительно большое количество книг; этот материал, кажется, цел и до сего времени.

Тов. Закгейм в это время был членом Исполкома Совета Раб. Депутатов. М-ки старались его оттереть от активной работы в Исполкоме, да и вообще то работы в Исполкоме в этот период почти никакой не было (там было затишье). М-ки срывали медовый месяц с буржуазией в городской думе, вследствие чего т. Закгейм отдавал все свои силы партии. Исходя из этого, т. Закгейм не шел в Исполком и за получением жалованья, в тоже время и из других источников ни откуда ничего не получая, и мы, знали что его материальное положение тяжелое, даже он хотел снять обязанности и члена Исполкома. Нам стоило больших трудов его уговорить и доказать неправильность его суждений заявив, что в крайнем случае жалованье мы уплотим из партии.

Во время, кажется, Корниловского мятежа или по поводу его было устроено заседание пленума Совета Р. и С. Д., на котором т. Закгейм выступал официальным оратором от фракции б-ков. Я помню его спокойный металлический голос, раздававшийся по залу Дома Народа. Мы тогда сидели в Бюро Партии и изредка выходили послушать прения. Во время его речи т. Будкин, придя в Бюро и улыбаясь, сказал мне: «Ты посмотри, что у нас делает Закгеймушко» *).

В последней—«социалистической» городской думе т. Закгейм был председателем Бюро фракции. Последнее правильных заседаний (что требовал т. Коротков), т. е. со всеми формальностями—протоколами и пр. устраивало мало. Вопросы разрешались в большинстве на скорую руку и частным образом, хотя иногда присутствовала на заседаниях чуть и не вся фракция, но влияние Бюро на фракцию было, и главным образом т. Закгейма. Отсутствие регулярных заседаний Бюро фракции было безусловно недостатком, ставившим иногда членов фракции в неопределенное положение, но этот пробел пополнялся личностью т. Закгейма, как и председателя фракции и как дальновидного товарища. Горячие головы из нашей среды, как например т. Будкин, а иногда и пишущий эти строки предлагали чемнибудь реагировать на те или другие демагогические выступления «демократии» (особенно в этом подвизались м-ки, руководимые Равичем), но всегда спокойный тов. Закгейм на это отвечал: «ничего, ничего, товарищи пусть они себе упражняются» и т. д. Благодаря, может быть, дальновидности т. Закгейма, мы не увле-

*) Сказано в смысле ласкательном. Т. Будкин не менее других остро чувствовал отсутствие в Совете т. Короткова и выступление т. Закгейма ему подало надежду хотя на частичную замену понесенной утраты в лице т. Короткова.

кались мишурой и флиртом «с демократией» на пленумах думы, а обратили внимание на работу в комиссиях. Я помню слова тов. Закгейма во время одной из бесед о нашей тактике в думе: товарищ, важно, чтобы рабочие вникали в работу в комиссиях, эта работа важнее: там они научатся ведению хозяйства и т. д.

Когда произошел Октябрьский переворот, т. Закгейм становится гораздо решительнее и энергичнее в отношении к вне советским группам, но и тут в самые горячие моменты спокойствие, хладнокровие, ясность мысли и прочие ему присущие очень ценные качества не покидали его. Тов. Будкин на одном из заседаний горисполкома, улыбаясь, сказал мне: ты смотри как у нас т. Закгейм левеет. Тов. Будкин уж очень любил людей решительных и энергичных. Тов. Закгейма он стал ценить выше, чем до этого момента.

Некоторые наши товарищи, в том числе и т. Будкин, почему то в начале считали т. Закгейма умеренным. Ошибка этих товарищей, на мой взгляд, состояла в том, что не «умеренность» или «полевение» присущи были т. Закгейму, а последний более других знал, когда нужно промолчать и когда нужно не только не молчать, но и действовать, идти на пролом. Безусловно и т. Закгейм не ушел от воздействия момента на его психологию, но все же, на мой взгляд, это были скоропреходящие влияния и в направлении его деятельности не играли значительной роли.

Тов. Закгейм работал не покладая рук. Первые дни после Октябрьского переворота были заняты борьбой с контр-революционными элементами и обезвреживанием их: разгон различных собраний, вроде «Спасения родины и свободы» и других, обыски, отборка оружия и пр.; затем борьба с забастовками и саботажем чиновно-монархического и буржуазно-общественного аппарата; борьба с голодом: отовсюду из уездов и волостей шла волна мешечников, которые требовали официального разрешения на поездку в Сибирь за хлебом, между тем как жел. дор. начали закупориваться этими мешечниками. Челябинский Совет разослал своих делегатов во все Советы Северо-Восточных и Центральных губерний, чтобы удерживали эту волну, иначе не только гражданское население, но и Северный фронт останутся без хлеба. Необходимость заставила не малую часть внимания уделить и налаживанию Советского аппарата, взаимоотношениям Совета с рабочими и солдатами*) и много, много других вопросов, которые не могли быть оставлены без внимания. Тов. Закгейм был, безусловно, в курсе всех этих дел и руководил ими, и не только руководил, а большую часть сам делал. Он работал круглые сутки: его почти всегда можно было застать в Доме Народа. Его не редко вечером можно было встретить уезжающим или приезжающим на автомобиле. Это тов. Закгейм ездил обезвреживать контр-революцию. На сколько он был неумолим для буржуазии и контр-революционных элементов вообще, настолько мягок и внимателен к т.т. рабочим, бед-

*) В первые дни после Октябрьской революции этот вопрос находился в вполне удовлетворительных условиях.

нейшим крестьянам и солдатам: для них не было невозможного, что он мог сделать и что было в его силах. Рабочие в экстренных случаях (а таких было много) днем и ночью могли найти тов. Закгейма и получить от него совет или указания.

Деятельность Ярославского Совета за период Октябрьской революции до мятежа неразрывно связана с именем тов. Закгейма: Горсовет, тов. Закгейм, Дом Народа—не отделимы. Дом Народа в этот период был штабом революции г. Ярославля и лабораторией, где выковывались будущие борцы, и страшилищем для буржуазии, как впоследствии они считали Губчеку.

В первые же дни после Октябрьской революции по инициативе тов. Закгейма организовывается при Ярославском Совете экономический отдел, заведывающим которого назначается тов. Закгейм: хотя впоследствии и был командирован туда тов. Овсеевич, но руководство и разработка вопросов принадлежит тов. Закгейму. Экономическим Отделом сейчас же было приступлено к учету сырья и товаров на фабрично-заводских предприятиях, чем кладется начало организации рабочего контроля над производством. С этого момента ни одна просьба предпринимателей не удовлетворяется без санкции фабр.-зав. К-та. Многие К-ты не в курсе дела, некоторых крутили и хозяева, их верные слуги-бухгалтера и т. д., а некоторые действовали в тесном контакте с хозяином или директором сознательно. Тов. Закгейм не боялся всех этих недочетов. В разговоре об них он иногда говаривал «ничего, товарищ, пусть учатся» или: на опыте увидят, неумелые рабочие научатся, а подлецов выгонят.

Необходимо еще отметить один важный случай: после Октябрьской революции, по инициативе тов. Закгейма, сейчас же была разработана анкета по учету помещичьих имений (и главным образом инвентаря). Затем из полков взяли несколько десятков т. т. солдат, устроили с ними несколько босед по этому поводу и отправили их по губернии. Впоследствии материал был собран громадный и ценный.

В декабре 1917 года созывается 2-й губернский съезд советов крестьянских депутатов. Губ. бюро сов. кр. депутатов первого созыва, руководимое правыми с.-р., созвало на съезд более 500 делегатов, но от волостей непосредственно, если не ошибаюсь, было только 106 делегатов; 252 делегата было от правлений кооперативов и остальные подобраны таким же путем. Съезд раскололся, 135 представителей открывают партийный съезд под руководством Р. К. П. (б-ов), который выделяет своих представителей в исполком ярославского совета на правах членов исполкома и поручает ярославскому совету подготовить созыв губернского съезда советов раб. сол. и кр. депутатов. Тов. Закгейм, может быть, не выдавший ни сохи, ни плуга, удивительно мог не только ладить с крестьянством, но и нащупать их пульс, знать их нужды.

В апреле месяце 1918 года был созван первый Ярославский уездный съезд советов крестьянских депутатов. Как и всегда, людьми, выступающими на политическую арену первый раз (особенно это свойственно

крестьянам), делается защита своих прав и преимуществ не на ясном представлении действительности, учете сил и средств, а гадательно, так сказать, в авансовом порядке, т.-е. в большинстве всякие требования представляются с запросом, боясь не продешевить себя. На это, конечно, есть свои причины: люди в общественном деле берут начало от своих узких интересов и пр. Съезд избрал в исполком около 20 представителей (точного числа не помню) «ярых защитников» исключительно интересов крестьян, из которых ни одного коммуниста; были-ли сторонники РКП—не помню. Мне пришлось быть, кажется, на двух совместных заседаниях исполкома горсовета с участием вышеуказанных представителей от крестьян, в которых обсуждались организационные вопросы.

Представители крестьян, попавшие под влияние левых с.-р., видим, нехотели работать совместно с ярославским советом раб. и сол. депутат. и предъявили требования, неприемлемые для последнего: составить исполком в превышающем числе представителей от крестьян. Затем заявили, что им предоставлено плохое помещение для жилья и предъявили требование на предоставление им помещения, подходящего званию представителей: оборудованного, с чистым постельным бельем и пр. Мы удивились, насколько стали шепетильны «действительные» крестьяне. Правда, эти требования исходили от крахмальных воротничков и чистых френчей, лишь имевших штемпель представителей крестьян. Многие из наших товарищей хотели было обрушиться со всей критикой на подобные действия «ярых» защитников крестьянских интересов, но т. Закгейм приостановил их. Он с представителями крестьян был вежлив и хладнокровен и пошел на все их требования, даже относительно отдельного самостоятельного их существования: они решили уйти в уездную земскую управу. Когда у них не стало денег, то он два или три раза постарался провестить им выдачу на довольно солидную по тому времени сумму (около 100 тысяч) из кассы ярославского совета. В частном разговоре он говорил по этому поводу: «Ничего, товарищ, пусть попробуют». И действительно для «ярых» защитников крестьян эта проба была роковой: на первом Горьездном съезде советов Р., К. и К. депутат. после мятежа представители крестьян заявили категорически, что если не будет образован совместный исполком крестьян и рабочих, то они выбирать и представителей в исполком отказываются, указав, что их представители одни сидели с апреля месяца и ничего не сделали и теперь тоже будет, добавляли они*).

В конце декабря 1917 года приступаем к контролю над частными банками. В этой операции инициатива исходила от т. Закгейма. Я помню, мы разделились на три группы, по числу банков, во главе каждой стоял ответственный товарищ: т. Дадукин—в Московский банк, я и т. Розанова—в Волжско-Камский, а т. Закгейм в самый спекулятивный—Соединенный, где его требованию не подчинились: управляющий—Из-

*) Представители крестьян сидели в уездной земской управе со штатом в 200 чел. просидели там месяца три и расходовали на этот штат деньги, но ничто не делали.

майлов ключей не дал и, кажется, скрылся, скрылся и его помощник; служащие банка отказались работать. Тов. Закгейм опечатал вход в банк и впоследствии достали другой экземпляр ключей, хранившийся в отделении Госбанка.

Большая работа проведена непосредственно т. Закгеймом, собрание первого налога с буржуазии, так называемой «контрибуции». В этой работе опять сказывается чутье т. Закгейма: в первую очередь и, главным образом, он беспощадно облагает буржуазию спекулянтскую и особенно разжиревшую на войне. О во фабрикантов и заводчиков не могло не учесть этого и явилось к комиссару финансов с заявлением, чтобы для выполнения им своей «гражданской» обязанности по сбору налога со своих членов предоставили помещение в Отделении Госбанка, о чем не могли и мечтать их спекулянтские сотоварищи. Правда, последние сами избегали всякого официального о-ва ради пользы вятшей, но еслибы они это и не делали, то не мечтали бы о таком высоком почете. Просьба о-ва фабрикантов и заводчиков комиссаром была удовлетворена, но несмотря на это удовлетворение, они все же собрали сравнительно ничтожную сумму.

Правда их высокомерие зиждилось не на одном «гражданском долге» и «почетной роли», «организаторов производства», но причина была гораздо глубже: они брали деньги для уплаты «контрибуции» не из потайных своих карманов и хранилищ (или брали оттуда меньше) и старались, главным образом, взять с текущего счета в банке, который не только реально, но и номинально не увеличивался, а все уменьшался и выполняющие «гражданский долг» это знали лучше нашего и уже доводили об этом до сведения рабочих, а некоторые через Завкомы обращались уже к Совету за ссудой.

Т. Закгейм умел свои мысли претворять в дело способом, ему одному свойственным. По совести говоря, никто не мог бы столько сделать в смысле положительных результатов, как т. Закгейм.

В мае 1918 г. возникает вопрос о постройке в Ярославле гавани-затона. Взят был за основу готовый план одного инженера, изданный несколько лет тому назад. Инициатива этого вопроса в Исполкоме опять принадлежит т. Закгейму. Может быть, ктонибудь возбудил этот вопрос и со стороны, но главное то, что нужно было найти материалы, затем заняться этим вопросом серьезно и толково. Около т. Закгейма в то время уже начали группироваться и очень серьезные люди из делового мира и приходили к нему не для провождения времени от нечего делать (они знали, что с подобными вещами с ними и разговаривать не будут), а для выяснения вопросов серьезных и деловых. Особенно преобладали люди, бывшие до революции в загоне.

Другой большой план т. Закгейма был о создании Губернского Совета Народного Хозяйства, который бы охватывал всю промышленность Ярославской губернии. Было намечено и помещение, б. коммерческое училище (ныне Ярославский Дворец Труда). Были уже, кажется,

два предварительных совещания с участием представителей от профсоюзов, но вскоре наступивший мятеж вырвал из наших рядов инициатора этого грандиозного плана т. Закгейма и разрушил всю предыдущую работу.

Знал ли т. Закгейм о подготовке в Ярославле мятежа и, если знал, то как он на это смотрел, сказать затруднительно.

Рабочий класс от т. Закгейма мог ожидать многого, но рука наймитов капитала не дала осуществиться полностью этим ожиданиям. Местная буржуазия с нескрываемой радостью встретила известие о зверском убийстве т. Закгейма и с бешеной ненавистью и злобой оплевала его труп и надругалась над ним. Ярославская буржуазия не учла того, что, убивая рабочих вождей, она не может убить рабочего дела—революции.

М. КАДЕК.

Из воспоминаний о тов. Закгейме.

Ярославские рабочие не могут не вспоминать долгое время боровшегося за рабочее дело товарища Закгейма. Тов. Закгейм жил и работал на глазах ярославских рабочих; на глазах их тов. Закгейм и умер.

И позволю себе набросить здесь свои «воспоминания» о т. Закгейме, характеризующие в некоторой степени товарища, как общественного деятеля—борца за революцию и как партийного работника.

Помнится мне, один день из общегородских конференций партии коммунистов города Ярославля. Это было в 1918 году во время грозного наступления германцев на западном фронте. Конференция была созвана специально по вопросу «О брестском договоре». По вопросу возгорелись горячие прения. Один из товарищей, член Партийного Бюро, выступил с докладом по этому вопросу. Всесторонне рассматривал этот вопрос, возлагал большие надежды на «февральскую революцию на Западе» и, рассматривая позицию, занятую тов. Лениным, заявил, что он считает эту позицию неправильной, что т. Ленин этим тормозит и даже хоронит дело революции на Западе и т. д. Одним словом, приводил все аргументы так называемого «левого крыла» партии коммунистов. Присутствовавшие на конференции товарищи-рабочие внимательно, молча выслушали докладчика и все его громкие «революционные» фразы и потом заговорили. Говорили они просто, без напыщенных фраз, без громких слов. Дело—действительно плохо, но иначе поступать все таки нельзя было. Товарищи—рабочие рассуждали и смотрели на все это дело со своей точки зрения и были горды тем, что товарищ Ленин тоже так думает и что он с ними...

«Левые» коммунисты тогда остались на конференции в меньшинстве, большинство было «за Ленина».

И помнится мне, как на эту конференцию тихо и незаметно явился

небольшого роста человек. Я тогда его видел в первый раз, так как в Ярославле жил недавно и его совершенно не знал. Тихо вошел он, тихо прислушивался к словам той и другой стороны, в прениях участия не принимал. Но я поневоле обратил на него внимание. Что то уж особенное было в этом тихом и скромном человеке. Его ласковые, светящиеся и дышащие любовью глаза, серьезное, задумчивое и вместе с тем утомленно—грустное лицо, его приемы—все это привлекало и обращало на него внимание.

Гляжу на это лицо и не налюбуюсь им.

И заинтересовался, какую же позицию займет этот человек.

Но не высказывался он, только прислушивался и потом... ушел.

Что же это он?—подумал я—даже не высказался.

Приступила конференция к «текущим делам».

Просит слово т. Б. И., еще теперь слышится мне его горячая речь—он говорил о товарище Закгейме. Кратко обрисовал его характер, деятельность и значение его здесь на месте. Заявил, что т. Закгейм решил ехать на фронт, но это неблагоприятно повлияет на советскую работу в Ярославле, так как работы здесь так много, а работников подходящих почти что совсем нет. Конференция обсудила вопрос; позвали т. Закгейма.

Заинтересовался я—кто же этот Закгейм, и каков он собой и что скажет. Надеялся услышать те же громкие, восторженные фразы, каких уже много слышал в тот вечер.

Т. Закгейм явился и—к восторгу моему—этот был тот же человек, который меня незадолго до этого так заинтересовал.

Спокойно он выслушал слова председателя конференции, поблагодарил, но заявил, что он на фронт непременно поедет, что это его твердое решение: «Остаться здесь я не могу, чувствую, что я буду плохим работником здесь, если я должен быть там», закончил он.

Тут виден был характер твердый, решительный, самостоятельный. Без напыщенных фраз, без громких слов он делал свое дело.

Потом уже я много слышал о тов. Закгейме, но долго его не видал.

Всем товарищам известны его роль и значение, например, во время так называемого «поповского мятежа» в Ярославле.

Потом я опять встретился с тов. Закгеймом в апреле. Как мы вообще познакомились—не помню и не знаю.

Я тогда совершенно не был знаком с советской работой и не имел никакого опыта в этом деле. Но т. Закгейм заставил меня работать и дал мне очень ответственную работу. Я боялся браться за эту работу, отнекивался, но товарищ на все мои возражения ответил со спокойной улыбкой и сказал: «Через три дня все будет знакомо и известно». Я стал работать.

Теперь я только узнал тов. Закгейма. Я смотрел и наблюдал за ним и не мог надивиться его удивительной работоспособности. Бывало

разстанешься с ним поздно ночью часа в 3—4, а утром часам к 10-ти он уже на работе, с целым рядом проектов, планов и предложений. Когда он отдыхал или спал, когда успел обдумать и набросать эти планы, и теперь непонимаю. Удивительный такт и выдержка всегда и во всех отношениях. За это уважали и любили его все товарищи и даже его противники и враги.

Помнятся мне все эти недоразумения и стычки с бывшей крестьянской секцией, с левыми соц-революционерами и пр.

Помнится один «Кулацкий съезд». Забегали, заволновались все. Не знали, что делать, как быть. А главное—тов. Закгейма в Ярославле нет. Уехал он куда—то в уезд и неизвестно даже, где находится в данное время. Общая суматоха и неразбериха. Думаю—«ну, так, и быть, пропало наше дело». Вдруг звонят по телефону. Беру трубку. Известные вопросы, ответы. Кто?—товарищ Закгейм. Откуда?—Из Романово-Борисоглебска. Что делается в Ярославле, спрашивает он. В немногих словах кратко все излагаю. Несколько вопросов и ответов с его и моей стороны и, заявляя скоро приеду», кончает он разговор.

И действительно явился он. Все просияли, обрадовались и через несколько часов все было устроено. И после того только и показалось, что дело ведь было совсем пустяшное и почему это мы никто ничего не могли придумать и сделать.

И это везде и всегда. Собрание, заседание ли, или чтонибудь другое—т. Закгейм всегда находится, всегда знает, что делать, как кому ответить.

Все товарищи коммунисты помнят бывшие несогласия и недоразумения среди членов Ярославской Организации. И здесь т. Закгейм всегда знал, что делать и как поступать в данную минуту. Были случаи, что очень многие с товарищем Закгеймом не согласны, им кажется, что т. Закгейм совсем не то говорит и совсем не так надо делать, но он настаивает на своем, проводит свое мнение и действительно—после оказывается все так, и совершенно правильно поступал т. Закгейм. Глубокая вера в рабочее дело, в революцию дала ему силы и поддерживала его. Никаких колебаний, никаких сомнений,—он знал, за что борется, к чему стремится.

И умер он в той вере.

Еще накануне дня своей смерти он был на целом ряде деловых заседаний. Заседания кончились поздно ночью. С пением «Интернационала» все разошлись и через несколько часов после этого т. Закгейм был злодейски и предательски убит. И над трупом этой светлой личности надругались враги и предатели рабочего класса.

Погиб товарищ Закгейм, погибли и погибнут еще, быть может, многие из нас, но никогда не погибнет то великое дело, за которое павшие товарищи боролись и отдали свою жизнь!

Тов. А. С. Савельев (Шелехес).

Тов. Александр Савельевич Савельев (Шелехес), родившись в Москве в бедной еврейской многочисленной семье, с ранних лет столкнулся с крайней нуждой и не имел возможности получить систематического образования. Лишь в 1903 году он уже 14 летним мальчиком, благодаря одной из сестер, отдававшей весь свой заработок на его воспитание, подготовился в 5 класс реального училища и поступил туда.

Природный ум, огромная наблюдательность и какая-то врожденная способность диалектического мышления проявились уже в этот период. Столкнувшись впервые с революционерами в лице своего учителя известного с-ра максималиста (Эфрона), Ал. Сав. в эти еще детские годы, подвергал строгой критике все воспринимаемое и, вопреки влиянию любимого учителя, вел с ним решкую полемику и уже в 1904 г. определил себя как соц.-дем.

С этого же года тов. Савельев работает в ученической соц.-дем. (больш.) организации, а в 1905 г. он полуребенок, полу-юноша, уже не только подхвачен революционной волной, но и является ее активным участником, иногда даже руководителем. Товарищи, знавшие его с детства, вспоминают следующие характерные случаи этого периода.

«Демонстрация... Огромная толпа рабочих движется по Пресне. Красные знамена... Марсельеза... Общий подъем. Вдруг наперерез толпе от Зоологического сада появляются конные казаки... Сразу жуткое напряженное молчание. Толпа остановилась, замерла, многие бросились бежать. В этот момент между смятенной массой демонстрантов и готовыми к бою казаками, бросилась фигура еще неоформившегося безстрашного юноши, обращающегося с речью увещания к казакам... Юноша (Савельев) оттеснен рабочими, обозвавшим толпу трусами, демонстранты вновь собрали ряды, казаки поскакали обратно.

Другая картина—тов. Савельев на трибуне. Слушают рабочие Пресненской мануфактуры. Их много. Слушают жадно. Но крик «казаки» заставляет всех броситься врассыпную. Один оратор остается спокойно на трибуне, не поддаваясь панике, и когда тревога оказалась ложной—идет во главе рабочих занять университетскую аудиторию, чтобы казаки не мешали слушать.

После 1905 г. Савельев продолжает работу в ученической с.-дем. организации, втягиваясь постепенно в более серьезную. Во время выборов во II Гос. Думу он впервые арестован за агитацию. А дальше опять та же работа: пропагандиста, техника и главным образом, организатора, все более и более широкого масштаба. Так, до 1911 года, когда он был арестован, сидел 3 месяца и выслан навсегда из Москвы. Будучи выслан в Тулу, он там, как ранее в Москве, на ряду с практи-

ческой работой, ведет упорную работу над пополнением своих марксистских знаний, (а также над выработкой из себя марксиста не на словах а на деле).

Любимой фразой тов. Савельева было: «марксистом является лишь тот, кто иным уже быть не может». Но это была не фраза, Ал. Сав. действительно не выносил всякой половинчатости, слякоти колебаний, трусости и беспощадно вытраивал и в себе и в друзьях все, что могло помешать работе-борьбе. Эта черта не мешала ему, однако, быть любимцем в организации, центром всех симпатий как тульских ссыльных, так и партийцев-рабочих.

После Тулы тов. Савельев продолжает работу то в Царицыне, то в Ярославле, то в Н.-Новгороде. Но острый процесс туберкулеза с одной стороны, вечная опека охранки с другой, сильно тормозят работу и А. С. в 1916 г. уже нелегально перебирается в Москву. Ни на минуту не уклоняясь, даже в период разгула шовинизма 14 г. от большевизма, он с самого начала революции 17 г. начинает работу в Хамовническом районе большев. организации чуть ли не с самого начала членом район. комитета.

Выход из подполья на широкую массовую работу дает яркий расцвет его организаторским способностям и т. Савельев наряду с т. Ангарским становится действительным руководителем района. Скромный не яркий, но едкий оратор, крайне вдумчивый и серьезный организатор, неумеющий изменять своему слову, твердо проводящий намеченную линию, Ал. Сав. скоро отмечается партийной и рабочей массой и становится незаменимым во все трудные моменты, каких было не мало в те тревожные дни. Председатель революционного Комитета и действительный руководитель вооруженной борьбы рабочих столь важного тогда Хамовнического района. Штаб Московского военного Округа, Алексеевское военное училище, 5-я школа прапорщиков, Драгомиловский вокзал, где высаживались дикие дивизии, все это было в Хамовническом районе, он умел ориентироваться в самой сложной обстановке. Не имея никакой военной подготовки, он тем не менее чрезвычайно удачно распределял участвовавших в боях рабочих и солдат 193 полка, по возможности экономя их силы, направляя в трудные участки ударные группы наиболее революционной части. Всегда спокойный, язвительный при ошибках и случайных неудачах и он в тоже время ободряюще ласковый, но беспощадный к трусам и дезертирам—он был действительно незаменим, в его лице в штабе бойцы находили нужную поддержку и твердую волю. После октябрьских дней тов. Савельев попрежнему работает (за исключением мес. болезни) в Президиуме районного Комитета членом М. К. и позднее председателем районного Совета, М. К. и Ц. К. Делают неоднократные попытки извлечь его из района для работы и партийной и советской более широкого масштаба, но по мнению А. Сав. его задача в районе еще не окончена и он остается там. Считая осью работы старых партийцев, воспитание новых молодых сил в их практической работе, он

к) него Александровича

объединяет вокруг районного Комитета всех т.т. рабочих, выдвинутых на советскую работу, как в районе, так и вне его. Оставаясь сам всегда в тени, появляясь в центре лишь тогда, когда молодые силы оказываются слабы для защиты той позиции, которую т. Савельев считает обязательной для успеха дела, он провел в течение нескольких месяцев колоссальную работу, воспитывая революционных марксистов из рабочих, посланных районным Комитетом на практическую работу. Его авторитет был чрезвычайно велик и товарищи со всеми сомнениями шли к нему, не боясь его строгой критики.

Ведя одновременно с большой парт. работой и неустанную работу в Совете, т. Савельев в половине 1918 г. считал свою работу в районе в известной степени завершенной, т. к. там уже были т-цы, готовые, по его мнению, к замене его. В июле 1918 г. ЦК выдвигает его в качестве члена Комиссии для борьбы с Ярославским мятежом, а позднее и для воссоздания парт. и соворганов, эту часть его работы осветил бы лучше всего его доклад в ЦК и МК, который, к сожалению, не мог быть еще получен.

С сентября м-ца Ал. Сав. заявляет о своем добровольном желании отправиться на фронт, и в начале октября он с одной из групп мобилизованных партийцев отправляется в 1 армию в качестве начальника политического отдела армии. Состояние армии первого периода ее формирования естественно не могло удовлетворить его, любящего шлифовку, отточенность и ясность в работе и партийную дисциплину. Тов. Савельев выдвигает мысль укрепления влияния полит. отделов, превращения их в партийные—руководящие центры армии, а не только в к.-просвет. учреждения и разоидясь на этом вопросе с членами революционного Совета армии, он уже совсем больным отзывается ЦК на новый боевой фронт в Курск.

В Курской губ., частью только освобожденной от Скоропадчины, еще не имелось прочной организ. Советской власти, тов. Савельев был избран пред. Губкома, но ни там и нигде в другом месте он уже больше не работал. Надорванные еще в дореволюционное время силы не выдержали огромной напряженной работы и 28/III—19 г. т. Савельев еще молодым (ему было 30 лет) умер от туберкулеза.

Он был одной из первых преждевременных жертв надорванных на чрезмерной работе парт. сил. Но в своей и короткой работе революционного периода и за долгие годы до 1906 г. он сделал много и не забудут его те, для которых он положил столько сил и любви.

Сергей Александрович Суворов.

Жертвой белогвардейского мятежа в Ярославле, на ряду с лучшими нашими представителями товарищем *Закгеймом* и тов. *Нахимсоном*, пал и *Сергей Александрович Суворов*.

Руководители белогвардейской авантюры, видя полный крах задуманного дела, не остановились перед тем, чтобы послать на явную смерть взятого ими в плен и содержащегося у них под арестом тов. Суворова. Когда ему предложили быть посредником в деле прекращения гражданской войны и заключения мира, он с радостью согласился. Ему дали белый флаг как бы в знак их желания вступить в мирные переговоры, тот самый флаг, под которым шло их контр-революционное восстание. Они знали, что под этим флагом нельзя идти с предложением мира. Тов. Суворов бесстрашно выступил вперед по направлению к Красной Армии, но за дальностью расстояния он не мог быть узан нашими товарищами, они заметили лишь белый флаг, под которым белая гвардия обыкновенно вела наступление на Советские войска. Дано было несколько залпов и... Суворов был сражен наповал.

В лице т. Суворова Советская Россия лишилась очень ценного и серьезного работника. Правда, он не состоял членом нынешней Ярославской организации коммунистов, но делал для Советской Власти более, чем многие из коммунистов большевиков. Не входя официально на бумаге в наши ряды, тем не менее на деле он был вместе с нами, был нашим верным товарищем по работе в советских организациях. Многие из товарищей коммунистов прибегали к нему за советом, как к опытному организатору в общественно-политической жизни. С ним неоднократно советовался и тов. *Закгейм*, быв. председатель Ярославского Совдепа — один из лучших и преданных Революции товарищей, павший первой жертвой зверской расправы белогвардейцев.

Имя С. А. Суворова как литератора и журналиста, известно социалистической России на ряду с именами наших старых партийных работников. Вместе с тов. А. В. Луначарским он принимал участие в «очерках реалистического мировоззрения», где помещена его статья «философия жизни». О социальной философии писал он в сборнике «философии коллективизма», помещал также статьи в газетах и журналах. Философ и созерцатель по натуре, он тем не менее был хорошим практиком на поприще общественно-политической жизни.

Работая в статистическом отделе Ярославского Губернского Земства, он принимал участие в нелегальной организации социал-демократической партии в Ярославле, разделяя тактику. соц.-дем. большевиков. Много энергии и труда было уделено им общественной работе в качестве члена правления Ярославской Пушкинской библиотеки. Принимал

участие во многих съездах, между прочим, в Стокгольмском съезде соц.-дем. партии. Серьезное, вдумчивое отношение к делу, последовательное неуклонное проведение раз намеченного плана, такт и умение в обращении с людьми были отличительными чертами С. А. Суворова.

Находясь в рядах Ярославской организации объединенных соц.-дем., образовавшейся после Февральской революции, он всегда становился на защиту интересов рабочих масс. Он смело, почти один против всех остальных членов, вступал на защиту Советской власти, за что и был исключен из членов Комитета Ярославск. объединенной соц.-дем. организации.

Тов. Суворов, неустанно работая вместе с большевиками, был для нас в высшей степени ценным и нужным работником в деле социалистического переустройства нашей жизни. Контр-революция знала, кто для нее более опасен и она вырвала в Ярославле лучших работников Советской России. Тов. Суворов похоронен вместе с тов. Закгеймом и др. нашими товарищами в одной братской могиле.

Н. Л.

Тов. Будкин.

Память о тов. Будкине еще свежа у ярославцев и долго его не забудут многочисленные рабочие Ярославских фабрик и заводов.

Да и забыть тов. Будкина трудно, почти нельзя. Такие исключительно яркие натуры, исключительно яркие люди, как тов. Будкин, встречаются не часто и не забываются.

Тов. Будкин большую часть своей жизни провел в Иваново-Вознесенске, где он работал на одной из местных фабрик. И ярославская обстановка, даже после-революционный Ярославль, во многом и существенно отличавшийся от потомственного рабочего Иваново-Вознесенска, тяготила тов. Будкина. Не город, а болото, говорил тов. Будкин об Ярославле, выявляя этим свое отношение и к тогдашним распрям в местной парторганизации, и к излишней доверчивости в то время ярославских рабочих меньшевикам и эсерам.

Беспредельная преданность делу революции является основной чертой характера тов. Будкина. В рабочем деле, в революции тов. Будкин был твердо уверен и успех революции считает основой и целью своей жизни. Служение делу революции тов. Будкин начал с подполья и на революционном посту погиб.

Ярославский мятеж застал тов. Будкина в Москве, куда он выехал на Всеросс. Съезд Советов. После первых же известий о мятеже тов. Будкин стремится в Ярославль, чтоб рука об руку с оставшимися товарищами отстоять завоевания Октября.

И с безаветным мужеством эти завоевания тов. Будкин отстаивал, за них боролся.

Прямолинейность и решительность т. Будкину сопутствовали всюду. В протоколах ярославского губревкома, образовавшегося после мятежа, находим решительное требование тов. Будкина не допускать левых эсеров на руководящие роли в губернском аппарате, в то время как раздавались голоса и в пользу этого допуска.

Не доверяя меньшевикам, Будкин убеждает видного члена ярославского совета большевика тов. Г. Петровичева (по воспоминаниям последнего) арестовать меньшевистского лидера Равича в тот момент, когда этот лидер является для освобождения из под ареста другого соглашательского вождя Дюшена, причем освобождение Дюшена должно было состояться по решению Исполкома Совета.

Решителен тов. Будкин и в обстановке чисто военных действий.

Вряд ли кто из ярославцев знает точно биографию тов. Будкина. Кроме того, что тов. Будкин иваново-вознесенский рабочий, что он не имел никакого образования, вряд ли еще можно получить иные биографические сведения о тов. Будкине. Можно лишь указать, что Будкин был очень искренним человеком и горячим оратором, подлинным трибуном революции.

Для характеристики тов. Будкина небольшой факт, сообщаемый тов. Петровичевым: Тов. Будкин, получив в Москве известие об Ярославском мятеже, немедленно ринулся в Ярославль, позабыв даже свою шляпу там, где это известие его застало. Так во все время подавления мятежа Будкин и проходил без головного убора. О себе заботиться у него времени не было, замечает т. Петровичев в своих воспоминаниях о Будкине.

Пал тов. Будкин на революционном посту смертью героя: на Деникинском фронте, будучи окружен белогвардейцами и расстреляв все патроны, тов. Будкин, не желая сдаваться в руки белых, приберег последний патрон для себя и застрелился.

Д. БЕРКОВИЧ.

Тов. А. С. Шмидт.

Тов. Абрам Савельевич Шмидт родился в г. Новгороде в 1894 г. в семье бедного ремесленника-кузнеца С. А. Шмидта.

Учился покойный товарищ в начальной школе, деля время между нею и работою в кузнице, в которой он помогал отцу добывать хлеб насущный. У старика Шмидта было 9 человек детей и естественно, на мальчика подростка смотрели как на работника, могущего и обязанного трудиться для благосостояния с семьею.

Я познакомился с семьею Шмидт в 1910 г. Абрам в это время

был уже хорошим мастером, несмотря на свои 16 лет. Вероятно к этому времени он провел добрую половину своей юной жизни у горна.

У него была привлекательная внешность, доброе сердце, живой и пытливый ум. Благодаря влиянию старшей сестры, бывшей в семье непререкаемым авторитетом, он тогда уже проявлял глубокий интерес к общественным вопросам и страстно тянулся к свету знания. К сожалению, тяжелые условия жизни в провинциальном городке не давали возможности осуществиться его мечтам.

В 1913 г., 19-ти лет от роду, Абрам был сдан в солдаты «по наружному виду», ввиду путаницы в метрических записях. Служил он в гор. Шпе Владимирской губ., в пехотном, кажется, Варшавском полку. В августе 1914 г. попал на австрийский фронт, где пробыл 3—4 месяца и был ранен в левую руку. После лечения и полугодового отпуска, Абрам был признан негодным к строю и назначен в рабочий железнодорожный батальон, находившийся в Петербурге. Здесь он прослужил до революции.

Начиная с февральских дней 1917 г., он принял самое активное, непосредственное участие в революционном движении. В это время у него еще не выработалось определенного мирозерцания, но не смотря на колебания и сомнения в принципиальных вопросах, здоровый рабочий инстинкт тянул его к большевикам и Абрам практически решал для себя все острые вопросы, становившиеся в порядок дня, в соответствии с лозунгами и директивами Ц. К. Р. К. П.

В начале 1918 года Абрам вступает в ряды РКП, принимает участие в организации отрядов для защиты Петербурга против наступающих германских войск и горит желанием отправиться на фронт, но вместо того получает назначение в г. Ярославль.

Последний раз мы виделись с ним во время его единственного приезда из Ярославля в Петроград. Тогда он был весь поглощен борьбою, которую приходилось вести Ярославскому ревкому с назревавшим контр-революционным восстанием. При этом он высказывал недовольство недостаточною твердостью, проявленной Ревкомом и опасался дурных последствий.

Считаю, что имя Абрама Шмидта м. б. смело поставлено в одном ряду с светлыми именами безчисленных мучеников и героев Революции, как имя человека честного, прожившего свою короткую трудовую жизнь и погибшего на революционном посту. Он служил революции со всем энтузиазмом юности, и революция должна поместить его имя в свои «святцы».

Тов. Зелинченко.

Незадолго до мятежа, приблизительно в начале апреля 1918 года, приехал Зелинченко в Ярославль. Ранее он работал в Рыбинске, был одним из пяти членов комитета рыбинской организации большевиков, куда вошел в ноябре 17 года.

По отзывам рыбинских товарищей, это был чрезвычайно преданный, упорный большевик, в самые трудные минуты всегда мужественно выходивший вперед со словом в интересах партии.

Летом и осенью 17 года, т. Зелинченко много работал среди рабочих завода «Феникс» в Рыбинске. В Ярославле он принимал деятельное участие в качестве агитатора от большевиков, в предвыборной кампании в городской Совет. Во время процесса меньшевиков весной 1918 г., по предложению тов. Нахимсона, парткомом тов. Зелинченко был назначен председателем Революционного трибунала. И несмотря на свою молодость, он вполне оправдал свое назначение. Такой процесс в Ярославле был впервые, от товарищей, входивших в состав Революционного трибунала, требовалась большая выдержка и находчивость, особенно в зале, переполненном публикой, в большинстве нам враждебной. И первый председатель Ревтрибунала, в лице тов. Зелинченко, оказался на должной высоте, сумел придать заседанию должный характер. Вероятно, впоследствии из тов. Зелинченко выработался бы еще более серьезный и деловой работник в этой области. Выступая на суде рядом с таким товарищем, как тов. Нахимсон, бывший главным обвинителем по делу меньшевиков, тов. Зелинченко не только не терялся, но как бы вырастал выше, чем он был до этого времени. И недаром рука белогвардейцев наметила в нем свою жертву, стремясь уничтожить лучших наших товарищей.

Имя тов. Зелинченко рядом с именами т. т. Нахимсона, Закгейма и других будет жить в памяти ярославского пролетариата.

Тов. Кожин.

Нельзя обойти молчанием гибель тов. Кожина.

Это был еще очень юный товарищ, почти подросток, сын рабочего с ф-ки Красный Перекоп. Добровольцем вступил он в ряды Красной гвардии, организованной при фабрике и в первый же день мятежа пал от белогвардейской пули на глазах тов. Рубцова, в дружине которого он состоял.

Вечная память юному герою.

М. М. Лютов.

По своему происхождению сын рабочего (отец работал слесарем на заводе «Парвийнен» в Ленинграде).

С 15 лет тов. Лютов стал работать в типографии.

Во время империалистической войны был на фронте.

Участие в революционной работе начал принимать еще до февральской революции, распространять прокламации большевиков.

После октябрьской революции он находился в Ярославле в рядах Красной гвардии, заведую складом оружия, жил в доме быв. Лопатина.

Белогвардейская пуля настигла его на грузовике на Власьевской улице, он спешил на помощь нашим товарищам, охранявшим склады на Всполье.

ЯРОСЛАВСКИЕ РАБО- ЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ В ДНИ МЯТЕЖА.

ВОСПОМИНАНИЯ:

Рабочие „Красного Перекопа“ в
дни мятежа—*В. Охапкина.*

Ярославские железно - дорож-
ники в мятеж—*Ф. Чуркина.*

Кулаки с белыми, бедняки—за
Советы—*А. Карулина.*

Молодежь и белогвардейщи-
на—*А. Сайкина.*

Рабочие „Красного Перекопа“ в дни мятежа.

О подготовке к мятежу белых было известно недели за две или за три, т. е. стало очень заметным прибытие большого количества офицерства из разных городов.

Как то раз, одним из военных (не помню — кем!), сообщено было в городской комитет партии, что в Ярославле творится неладное, концентрируются какие то неизвестные военные люди (офицерство). В день получения этого сообщения сразу же было созвано экстренное совещание ответственных работников — партийных, советских и военных, на котором после информации тов. Закгейма в обмене мнениями еще более подтверждалось сообщение военных работников; указывалось не только на наплыв неизвестных никому в городе офицеров, но и на частое посещение подозрительными лицами Военкомата, др. организаций и т. д. Перед совещанием встал вопрос об организации конспиративного штаба при Военкомате из партийных, советских и военных представителей, которому и было предложено установить секретное наблюдение за подозрительными личностями. Штаб собирался ежедневно, заслушивал информации от товарищей, коим давались те или другие поручения и в заключение принимал меры к тому, чтобы дать возможность белым сконцентрировать все силы для того, чтобы иметь возможность сразу раздавить это ядро; но установить день выступления белых не удавалось. Со стороны штаба было все готово для того, чтобы дать отпор. В штаб входили т. т. Нахимсон, Закгейм, Скудрэ, Громов, Доброхотов, Охепкин и комиссары полков, фамилий коих не помню; всего, кажется, было 9 человек. Но штабу не удалось свое дело довести до конца и нанести удар белогвардейской сволочи: этому помешал съезд Советов, с которого ушли эсеры и открыли свой съезд Советов в здании уездной земской управы. В свою очередь наш большевистский съезд Советов продолжал свои работы в Волковском театре. Съезд протекал весьма бурно.

Съезды отвлекли очень много внимания и сил: пока проводили съездовую работу, конечно, много потеряли в смысле подготовки к подавлению восстания белых: белые за это время вполне подготовились.

6 июля часов с 5 утра белые выступили и прежде всего арестовали всех ответственных работников и посадили по подвалам, а затем в баржу.

Я жил за Которослью. Ничего не подозревая, 6 июля, как и раньше, пошел на занятие в город (в то время я был продовольственным

комиссаром города Ярославля). Прошел всю Федоровскую (теперь—Пролетарскую) улицу и Московское шоссе вплоть до самого Американского моста (через р. Которосль) не думая, что произошло в городе. Была слышна очень редкая ружейная перестрелка; а перестрелка в то время являлась обычным явлением, т. к. в то время ежедневно можно было это слышать по направлению к городу, в особенности—в ночное время; эту стрельбу устраивали красногвардейцы в погоне за бандитами, а, иногда, и просто ни с того, ни с сего. Уж у самого моста тов. Коротин мне указал, что в городе что-то не ладно, кажется, говорит, что левые эсеры подняли восстание или еще кто-то; всех подходящих к Спасскому монастырю арестовывают и направляют куда то с конвоем. Всмотревшись, я увидел то, что мне сказал Коротин. Мы с Коротиним решили идти на фабрику и сообщить о случившемся в городе: проходя по Московскому шоссе мимо городской продовольственной лавки, мы зашли в нее с тем, чтобы позвонить по телефону в город, но провода уже были порваны.

Спросил сотрудников, не знают ли они, что делается в городе: официально ответили, что «всех ваших там в городе перевешали!». Я направился в штаб Красной гвардии при ф-ке «Красный Перекоп», здесь я увидел, что разоруженные красногвардейцы ходят понурия голову, заявляя, что наверное сейчас придут к нам белые из города, обезоружат нас и расстреляют.

Решил собрать активную часть товарищей для того, чтобы принять соответствующие организационные и практические меры с тем, чтобы не даться белым в руки.

Пришли в штаб т. т. Рубцов, Скотников и мы созвали собрание красногвардейцев, кратко информировали о случившемся и для того, чтобы дать отпор белогвардейцам, решили организовать чрезвычайный штаб, во главе которого поставили т. т. Ф. Рубцова и для переговоров, в случае надобности, с белыми избрали двух парламентаров—меня и Д. Скотникова.

Затем приступили к укреплению своей позиции—самого штаба и территории ф-ки, расставили пулеметы у выходов, вооружились все винтовками и бомбами, а так же втащили один пулемет и на каланчу ф-ки.

Узнали, что на ст. Всполье есть наши ребята, которые задерживают наступление белых с помощью остановившегося эшелона солдат еще до мятежа, который почему то в Ярославле задержался случайно. Тов. Скудре и Громов, два военкома, каким то образом выбравшись из города и руководили этой в первое время единственной военной силой и небольшим количеством собравшихся коммунистов. Мы связались со Вспольем и нам предложили занять в 4 часа дня весь берег реки Которосли с тем, чтобы белые не могли пройти через реку и не зайти с тыла Вспольинской группе, а также предложено было связаться с кадетским корпусом, в котором в то время помещался Советский полк; связавшись с последним, мы узнали, что из него половина разбежа-

лась, а оставшаяся решила держать нейтралитет. Оставшуюся часть полка поднял тов. Пантин и увлек ее за собой.

Небезинтересно отметить, что перед мятежом настроение рабочих было настолько отравлено меньшевистской и эсеровской демагогической агитацией, что красногвардейцам положительно нельзя было появиться в корпусах; но когда втаскивали пулемет на каланчу фабрики, ни один рабочий слова не сказал, что зачем де вы, такие сякие, это делаете и т. д. и через час приблизительно после этого почти все рабочие вышли из ф-ки по домам, дескать раз большевики вооружаются, то сейчас белые будут обстреливать ф-ку.

Под влиянием меньшевистской травли на фабрике из партии ушло около 100 человек. Когда же мы собрались в поход для занятия берега реки Которостли, то все успешные явились и заявили:

И мы пойдем с вами, давайте винтовки!

Благодаря этому нас сбаралось около 300 человек. Некоторые рабочие, совсем не состоявшие в нашей партии, заявили:

Дайте и нам винтовки: мы тоже с вами пойдем!

И все время приходили к нам группами рабочие ф-ки, вооружались и направлялись на фронт.

Только мы стали подходить к берегу реки, как белые нас заметили и повели обстрел, но и это не помешало нам выполнить задание группы. Всполье занять реку и повести наступление на казармы и на мельницу бывш. Вахрамеева.

По прибытии на берег нам пришлось совместно с Советским полком разбиться по отдельным участкам и мне с некоторыми товарищами красно-перекопцами пришлось идти под прикрытием артиллерии, которая была поставлена близ главных Ярославских ж. д. мастерских, обстреливая по направлению Никольских казарм и мельницы. Мы же несли сторожевое охранение железнодорожного моста, под который проходит железнодорожная линия с Ветки.

Как то раз по линии с Ветки замечен был поезд. Выстрелами из винтовок и пулеметов мы предупредили, чтобы поезд остановился и он действительно остановился. Когда стали проверять документы у пассажиров, в поезде, оказалось, — пробиралось несколько человек разведчиков из белых; благодаря неумелому оцеплению поезда эти господа сумели скрыться в ближайшем кустарнике.

Через нашу заставу неоднократно пытались проскользнуть поезда, но как только начинали предупреждать выстрелами, поезда немедленно уходили обратно.

Белые узнали место расположение наших батарей близ главных мастерских и начали сильный обстрел их.

Присматриваясь, откуда обстреливают белые, вижу что их батарея находилась на набережной близ Демидовского лица.

Чтобы не допустить разгрома наших пушек, пришлось разыскивать

разбежавшихся было артиллеристов и указать место нахождения бело-гвардейской батареи с тем, чтобы ее обстрелять.

И действительно удалось заставить белую батарею замолчать, но в это время загорелся Демидовский лицей, а также и мельница бывшая Вахрамеева. Открыв сильный огонь по участку близ церкви Златоуста в Коровниках, белые затем, как видится, пытались прорваться через Которостль; нам для подкрепления этого участка пришлось перебраться на него с одной пушкой и не сколькими пулеметами.

По прибытии на участок нам удалось заставить белых отчасти замолчать.

В это время прибыл вестовой и сообщил, что необходимо избрать делегатов для организации В.Р.К. Пользуясь некоторым затишьем на нашем участке, делегатов избрали. Это было 11 июля около 12 ч. дня, а к 4 часам было предложено делегатам явиться в клуб III Интернационала для избрания Ревкома. По прибытии на собрание делегатов нас информировали о том, как обстоит у нас дело на всех участках фронта; из доклада выяснилось что благодаря распыленности сил и несогласованности в передвижении сил с одного участка фронта на другой, замедляется ликвидация мятежа. Постановлено было все вооруженные силы подчинить одному командованию фронтом, а затем было приступлено к выборам Ревкома, но так как в это время уже был организован В.Р.К. Сев. ж. д., пришлось создать один Губ. Ревком с Сев. ж. д.; в Ревком вошли т.т. Бабич, Пожаров, Шарухин, Барбей, Охалкин, Афанасьев П., Сайкин, Пантин, Макарычев, Доброхотов, Скудре и Громов, остальных трех членов не помню.

Затем были организованы комиссии, жилищная, продовольственная, чрезвычайная, военная, санитарная и др. Жилищной комиссии председателем был назначен т. Макарычев, продовольственной назначен был я, чрезвычайной, не помню фамилии, военной — Скудре и Громов.

С выборами меня в продовольственную комиссию на фронт уже более идти не пришлось, а пришлось целиком заняться снабжением населения продовольствием, т. к. запасов продовольствия не только в за-каторосльном районе, но во всем городе перед мятежем было всего около 700 пуд.

С таким запасом, хотя бы он был и у нас, нечего было бы делать; пришлось изыскивать все средства и пути, чтобы накормить и армию и население.

В первую очередь отобрали продовольствен. товары у торгашей Закаторосльного района г. Ярославля, обмели все трубы на мельнице, и надо сказать, что премудрость эта нас поддержала и мы благодаря ей дня три жили; пришлось прибегнуть и к таким мерам, как задержание костромского продовольственного маршрута и отцепить от него 8 вагонов.

Но, в общем, из положения выходили.

Ярославские железнодорожники в мятеж.

В час ночи с пятницы на субботу, 6 июля 1918 г. я возвращался с 13-летним сыном с репетиции из клуба III-го Интернационала. На улице тишина. Никакого признака движения.

В шесть часов утра по обыкновению отправился на работу в главные Ярославские мастерские, где работал в качестве секретаря местного комитета профсоюза, секции мастеровых и рабочих.

Минут 15 спустя приходит тов. Волков, тов. председателя местного комитета мастеровых и говорит:—«что за чорт, даже при входе на работу спрашивают принадлежность к партии!»

Члены местного комитета мастеровых—председатель Елисеев и секретарь Зорин Василий промолчали, а я спросил:

— «Кто тебя задерживал и спрашивал о партийности».

— «Какие-то два красноармейца, стоят у проходной будки мастеровых и спрашивают каждого проходящего».

Я заявил Елисееву, что нужно выяснить, чем это вызвано и по чьему распоряжению, на что никакого ответа не получил.

Минут через 10 в помещение месткома входят трое: Богданов, другой—с.-р. Андреев, токарь механического цеха мастеровых и третий—личность незнакомая, высокого роста, черная шевелюра.

Богданов направился в кабинет месткома, Андреев встал в дверях, а незнакомец сел на скамейку против меня, где я сидел за столом рядом с кассиром профсоюза тов. Заяц (безпартийный); незнакомец, вынув браунинг, положил последний на стол.

Обратясь к месткому, Богданов говорит:—«Советская власть пала, Совет арестован, Закгейм и Нахимсон убиты. Я обращаюсь к вам за помощью: необходимо дать как можно больше людей для охраны города, вы можете дать очень много, на вас, железнодорожников, можно положиться!»

Я хотел было встать, но незнакомец меня предупредил движением браунинга. Председатель Елисеев и секретарь Зорин молчали. Заговорил тов. Волков.

«Я тебя, тов. Богданов, знаю хорошо, но президиум месткома просьбу твою, тов. Богданов, выполнить не может. Необходимо первоначально выяснить, что это за власть. Для этого придется собрать комитет в целом, обсудить этот вопрос, а так отпустить рабочих и оставить мастеровские невозможно».

В ответ ему Богданов стал раз'яснять, что время не терпит, нужно торопиться, а то будет поздно, может возникнуть погром и расхищение

имущества граждан и так далее в этом духе. Тов. Волков остался непоколебим и все стоял на своем.

Стоявший в дверях Андреев говорит: — «чорт с вами и без вас дело обойдется, пойдемте в мастерские». После этих слов все трое — Богданов, незнакомый и Андреев ушли из месткома.

Не успели мы перекинуться несколькими словами, как за нами пришел Андреев и говорит: — «Вас требуют на канаву». Мы — отправились туда. Сборный цех наполнялся рабочими и мастеровыми. Говорил Богданов те же самые речи, но с большим подъемом (он говорить умел).

После него говорил Андреев и другие, а потом тов. Волков. Тов. Волков и собранию сказал тоже, что и Богданову, что нужно прежде выяснить, что это за власть. Собрание согласилось и избрало делегацию из 5 человек: от партии м-ков Блохина (теперь член РКП), от партии эсеров — Елисеева, от партии большевиков Чуркина, от беспартийных — Покрышечникова и Шипина. Написали мандат, скрепили печатью и направили в город.

Незнакомый и Елисеев поехали на мотоциклете, мы остальные взяли извозчика и заставили его везти нас. Подъезжая к Кадетскому корпусу, где помещалась Красная Гвардия, мотоциклетка была задержана для предъявления пропуска. Елисеев, показывая мандат, спросил: «какое ваше отношение к создавшемуся положению», и получил ответ: «зря в рабочих стрелять не станем». У Американского моста через реку Которосль стоявший у пулемета в одежде рабочего патруль вновь потребовал предъявления пропуска и, посмотрев мандат — пропустил.

Штаб белогвардейского полковника Перхурова (фамилия выяснилась после) помещался в гимназии Кореунской, угол бывш. Рождественской и Большой линии. При входе был предъявлен мандат.

Изменник рабочему классу меньшевик Иван Савинов стоял на нижней площадке при входе с Перхуровым и несколькими из военных личностей с георгиевскими ленточками в петлице и головном уборе. Всюду слышались голоса: «Господин поручик, господин капитан» и другие воинские чины старой армии.

Организация штаба носила характер потревоженного улья пчел или гнезда ос. Люди сновали снизу вверх и обратно. Против входа висел бумажный плакат, исписанный красным и синим карандашом с лозунгами: «Да здравствует свободная Россия». «Долой Большевиков», «Да здравствует учредительное собрание».

Глава делегации, Елисеев, переговорив несколько слов с Савиновым, стал что то тихо говорить с Перхуровым, а я обратился с вопросом к Савинову.

«Скажи мне, тов. Савинов, что это за военные люди, откуда они взялись и какая их программа?»

— «Это отряд добровольческой армии Савинкова под командою полковника Перхурова в связи с чехо-словацким выступлением и англо-французским десантом на севере. Программа ясна, взгляни на плакат».

Это дословные слова изменника Ивана Тимофеевича Савинова, меньшевика, ранее работавшего в Ярославле. После этих слов мне все стало ясно и я стал поторапливать делегатов уйти обратно в мастерские, мотивируя, что там ждут мастера.

Наш визит к полковнику Перхурову продолжался не более 20 минут. На обратный выход нам хотел Перхуров сказать свой пароль, но Елисеев от этой чести отказался, вероятно боясь открыть при большевике таковой и тогда полковник Перхуров собственноручно на нашем мандате написал: «Пропустить, полковник Перхуров».

Выйдя из помещения штаба, собираясь идти обратно, мы встретили еще делегацию от железнодорожников 3 участка тяги (депо), во главе с м-ком того времени Евтиховым Петром (должно быть и там Богданову не удалось сразу одурачить рабочие массы).

Возвращаясь от Перхурова, мы не все ушли с пустыми руками: одному из делегатов Шипину подарили, должно быть, на память, офицерский наган в кабуре и со шнурком.

Подходя к Американскому мосту, тот же патруль, который нас пропускал, заявил нам:

«Прямо не ходите, а то вас расстреляет Красная Гвардия!»

И тут я не стерпел и спросил.

— «А сказывали, что Красная Гвардия разоружена?».

— «Да разоружена, да не вся, вон смотрите, вдали у кадетского корпуса виднеется, как пойдете прямо, она вас и снимет».

Не желая быть снятым Красной Гвардией, мы свернули налево вниз и лугом по направлению к Тропино и Старой Ямской направились в мастерские, лишь только храбрец Шипин, должно быть чувствуя себя героем от присутствия офицерского нагана, пошел было прямо, но потом, усомнившись, что офицерский наган не выдержит меткой пули красногвардейца, вернулся к нам, не пройдя по дамбе и более 10 шагов.

В мастерских действительно ждали нашего возвращения и не работали. Среди них виднелась серая кепка с-ра Андреева; Богданова, же в мастерских уже не было.

Доклад собранию делал Елисеев. В точности его речей не помню, но только ему оппонентом выступал я. Мною было доложено все то, что я видел и что сказал мне Иван Савинов.

На слова из речей Савинова слышались возгласы: «позор!».

Заслушав наши доклады, собрание постановило: «Кто хочет—пусть идет в охрану, а кто не хочет, пусть работает».

Запись охотников происходила в помещении местного комитета: Всего записалось 142 человека, но из этого числа пошло не более половины в город, остальные рассчитывали, что они будут охранять мастерские, как во время Всероссийской забастовки железнодорожников, в сентябре 1917 г. и в город не пошли.

Во время производства записи, как раз на том столе, где занимался я, в Местком пришел тов. Тимофей Шутов и спрашивает? «Что, тов.

Чуркин, как дела». Я, отозвав его в сторону, все рассказал ему. Он попросил, как бы переговорить с райкомпартом по телефону. Это было устроено. Переговорив с райкомпартом, с мешком под мышкой тов. Шутков отправился через проходную будку вон из мастерских и уже совершенно ушел бы, если бы изменник и предатель Лебедев (кажется, движенец или конторщик) не указал стоявшим двум белогвардейцам у ворот на тов. Шуткова сказав, что это бывший комиссар-большевиков. Тов. Шуткова задержали, арестовали и отправили в город.

Тов. Пантин в момент выяснения и переговоров явился в штаб Красной Гвардии, вероятно, раз'яснил истинное положение вещей и об'явил часть города Ярославля на военном положении, каковое распоряжение было получено мною в мастерских и расклеено на видных местах.

Работа в мастерских и депо не прерывалась в этот день и шла полным ходом, лишь небольшая часть мастеровых находилась около месткома, где происходила запись в охрану.

По окончании работ все разошлись по домам, а в это время на вокзале ст. Ярославль город уже организовался революционный Комитет железнодорожного района, куда первоначально вошли товарищи: Смирнов Тимофей, Смирнов Николай, Суслов Иван, Смелышев Василий, а затем состав дополнили тов. Сергей Владимир, Чуркин и Микелевич Антон.

Стрельба из пушек 3-х дюймового калибра началась часа в 3—4 дня. Со стороны белых были пущены по направлению нахождения нашей 3-х дюймовки, находящейся на насыпи близ ж. д. моста, три выстрела. Первый дал недолет, второй несколько правее и третий как раз упал под мостом. Видимо прицел наводила опытная рука офицера из рядов добровольческой армии Савинкова под командой полковника Перхурова, а не рука пролетария.

Первый выстрел с нашей стороны попал в часовню у Кадетского корпуса, второй полетел куда-то далее. Меткие выстрелы со стороны белых заставили нас переменить позицию и орудие было переташено к мельнице за мастерские на Тугову гору. После нескольких выстрелов и эта позиция была белыми нащупываема и один снаряд попал в окно мастерских, пробил две стенки тендера паровоза и упал рядом. Этот осколок и сейчас хранится в конторе Ярославских ж. д. мастерских.

После нескольких выстрелов, указанных выше, других орудийных выстрелов со стороны города не было; после выяснилось, орудия у белых были трехдюймовые, а запасы снарядов—шестидюймовые, трехдюймовые снаряды хранились на артскладе за городом близ ст. Всполье. Желание завладеть артскладом и ст. Всполье послужило самым жестоким нападением со стороны белых и отчаянной обороной Всполья со стороны красных. Организовавшийся революционный Комитет немедленно запросил по прямому проводу помощи из Москвы, но, как известно, в Москве в этот день тоже началось восстание левых эс-эров и погруженные

уже на платформу орудия на Ярославском вокзале Сев. дорог были по распоряжению тов. Муралова отправкою приостановлены.

Здесь я не должен обойти молчанием того, что помощник начальника ж. д. милиции, беспартийный Лагадюк Николай Андреевич, дежуривший в ночь на 6 июля, первый сообщил в Москву о начавшихся событиях в Ярославле.

Да, хорошо был обдуман план удушения молодой Советской Власти верхушками предателей социалистов, но плохо был подсчитан результат и надежды на рабочих и крестьян. Левые эс-эры, мастеровые главных мастерских тов. Станьков Кузьма, Вистер Август, Стригун Федор, Петкевич Станислав и целый отряд эс-эров рабочих фабрики бывш. Корзинкина встали в ряды защищающих Советскую Власть.

Тов. Вистер, стоявший на охране ж. д. моста, в разговоре со мною о Московском восстании левых эс-эров, сказал; «там верхушки свое, а мы рабочие будем защищать свое и будем драться с Перхуровым вместе с вами, большевиками!».

Первая помощь Красными частями была получена по железной дороге со стороны Костромской линии, только точно не знаю, откуда: или из Костромы, или из Иваново-Вознесенска.

Белые устроили сво наступление около Подзеленья, с намерением переправиться через реку Которосль и занять Коровницкую тюрьму, а затем, освободив бы таковую от заключенных, совместно усилить нападение.

Находясь в Райкомпарте, я от тов. Смирнова, сидешего у телефона, получил приказание: «скажи Ревкому и штабу, чтоб усилили оборону против Подзеленья».

Известив об этом Ревком, направился в штаб, навстречу попался тов. Пантин; я передал ему распоряжение тов. Смирнова, а он мне велел передать ему, что белые укрепляются в Спасском монастыре, нужно усилить огонь по этому месту.

Вечер субботы, ночь и воскресенье, без всякой посторонней помощи, Красная Гвардия, большевики и часть бывших левых эс-эров—рабочих отбивали нападение хорошо организованной, прекрасно обученной клики белых офицеров добровольческой армии Савинкова под командою полковника Перхурова, при участии предателей социалистов м-ка Савинова Ивана, Богданова и др.

Сильные бои все время происходили около ст. Всполье и по направлению к артскладу, близ городской больницы. Кровожадные звери из добровольческой армии Савинкова перед стенами больницы устроили окопы, поставили пулеметы и стреляли оттуда, на что им отвечали артиллерийским огнем.

В понедельник 8-го июля депо и мастерские гудком дали знать рабочим и мастеровым о том, что несмотря на происходящие события в Ярославле, работу ж. д. ярославского узла необходимо продолжать,

так как этого требовал момент и что не в одном только Ярославле заключается борьба Советской Республики против капитала.

Ярославский железнодорожный пролетариат оказался на высоте своего призвания. Он откликнулся на призыв гудков и явился на работу, хотя, конечно, в первый день и не в полном составе. В мастерские явилось не много более 300 человек. Революционный Комитет поручил мне встать во главе мастерских и принять меры к тому, чтобы работа шла полным ходом. Мною было вывешено об'явление по мастерским и железнодорожному поселку с призывом явиться на работу всем и неявившимся обещал применить наказание по закону революционного времени.

Во вторник 9 июля в мастерские явилась половина, а со среды 10 июля мастерские начали работать полностью при наличии всех мастеровых за очень малым исключением человек в сто.

Такая же картина наблюдалась в депо 3-го уч-ка Тяги и по другим службам и продолжалась во все время боя до 21 июля.

Расчеты полковников Перхуровых, эс-эров и м-ков, ранее выносивших резолюции от имени 3000 человек железнодорожников с лозунгами о свержении Советской власти и с пожеланиями свободной России и учредительного собрания, потерпели крах.

Авантюре Савинкова и присных ему предателей наступил видимый конец.

Во время боя была испорчена городская водокачка, подававшая воду и на ст. Всполье, для снабжения паровозов, воду под градом пуль машинисты железнодорожники возили на платформах в баках со ст. Ярославль-город. Так продолжалось за все время мятежа.

За время от 10—21 июля несколько раз появлялся аэроплан из Москвы. Первый его полет над мастерскими породил некоторое сомнение—наш или нет? А что если это аэроплан белых, он может много навредить мастерским, но видя, что полет его направляется на Москву, сомнение улеглось и повторные его полеты принимались уже доброжелательно и уверенно.

Бой прекратился 21 июля днем, а 22 или 23 июля в помещении районного комитета железнодорожников собрались члены Губкома и Исполкома—как помню хорошо—тов. Петровичев, Доброхотов и другие. Здесь было открыто заседание членов партии большевиков, было много споров и разговоров, отсюда припоминаю было дано соответствующее распоряжение, скрепленное печатью районного комитета большевиков железнодорожного района.

А. КАРУЛИН.

Кулаки с белыми, бедняки—за Советы.

„Социалисты“

В начале 1918 года власть советов была объявлена во всех волостях Ярославского уезда. Однако, еще сильно было кулачье, прикрывшееся теперь флагом партии левых социалистов-революционеров. Эти «социалисты» старались дезорганизовать идейно и без того разрушенное народное хозяйство и мечтали о том желанном дне, когда им удастся перевешать не только всех большевиков, но и тех, кто против «батюшк-царя», в том числе, конечно, и лидеров «своей» партии. Под эссеровским флагом, эти «социалисты» пробрались в волостные советы и там вели ожесточенную борьбу с только что возвратившимися с фронта солдатами, требовавшими от них таковой работы, какую диктовала Рабоче-крестьянская власть.

„Час возмездия настал“.

6 июля население ближайших к Ярославлю деревень было встревожено раздавшейся в городе орудийной канонадой.

«Что это значит». В чем дело—спрашивали друг друга встревоженные крестьяне.

«А то и значит—отвечали кулаки, что наши пришли и, что час возмездия за все проделанное настал как для большевиков, так и для тех, кто идет с ними!»

Вечеру ходившие в город крестьяне сообщили, что там белогвардейское восстание и что Тверицы уже заняты белыми.

Куда итти?

Канонада в городе продолжалась. Наше село—Яковлевская слобода Тургеневской волости находится от города на расстоянии 4-х верст, а потому у нас не только были слышны выстрелы, но видны и взрывы снарядов, особенно ночью.

Весь день 6 июля я, единственный член партии большевиков, в селе, ломал голову над тем, куда примкнуть. Надумал и уже пошел было в Урочские вагонные мастерские, дабы связаться с товарищами, но по дороге мне сообщали, что мастерские заняты белыми и все большевики арестованы. Получив такие вести, мне ничего другого не оставалось, как оставаться на месте и выжидать.

„Мобилизация“.

Поздно вечером 7 июля сельский десятский забегал по селу:

На собрание в народный дом немедленно. Пришла толпа из Диево-Городищ, которая требует, чтобы по одному человеку от каждого дома обязательно приходили,—кричал он.

Собрались быстро, так как необычайный приход диево-городищенцев всех заинтересовал.

«Что скажут пришедшие»? Интересовались крестьяне. Один из пришедших, кажется, сын содержателя булочной в Диево-Городищах, произнес громкую речь, в которой объявил что сходом у них решено всем мужчинам от 18 до 42 лет выступить на помощь белым. К этому же он призывал и местных граждан.

— А кто не пойдет! добавил он:—у того мы сожжем дом, а самого расстреляем.

Столь «веский аргумент» подействовал: общее собрание всецело присоединилось к диево-городищенцам, обещая выступить на утро.

Что делать?

Свыше 90% жителей села, да пожалуй, не менее половины пришедших диево-городищенцев не имели ни малейшего желания проливать кровь своих же братьев, но ничего не могли поделать, так как боялись вооруженных кулаков и близости белых.

Диево-городищенцы после собрания ушли, причем главари их объявили, что на другой день они проверят, кто явился в штаб белых и кто нет.

—Что делать,—вот вопрос, который занимал не одного меня, а и других граждан. Итти или не итти... Если не пойдешь, придут белые и в пример другим, расправятся с ослушниками, а итти нет сил.

„Итти, но оружия не брать и стараться увести остальных“!

Мне удалось собрать вокруг себя кучку вполне надежных молодых ребят, с которыми мы и устроили совещание. Все сходились на том, что не только они, а и все население села, за исключением нескольких кулаков и эсеров, против Власти Советов ни в коем случае не пойдут.

В конце концов было решено на утро вместе с другими итти в белогвардейский штаб, но оружия ни в коем случае не брать и, воспользовавшись первым случаем, уйти обратно, подговаривая сделать это и остальных.

Ни одного человека не примкнуло к белым!

План удался как нельзя лучше. Все лучшее население села, пошедшее утром к белым, даже и те, которых мы считали преданными им, по нашему примеру ушли обратно. Мало этого, многих крестьян других деревень нашей волости тоже удалось увести домой.

Таким образом, «мобилизация» в Яковлевской слободе сорвалась.

Диево-городищенские крестьяне, одураченные своими вожаками, в последующие дни также один за другим стали разбегаться по домам, а через неделю после начала мятежа и из них остались в лагере белых только единицы.

Темные слухи.

Между тем, события все развивались и развивались. Отрезанные от всего мира, мы заволжские жители и понятия не имели о том, что делается не только во всем мире, но даже и в Ярославле. Ходили всевозможные слухи о том, что восстание против власти Советов имеет место и в других городах, что Москва и Питер находятся в руках белых и т. д. Все это, конечно, не могло не нервировать.

А между тем, орудийная канонада всего усиливалась и усиливалась. Вслед за городом начались пожары и в Тверицах, а затем еще ближе к нам—в Гагаринской слободе (близ Урочских мастерских). Отдельные снаряды стали залетать и в болото близ нашего села, но кто и откуда стрелял—мы не знали.

Штаб белых переселяется в село.

На 9-й или 10-й день после начала мятежа в село утром на автомобиле приехали из Твериц известный эсер Мамырин (впоследствии бежавший) и несколько офицеров.

Расположившись пить чай в доме эсера Андреева, они отсюда, очевидно, по рекомендации хозяев, начали одного за другим вызывать бывших солдат, предлагая и даже заставляя их угрозами принять командование над населением, которое они мобилизуют. Но здесь молодцов постигла неудача—подчиниться им никто не захотел.

Посмотрим—заявил взбешенный Мамырин,—вот придут уже наши, тогда вы у меня будете подчиняться.

Десятскому был отдан строгий приказ собрать срочно все мужское население села на собрание к народу. Однако, явились далеко не все.

Объявив, что штаб переселяется в Яковлевскую слободу, приезжие предложили всем записаться в добровольческую армию. Только после усиленных настояний, человек 5 наиболее неустойчивых были записаны и взяли оружие, остальные, расходясь по домам, толковали:

Скоро ли прикончат их, проклятущих... Надо косить, а они вместо, косы винтовку в руки дают... Скорей бы красногвардейцы приходили!..

Красные пришли.

А красные—тут как тут. Очевидно, приехал, высадившись из вагонов еще утром, соединенный Буйско-Любимский отряд красных (человек 50), послав разведчиков, с их помощью правильно учел настроение населения и силы противника.

Незаметно прокравшись из лесу, отряд стремительно стал наступать на народный дом. Мамырин и «иже с ним», побросав и автомобиль и оружие, поспешили скрыться в лесу.

Красным достались без боя большие трофеи.

„Меня заставлял воевать, а сам убегает!..“

О настроении крестьянства в это время можно судить по следующему наглядному случаю:

Один из офицеров, сбросив с себя шашку и потеряв фуражку в лесу встретился с крестьянином Муниловым, которого они утром принуждали принять командование.

— Что, Аника-воин, меня принуждал воевать, а сам при первом выстреле убегашь..

И если бы не бывшие вместе с Муниловым женщины, то офицеру не сдобровать бы—вдосталь потешился бы бывший солдат над «начальством».

Конец мятежа.

Дальше пошло как по маслу. Белогвардейцам не удалось сделать Яковлевский народный дом местом для своего штаба.

А красные все наступали и наступали: на смену Буйско-Любимскому отряду приехали из Питера латышские стрелки, которые, оцепив лес между Яковлевской слободой и Тверицами, заняли с одной стороны станцию Урочь, а с другой—село Савино. Таким образом, белогвардейцы очутились в кольце.

Подвигаясь дальше, они очищали дом за домом, улицу за улицей, в Тверицах, пока, наконец, вся эта часть города не очутилась в руках красных.

В это же время по ту сторону Волги мятеж был ликвидирован.

Крестьяне не с белыми.

Белые любили хвастать, что на их стороне стоят крестьяне шести волостей. Пример нашего села и даже Диево-Городищ наглядно показывает, что крестьянство было далеко не на стороне белых. Если некоторые из наиболее неустойчивых и поддавались иногда на агитацию и угрозы белых, переходя в их лагерь, то в дальнейшем при первой возможности спешили бежать от них.

Ирославский белогвардейский мятеж открыл глаза крестьянину, также как и рабочему, на то, кто такие белые—и крестьяне после мятежа лишь теснее сплотились вокруг своей власти—власти Советов.

Молодежь и белогвардейщина.

То, что случилось в ряде деревень Диево-Городищенской волости (Ярославского уезда) в первые дни Ярославского мятежа в июле 1918 г. и как отнеслось крестьянское население к этим событиям, говорит, что контр-революционные элементы в деревне вели агитацию против Советской власти.

В волости до мятежа проживал целый ряд кулачества и мелкобуржуазной интеллигенции, которые и являлись душой этой преступной работы.

Так, верстах в 12-ти от Ярославля, в дер. Гаврилове проживал некто Ст. А. Букетов подрядчик строительных работ, до Октябрьской революции имевший в этом районе десятки десятин собственного леса, а в Рыбинске — несколько домов, не считая изрядного денежного капитала.

В д. Семеново действовал некий Фролов, бывший подпоручик царской армии, сын подрядчика малярных работ, до мятежа занимавший должность учителя в школе в с. Прусове.

Верстах в 5-ти от д. Гаврилова, в д. Терентьевской орудовал родственник Букетова Михаил Захаров, сын кулака, в прошлом служивший конторщиком на фабр. «Красный Перекоп».

На второй день мятежа, очевидно, по заранее выработанному плану, перечисленные лица громко заговорили о выступлении крестьян против Советской власти; эта агитация имела некоторый успех.

Крестьяне д. Терентьевской, под влиянием агитации Захарова, первые выступили и двинулись в Ярославль на помощь белогвардейцам в количестве 10—15 человек.

Так как д. Терентьевская была самой дальней от Ярославля, то крестьяне, идя в город, должны были идти через ряд других деревень. Таким образом идя, они увлекли за собой и часть крестьян деревень: Сентьевской, Калинтьевской, Семенова, Ларина, Мамонова и, придя в д. Гаврилово, устроили стоянку. Здесь к собравшимся вышел Степан Букетов, его жена Клавдия Ивановна, брат его Николай Букетов, которые и держали речь перед собравшимися, уверяя, что «надо, братцы, в город идти и пособить нашим братьям, которые встали в г. Ярославле против большевиков!»

Агитация семейки Букетовых действовала сильно: партией в 80—100 человек крестьяне двинулись по направлению к г. Ярославлю.

И, может быть, эта масса, сагитированная кулачем, вся целиком и пошла бы в город, но поднялась небольшая группа молодежи, которая сумела на крестьян повлиять и предотвратить их от рокового шага. Еще в д. Гаврилове, когда была стоянка, среди крестьян образовались две группировки, произошло деление на стариков и молодежь. Старики

высказывались за выступление, молодежь от 18—20 лет резко выступала против «похода». Придя в д. Липовицы (в одной версте от дер. Гаврилово), которая будет последней к Ярославлю, был устроен второй отдых. Еще идя дорогой к д. Липовицам, молодежь доказывала, что не нужно идти на авантюру. На отдыхе произошел резкий спор между стариками и молодежью, из молодежи тут сыграли важную роль следующие лица Павел Григ. Беляшенков, Д. П. Горшков, А. Ф. Палкин, А. Ф. Дудышев, Вл. И. Сайкин и др.

В результате горячих споров, молодежь сумела убедить и доказать старикам безцельность, вредность и несознательность «походной» затеи и показать, каким роковым образом эта затея может на крестьянстве отразиться, в результате и старики, пораздумав посерьезнее, решили бросить «грязное дело», покурив, взяли свои мешочки с хлебом, повернули обратно, чтобы разойтись по домам, сказав при этом «и на самом деле, если Букетову жаль свою землю, леса и дома, пусть сам и идет. А то нас посылает, а сам дома остался!...

И большая часть крестьян вернулась домой; и лишь жалкая кучка в 7—9 человек во главе с бывшим офицером Фроловым отправилась с последним в г. Ярославль.

Так началась эта вспышка на одном из участков контр-революции и так печально окончилась эта затея для нее.

Отсюда вывод: иногда реакционерам удастся легко сагитировать несознательную, годами забитую, крестьянскую массу, но с другой стороны, достаточно нескольких правдивых слов и эта масса тут же отворачивается от неправды и сознает свой классовый интерес.

ПОСЛЕ МЯТЕЖА.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ:

Общая обстановка в Ярославле после мятежа. Военно-революционный комитет. Чрезвычайная комиссия и борьба с контр-революцией. Парторганизация после мятежа. Партия и профсоюзы после мятежа. Советское строительство. Организация Красной армии. Борьба с голодом—*О. Розановой.*

ВОСПОМИНАНИЯ:

Городское хозяйство после мятежа—*В. Бутузова.*

После тяжелых июльских дней —
И. Ступникова.

Общая обстановка в Ярославле после мятежа.

I.

Обстановка, при которой протекала работа партийных, советских и профессиональных организаций в Ярославле после мятежа особенно в первое время—в конце июля и начале августа 1918 г.—полна трагизма.

Но вместе с тем здесь находим и отражение и общей трагедии, переживаемой тогда всей Советской Россией.

Ярославский мятеж, как известно, является лишь одним из первых звеньев той цепи попыток интервенции в Советской Республике, какую ковала «сюзная» буржуазия при помощи чехо-словаков и социал-предателей—эс-эров и меньшевиков.

После Ярославля в качестве звеньев общей цепи следовали другие города.

Натиск международного империализма на Советскую Россию усиливался.

«Столица Урала один из главных оплотов Революции—Екатеринбург,—взят наемниками англо-французского империализма, чехо-словаками»—сообщают «Известия Ярославского Губревкома» от 6 августа 1918 г. и далее так рисуют положение нашей Советской Республики: «сомкнулось железное кольцо врагов, оцетинившихся штыками, все более и более сжимает в своих стальных объятиях Советскую Россию, голодный кризис, контр-революционные вспышки внутри, усталость»...

Архангельск захватывается англичанами.

В Финляндии свирепствует белый террор, до 7.000 рабочих брошено в тюрьмы, до 2.000 расстреляно, в том числе женщины и дети.

На юге хозяйничают Красновы, Дутовы, на Украине—Скоропадские.

Сибирь, Урал, большая часть Поволжья в руках белогвардейцев и чехо-словаков.

Поход международного капитала против Советской Республики, как говорится, в полном разгаре. Руководящая рука его ясно проявляется не только на внешних фронтах, но и внутри.

В Москве обнаруживается заговор Локкарта.

В Вологде раскрыт заговор белогвардейцев и арестовано до 40 офицеров.

В целом ряде губерний вспыхивают кулацкие восстания.

Орудуют меньшевики и эс-эры, помогая белогвардейцам устраивать авантюры и проводить белый террор.

Эс-эры организуют убийство тов. Урицкого, покушение на тов. Ленина и целый ряд других преступлений против пролетарской революции.

В ответ на антантовское выступление Советская Власть, руководимая Р. К. П.-б., дает лозунг: К оружию! Социалистическое отечество в опасности!

И как один встают борцы за пролетарскую революцию и в бой идут за Власть Советов. В ответ на белый террор производится Красный.

В противовес кулацким восстаниям и для борьбы с голодом организуются Комитеты Бедноты и продовольственные отряды, производится реквизиция лишних запасов хлеба, конфискации продуктов у спекулянтов.

Для борьбы на контр-революционных фронтах среди бури и пламени организуется Красная Армия.

И не даром в тот момент, когда пламя пожаров охватило стены Ярославля, Архангельска, Екатеринбурга в сердцах борцов за коммунизм горела яркая уверенность в победу и творчество их дела.

Это настроение особенно ярко выражает один товарищ в следующей статье. «*Пламя*»: «Архангельск горит», «Екатеринбург горит» сообщили вчерашние телеграммы. Оба города горят под артиллерийским обстрелом Советских войск.

Жители нашего Ярославля более кого бы то ни было другого понимают и чувствуют смысл этих слов.

Вместе с ощущением ужаса от треска разваливающихся стен, свистящих пуль,—вместе с этим растет чувство уверенности, что близок день избавления от всех ужасов гражданской войны, что близок день, когда на всю территорию России распространится неизбежная единая пролетарская власть.

Пламя, колышющееся над Екатеринбургом и Архангельском и внушающее непосредственным очевидцам, жителям города мистическое ощущение ужаса, представления об аде и светопредставлении, это самое пламя для граждан Российской. Социалистич. Республики, имеющих возможность относиться к нему хладнокровно с точки зрения исторической перспективы, является пламенем утренней зари, вещим признаком близкого восхода социалистического солнца и вместе с тем жаркой пламенной печью, в которой должно сгнуться все гнилое, ядовитое, смрадное, позорное для гражданина, все осужденное на погибель.

На погибель осуждены чехо-словаки, которые, словно нарочно, завладели временно Екатеринбургом, чтобы уже одной угрозой освобождения Романовых из плена дать повод Уральскому областному совету покончить со всякой опасностью возможного восстановления царизма под эгидой кровавого Николая.

На погибель осуждены англо-французы, сербы, послушно выполняющие приказания своих разбойничьих правительств, распоряжающихся вопреки воле большинства трудящегося населения.

Эта надежда борцов-коммунистов оправдалась.

С сентября начинаются крупные успехи на чехо-словацком фронте и к празднованию годовщины Октябрьской революции целый ряд городов очищен от белогвардейцев и чехо-словаков.

И чрезвычайный 6-й съезд Советов в Москве (в ноябре 1918 г.) становится свидетелем поднимающихся волн германской революции, превращающих Брестский договор в разорванный клочек бумаги и ярко подтверждающий правильность нашей внешней политики.

Коммунистическая партия выходит из боевого «крещения огнем и мечем» более крепкой и сплоченной, в то время как эсеро-меньшевики разлагаются.

«Так тяжкий млат, стекло дробя, кует булат».

И напрасными и ложными оказались мечты эсеров в роде тех, какие выбалтывались в органе сызранских правых с.-р. «Земля и воля», когда сообщали о ярославских событиях: «с 14 июля в Ярославской губернии разгорелось восстание крестьян, вызванное беспощадной реквизицией хлеба и др. притеснениями Советов; количество повстанцев достигает 72 тысяч человек. Оружие восставшим было доставлено местными организациями. Ярославль был занят восставшими крестьянами, красноармейцы ими все перебиты. Город был усеян положительно трупами. Для подавления этого восстания из Москвы были высланы 2 бронированных поезда и тяжелое 12 дюймовое орудие! Крестьянское восстание разрастается, восставшие подвинулись к Москве и заняли станцию Александровск»!

На самом же деле положение в Ярославле и его окрестностях было иное, чем представляли или воображали себе сызранские эсеры.

В статье «ярославские окрестности в дни белогвардейского мятежа», Изв. Яр. губ. ревкома от 7 августа сообщается:

«Как известно, ярославские белогвардейцы возлагали большие надежды на деревенское кулачество прилегающих к Ярославлю волостей.

Во все волости ими, с целью агитации за выступление, были разосланы представители, причем, некоторые из них, агитаторы из бывших офицеров, являлись в парадной форме со всеми знаками отличия — в орденах, со шпорами. Слушая речи таких ораторов, говоривших о спасении матушки России от засилья большевиков, бородачи богатеи и кулаки кивали головами и поддакивали, обещаясь грудью выступить против Советов».

К сожалению, приходится отметить, что в некоторых местах успехом такие агитаторы пользовались и среди самой зеленой молодежи, в возрасте от 14—13 лет, хотя, впрочем, эта молодежь в большинстве была тоже из числа кулацких сынков.

Эта «сопливая гвардия», подстрекаемая своими отцами и попами, немедленно взяла в деревне власть в свои руки.

Были созваны общие собрания граждан деревень, на которых, как и в «доброе» старое время, верховодили кулаки. Эти «оратели», всецело

присоединяясь к словам делегатов, требовали от своих однопоселенцев немедленного присоединения к белогвардейцам. При этом почти всегда несогласным грозили самосуды.

Некоторые деревни, к сожалению, послушались мироедов и объявили общую мобилизацию всех своих граждан в возрасте от 18 до 43 лет.

По распоряжению прибывших белогвардейцев, в таких деревнях был произведен арест всех коммунистов и сочувствующих им.

Затем, эта вновь испеченная «гвардия» двинулась по направлению к городу. По мере приближения к последнему, силы эти все пополнялись разными темными элементами.

Белогвардейские вожди почти не преувеличивали, когда говорили, что к ним на помощь двигается все мужское население волостей. Так, по части, оно и было на самом деле, но Перхуров и К^о, однако, не выиграли от многочисленности этой «гвардии» и вот почему: во первых, принужденные кулацким постановлением схода, крестьяне всячески отлынивали от себя винтовки, вполне ясно представляя себе, что советская власть — власть народная.

Во вторых, после первой же боевой схватки с красноармейцами (а некоторые и раньше), вся эта темная масса дрогнула и, увлекая за собою сознательных белогвардейцев, бросилась бежать, побросав по пути винтовки.

Так было во многих местах. Результатом этого явилось полное израсходование белогвардейским штабом винтовок и патронов, что в конце концов ускорило ликвидацию митежа.

Возвратившись в деревню, крестьянская беднота, видя, что она была одурочена кулаками, принялась за чистку их. Немедленно восстанавливались упраздненные Советы и выпускались арестованные коммунисты, места которых занимали кулаки.

Настроение резко изменилось. Вся контр-революционная деревенская банда ушла в подполье, не смея ни слова пикнуть не только против Советов и власти, но даже и в защиту так излюбленной ими «свободы торговли».

В настоящее время по деревням составляются списки зачинщиков для предания их суду Рев. трибунала. Наибольший процент их дает, повидимому, Диево-Городищенская волость, первая примкнувшая к белогвардейцам. В Диево-Городищах уже производятся аресты».

В других №№ этой же газеты имеются такие корреспонденции: «*Норский посад*. Во время белогвардейского мятежа в г. Ярославле быв. председатель Норско-Посадского Совета поручик Козлов, и гражданин вышеуказанного посада сын попа Сергей Богородский по собственной инициативе устроили собрание, на каковом было большинство каких то темных личностей, чем граждан Норского посада, хотя последние и присутствовали в качестве простых зрителей. Это собрание носило характер митинга. Сергей Богородский призывал к организации белой гвардии, но наши граждане не поддались на эту удочку. Козлов бывш. поручик

и сын попа Сергей Богородский сейчас же скрылись, а вместе с ними и все темные личности. Но на нас и на наш орган—Совет Раб. и Крест. Депут. легло пятно, каковое мы желаем смыть пред всем трудовым народом и на общем собрании всех членов Норско-Посадского Совета выносим следующую резолюцию:

Ввиду создавшегося тяжелого положения от недостатка продовольствия, когда враги буржуазия и международный капитал со всех сторон рвут тело нашей молодой Социалистической Республики и снова хотят поработить рабочий трудовой народ, мы, члены Норско-Посадского Совета, заявляем, что в нужный момент встанем с оружием в руках на защиту нашей молодой Социалистической Республики.

Да здравствует Социалистическая Российская Советская Республика.

Да здравствует власть рабочих и крестьян».

Дальше в газете читаем:

«Г. Пошехонье: В связи с наступлением ярославских белогвардейцев также готовилось выступление их в Пошехонском уезде, где при помощи агитации и пропаганды среди кулаков, которые и без того готовы были выступить против Советов, организовалась банда в несколько сот человек, которая и направилась к городу Пошехонью.

Контр-революционеры, имея в виду тяжелое положение (голод), надеялись, что крестьяне пойдут с ними против Советов и сгонят своих представителей, но они жестоко ошиблись: народ бедняки не пошел с ними но сопротивляться было нечем, а они враги народа силой оружия забрали к себе крестьян бедняков для того, чтобы их сила по количеству была большая.

Когда в Совете было получено сообщение, что к городу движется вооруженный отряд, все поднялись на ноги, стали готовиться к встрече врагов; по всем направлениям была выслана разведка, главное внимание было обращено в сторону белого села, откуда эта банда двигалась. Первым поехал тов. Преображенский окольным путем через Рогачево, Ревякино и т. п. в Андрианову слободу. Заметив подозрительных лиц, он не хотел приехать в город ни с чем, он хотел подробно выяснить: кто они, сколько их и какие их цели, он поступил как настоящий герой и борец за свободу, не боясь, что его могут убить и смело шел навстречу врагам. Забрав тов. Преображенского, враги послали его куда то в монастырь, а затем после кратких распросов, кто он, выстрелили в него, ранив Преображенского; они этим не ограничились, а повезли его раненого на телеге. на которой т. Преображенский от боли стонал и просил своих врагов поступить по человечески—добить его чемнибудь, лишь только бы скорей прекратились его страдания. Но черносотенники варвары и этого не хотели сделать, не хотели исполнить последней просьбы умирающего, а от'ехав несколько верст от слободы, бросили его в воду».

«Данилов. Ввиду критического положения и продовольственного, и квартирного вопросов в г. Данилове, Даниловский Исполком в заседании 23 июля постановил:

Воспретить иногородним гражданам въезд на жительство в город Данилов, о чем широко оповестить в местных органах печати ближайших Совдепов».

Что же касается положения в самом городе Ярославле после 14 июля то по впечатлениям очевидцев оно было таково:

«Если в центральной части города, занятой белогвардейцами, царят уныние, зияющая пустота, ужасы зверства, белогвардейского смрада и запустения, голод, то совершенно иную картину наблюдаем мы в Захоторосльском районе, жел. дорожном районе, там, где находится Военно-Революционный Комитет и Советские войска, там, где дышет Советская работа.

Б. Фодоровская (Пролетарская), Б. Московская ул., рабочие кварталы — полны народом. То тут, то там стоят длинные очереди (совсем по прежнему) у уцелевших продовольственных лавок за хлебом и прочими продуктами питания.

При Военно-Революционном Комитете образованы Комиссии (отделы): продовольственная, жилищная, санитарная, военно-политической связи с губернией и комендатура.

Эти то отделы (прежнего типа) всецело обслуживают население.

Часть «беженцев» находит себе приют в гостинницах, пустующих домах, получают бесплатные обеды и продукты, — часть беженцев размещается в бараках и отправляется за пределы губернии.

Отдел Военно-политической связи поддерживает таковую с волостями и уездами губернии, путем распространения воззваний, листовок и информации.

Большое количество населения выезжает беспрепятственно за пределы города в иные города Советской Российской Республики в поисках за «родными».

Особенно приятное впечатление производит пролетарский район — Ярославская Большая М-ра. Многотысячные массы рабочих с жадной расхватывают все воззвания, издаваемые Военно-Революционным Комитетом и ждут — не дождутся избавления оставшейся части города от белогвардейского ига.

Над многоэтажным, громаднейшим фабричным зданием развеваются красные пролетарские флаги с надписями: Рос. Федеративная Социалистическая Советская Республика» и «Вся власть Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов!», украшающие весь рабочий Ярославль.

Все товарищи коммунисты и сочувствующие им поставлены под ружье и стоят на страже интересов рабочей революции и социализма.

Настроение бодрое, единодушно-революционное.

Единственный вопрос, волнующий всех граждан Советского Яро-

славля—это следующий: «кабы поскорее выгнать и наказать белогвардейских бандитов, разрушивших и разграбивших город и строить новую жизнь».

Пролетарское самосознание им подсказывает так, что иначе быть не может и не будет.

Но чем скорее, тем лучше.

Так рассуждает рабочий, так рассуждает гуща населения.

И пожалуй обрадовался бы концу белогвардейской авантюры и буржуазный слой местного населения, ибо не приснилось сытым буржуа, что рабочий и бедняк без боя своей власти не отдаст, что русский рабочий и беднейший крестьянин не хочет и не будет больше гнуть своей спины и что не эксплуатировать им больше рабочего и крестьянина.

Но белогвардейской швали одинаково безразлично.

Что ей, доживающей свои последние дни, до населения, до криков и стонов выходящего из себя населения.

Какое ей дело до пожарищ, охвативших улицы города.

Она изступлена, она мечется в предсмертной агонии, ибо дни ее произвола сочтены.

«И чем скорее—тем лучше.

На радость рабочих и беднейших слоев населения, на страх врагам рабочих и бедняков».

Действительно, тот, кто не сомневался в силе и стойкости защитников Советской власти, не ошибся.

Белогвардейская авантюра в Ярославле, как во многих городах, кончилась полнейшим крахом.

21 июля красные войска заняли город, а застрельщикам и вдохновителям Ярославского мятежа или пришлось погибнуть под развалинами и на развалинах Ярославля или обратиться в позорное бегство и скрываться от достойного возмездия за свои преступления перед Советской Республикой.

В результате всего этого наступления белогвардейщины на Советскую власть остается лишь сказать об инициаторах подобных затей словами одного из поэтов:

Где они, эти рабства защитники, эти своры попов и дворян.

Где она, эта банда, продажная из богатых сынков и мещан.

Где они, кулаков покровители,

Бедняков и рабочих душители.

Вся Российская «знать»—паутократия,

Эта белая—черная братия.

Разбежалась, оставила в городе,

Без жилища голодных людей.

Вот и все, чем похвастаться можете

Бы, опора былых палачей.

Вслед за ними, обижен мучительно,

Пролетарий проклятье пошлет

И об'явит им грозно, решительно,

Что могелу для них он найдет!

Бич—Мухомоев.

II.

Груды развалин, изувеченные трупы, хаос и разрушение, голод, страдание и разорение десятков тысяч трудового населения—вот проклятое наследство, оставленное ярославскими белогвардейцами.

Общая картина разрушенного города была так необычайно тяжела, что производила потрясающее впечатление даже на людей, бывавших раньше на фронтах и встречающих разные виды хаоса и разрушения.

Помимо того, что сгорело 2.147 домов на сумму 20.233.692 руб. зол., фабрик—на сумму св. 7.000.000 руб., почти все здания получили более, или менее повреждения. В окнах не осталось почти ни одного целого стекла, на крышах, на стенах встречалось много пробоин от снарядов и следов от града пуль.

Вследствие разрушения водопровода и повреждения электрической станции, жители оставались без воды, света, рабочие в уцелевших предприятиях без электрической энергии, без трамвая.

На протяжении целых кварталов вместо домов тоскливо возвышались из груды развалин лишь почерневшие печные трубы. На улицах и тротуарах—масса оборванных телеграфных и телефонных проводов, колючей проволоки, искорверканного железа с крыш, груды муссора и кирпича, битого стекла; а первое время среди всего этого хаоса и хлама попадались неубранные трупы людей, животных, огоревших коров, лошадей и т. п.

Пройти по улицам было опасно, так как после бывших в городе пожаров, на очень многих сгоревших зданиях и домах висели листы железа, которые угрожали падением, а равно также и обгорелые балки и бревна.

На тротуарах была угроза, благодаря битым стеклам, изранить ноги или испортить обувь, которая ценилась очень дорого.

Во многих местах не было ни прохода, ни проезда.

Не мешает отметить о положении, в каком очутились погорельцы и страховые общества:

Выгорела почти половина города, борьба с пожарами затруднялась ввиду обстрела и отсутствия воды по причине разрушенного городского водопровода, который был восстановлен лишь после ликвидации мятежа.

Кроме сгоревших недвижимых имуществ, сгорела масса движимого имущества и кроме того на пожарах последнее расхищалось в самых широких размерах.

В страховые общества поступали заявления об утрате.

Убытки колоссальные и каждому обществу предстояла оплата по несколько миллионов, напр., только у об-ва «Россия» сгоревших имений имелось более чем на 3 миллиарда рублей.

«Страховые общества заняты исследованием для выяснения убытков, но как будет производиться оплата—неизвестно!» («Изм.» № 31).

Вместе с тем интересно указать на то, во что обошлась обществу

потребителей Ярославских Торгово-промышленных служащих стоимость содержания погорельцев с 12 июля по 7 августа:

Было отпущено обедов в приготовленном виде из гостиниц 98.974 и в сыром виде продуктами на 151.086—всего 250.060 обедов. Себестоимость этих обедов выражается в сумме 105.436 р. и расход по содержанию питательных пунктов—в сумме 31.289 р. (оплата служащих, вознагражд. заведующих, отопление).

Себестоимость обеда 54, $\frac{3}{4}$ коп. с прибавлением организационных расходов, в обычном размере 15%—153.12, содержание по городу обошлось Обществу 152.538 руб., о возмещении которых Правление Общества возбудило ходатайство перед Правит. Властью «Известия» № 34.

Положение огромного большинства жителей помимо недостатка в крове, одежде, отягощалось еще недостатком продовольствия и распространением болезней, особенно—холеры и брюшного тифа.

Если до мятежа в городе остро стоял продовольственный вопрос, то после него дело в отношении продовольствия стало еще тяжелее. Приходилось принимать самые решительные меры против спекулянтов, не преминувших воспользоваться моментом для своекоростных целей, вывозивших продукты из города или прятавших их в укромные места.

В то время, когда не хватало картофельных очисток и барды для продовольствия, чистый ржаной хлеб для многих был недостижимой мечтой. Дело не обходилось иногда без курьезов. На почве острого недостатка хлеба граждане готовы были иной раз глину принять за хлеб. В заметке «обманчивая глина» в «Известиях» пишут:

Интересную картину можно было наблюдать в воскресенье 4-го августа под башней Знаменской часовни. Здесь под двумя железными листами лежали глиняные комки, представлявшие полную иллюзию колобушек из ржаной муки. Почти все проходившие граждане останавливались перед «хлебом» и обязательно брали его в руки или даже в рот, чтобы окончательно разочароваться в такой дивной находке.

Вот где можно без ошибки сказать, «что русский глазам не верит» (№ 12 от 3 авг. Изв.).

Хлеб хотя и выдавался из продовольственных лавок по $\frac{3}{8}$ фунта для 1-й категории, а остальных и того меньше, но и эта выдача не всегда была обеспечена.

В «хвостах» не раз происходили паники вследствие слухов о том, что завтра и того количества выдаваться не будет.

С продовольственными карточками дело обстояло не всегда ладно.

Между прочим, многие уезжавшие из города граждане пускались на своеобразную спекуляцию, они продавали свои продовольственные карточки остающимся жителям в городе и таким образом некоторые могли получать большее количество хлеба, чем им полагалось.

В виде иллюстрации можно привести такую сценку, наблюдавшуюся одним товарищем.

По улице идет женщина из беженок и несет купленный ею в

хлебопекарне хлеб. В руках у ней продовольственная книжка. Встретились ей две женщины. Беженка остановила их:

— Пани купите себе мою карточку—на восемь человек: сегодня уезжаем отсюда и больше она нам не нужна!

Одна из женщин спросила:

Сколько возьмешь?

Дайте хоть десять рублей.

Купить разве—спросила женщина свою спутницу.

Что-же... только дорого.

Стали торговаться и, как говорится «спелись» было на 8 рублях.

Услышала это проходившая мимо женщина.

Не покупайте—решительно сказала она.

А почему?

Зря деньги бросите. Я вот купила также—25 руб. отдала и как псу под хвост. Пронюхали в продовольственных то и паспорта теперь требуют, без паспортов ничего не дают. Ненужные карточки обратно приказывают нести, а то к суду военного времени...

Покупка не состоялась.

III.

Особенно тяжелая и напряженная атмосфера в городе остро чувствовалась в первые недели после подавления мятежа, город находился на военном положении, ходить по улицам после 10 час. вечера без пропусков было строго воспрещено. Почти каждый вечер арестовывались порядочные толпы граждан, задержавшихся на набережной и бульварах дольше положенного времени и препровождались на ночевку до утра в помещение милиции. На этой почве происходило не мало семейных драм, а иногда просто интересных курьезов.

Многие жители под влиянием пережитых ужасов спешили убраться из города. А так как в первые дни выезд из Ярославля без пропусков был воспрещен, то получались большие скопления граждан за пропусками на углу Даниловской и Срубной ул. у дома бывшего Пастухова, где помещался Отдел Управления, выдававший разрешения на выезд из города.

Около Губернского Административного Отдела ежедневно можно было наблюдать громадные очереди за пропусками на выезд из города.

Такое громадное количество желающих выехать из Ярославля отчасти об'яснялось отсутствием помещений в городе и отчасти, тем, что граждане верят тем глупым басням, которые распускаются кумушками, что в Ярославле будут опять «беспорядки» и т. п. сплетням.

В настоящее время выезд и вывоз багажа из Ярославля разрешен без пропусков (Изв. Яр. Воен-Революц. К-та № 9 от 4 авг. 1918 г.).

В субботу 3 августа в гор. Ярославле какими-то досужими людьми распространялись упорные слухи о том, что якобы около Диево-Городиш расставлены тяжелые батареи, а близ Ярославля в Сереновской волости

пулеметы. Слухи эти, вышедшие неизвестно откуда, быстро распространились на «хвосты», наведя панику на и без того перепуганного недавними событиями обывателя; кое где наиболее трусливые из граждан стали готовиться к отъезду из города.

Слухи росли и ширились, к вечеру уже говорили, что с утра в воскресенье начнется обстрел города. Само собой разумеется, что в слухах этих не было ни одного слова правды и распространялись они врагами трудового народа с целью вызвать панику в населении. И, к сожалению, граждане поддались на эту провокацию. (Изв. Яр. В.-Р. Комитета 7 авг. 1918 г.).

Грабежи и пожары.

Положение в городе осложнялось еще тем, что во время мятежа разбежались уголовные преступники из каторжной тюрьмы, которые не преминули заняться грабежом.

Вместе с тем продолжали возникать пожары, которые вызывались отчасти неисправностью труб после мятежа, а также отсутствием или недостатком воды. Эти пожары были большим злом и в без того разрушенном и опустошенном городе июльскими событиями. Поэтому была объявлена самая беспощадная борьба как с бандитизмом, так и с огнем.

Не мало хлопот причиняла холера, особенно сильно дававшая себя знать в первое время после ликвидации мятежа, когда на день приходилось до 60 заболеваний, а иногда и больше.

И в этой необычайно тяжелой обстановке, как вне так и внутри пределов Ярославской губернии, пришлось Советской власти и ярославскому пролетариату, имея во главе Р. К. П. (б), вести напряженную борьбу за жизнь, налаживать разрушенные советские и профессиональные организации, восстанавливать городское хозяйство и вместе с тем спланировать и укреплять ряды коммунистической партии, поднимать ее авторитет в деле руководства Советской профессиональной работы, закладывать фундамент прочной связи ее с рабочими и крестьянами Ярославской губернии.

Военно-Революционный Комитет.

Военно-Революционный Комитет организовался еще во время мятежа. Вначале, когда открылись военные действия, представителей губернской власти советов в Ярославле почти не оказалось: некоторые товарищи, как напр. Нахимов, Закгейм, Шмидт были убиты, другие арестованы белогвардейцами, третьи уехали на Всероссийский Съезд Советов в Москву и т. п., поэтому пришлось организовать власть на месте заново в лице Военно-Революционного Комитета.

Начало организации этой власти было положено партийными товарищами 3-го железнодорожного района, которые, собравшись в клубе 3-го Интернационала, объявили себя Военно-Революционным Комитетом.

Так создался Военно-Революционный Комитет железно-дорожников. Членами его были: Смирнов, Суслов И., Варламов И., Мойса, Орехов И., Сергей, Новиков, Клявин, Смелышев, Пантин. Этот Военно-Революционный Комитет главное внимание сосредоточил на работе в железно-дорожном районе. В то время, когда мастерские не работали и движение на ж. д. почти замерло, Военно-Революционный Комитет ж. д. издает первый приказ о немедленном возобновлении работ, заканчивающийся словами: «Все не явившиеся на работу без уважительных причин, будут рассматриваться как противники Советской Власти и к ним будут применены меры вплоть до расстрела». Движение удалось наладить, восстановить связь с Ростовом, Костромой и Рыбинском, а вместе с тем поставить Москву в известность о событиях в Ярославле.

Но власть была необходима не только в городе, но и в губернии, а также необходимо было объединение всех действующих сил против белогвардейцев.

11 июля вечером в клубе III Интернационала состоялось партийное собрание делегатов от разных организаций: Всполья: ф-ки «Красный Перекоп», ж. д. района, и некоторых уездов, так как на фронте в это время наблюдалось некоторое затишье и этим поспешили воспользоваться коммунисты для созыва организационного собрания, на котором был выбран Губернский Военно-Революционный Комитет, в таковой вошли товарищи: Бабич, Пожаров, Шарухин, Барбей, Охупкин, Пантин, Доброхотов, Скудре, Громов и др.

Губернский Военно-Революционный Комитет объединился с Ревкомом ж. д. под двойным названием Губернского и ж. д. Военно-Революционного Комитета и в общем состоял вначале чуть-ли не из 38 человек.

Такой Военно-Революционный Комитет оказался при исключительных условиях того существования слишком громоздким, тогда по соглашению с тов. железнодорожниками был образован Военно-Революционный Комитет из 7 человек, который, приняв власть от военного командования по ликвидации мятежа в городе, принялся за восстановление разуженных советских организаций.

Перед Губревкомом на первом плане стояла тяжелая задача ликвидировать ужасное и проклятое наследие белогвардейского мятежа. Настоятельно требовалось обстоятельствами переживаемого тогда момента выдвинуть работоспособный, боевой орган, поэтому создается чрезвычайная следственная Комиссия, во главе которой ставится тов. Евсеев, командированный в Ярославль центром.

При организации власти и восстановления советских органов пришлось столкнуться с целым рядом препятствий и неурядиц и вместе с тем, по очищении города от белогвардейцев устранять произвол и грабежи.

Так, когда Губревкомом было предложено милиции стать на защиту Советской Власти, она сложила оружие. Необходимо было негодные элементы устранить и поставить новых работников.

Приходилось улаживать ряд конфликтов, напр. с левыми с.-р., ко-

которые боролись рядом с коммунистами против белогвардейцев и были возмущены воззванием об их предательстве, далее с чрезвычайным штабом, когда командующим фронтом Гужарский объявил, что вся власть военная принадлежит начальнику гарнизона и коменданту города, пришлось чрезвычайный штаб снова подчинить Военно-Революционному Комитету; были также недоразумения и нежелательные эксцессы и с некоторыми бывшими членами Губисполкома, которые значительно тормозили работу.

Военно-революционный Комитет по мере возможности старался их ликвидировать.

Военно-Революционный Комитет организует 15 отделов и назначает туда заведующих, кроме указанной выше Чрезвычайной Комиссии создаются отделы: продовольственный, совет народного хозяйства, труда, юстиции, управления, врачебно-санитарный, социального обеспечения, народного просвещения, почты и телеграфа, местного хозяйства, транспортный, военный, земельный, финансовый.

Отделы приходилось создавать вновь, в советских учреждениях все было разрушено белогвардейцами, не было денег, многие бумаги были сожжены или утеряны, оставшиеся в шкафах разворочены и в беспорядке, печати, канцелярские принадлежности расхищены, мебель поломана, стены, полы и потолки во многих местах разрушены, среди служащих был контрреволюционный элемент, с устранением которого осталось очень мало работников, некоторые служащие просто разбежались.

Военно-Революционному Комитету пришлось вести работу по подготовке ярославских Съездов, Советов, как горюездного так и губернского.

В деревне необходимо было организовать комитеты деревенской бедноты.

Особенно много хлопот было с продовольственным вопросом и делом помощи людям, оставшимся после мятежа на улицах без крова без одежды, валяющимся на голой земле рабочим, в то время как богачи так или иначе устроились.

Три города, Данилов, Ростов и Рыбинск во время белогвардейского мятежа успели послать телеграммы Наркомпроду о присылке им продовольствия непосредственно, ссылаясь на разрушение продовольственного аппарата г. Ярославля: Военно-Революционному Комитету пришлось в спешном порядке наладить продовольственный аппарат, о чем и была послана телеграмма в Наркомпрод.

Военно-Революционным Комитетом была устроена столовая для голодающих на 500 человек. Для снабжения медикаментами и уборки раненых, когда стала развиваться холера, необходимо было мобилизовать все медицинские силы на борьбу с холерой; в процессе этой борьбы удалось создать орган, задержавший стихийное распространение эпидемии — медико-санитарный отдел.

После подавления белогвардейского мятежа, по вступлении в Ярославль был назначен военным комиссаром — тов. Скудре, гражданским

комиссаром — тов. Большаков; кроме того, в школе имени К. Маркса образовался штаб Советских войск, который ни с чем не желал считаться в то время, как в распоряжении его были все средства передвижения; в результате трупы, кирпичи, проволока загромождали улицы, но не было возможности их убрать. Пришлось устранить с должности военкома — Душина и гражд. комиссара Большакова.

В городе был распущен так назыв. уездный крестьянский совет — крестьянская секция, которая абсолютно ничего не слела, а только расходовала громадные суммы на свои нужды.

Люди, тормозившие работу в начале, были удалены. Из центра присланы новые работники.

Наладив работу, Губерн. Военно-Революционный Комитет, работавший под руководством тов. Ленцмана, присланного из центра и утвержденного председателем Губревкома, был созван Губернский съезд Советов для передачи власти выделенному на нем Губисполкому.

Чрезвычайная комиссия и борьба с контр-революцией.

Губкомиссия по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и саботажем существовала еще и до мятежа, но на эту работу со стороны ответственных работников Губисполкома не обращалось должного внимания; некоторые из товарищей просто отмахивались от этого вопроса, заявляя, что они неспособны вести подобную работу, поэтому состав комиссии был неудовлетворителен, туда затесались такие, напр., экземпляры, как беспартийный студент Шенкар (пьяница, гордо именующий себя анархистом); другие же были и неопытны и малосведущи. И не даром говорилось, что в Комиссии для борьбы с контрреволюцией сидит часть самой контр-революции.

Во время мятежа, когда с'организовался Военно-Революционный Комитет, была выделена и следственная Комиссия, во главе которой был поставлен тов. Григорьев.

Но без помощи центра в деле расследования мятежа обойтись было нельзя. Поэтому для работы в Ярославле от ВЧК был послан ряд товарищей, в числе которых были т.т. Евсеев, Даниловский и др.

Для расследования дел о мятеже в Ярославле образовалась таким образом особо-следственная комиссия, куда входили товарищи как посланные центром, так и работавшие на месте.

Пока мятеж еще не был ликвидирован, комиссия работала сначала в помещении клуба III-го Интернационала; но так как здесь было слишком тесно, то пришлось перебраться в дом бывш. Вахрамеева на Пролетарскую ул. и одновременно вести работу как здесь, так и на ст. Всполье, где был организован следственный пункт.

Особенно тяжела и трудна была работа в пункте при ст. Всполье,

в последние дни мятежа и в первые по ликвидации его. Здесь, главным образом, работа шла под наблюдением тов. Даниловского. Ежечасно, а то и иногда чуть-ли не ежеминутно приводились толпы арестованных, из которых надо было выделять наиболее подозрительные элементы, одних оставить под арестом, других отправить на пункты для беженцев, для которых были приспособлены ряд теплушек и товарных вагонов при ж. д. станции.

Когда был об'явлен приказ Чрезвычайного штаба Ярославского фронта о том, что всем, кому дорога жизнь, предлагается в течение 24 часов со дня об'явления оставить город и выйти к Американскому мосту и т. д., то чуть ли не все население отправилось за Которосль. На поле вокруг станции Всполье 21 июля в день занятия города красными наблюдается невиданное до сего времени зрелище: огромные толпы народа, состоящие из разнообразных слоев населения, окруженные кольцом из часовых красноармейцев стояли в очереди для регистрации, производимой представителями Чрезвычайной следственной комиссии. Едва-ли найдется кисть художника, чтобы изобразить все, что тут делалось. То тут, то там разыгрывались целые трагедии и драмы, один искал своих родных или знакомых, другие в ужасе ожидали, что с ними будет, многие лихорадочно рвали свои паспорта, документы и бумажные деньги, так что после чуть-ли не все поле было усеяно клочками рваной бумаги.

Среди этих толп оказались и многие наши товарищи, бывшие под арестом у белых и в день сдачи города пришедшие сюда со всеми гражданами. Многие из них как, например, тов. Фрейман, еле-еле держались на ногах, были худы и бледны от истощения и пережитых ужасов; некоторые, несмотря на тяжелое состояние, как, напр., тов. Деньгин сейчас же немедленно принялись за работу, помогая Чрезвычайно-следственной комиссии производить опрос и регистрацию граждан.

Работа, которую проделывала в это время Чрезвычайно-следственная комиссия на Всполье—была необычайно огромной, невыразимо изнурительной и трудной. Надо было пропустить целые вереницы за вереницами самых разнообразных людей, каждого не только опросить, но и зарегистрировать, и решить что с ним сделать, отпустить ли на свободу, отправить ли на пункт для беженцев или направить в дом бывш. Вахрамеева к т. Евсееву для дальнейших допросов или просто отослать в полевой штаб. Немудрено, что голова у многих товарищей шла кругом, получались иногда печальные недоразумения, которые приходилось впоследствии с трудом изживать. На второй или третий день ликвидации мятежа работа при ст. Всполье была ликвидирована и сосредоточилась сначала при доме бывш. Вахрамеева, а потом, по очистке города, Чрезвычайно-следственная комиссия была переведена в новое помещение на углу Волжской набережной и бульвара, где нижний этаж оказался до некоторой степени приспособленным для помещения арестованных. Вероятно, буржуазия при постройке дома предназначала это подвальное помещение с окнами за железными решетками для рабов капиталистиче-

ского стреля, никоим образом не предполагая, что оно будет использовано для ее же представителей и защитников восставшими рабами.

Путем тщательных допросов и всестороннего расследования, комиссия выделила из массы арестованных 350 человек в большинстве бывших офицеров, контр-революционеров и белогвардейцев. Расследование показало, что все эти лица являлись активными участниками и организаторами мятежа. Они стояли во главе заговора и имели связь с чехословаками. Вся эта банда в количестве 350 человек по постановлению комиссии расстреляна.

Но еще до этого, вскоре после занятия города и задержания в театре вожаков мятежа, в состав коих входили почти исключительно бывшие офицеры, 57 человек было расстреляно на месте.

Комиссия по борьбе с контр-революцией, занималась расследованием белогвардейского мятежа, работала в очень тяжелых условиях. Когда арестовывались все новые и новые лица, не хватало работников и времени для производства следствия и рассмотрения многочисленных дел. Канцелярия первое время почти отсутствовала, вести правильный учет всех арестованных, а также и отобранных при аресте вещей было невероятно трудно. Часто приходилось наблюдать, как груды паспортов, кошельков, часов, револьверы и т. д. лежали на окнах, на столах; некому и некогда было все это привести в порядок. В комнате заседаний комиссии попадалась в беспорядке брошенные на стол или на окно деньги, золотые монеты, вещи, которые иногда находились и на полу под ногами, на них некогда было обращать внимание. Товарищи работали как в лихорадке, не разбирая, где кончался день и начиналась ночь, проводя без сна несколько суток под ряд, засыпая, где попало и на чем попало, часто просто в повалку, не раздеваясь, не считаясь с обычными понятиями и правами.

Аресты и обыски производились иногда лицами на это не уполномоченными и тут приходилось расхлебывать т. н. похлебки. На собраниях и конференциях работники Ч. К. просто вопили о помощи ей со стороны всех членов партии, но работы в это время у всех было по горло и дать достаточное количество работников Ч. К. Партия сразу не могла. Приходилось прибегать к найму беспартийных служащих для того, чтобы сколько нибудь наладить аппарат. Создана была канцелярия и ряд под'отделов. Работа стала принимать известный порядок.

На Ч. К. было много нареканий, особенно первое время граждане приходили за своими отобранными вещами, из-за неналаджения аппарата не сразу могли получить их. Распространялись слухи, сыпались обвинения на товарищей, работавших в комиссии и это потому, что никак не могли понять и учесть всей той обстановки и условий, в которых приходилось работать, когда думать о разных пустяках в роде кошельков, часов и т. п. было просто некогда. Надо сказать, что большинство партийных товарищей, работавших тогда в Ч.К., достаточно были честны и безукоризненны, чтобы дать повод упрекать их в каких либо злонамеренных целях.

Парторганизация после мятежа.

I.

1918 год был необычайно тяжелым и для коммунистической партии в Ярославле. После октябрьского переворота ком. партия стала расти, но этот рост был связан с рядом болезненных явлений.

Ярославская организация страдала от присутствия чуждых партии элементов, вносивших рознь и дезорганизацию в партийные ряды, а порою и прямо предававших партию явным контр-революционерам, как это было во время белогвардейского мятежа с Грековым, Супониным и т. п. Отсутствие единства, тесной спайки, слабость партийной дисциплины, мешали правильному руководству партийной и советской работой, в то же время затрудняли решительную и энергичную борьбу с растущей контр-революцией.

Авторитет партии был слишком слаб, а чуждые партии элементы еще более его подрывали и сводили к нулю.

Недостатки Ярославской партийной организации особенно ясно видел тов. Нахимсон. Он прекрасно знал и понимал людей, с которыми ему приходилось встречаться в процессе партийной и советской работы. Он твердо и непоколебимо решил вести беспощадную борьбу за восстановление авторитета партии, за оздоровление партийных рядов, — «надо вскрыть этот гнойный нарыв, который образовался на теле Ярославск. организации», — говорил тов. Нахимсон на одном из последних заседаний партийного комитета.

Будучи военным комиссаром округа, он большую часть времени отдавал партийной работе. Не пропуская ни одного заседания парткома, инструктируя товарищей, помещая руководящие статьи в газету «Ярославский коммунист», изучив обстановку, где приходилось действовать, он в то же время понимал, что без вмешательства высшего партийного органа ЦКРКП произвести трудную операцию в целях оздоровления партийной организации почти невозможно и он обращался за помощью в ЦБ с сообщением о диагнозе, сделанном им, но в центре в тот момент не хватало работников и потому тов. Нахимсон был предоставлен собственным силам. Мы знаем, как пал тов. Нахимсон на своем славном посту, но дело, начатое им, не погибло. То, что не успел сделать т. Нахимсон, сделали другие товарищи.

Для налаживания парт. работы, восстановления авторитета и укрепления единства партии ЦБ командирует в Ярославль тов. Савельева, который 16 июля приезжает в Ярославль. Город находится еще во власти белых, но уже ясно чувствуется, что конец их предreshен.

Тов. Савельев знакомится с обстановкой и с партийными работниками, помогая им своим советом. Возникшее было недоразумение между военнo-револ. комитетом и чрезвычайным штабом улаживается.

Каждому поручается определенная работа, за которую он отвечает. Каждый поставлен на более или менее определенное место.

Пробыв 3 дня, тов. Савельев возвращается в Москву, где делает доклад в ЦК. Вслед за этим ЦК посылает в Ярославль целый ряд товарищей.

Для оказания помощи пострадавшим от мятежа выезжает специальная комиссия во главе с тов. Русаковым.

Для работы в военно-револ. комитете командировается тов. Ленцман, в чрезв. комиссию представители ВЧК во главе с тов. Евсеевым.

Для проведения конференции и съездов приехал тов. Радек.

Приехав во второй раз в Ярославль уже после подавления мятежа, тов. Савельев руководит подготовкой к городской и губ. парт. конференции, составляет инструкции по организационному вопросу, присутствует на заседаниях парт. комитета, где заслушиваются тезисы докладов и проектов, резолюции для конференции.

26-го июля под председательством т. Савельева в присутствии представителей центра т. т. Рабеля, Ленцмана, Евсеева и др. состоялось так называемое объединенное заседание комитетов Р. К. П. Ярославской организации старого состава и нового, образовавшегося случайно еще 15-го июля во время мятежа и оказавшегося неработоспособным вследствие внутренних трений.

В результате совещания новый к-т сложил с себя полномочия, передав их старому к-ту, которому было поручено в ближайшем времени созвать партийную конференцию для выборов полномочного к-та, на этом же собрании были намечены ораторы на фабрики и заводы ввиду предстоящих на другой день похорон товарищей, погибших во время мятежа.

27-го июля происходят торжественные похороны павших борцов—жертв белогвардейского мятежа, организованные партийным комитетом совместно с Ревкомом. Эти похороны имели огромное значение, они оставили неизгладимое впечатление не только среди членов партии, но и широких беспартийных масс трудящихся.

Таких похорон Ярославль еще не видал. Это были первые здесь красные революционные похороны без церкви и попов. Над трупами лавших борцов тут не горели церковные свечи, над ними веяли красные знамена пролетарской революции:

Они горят и ярко рдеют,
То наша кровь горит на них,
То кровь работников на них.

Не с колокольным звоном и церковным пением провожали их тела в могилу. Их несли под мощные звуки интернационала, революционных песен и похоронного марша, исполненных военными оркестрами и тысячными хорами сопровождающей массы рабочих и партийных товарищей. Их хоронили не на церковном старом кладбище, для них отво-

дится лучшее место в городе, в саду близ Советской площади и Дома Народа, где была колыбель советской власти и ярославской организации Р. К. П. (б. ов).

Под ружейные и пушечные салюты опускают их тела в могилу, тихо склоняются многочисленные знамена.

И здесь над могилами павших борцов, товарищи дают клятву, твердо и чутко стоять на страже великих завоеваний Октябрьской революции, идти тесными, сплоченными рядами на борьбу за коммунизм и нести их знамя вперед.

Так были похоронены т. т. Закгейм, Шмидт, Нахимсон, Кожин, причем тело тов. Нахимсона, вечером после общих похорон с торжественными проводами было отправлено в Ленинград, где на Марсовом поле в присутствии тысячных пролетарских масс гроб с телом т. Нахимсона был опущен в могилу.

Через месяц после похорон указанных выше товарищей состоялись похороны т. т. Зелинченко и Лютова, т. к. раньше их трупы не могли никак найти.

В Известиях Ярославского Ревкома № 25 по этому поводу была помещена небольшая заметка:

Памяти т. Зелинченко и Лютова.

Опять небо плакало! Снова слезы небесные со слезами людскими смешались! И как в тот день, когда мы хоронили наших дорогих т. т. Закгейма, Суворова и Нахимсона, так и в тот день, когда мы предавали земле тела т. т. Зелинченко и Лютова, «равнодушная природа» была неравнодушна.

Месяц прошел с тех пор, как Ярославль перешел в наши руки, целый месяц мы знали, что тов. Зелинченко и Лютов предательски убиты черной бандой властвовавшей над Ярославлем шестнадцать дней, но мы до сих пор не могли воздать достойное этим борцам за свободу, борцам за социализм, ибо только на днях, после усиленных розысков, мы нашли тела предательски убитых товарищей.

И на эти похороны вереницей тянулись рабочие и работницы со всех сторон. И этим товарищам они принесли венки и цветы, ибо рабочему классу одинаково дороги все погибающие за революцию, как вожди, так и простые рядовые, молчаливо умирающие за рабочее дело. И если рабочий класс клялся метить за предательски убитых вождей и героев революции, то он молча не пройдет и перед этими жертвами. И если т. Будкин в своей надгробной речи требовал беспощадный террор всем врагам революции, каждый рабочий ответит на то: тысячу контревол. голов за каждого погибшего товарища и так будет, ибо мы победим! И когда настанет час победы, час торжества революции, мы снова вернемся к могилам наших товарищей и там с ликованием победы на устах мы расскажем молчаливым гробам, что не напрасно они отдали

свою жизнь, что не напрасно они свою кровь проливали, ибо восторжествовало их великое дело, восторжествовал социализм.

Вместе с тем партия подводит итоги проделанной работы в области партийного и советского строительства и намечает путь для дальнейшей работы. Здесь уже чувствуется твердая рука, которая начинает проводить руководство партии в области советского строительства, чего раньше не доставало, когда руководящий аппарат партии отсутствовал, отдельные товарищи, работавшие в советских органах, а также их фракции были предоставлены почти себе самим, вследствие чего сплошь и рядом получалась несогласованность в работе тех или иных органов, напр. губисполкома и горисполкома.

Так, на заседании к-та с активными работниками в конце июля заслушиваются доклады—Воен. рев. к-та, партийного к-та о партийной и советской работе.

По докладу рев. к-та и о совет. работе принимается постановление, подтверждающее необходимость существования Воен. рев. к-та до созыва губ. с'езда советов и утверждаются намеченные им заведующие отделов губ. Воен.—рев. к-та.

Доклад партийного к-та носит информационный характер и касается партийной работы и тех условий, в которых они протекали в прошлом. По докладу: партийная работа, открываются оживленные прения, выступает целый ряд товарищей, они, указывая на целый ряд недостатков, какие до сих пор существовали в области партийной работы и этим самым подводя итоги прошлому, создают ясную картину состояния нашей Ярославской организации, облегчая представителям центра их организационную работу. Схему партии организации в общегубернском масштабе к-тет разрабатывал совместно с представителями центра. Всю губернию предположено было разбить на районы, объединяющие городские и сельские ячейки. Эти районы должны избрать губ. комитет.

Далее к-т ведет энергичную подготовку к городской конференции, проверяя состав членов партии, намечает докладчиков и т. д. и выпускает следующее воззвание.

Тов. коммунисты! Мы стоим на развалинах. Неисчислимы страданий, жертв, слез и лишений стоило рабочему люду и вообще бедноте Ярославля белогвардейское восстание. Сердце разрывается при виде горя и бедствия, которым подвергались мирные жители города за время осады и хозяйничания белых «халифов на час» в городе. Изголодавшиеся раненные, оставивши в городе все, иногда даже близких своему сердцу людей, они покидали превращенный белогвардейцами в ад город, мокли под дождем, на открытом поле или в плохоньких палатках, терпели страшный голод и лишения. Трудно передать горе и страдания бедных матерей с малютками на руках, бледных, измученных, осиротевших детишек, беспомощных, брошенных на произвол судьбы стариков и других страдальцев ужасного белогвардейского заговора, их контр-революционной затеи и авантюристской выходки. Оставшиеся в городе, не

успевшие убежать или насильно задержанные белогвардейцами люди подвергались еще ужаснейшей судьбе, так как они все время находились под непрерывным дождем пуль и снарядов, сыпавшихся с обеих сторон, под перекрестным боевым огнем борющихся за и против контр-революции. Еще и по сей день мы еле успеваем подбирать трупы этих невинных жертв, жизнь которых кому нибудь многим дорога и ничем не заменима, смерть которых многим принесла неисцелимые ущербы, муки и страдания... Ярославское восстание стоило не только миллиардов народного достояния, но кроме того сотен жизней наших красноармейцев, каждая капля крови которых неоплатима. Нам нужна наша Красная армия для борьбы с внешним врагом—империалистическими хищниками, которые все решительнее наступают на нашу Советскую республику для захвата социалистической родины в кровавые объятия ненасытного капитала с целью уничтожения завоеванных российским пролетариатом свобод, с целью подавления красного призрака коммунизма. В скором будущем нам придется вступить с этими хищниками в бой, не на жизнь, а на смерть, поэтому каждый красноармеец нам дорог. Мы не можем жертвовать на подлые предательские волнения наших внутренних врагов ни капли красноармейской крови, ни частички красноармейского тела; белогвардейско-меньшевистские, право-или-лево-эсеровские восстания мы должны искоренить в самом зародыше, в самом начале. Да почувствуют все враги Советской власти пролетарскую диктатуру в полном действительном виде. Отныне да будет диктатура пролетариата и бедного крестьянства не только на словах, а на деле. Ярославскому и т. п. восстаниям не должно быть больше места в нашей измученной, истощенной войной стране. На развалинах, раньше цветущего города у могил наших погибших товарищей, да поднимется наша рука в святой революционной клятве: отныне всеми силами проводить в жизнь пролетарскую диктатуру, ведущую к полному освобождению всего человечества от ига капитализма, к новому строю коммунизма. Но пролетарская диктатура возможна только при наличии организованных сплоченных сознательных масс пролетариата и бедного крестьянства, при наличии сильных, энергичных органов его власти, которые железной рукой могут проводить в жизнь необходимые меры пролетарской диктатуры. А организованность, сознательность пролетарских и неимущих масс коренным образом зависит от силы и влияния на рабочие и крестьянские массы, от организованности идейного и численного могущества двигателя нашей революции—Российской коммунистической партии (большевиков).

Наша партия является не только передовым борцом русской революции, но и вместе с тем авангардом всемирного сознательного пролетариата. Взоры всех борющихся в разных странах сознательных рабочих обращены к нам. В это решительное время, когда волны социалистической революции захлестывают дальше поработенный в цепях капитализма мир, когда дело нашей революции стоит на поворотном пункте полного нашего успеха или восстановления старого порядка, мы не можем мед-

лечь, не можем поверхностно относиться или вяло браться за дело укрепления нашей партии. Наша партия, это позвоночный столб, основной фундамент и руководящее начало всей Советской власти, под ее идейным и практическим влиянием и руководством должны работать органы власти рабоче-крестьянского правительства, поэтому восстановим нашу партию, сделаем ее сильной и идейной численно. Распространим ее влияние над широкими массами рабочих и крестьян твердой поступью без соглашательства и увлечений в сторону полумер. Наша партия должна шествовать во главе освободительного движения и создания нового пролетарско-коммунистического строя. Для установления твердых партийных рядов, для внесения новой жизни и энергии в ряды коммунистов, для успешной постановки партийной агитации и пропаганды и устройства партийной организации Ярославский комитет РКП. созывает в воскресенье 4 августа в 10 час. утра (нов. вр.), в Доме Народа общегородскую конференцию.

Товарищи коммунисты, действуйте быстро и энергично, чтобы конференция организовала действительно новый поворот к лучшему нашей партийной работы. Времени до конференции остается мало, поэтому каждому члену партии нужно делать все возможное и для содействия устройства конференции. Не думайте, что это обязанность только организационной комиссии. Это не по силам нескольким товарищам. Наши партийные ячейки разбросаны по многочисленным мелким предприятиям. Адреса отдельных членов нашей партии нам неизвестны, поэтому мы призываем всех товарищей действовать. Передавайте этот призыв из уст в уста, чтобы все, считающиеся членами партии, незамедлили бы понудить свой коллектив немедленно созвать собрание для обсуждения порядка дня конференции и выбора делегатов на конференцию.

(Изв. Яросл. Воен.-Рев. К-та № 8).

4-е августа созывается городская конференция, которая кладет прочное начало восстановлению городской организации Р. К. П.

Состав. Городской парт. конференции был следующий:

ф-ки Локалова	от 66 чел.	7 делег.	
» Норск. района	64 »	6 »	»
» Зотова	20 »	1 »	»
зав. Щетинина	36 »	1 »	»
» Вахрамеева	25 »	2 »	»
ф-ка Яр. Б. М	100 »	10 »	»
зав. Лебедева	29 »	3 »	»
мастер. 2-й автомоб. рот.	7 »	1 »	»
Латышск. орган.	50 »	4 »	»
Железный Комун. отр. 2-го			
Сов. полка	28 »	2 »	»
2 совет. полк	14 »	2 »	»
Урочск. района	36 »	3 »	»
от гор. района	1 »	»	»

С правом решающ. голоса 64 ч. и с правом совещ. 10, и в качестве гостей 24 ч. Конференция выбирает новый комитет, которому поручается вести подготовку к губернской конференции, горюездному съезду Советов организовать по известной системе районные партийные органы, провести перерегистрацию членов партии, составить новые именные списки всех членов партии.

По докладу о задачах партии конференция принимает резолюцию, где указывается на необходимость установления единой воли и железной дисциплины среди членов партии, привлечения всех членов к активной работе и развития их коммунистического сознания.

Вскоре после городской партийной конференции собирается губернская.

Общегубернская конференция Р. К. П (б-в) открывается 19-го августа 1918 г. в «Доме Народа» председателем ярослав. городского К-та партии т. Рабеем, который в сжатой, по выразительной речи приветствует конференцию, как истинную представительницу партии борющегося пролетариата и беднейшего крестьянства в Ярославской губернии.

Организац. по созыву конференции комиссия докладывает, что на конференцию прибыли делегаты с мест и организации в числе 50 ч-к, представляющих 1690 действительных членов партии а именно:

Уезды:		
1. Рыбинск.	300	8
2. » железнодорож.	65	2
	365	10
3. Пошехон.	150	3
	43	1
4. » сокол. вол.	193	4
5. Ярослав. гор. район	120	5
6. » Больш. М-ра	120	5
7. » железнодорож.	73	3
8. » Локаловск.	76	2
9. » Норский	64	2
10. » Уроцкий	56	2
11. » Латыш. стрелк.	54	2
	36	1
12. » Щетинина	599	22
13. Любимск	100	2
14. Даниловск.	10	1
15. Угличский	48	1
16. Романо-Борисогл.	125	5
17. Мышкинск.	150	4
18. Представ. мос. об. бюро Р. К. П.	—	1

Всего 1690 ч. 50 д.

Конференция объединяет отдельно разбросанные по губернии парт. ячейки и кладет прочное основание нашей губернской организации РКП (б-ков).

Вновь созданный губернский к-т партии берет руководство партийной и советской работой в губернии.

Впервые Губернский Съезд Советов, созданный в начале сентября, проводится под руководством губернского партийного органа, который определяет его политику, намечает линию поведения, организует выборы в Губернский Исполнит. К-т.

Организация осуществляет следующий призыв ЦК РКП (от 31 августа 1918 г.) целиком:

Наша партия должна вновь стать цельной, литой из единого куска. Она должна очиститься от наносных элементов, вносящих разложение в ее ряды. В нашей партии не должно быть места бездельникам, хулиганам, авантюристам, пьяницам и ворам. Не место в нашей партии колеблющимся и шатающимся. Строжайшая дисциплина и единство действий должны царить в нашей партии. Железной метлой должны мы очистить партию от вредных элементов. Пусть партия потеряет в количестве, она выиграет в качестве. Выиграет партия и в силе.

Тяжелый кризис переживает наша партия. Мы изживем его. Трудные, великие задачи стоят перед нашей партией. Мы выйдем победителями из борьбы.

Чем тяжелее борьба, тем больше энергии должны мы проявить.

Товарищи. Мы уверены, что всем нам, всем членам нашей Коммунистической партии, дороже всего торжество нашего дела. Мы уверены, что члены нашей партии не утратили способности самопожертвования. Мы уверены, что члены нашей партии проявят всю свою энергию, отдадут все свои силы на возсоздание мощной единой воли, единым стремлением скованной партии.

Товарищи. Дело торжества коммунизма—дело мировой ком. революции в ваших руках.

Все за работу. Нет члена партии без парт. обязанностей. Нет члена партии, невыполняющего декретов парт. центров.

Строжайшей дисциплины единства действий требуем мы от членов партии. Центр. К-т РКП (б-ков).

В первые месяцы у губ. к-та совсем не было аппарата, весь рабочий состав состоял чуть-ли не из секретаря и машинистки в то время, как кругом было непочатый край работы, из разных концов губернии шли требования людей для организационной работы, партия росла, организация расширялась, аппарат не поспевал за этим ростом.

Вследствие этого появились те или другие недочеты—все это заставило губ. к-т поставить вопрос о подготовке парт. работников путем организации парт. курсов, которые открыты лишь в марте 1919 г. Что же касается тренировок внутри парт. органов, какие еще иногда и продолжали возникать, то они изживались благодаря своевременному вме-

шательству ЦК, который или посылал своих представителей на губ. конференцию или производил те или иные переброски и, таким образом, парторганизация выравнивалась.

Помимо огромной организационной работы, когда нужно было, как говорится, перетряхнуть нашу парт. организацию, пересмотреть списки членов партии, реорганизовывать старые ячейки и создавать новые и т. д., К ту пришлось вести широкую агитационную работу.

Переживаемый момент требовал мобилизации не только партийных рядов, но широкой массы трудящихся на борьбу с наступающими врагами на Советскую Россию.

Здесь, между прочим, нельзя не отметить тех решений, какие принимались на общих собраниях рабочих на фабриках и заводах по докладам о белогвардейском мятеже и текущем моменте.

Возьмем хотя-бы резолюцию, принятую общим собранием рабочих на ф-ке «Красный Перекоп» (быв. Корзинкина), которая гласит:

«Преступная авантюра в г. Ярославле белогвардейцев, руководимая бывшими генералами, полковниками, офицерами, с вождями меньшевиков и правых эсеров, вскрыла ясно перед всеми рабочими, к чему свелась вся преступная противосоветская агитация меньшевиков и правых эсеров. В эти ужасные дни, когда город был в руках бандитов, первыми действиями этой шайки были расстрелы тех, которые были защитниками рабочих, которые отдали для революции все свои силы: т. т. Нахимсона, Закгейма, Шмидта, Зелинченко, позорные издевательства над теми рабочими, которые работали на благо рабоче-крестьянской власти. В эти дни меньшевики и правые эсеры, которые всегда рекламировали себя, как защитников народа, показали всем рабочим, с кем они идут и кого защищают; в эти дни с генералами и полковниками — слугами проклятого царизма, они работали над удушением революции, сделали все, чтобы восстановить тот строй, который свергнут с такими колоссальными усилиями рабочим классом. Под угрозой расстрелов эти преступники заставляли рабочих вооружаться и идти против своих товарищей, хотели заставить рабочих самих разрушить то, что завоевано пролетарской революцией.

Мы, все рабочее, в настоящий момент также ясно увидели, что единственным защитником рабочих и крестьян, является партия коммунистов. Несмотря на малочисленность своих отрядов, она смело вступила в борьбу с мятежниками, она быстро организовала помощь лишенным крова и пищи беднякам. Преступная авантюра в Ярославле является результатом преступной агитации меньшевиков и правых эсеров, действия и тактика которых ни чем в настоящее время не отличаются от черносотенных выступлений.

Мы, рабочие, теперь прозрели и поняли, что всякие шатания в убеждениях поведут к гибели революции и к восстановлению ненавистного старого строя. Мы поняли теперь ясно ту истину, что «освобождение рабочих от гнета капитала и насилий дело рук самих рабочих».

Мы признаем, что самый правильный прямой путь для рабочих—это путь, который указывает партия коммунистов большевиков. Довольно шатаний и колебаний. Все рабочие должны объединиться под лозунгом партии коммунистов. Все рабочие в этот грозный момент, когда железная пята мирового империализма готовится раздавить Советскую Россию — должны отдать все свои силы для ее защиты.

Беспощадная смерть всем палачам, прислужникам проклятого царизма.

С верой в торжество наших идей мы заявляем, что до последней капли крови будем защищать дело революции.

Да здравствует рабоче-крестьянское правительство.

Да здравствует социализм.

Вечная слава, вечная благодарность павшим товарищам.

Резолюция принята единогласно 6000 человек.

(«Известия Ярослав. Губ. Воен. Рев. К-та» № 13).

Не менее знаменательны решения и резолюции, принятые рабочими и на других фабриках и заводах по этому поводу.

Так напр. по вопросу о текущем моменте общее собрание всех служб. урочского ж. д. узла 23-го авг. признает положение Сов. России чрезвычайно тяжелым:

Настал новый урожай, а мы голодаем. Виною всех народных бедствий является следующее:

Белогвард. отряды во главе с нашими бывшими тиранами офицерами, отечественная буржуазия—во главе с духовенством, вся свора капиталистов, все эти шипящие гады, отрезав хлебобродные губернии, хотят нас задуть голодом и опять заковать рабскими цепями трудовое население революц. России. Мы рабочие упомянутой организации, все как один, клянемся защищать дорогую, свободную, революционную Россию, во главе с нашими советами или комитетами всем, чем только от нас потребуется, хотя бы при этом пришлось и умереть, но умереть в честном бою, как погибали наши вожди за наши кровные интересы, мы готовы—итти по первому требованию совета.

Смерть угнетателям трудового народа!

Рука того, кто поднимет меч на Сов. Раб. Фед. Республику, будет отрублена!

Да здравствует международ. пролетариат!

Да здравствует Всемирная революция.

Да здравствуют Сов. Нар. Ком.

(«Известия Ярослав. Воен. Рев. К-та» № 27).

В Урочских мастерских, бывших ранее оплотом меньшевиков и эсеров, 1 сентября 1918 г. по случаю их открытия после белогв. мятежа был устроен торжественный митинг в присутствии представителей из Москвы—комиссаром т. Поздеевым, замест. наркома путей сообщ. тов. Роговым и др. представит.

В резолюции клеймилось предательство эсеров и меньшевиков, протест против покушения на т. Ленина. Собрание прошло с большим подъемом. Видно было, что белогв. мятеж не прошел для них бесследно, они поклялись, что единств. защитницей интересов пролетариата и бедн. крестьянства является великая партия труда РКП (б-в), поняли, что все другие партии, называющие себя социалистическими, на самом деле, оторвались от социал. и перешли в лагерь эксплуататоров. По окончании речей каждого из ораторов собравшиеся с большим подъемом пели революц. песни.

В заключение собрания был исполнен интернационал и под мощные звуки пролет. гимна рабочие разошлись по домам.

Митинг произвел на многих и многих сильное впечатление заставив их другими глазами взглянуть действительности в глаза».

(Известия Ярослав. Воен. Рев. К-та № 35).

Ряд аналогичных резолюций выносился рабочими собраниями и на других фабриках и заводах не только в городе Ярославле и его уезде, но и в других уездах губернии.

Особенное внимание парторганизацией уделяется вопросу о строительстве Красной Армии. Партия мобилизует целый ряд лучших товарищей для работы по созданию Красной Армии.

15-го августа партийный комитет организует день Красной Армии, который проходит с большим подъемом и успехом. В нем принимают участие все активные члены партии как из местной организации, так и командированные из центра для оказания помощи и налаживания работы в Ярославле после мятежа.

О некоторых митингах, происходивших в день Красной Армии, помещено было краткое сообщение в местных «Известиях Воен. Рев. К-та».

День Красной Армии.

15 августа был день Красной Армии. Во всех районах состоялись многолюдные митинги, на которых выступал целый ряд ораторов товарищей коммунистов, но ни одного меньшевика, ни одного с.-р. Не слышно было голоса соглашателей. Ибо знали предатели революции, что не место им на рабочих митингах. «Они знали, что им бы со стыдом и позором пришлось уйти. Рабочий класс успел увидеть их истинное лицо — лицо прихвостней буржуазии, врагов революции, рабочего класса. При выборах на уездный Съезд Советов были избраны только товарищи коммунисты.

Митинг в 1-м Советском полку.

На митинге присутствовало свыше 400 человек. Выступали т. т. Розанова, Забелин, Егоров, Потемкин и др. На съезде советов избрано 5 делегатов коммунистов. Митинг прошел с большим подъемом.

Митинг на фабрике б. Корзинкина.

Весьма многолюдный митинг состоялся на ф-ке Корзинкина. Митинг протянулся до часу ночи и прошел с большим успехом. Чувствовалось

бодрое настроение и решимость бороться за торжество революции. Выступали т.т. Рабей, Савельев, Тимофеев, Алексеев и др. Ораторы говорили о задачах рабочего класса и об организации Красной Армии, о необходимости твердости и сознательности, чтобы отстоять завоевания революции. На съезде Советов избрано 63 делегата (коммунисты и сочувствующие коммунистам).

Митинг на фабрике „Феникс“.

На митинге присутствовало около 400 человек. С докладом выступал т. Егоров. После заслушания доклада тов. Егорова произведены выборы на съезд Советов. Избраны т.т. Фиалкин, Балдин, Иванов (все коммунисты).

В итоге напряженной работы, проделанной партийными органами под руководством представителей Ц.К.Р.К.П. после мятежа, авторитет партии поднялся на такую высоту, на какой он никогда раньше не стоял.

Связь с широкой массой трудящихся стала более живой и тесной, чем она была до этого времени и тяга в партию необычно возросла.

Партия и профсоюзы после мятежа.

Если до мятежа влияние нашей партии в профессиональном движении Ярославской губ. было недостаточно сильно и во многих профсоюзах наблюдалось засилье меньшевиков и эсеров как напр. среди печатников, где подвизался известный лидер ярослав. меньшевиков Богданов-Хорошев, среди железнодорожников большое влияние кроме меньшевиков имели эсеры, в роде Ростовый, Петровой и др.,—то после мятежа влияние нашей партии на профсоюзную жизнь неизмеримо усиливается. Наши парторганы уделяют много внимания на работу в профсоюзах, которые приходится организовать почти заново, так как Ярославский мятеж необычайно сильно отразился на профессиональном движении.

Партия организует перевыборы в совет профессиональных союзов, производит реорганизацию биржи труда перевыборы правления в целом ряде профсоюзов, устраивает собрание рабочих организаций и т. д.

Каково было положение в совете профессиональных союзов, об этом нам с достаточною ясностью говорят выдержки из газеты «Известий Яросл. Губ. Воен. Рев. К-та». № 14.

В совете профессиональных союзов.

В порядке дня стояли вопросы:

1. О белогвардейском мятеже и 2) О перевыборах в Совет проф. союзов. Но, как выразился докладчик тов. Бутузов, не все имели мужество посмотреть открыто на разрушенный Ярославль и на рабочий класс, многие не явились. И за отсутствием кворума состоялось только частное совещание под председательством тов. Ершова. Докладчиком по вопросу

о белогвардейском мятеже выступает тов. Бутузов: Сегодняшнее собрание весьма малочисленно: не все имели мужество прийти и посмотреть нам открыто в глаза. Совет проф. союзов до сих пор состоял в большинстве из прихвостней буржуазии — меньшевиков и правых с.-р., которые всегда и во всем обвиняли Совет, говорят, Совет виноват в разрушении Ярославля, но кто начал эту ужасную бойню, кто предательски и зверски убил — Закгейма; купцы, попы, офицеры и поддерживающие их меньшевики. Докладчик предлагает вынести резолюцию проклятия предателям рабоче-крестьянского дела, — за каждую голову советского работника тысячи голов белогвардейцев.

Слово предоставляется тов. Мартьянову, который говорит о том, что вопрос о том, кто виноват в белогвардейском мятеже, — вопрос глубокий, и, как видно, вникнув глубоко в этот сложный вопрос, решил, что виноваты не меньшевики, не правые эссеры, а «виновато натравление фракции на фракцию». Милостиво признал большевиков теми же членами РСДРП и т. п.

Далее высказывается инструктор Центрального Всерос. Совета профес. союзов.

Мы должны рассматривать белогвардейский мятеж с точки зрения профессионального движения, весь наш интерес сосредотачивается на защите экономической жизни рабочего: политическим распрям теперь не место. Теперь настал момент, когда профессиональное движение стало поперек горла буржуазии; рабочий приобрел известную дисциплину, благодаря которой он имеет возможность бороться не на жизнь, а на смерть; завоевания рабочего класса настолько больно затрагивают буржуазию, что она идет на все, но рабочий класс не будет побежден, хотя он со всех сторон окружен бандами, направленным и против него буржуазией. Касаясь белогвардейского мятежа в Ярославле, т. Лебедев считает это выступление неорганизованным и несознательным, но все таки указывает на ту разруху, которую оно внесло в профессиональную работу. «Профессиональная работа», говорит он: «совершенно заглохла, члены Совета Профессиональных Союзов постыдно сбежали. Мы должны теперь составить план будущей работы, высказать свое мнение о том, как подействовал белогвардейский мятеж на нашу работу, высказать свое отношение к власти, к ее распоряжениям, принимать ли нам участие в проведении этих последних в жизнь, обсудить вопрос о продовольственной разрухе.

Сов. Нар. Ком. решил привлечь к делу улажения продовольственного вопроса профессиональные союзы, которые должны составлять мирные продовольственные отряды, из которых одни следят за уборкой хлеба, другие помогают его убирать, третьи контролируют запасы хлеба на пристанях; четвертые едут на чехо-словацкий фронт для агитации. Если мы организуем эти отряды, мы освободим часть красноармейцев, занятых не своим делом. Мы должны поддержать Раб.-крестьянскую власть,

не входя в политические распри, ибо какая бы ни была власть, мы должны пойти ей на встречу, если она стоит на страже интересов рабочего класса.

Слово предоставляется тов. Ершову, который говорит о профессиональной работе в Ярославле. После октябрьского переворота меньшевики ушли из Совета проф. союзов; они не хотели работать, а лишь ездить и агитировать против Советской власти, против рабочего контроля.

Говорят, меньшевики не виноваты,—неправда, они помогали буржуазии и офицерству в проведении их планов.

Высказывающийся затем т. Соловьев, говорит о необходимости национализации всех предприятий, о введении товарообмена.

Принята следующая резолюция:

Признавая, что тяжелые политические события в гор. Ярославле, вызванные белогвардейским мятежем, резко отразились на развитии нормальной жизни рабочего класса и временно остановили профессиональную работу, что работа по восстановлению разрушенной жизни рабочего пролетариата и деловых аппаратов рабочих организаций может вестись лишь при согласованности с действиями и распоряжениями рабоче-крестьянской власти, что таковая власть является несомненной защитницей прав и интересов рабочего класса, объединившегося в союзные организации; что все контр-революционные выступления, а также и всякие нарушения распоряжений советской власти подрывают таковую и смыывают добытые революцией свободы и этим самым помогают буржуазии в выполнении домогательств свержения рабоче-крестьянской власти,—Совет Профес. Союзов постановил: белогвардейский мятеж в г. Ярославле—считать контр-революционным, как направленным к свержению советской власти, активных участников этого мятежа предать военно-революционному суду, пассивных,—проявивших свое участие хотя бы агитацией—исключить немедленно из профес. союзов и других организаций. Выразить полное доверие действиям и распоряжениям Советской власти,—объединиться вокруг Советской власти для дружного и смелого отпора врагов революции: принять на местах самые энергичные меры к проведению в жизнь распоряжений Советской власти; в целях восстановления нормальной жизни рабочего класса, поднятия на должную высоту развития профессионального движения, а вместе с тем и продуктивности деловых аппаратов этих организаций—признать необходимым немедленно переизбрание во всех союзах правлений, и на ряду с этим. Совета проф. союзов, причем для успешности работ к делу должны быть привлечены лица, заявившие себя способными отвечать требованиям Советской власти, дабы согласованностью своею с действиями последней и условиями текущего политического момента выражать волю рабочего пролетариата и развить профессиональное движение, согласно указаниям Советской власти. Да здравствует Советская власть. Да здравствуют проф. Союзы и их Советы. Долой насильников. Долой буржуазию. Да здравствует диктатура рабоче-крестьянского пролетариата

«Известия Яр. Губ. Воен. Рев. К-та» № 14.

Какое влияние имел белогвардейский мятеж в Ярославле на рабочую жизнь показывает следующая таблица из отчета биржи труда:

Рабочая жизнь.

Характеристика рынка труда в г. Ярославле за 1917—1918 г.

Месяцы.	Число операционных дней.	Число зарегистр. безработных.	0/0 отнош. ко всему числу записавш.	Заявлены требов. на места.	0/0 отнош. ко всему числу тр. бов.	Число по-ылок на места.	0/0 отнош. ко всему числу посыл. рабоч.	0/0 отнош. спроса предлж.	0/0 отнош. числа посл. к предлж.	0/0 отнош. числа послан. к числу заняв. мест.
С 9 окт. по 1-е янв. 1918 г.	67	1666	6,70	141	1,09	249	2,30	8,44	15,00	177,40
Январь 1918 года	24	1623	6,52	521	4,04	355	3,30	34,00	21,87	68,13
Февраль " "	11	2055	8,26	189	1,35	239	2,21	9,19	11,60	126,56
Март " "	22	3033	12,20	878	6,80	869	8,00	25,65	28,65	98,84
Апрель " "	22	2726	11,35	927	7,20	1004	9,30	34,00	36,36	108,3
Май " "	21	3151	12,52	728	5,64	761	7,00	23,10	24,15	104,53
Июнь " "	22	1737	7,00	1617	12,60	1606	14,86	93,11	92,46	99,32
Июль " "	5	734	2,80	560	4,34	514	4,75	76,34	70,00	91,80
Август " "	25	3856	15,50	2977	23,09	2643	24,50	77,42	68,54	88,8
Сентябрь " "	23	4275	17,15	4351	34,75	2566	23,78	100,13	60,00	58,97
В с е г о	—	24856	100 0/0	12889	100 0/0	10806	700 0/0	51,45	43,47	83,06

Вместе с тем указывается, в каком положении оказалась биржа труда и как она работала после мятежа.

В бирже труда.

Во время белогвардейского мятежа биржа труда, как и большинство зданий нашего Ярославля, была разгромлена, причем больше всего пострадал статистический отдел. Все без исключения служащие явились на свои места и приступили к исполнению своих прямых обязанностей и теперь работа кипит во всех отделах, а в особенности в отделе посылке рабочих на места и в статистическом отделе.

Комитет биржи труда, существовавший до мятежа белогвардейцев и их прихвостней, был распущен и во главе биржи труда встал бывший служащий гр. Гершанович, назначенный на эту ответственную должность комиссаром труда.

Значительно уменьшилась запись безработных, но на это есть две весьма существенные причины: во первых, сенокос, а во вторых, запрещение въезда в Ярославль. Хотя раньше порядочное количество безработных находилось в деревнях, теперь все же приняты все меры к тому, чтобы немедленно исполнялись все требования на рабочих со стороны работодателей.

В виду полного отсутствия средств у биржи труда, в получении которых было отказано отделом город. хозяйства, заведующий биржей труда обратился к народ. комиссару финансов, который обещал содействовать в улучшении как материального положения служащих, так и технич. состояния биржи.

Громадное большинство безработных до мятежа составляли чернорабочие и профессионалы: плотники, каменщики, стекольщики и т. п., тогда как после мятежа большинство выше означенных безработных отправлено на работу и в настоящее время преобладающее количество безработных составляют ищущие интеллигентного труда, как то: конторщики, счетоводы, ремингтонистки и т. д.

Считаясь с положением этих безработных, принимаются самые энергичные меры к пресечению недопустимых случаев в роде найма рабочих помимо биржи труда, находятся учреждения, которые не считаются ни с какими постановлениями и злоупотребляют свободными вакансиями.

Вопрос о бирже труда обсуждался на совещании представителей рабочих организаций, где указывалось, что в связи с белогвардейским мятежом, в котором участвовали некоторые члены правлений и заведывающий биржей труда Глотов, явилась необходимость в роспуске как правлений профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, так и других организаций, а потому военно-революционный комитет решил комиссариат труда переименовать в отдел труда и для совместной работы, как биржу труда, так и кассу безработных подчинить ведению отдела труда, а в отношении роспуска вышеуказанных организаций опубликовал обязательное постановление о роспуске их.

«Тов Гершанович знакомит совещание с деятельностью биржи труда с момента ликвидации белогвардейского мятежа. Из приведенных им цифровых данных выяснилось, что за время с 25 июля по 5 августа с. г. записалось на работу около 750 чел., требований же поступило за это время на 800 чел., а отправлено на работу 595 чел. Большой спрос замечается на строительных рабочих. Собранием были заслушаны также доклады о столовой и кассе безработных. По окончании совещания тов. Работновым была предложена нижеследующая резолюция: «считаясь с фактом участия многих членов правлений профессиональных союзов и заведывающего биржей труда Глотова в белогвардейском мятеже, военно-революционный комитет постановил все правления профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, биржи труда, кассы безработных — распустить и на места их назначить временных заведующих. Согласно этому, временным заведующим кассой безработных комиссар труда назначает тов. Ершова. Технический персонал должен остаться на своих местах и продолжать работу; 2) заведывать временно биржей труда назначается тов. Гершанович; 3) столовая касса безработных должна быть открыта в самое короткое время и заведывание этой столовой передается коллегини, соединенной из представителей комиссариата труда; 4) касса безработных, ввиду выплаты малого числа пособий, должна

субсидировать эту столовую; 5) для координирования действий между комиссариатом труда, кассой безработных и биржей труда выбрать маленькую коллегию в составе 3-х лиц. Вышеуказанная резолюция принимается, после чего заседание совещания закрывается».

«Известия Яр. Губ. Воен.-Рев. К-та», № 26.

О состоянии промышленности, главным образом, текстильной и построении рабочих текстильщиков можно судить по докладам делегатов на районной конференции текстильщиков, происходившей в конце августа 1918 г.

Доклад делегата от ф-ки «Красный Перекоп» быв. Яр. Б. М. До событий 6—21 июля фабр. к-т был беспартийный и меньшевистский, после белогв. мятежа к-т был распущен и переизбран из лиц, стоящих на сов. платформе. Ведется культ. просв. работа, имеется библиотека открывается рабочий клуб и курсы гимназии, налич. классы 4 м. р. кроме того мануфактура и имеется кредитов на 10 м. р., ф-ка национализирована, рабочие все входят в союз; члены внос. в разм. 1 проц. отчисляются через контору. Служащие в союз не входят, но предполагают слиться.

От ф-ки «Заря Социализма» быв. Локалова докладчик т. Волков. Фабр. к-т состоит из коммунистов и им сочув., ф-ка стояла 4 нед. за неимением сырья. Во время остановки использован 2-х нед. отпуск, контрол. комиссией закуплено 36 тыс. пуд. льна, на ф-ке скопилось на 1 м. товару. На закупку сырья взят аванс в центротекстиле. Культ. просв. раб. выразилась в устройстве библиотеки с достаточ. количеством книг, получают газеты. Старый состав к-та, к-рый тормозил работу, пришлось переизбрать.

От ф-ки «Тулма» быв. Романов м-ры. докладчик т. Комаров. Экономическое положен. рабочих на романовской ф-ке очень плачевное, ввиду отсутствия хлеба и др. продуктов, это угнетает всех рабочих и многие готовы отказаться приступить к работе за отсутствием ими возможности поддержать свое здоровье и свою семью; продов. вопрос является в настоящее время главным вопросом, к-рый интересует рабочего и убивает в нем деятельность к общественной жизни.

Рабочие организации работают дружно: случаи саботажа не наблюдались,—все охотно принимают участие в комитетах и раз. комиссиях, не возбуждая никаких партийных раздоров пере выборы нового к-та состоялись согласно устава.

Культ. просвет. работа выразилась в устр. библиотеки, к-ая поставлена хорошо и захватывает все больше и больше читателей разного возраста. Кроме того, имеется детская колония, устройству к-ой помогла фабричная администрация.

От ф-ки быв. Сакина докладчик тов. Киселев. Он отмечает финансовый кризис предприятия: для выяснения полож. отправлена делегация в Москву. Пряжи и топлива на ф-ке имеется на 10 меся-

цев, но химических веществ хватит не больше чем на 4—5 мес. Тариф еще не проведен, но избрана тарифная комиссия к-т работает весьма продуктивно, все комиссии работают солидарно с комитетом; фаб. к-том устроена библиотека с довольно значительным количеством книг. В настоящ. время насчитывается 40 чел., берущих книги на дом. Замечается приток новых членов, при б-ке имеется детский отдел. Фабр. комитет предполагает открыть рабочий клуб.

От Волжской м-ры докладчик т. Фомин. Ко времени национализации предприятия финансовое положение его значительно улучшилось. Рабочие получают аккуратно жалование.

Остро стоит вопрос о красках, которых хватит на 2—2½ мес. Тариф проведен с 1-го июля, перевыборы комитета происходят по фракциям, в к-т вошли 8 коммун. и 4 лев. с. р., на фабрике имеется клуб, раз в неделю устраиваются спектакли, библиотеки еще нет, но книги, главным образом, партийные, имеются.

Район. конф. текстильщиков.

От канатной ф-ки быв. Журавлева т. Скоробогатов, отмечает плохое экономическое положение рабочих ф-ки. Продовольственный вопрос обострился, хлеба и раньше не было, но ввиду большого запаса солиныны недостаток хлеба не так чувствовался. В настоящее время и солоина на исходе, между тем, тарифные ставки еще мартовские, что же касается предприятия—топлива хватит на год, но сырья хватит только до половины сентября. Обращались за ссудой в центротекстиль, в учреждении мелк. кредита, но до сих пор нет благоприятных результатов.

Когда получили постановление временного правления о присоединении к Яросл. промышленному району и о перевыборах фабр. к-та, общее собрание решило присоединиться и переизбр. комитет на парит. началах. Работа вновь избран. комитета протекает довольно продуктивно. Культурно-просветительная работа началась еще зимой образованием кружка «Пробуждение»; имеется библиотека, книги читаются большей частью молодежью.

От Ростовской льняной м-ры докладчик т. Дмитриев. Экономическое положение рабочих тоже неудовлетворительное.

В марте и апреле жалование выдавалось не аккуратно, пришлось обратиться за ссудой в центроткань, затем была продана пряжа и ссуда была погашена. Сырья хватит до ноября тариф, ставки постепенно проводятся в жизнь.

К-т переизбран, состоит из беспартийных за исключением 2-х большевиков; имеется б-ка, которая поставлена довольно хорошо.

О положении дела в других профессиональных организациях можем до известной степени ознакомиться из заметок, помещенных в тех же «Известиях Революц. К-та» за август и сентябрь 1918 г.

Не приводя целиком все заметки, мы берем лишь немногие из них, но и они дают достаточно полное представление, как живут и работают профсоюзы в оглушенном от белогвардейцев Ярославле.

В союзе строит. рабочих.

Во вторник, 6-го августа, под председательством тов. Горшкова, состоялось делегатское собрание членов профес. союза архитектурно-строительных рабочих гор. Ярославля и его окрестностей. Первым заслушивается доклад тов. Гурьева о белогвардейском мятеже.

— Делегатское собрание Ярославского союза архитектурно-строительных рабочих, заслушав доклад тов. Гурьева о Ярославских событиях, шлет проклятие авантюристам белогвардейцам и присоединившимся к ним меньшевикам и правым эсерам, которые под лозунгом смердящего трупа — учредительного собрания — способствовали свержению крестьянской и рабочей власти, разрушению города и разорению беднейшего населения. Союз архитектурно-строительных рабочих гор. Ярославля заявляет, что он всеми имеющимися у него средствами будет поддерживать Советскую рабоче-крестьянскую власть и грудью встанет на защиту социальной революции. Долой дармоедов и кулаков! Долой империализм и капитализм! Да здравствует всемирная революция!

Далее тов. Лохов делает доклад о том, как его арестовали белогвардейцы и в заключение клеймит позором других членов правления, бросивших союз на произвол судьбы.

Высказывающиеся вслед за тем т.т. Белов и Полетаев также отмечают то обстоятельство, что многие из прежних членов правления стояли далеко не на высоте призвания, уделяя очень мало внимания заботам о рядовом труженике-рабочем.

Известия В. Рев. к-та № 15.

Собрание металлистов.

13 августа под предсеd. тов. Копылова, в Доме Труда состоялось делегатское собрание членов Яросл. проф. союза металлистов в присутствии члена коллегии комиссара труда, т. Работнова.

Выступив по тек. моменту, т. Работнов раз'яснил собранию причины, побудившие Яросл. Военно-Револ. К-т объявить распущенными правления профессиональных союзов и фабрично-завод. комитетов.

По докладу принята след. резолюция: В виду того, что некоторые члены профессиональных союзов принимали участие в белогвард. мятеже — считаем постановление Яр. Военно-Рев К-та о переизбрании правлений проф. союзов и фабрично-завод. к-тов правильным, так как через это есть возможность провести в руководители рабочих союзов истинных представителей демократии — сторонников Сов. власти.

Делегатское собрание союза металлистов шлет проклятие своим быв. товарищам, изменившим рабочему делу и Советской Социалист. Респуб.

и требует удаления их с работ и предания Военно-револ. суду. Делегатское собрание признает одну власть—власть Советов, к-ая одна только является защитницей интересов трудового народа.

Да здравствует Совет Нар. Ком.

Собрание закончилось пением «Вечная память» павшим во время белогвард. мятежа товарищам.

«Известия В. Р. К-та» № 25.

Среди печатников.

Реорганиз. союз печатников усиленно проявляет свою деятельность, новое правление, состоящее из сторон. Сов. вл., занято в настоящее время приемом того «наследства», которое досталось ему после долговременного владычества г.г. Богдановых и К^о.

А наследство это находится в таком состоянии, что много труда нужно потратить для того, чтобы все урегулировать и ввести жизнь союза в надлежащую колею.

Главным вопросом, стоящим на очереди у нового правления, безусловно следует признать размещение той массы безработных товарищей, к-ая осталась после белогвардейского мятежа. И с этой задачей, нужно признать, оно великолепно справляется, частью разгрузив город от лишних рабочих рук, частью же регистрируя их, как безработных, в ожидании подачи в типографии электр. энергии, когда можно будет пристроить всех оставшихся в Ярославле без работы товарищей.

«Известия В. Рев. К-та» № 25.

Не мешает ознакомиться, как реагировал союз печатников на письмо меньшевика Богданова:

Ответ на письмо Богданова, бывшего секретаря старого союза рабочих печатного дела.

На днях на имя правления нового союза рабочих печатного дела поступило полное циничных и беззастенчивых ругательств письмо секретаря Богданова, выдержки из которого мы и печатаем ниже.

Москва, 13 августа 1918 года.

В правление Союза рабочих печатного дела
Александра Федо-ча Богданова.

Заявление.

Из полученного мною № газеты «Известия» я узнал, что Правление союза сделало об'явление о том, что секретарем Союза Р. П. Д. Богдановым якобы похищена печать союза. Прошу правление сделать немедленное опровержение, т. к. ему известно, что печать не у меня, а находится в столе правления в среднем ящике, где она обыкновенно и лежала.

Далее прошу выплатить причитающееся мне жалованье по должности секретаря за сроки 1 июля (я не получал) 15 июля и 1 августа,

т. к. с 15 июля по 1 авг., согласно постановления общ. собр. Союза я получил отпуск на 2 недели. Наконец, прошу окончательно выяснить вопрос, будет ли мне выдана % прибавка по тарифу. Сим заявляю правлению, что, если не будет сделано опровержение о похищении мною печати, я привлеку правление Союза к уголовн. ответственности за клевету. Прошу это письмо в правлении огласить на общем собрании членов Союза.

В ответ на это письмо общ. собранием союза раб. печат. дела была принята следующая резолюция:

«Общее собрание союза раб. печ. дела, состоявшееся 25-го авг. с. г., заслушав письмо Богданова, единогласным голосованием постановило, просить чрез. ком. по борьбе с саботажем, спекул. и контр-рев. принять меры к аресту Богданова, как явного контр-революционера».

Прочитав это письмо, так и хочется ответ. секр. Богданову словами Гоголя о Плюшкине:

«До какой низости, гадости (мы бы прибавили) трусости может дойти ч-к, может так опуститься. Лидер Ярослав. меньшевиков, их вдохновитель и герой белых дней вызывает слезно о помощи и к кому же? к товар. печатникам, которых он все время искусно и не искусно толкал на скользкий путь забастовок и др. авантюры, направленных не к строительству проф. жизни, а к полнейшему ее разрушению. . Стоит только внимательно прочитать его письмо, оно полно злопыхательства и без-сильной ненависти к нам, коммунистам...

Пусть он нас пугает чем хочет, пусть жалобно уверяет нас в своей невинности, а «факт остается фактом»:—одна печать найдена у него в чемодане, а другая исчезла (вместе с ним).

Гражданин Богданов думает возвратиться в Ярославль, но он не вернется. К чему? Неужели он думает мстить рабочим? Если да, то очевидно, что его средо социалиста ниже всякой критики. Разве не меднолобие просить у рабочих денег да еще с процент. прибавкой по всем правилам тарифов, в такой острый период безработицы, какой переживает наш союз?

Пусть не пугает нас г-н Богданов; ведь мы его не боимся. Политические трусы и интриганы, подобные г-ну Богданову, способны лишь «мечтать» о спасительнице их «заумных» голов — «учредилке».

Не по его ли вине пролетариат г. Ярославля, а в частности Ярослав. печатники очутились перед грозным лицом свирепой безработицы?

Как скоро он, однако, стосковался о пурпурных мантиях и золотых коронах!

Ведь тогда был порядок, все было так чисто, гладко, мирно и спокойно, между тем, теперь рабочий и дерзит и громит и давит своей неуклюжестью всех стоящих на его историческом пути! Некогда рабочему учиться буржуазной учтивости и, кивая головою на-право и на-лево, отвечать: «пardon»!

Рабочий это сама революция. Но ведь революция не знает пощады, и кто ей преступно изменил, того она раздавит своею железною рукою.

Правление союза рабочих печатного дела.

Известия Воен. Рев. К-та № 29.

Устранение подрядчиков.

На состоявш. 13-го авг. засед. член. правл. союза архитектурно-стр. рабоч. города Ярославля и его окрестностей, между прочим, обсуждался вопрос о взятии в руки союза всех строит. работ в городе и об устранении подрядчиков-эксплуататор. По детал.н. обсужд. этого вопроса решено разослать всем подрядчикам строит. работ повестки с предлож. сдать все дела союзу и в дальнейшем никаких работ не производить.

Все строит. работы в районе деятельности союза отныне должны производиться только через посредство союза, для чего правлением выделена техн. комиссия, на обязанности к-ой будет лежать составление смет и удовлет. предприятий рабочей силой.

Т. образом, эксплуататоры-подрядчики теперь уже не будут жить соками своих рабочих — все строит. дело сосредотачивается в руках союза.

Давно пора.

«Известия В. Рев. К-та» № 25.

Таким образом, уже на основании подобных сведений мы можем утверждать, что в общем и целом положение в профессиональных организациях в корне изменилось после мятежа, хотя число членов некоторых профсоюзов значительно уменьшилось, тем не менее настроение этих организаций стало несравненно более определенным и устойчивым в политическом отношении, чем это было до мятежа. Коммунистическая партия завоевывает авторитет и поддержку среди профсоюзов, всецело руководя профессиональным движением, направляя работу профессиональных организаций в интересах коммунистической революции.

Советское строительство

Первое время после мятежа управление городом и губернией находилось, как известно, в руках Губернского Военно-Революционного Комитета, организованного еще во время мятежа. Но по мере того, как жизнь в городе налаживалась, восстанавливались общественные организации, партийные и профессиональные, военно-революционный комитет при непосредственном руководстве коммунистической партии приступил к созыву Съездов Советов, сначала горюездного, а затем губернского.

IV уездный С'езд Рабоч., Крестьян. и Красноармейских Депутатов.

Этот с'езд был созван во второй половине августа 1918 года, на нем присутствовало 200 делегатов с правом решающего голоса, 22 с совещательным—причем из 200 делегатов—95 было от волостей, от Красной Армии—5, от рабочих 100 (4 волости на с'езде не были представлены).

Сообщение о IV уездном с'езде находим в известиях Военно-Революцион. Комитета»:

В субботу 17-го августа в 7 час. в зале бывшего коммерческого училища открылся IV С'езд Раб., Крестьян. и Красноармейских Депутатов. На С'езде присутствует 200 делегатов с правом решающего голоса. Это подлинный С'езд Советов крестьянской бедноты и пролетариата. Чувствуется деловое, серьезное настроение. Мало слов, много дела.

Партийный состав С'езда следующий: 157 коммунистов, 9 лев. с.-р. и 33 беспартийных. I-е заседание С'езда открывается т. Рабеем, который приветствует С'езд от имени Военно-Революционного Комитета, говорит о тех сложных задачах, которые выпали на долю С'езда: 1) организация военных сил против надвигающейся контр-революции, 2) разрешение продовольственного вопроса, 3) Выборы в Исполнительный К-т города и уезда. Затем происходят выборы президиума и мандатной комиссии.

В президиум вошли т.т. Рабей, Фрейман, Дадукин, Гарновский, Волков, Кузнецов (от фракции коммунистов) т. Гурьев (от лев. с.-р.)

В мандатную комиссию избраны т.т. Язун, Папин, Гарновский, Попов и Измаилов.

1) Доклад Военно-Революц. Комитета. 2) Текущий момент, 3) Продовольственный вопрос, 4) Военный вопрос, 5) Выборы в Исполнительный Комитет, 6) Текущие дела.

Т. Рабей от имени фракции коммунистов вносит предложение избрать почетными председателями С'езда: т.т. Ленина, Троцкого, Свердлова, Либкнехта, Каменева.

Предложение принимается единогласно.

После докладов т. Пожарова о работе Военно-Революц. К-та и т. Рабея о текущем моменте, С'езд единогласно постановляет послать телеграмму Совету Народных Комиссаров и Красной Армии на всех фронтах такого содержания:

4-й С'езд Крестьянских, Рабочих и Красноармейских Депутатов гор. Ярославля и Ярославского уезда приветствует Ц. И. К. и Совет Народных Комиссаров и все мероприятия, которые ведут к победе пролетариата и беднейшего крестьянства над капиталистическим строем.

Чтя память всех борцов, погибших и погибающих в борьбе с контр-революцией—4-й С'езд Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов г. Ярославля и Ярославского уезда заверяет, что никакие выступ-

ления буржуазии и никакие потери не остановят рабочих и крестьян Ярославского уезда перед той борьбой, которая ведется всем пролетариатом Советской Республики.

Да здравствует Ц. И. К. и Совет Народных Комиссаров.

Да здравствует Социалистическая Советская Федеративная Республика.

Доклад по продовольственному вопросу делает т. Бабич, указывающий на неправильную постановку продовольственного вопроса в 1917 г. при Керенском, когда хлеб без учета вывозился в Англию и Францию. Говорит, как за 1½ 2 м. до урожая выбивались из сил, чтобы наделить всех хотя бы маленьким кусочком хлеба. Как встретилось припятствие в лице лев. с. р., стоявших во главе продовольственной организации и саботировавших при всем, что предпринималось Советскою властью в этом деле; например, они не хотели признавать комитеты деревенской бедноты, прод'отрядов, доказывает необходимость организации к-тов дерев. бедноты и прод'отрядов.

Доклад Бабича дополняет Охалкин, указывающий на критическое положение с продовольственным вопросом, когда за июль месяц получено всего на всего 20 вагонов хлеба и тоже настаивает на немедлен. организац. комитетов деревенской бедноты, учете хлеба и всех остальн. продукт. питания.

По военному вопросу выступает Гарновский, к-т. говорит о самой настоят. необходимости организац. военных сил как основной задаче переживаемого момента и что если бы у нас в Ярославле были военные силы раньше то не было бы допущ. событий 6-21 июля указыв. на опасности, какие угрожают со стороны союзного капитала. При организации военных сил мы встечаемся со многими препятствиями, во многих волостях нет еще военных комиссий и военных Советов согласно декрета от 8-го апреля, а где имеются, то состоят из беспартийных, не имеющие ничего общего с рабоче-крестьянской революцией.

С'езд должен признать спешную организацию Красной Армии, всеобщее обучение военному делу. Всякий рабочий должен уметь обращаться с винтовкой и пулеметом, провести эту организацию в деревне при помощи к-тов. дерев. бедноты, беспощадно расправляться с кулаками и проводить в жизнь декреты Совнаркома. Сливин освещает положение в деревне, где много разгильдяйства и где надо во чтобы то ни стало растолковать бедноте, что ей не место с кулаками.

Единогласно принимается резолюция, где говорится, что положение Советской России требует решительной и самоотверженной борьбы рабочих и крестьян за социалистическое общество и о поручении Исп. Комитету заняться: 1) созданием К-ов дерев. бедн., 2) прод'отрядов и немедленным учетом всех продуктов потребления, 3) созданием сильной Красной Армии, 4) созданием деревенской помощи артелей и о снабжении их инвентарем, 5) выработать к весне потребительную норму земель в Ярославском уезде.

Перед выборами в исполнительные органы поступает предложение от фракции коммунистов, которое и принимается.

В виду недостатка активных работников, предлагается избрать один Исп. Ком. для города и уезда из 25 ч.-к., разделить Исп. Ком. на 15 отд., во главе которых поставить членов Исполкома, а остальным поручить ответственную работу в городе и уезде.

На с'езде имеется 200 делегатов, т. обр. каждые 8 делегатов избирают 1 члена в Испол. Комитет.

Избирается Ревизионная Комиссия для проверки работ городских и уездных Испол. Комитетов из одних коммунистов.

Избрать Совет Народного Просвещения.

«Работа С'езда, говорится в заметке, была весьма продуктивна. С'езд выделил Исп. К-т для города и уезда из 25 чел., в который вошли лучшие работники, избрали Совет Народного Просвещения и ревизионную комиссию для проверки отчетности и деятельности старого Исп. К-та. С'езд выразил свою поддержку политике Совета Народных Комиссаров в вопросах об организации к-тов деревенской бедноты, продовольственных отрядов, красной армии, в вопросе о хлебной монополии и аграрном вопросе. В связи с этим, С'езд поручил вновь избранному Исп. К-ту заняться созданием к-тов деревенской бедноты и продовольственных отрядов, учетом всех продуктов, как хлеба, так и фабрично-заводской промышленности, созданием сильной Красной армии, озабочиться созданием деревенских коммун и деревенских артелей и о доставлении этим коммуна инвентаря, выработать к будущей весне потребительскую норму земли в Ярославском уезде.

На 2—3-е сентября с'езд постановил созвать Губ. С'езд Советов. Тут же были произведены выборы делегатов от волостей, фабрик и заводов.

Работы с'езда продолжались 2 дня и закончились в воскресенье в 10 час. веч.

Перед закрытием С'езда взял слово тов. Рабей. Рабочие и крестьяне взяли в свои руки власть не для того, чтобы выпустить ее, буржуазия должна забыть навсегда о своих привилегиях. Пусть запомнят враги рабочего класса, что партия коммунистов борется с ними, во главе рабочего класса, отстаивающего свои права. Теперь или никогда—вот что стоит перед нами, будем крепко держать знамя советской социалистической России.

Затем тов. Рабей сообщает, что были произведены розыски товарищей Лютова и Зелинченка—они найдены расстрелянными и через несколько дней состоится их похороны. Все поют «вечная память» павшим, но эта «вечная память» звучит не как похоронная песнь, а как призыв к мести за павших в борьбе с угнетателями».

IV Губернск. Съезд Рабоч., Крестьян. и Красноарм. Деп.

IV Губерн. Съезд Советов открывается 2 сентября; присутствует 145 делегатов с решающим голосом, коммунистов 121, 1 анархист, 15 левых с.-р., 7 беспартийных.

В президиум входят тов. Рабей, Ленцман, Пожаров, Бабич, Панин и Раевский.

В мандатную комиссию Бушуев, Ионит, Евграфов, Киселев, Берг. Почетными членами президиума избираются т.т. Ленин, Троцкий, Либкнехт.

Посылается приветственная телеграмма во ВЦИК и Совнарком тов. Ленину.

Доклад военно-рев. к-та, сделанный тов. Ленцман, принимается к сведению; выражается благодарность за ту ответственную работу, которую губревком выполнил.

В докладах на Губ. Съезде Советов все товарищи говорят о той исключительной обстановке, в какой приходилось работать и разрешать стоящие на очереди задачи.

Но главное внимание и на Губерн. Съезде Советов было обращено на вопросы военных и продовольственных.

Доклад военного комиссара *Томашевича* рисует картину военного ведомства при назначении его военкомом 17 августа. В ведомстве царя невообразимая разруха. Войско состояло не из регулярных войсковых частей, а из мелких отрядцев, рассыпанных по всему городу, это, конечно, явление ненормальное, т. к. войсковая часть должна быть достаточно крупной, иметь военное снаряжение и регулярное снабжение. Исключением из общего положения был 1-й сов. Ярослав. полк. Первой задачей военного комиссариата было слияние мелких войсковых ячеек с 1 Ярослав. сов. полком. Увеличение кадров полка дает возможность правильного несения караульной службы. Теперь уже в Ярославле мелкие отряды не существуют.

Военный комиссариат после белогвардейского мятежа пришлось перестраивать вновь, многие работники комиссариата оказались в рядах контр-революции. Пришлось пополнить комиссариат сотрудниками из центра и новыми местными сотрудниками.

Далее тов. Томашевич намечает задачи военного комиссариата, сводя их к следующему:

1) Сформирование частей, 2) охрана складов, 3) подавление возможных выступлений.

Докладчик останавливается на деятельности уездных комиссариатов. Уездные комиссариаты не потерпели такого потрясения, как губ., и их работа, за немногими исключениями, протекает довольно удовлетворительно. Докладчик указывает на случай сепаратных выступлений отдельных уездов, решительно осуждая их, ибо они вносят расстройство в общегуб. военную организацию. Он обращается к делегатам съезда с просьбой при

недоразумениях с уездными военными комиссарами сноситься с губ. воен. комиссариатом. Далее докладчик касается задач уездных военных комиссариатов, которые должны вести учет рабочему и крестьянскому населению, не эксплуатирующему чужой труд, на случай мобилизации в губернии, а так же взять на учет всех врачей, фельдшеров и т. д. Губ. комиссариат делает только сводку всем этим сведениям, местные комиссариаты не лишены права организовать части Красной Армии для местных нужд. Касаясь вопроса о культурно-просветительной работе, докладчик указывает на то, что в этой области еще ничего не сделано. За время от 17 августа удалось кое-что наладить, поставить эту работу на должную высоту в такое короткое время, конечно не удалось.

Что же касается продовольственного вопроса, он бы не стоял так остро, если бы в этом деле была некоторая организованность, то же с фуражем, но теперь военный комиссариат полагает наладить продовольственный аппарат, т. е. он начал работать в контакте с прод'отрядом.

По продовольственному вопросу, на 4-м губ. Съезде Советов Р. К. и К. Д. выступает т. Охупкин, который указывает на то, что в последнее время совершенно прекратилось поступление продовольственных продуктов. Если до белогвардейского мятежа вопрос этот остро стоял перед нами, то он еще более обострился теперь.

Продовольственный отдел организован согласно декрета С.Н.К. из 5-ти человек, которые являются заведующими 5-ти под'отделов.

Теперь в связи с новым урожаем производится губернская перепись, организуются продовольственные и заградительные отряды.

Для организации к-тов деревенской бедноты посылаются инструктора. Связь с губерниями еще до сих пор очень слабая, хотя в этом направлении предприняты некоторые шаги. В настоящее время происходит совещание уездных продовольственных комиссаров и представителей кооперации, главным образом, для установления связи, а также товарообмена.

Что же касается заготовки хлеба, губ. прод. отделом посылаются агенты в производящие губ. и прод. отряды, которые половину заготовленного хлеба отсылают в Ярославскую губ., а половину в Нар. Ком. Прод. Все неудачи в этом вопросе обуславливаются сепаратными выступлениями отдельных уездов.

Афанасьев—указывает, что все хлебные запасы уничтожены во время белогвардейского мятежа, и что перед нами стоят задачи энергичной заготовки продовольствия и учет его.

У нас много продуктов, которыми мы снабжали другие губер., наши уезды Ростовский и Даниловский имеют мясо в изобилии, фураж, не только для себя, но и для вывоза, но спекулянты, укрыватели продуктов ставят нам палки в колеса.

По его мнению, необходимо создание и об'единение к-тов бедноты в помощь прод'органам, чтобы не увозились нелегальным путем продукты. Должны быть организованы прод'отряды из беднейш. крестьян и рабо-

чих и отправ в Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую губ. Такой отряд из 270 чел. уже отправлен губ. прод. отделом. К распределению должны быть привлечены и кооперат. организации, но под контролем прод'органов. Необходимо уладить товарообмен.

Бабиц от фракц. коммунистов говорит, что пред рабочими и беднейшим крестьянством все время стоит пословица—сытый голод не помин., она оправдывается не только между отдельными областями, но между местами одной и той же губернии, одного уезда, даже отдельными домами. Имея пред собой эту пословицу, мы посылали прод'отряды и т. п. И сколько грязи лилось на нас теми же, чье соглашательское предательство втихомолку делало свое дело, отсылая миллионы пудов хлеба во Францию и Англию.

Перед рабочими и беднейшим крестьянством стоят два основных вопроса: ликвидация белогвардейских мятежей, англо-французских десантов и в разрешении прод. вопроса теперь, когда собирается новый урожай; все силы должны быть направлены на то, чтоб уйти от настоящего голодного существования.

И выход дает только партия коммунистов организацией комитетов дерев. бедноты, прод'отрядов и т. д.

В тех местах, где они организованы, видно, что только они являются залогом разрешения продовольств. вопроса.

Как же относятся к комитетам деревенской бедноты лев. соц. рев. Когда получился декрет об организации к-ов дерев. бедн., «крестьян. секция» совета, возглавляемая лев. соц. рев., встретила декрет сознательным саботажем, ничего не предприняв в этом отношении, занимая только теплые места.

Лев. соц. рев. говорят, что мы вносим раскол в среду «труд крестьянства». Мы исход. из интерес «бедного крестьянства», которые ничего общего с кулаками и богатеями не имеют, мы произведем октябрьским переворот в деревне, мы уничтожаем положение, когда беднейшее крестьянство голодает в то время, когда в кулацких трактирах продается вдоволь хлеба по 7—8 руб. фун.

С'езд должен выработать определенный план работы для губ. продовольственного отдела.

Необходимо беспощадное проведение в жизнь декрет Сов. Народ. Комиссаров. Обложение и беспощадное насаждение на кулаков. Надо прекратить одинаковый паек для буржуев и рабочих, пролив. свою кровь и пот у станка. Необходима беспощадная борьба с спекулянтами. У нас голод в то время, как из Ростовского уезда вывезено 15 мил. пудов картофеля.

Максимум работы теперь ложится на плечи рабочих и крестьян, организация отрядов, из которых половина должна быть послана на фронт, половина на продовольств. борьбу.

Только путем беспощадной борьбы достигнем разрешения прод. вопроса. Жизнь доказывает что мы правы: стихийно организуя прод.

отряды, к-ты бедн. и тот, кто идет против них, тот враг раб. класса, враг бедн. крестьянства, с к-м мы вступили в беспощ. жестокую борьбу.

От фракции лев. с.-р. выступает т. Комиссаров. «Докладчик Бабиш говорил о продов. отрядах, никто не имеет против них, но они не подчиняются Советам «трудового крестьянства» (!!!) на местах и представляют особые организации, действующ. самовольно (с мест: «у них есть инструкции»).

— К-ты дер. бедн., в который входит кр-н имеющ. 50 тыс., только потому, что земли неимеет».

С мест раздаются возмущенные крики: ложь! довольно. Председатель призывает к порядку и предлагает оратору высказывать всю ложь, какая у него имеется для того, чтобы потом ему доказать это.

Морозов указывает, что губ. прод. отд. не работал и не мог работать. Да это и не удивительно — уезды совершенно не приходили на помощь. С другой стороны губ. прод. отд. не запрашивал уезды относительно товарообмена. В Пешехонском уезде, наприм., большие запасы масла, кож и др.

Затем высказывается лев. с.-р. взяв хлеб на штыках у крестьян, «вы хотите внести классовую дезорганизацию в деревню? (смех). Вопрос важный, не смейтесь». (Конечно!) крики с мест довольно! Оратор кончает, крики спасибо!

В заключительном слове Бабиш дает отпор левым с.-р. «мы отнимаем хлеб у бедного крестьянства «но что это за лево-эсеровское бедное крестьянство» мы его прекрасно знаем — то, которое продает по 10 р. припрятанные запасы хлеба. Бедное же крестьянство у левых с.-р. не имеет другого названия кроме «лодырей».

Левые с.-р. говорят, что продотряды на местах не подчиняются Советам «трудов. крестьянства». Мы видели, что это за Советы, состоящие из кулаков. Мы можем считаться, посылая отряды только с деревенской беднотой.

Может быть мы теперь ошибаемся, если нам не удастся таким образом разрешить продов. вопрос, мы найдем другой способ, но всегда наш путь будет путем пролетариата и беднейшего крестьянства.

Рабочие, вырабатывая кровью и потом у фабр. станка продукты для кр-ян, не должны кончить самоубийством от голода. Лев. с.-р., говорившие тут знают это, но скрывают, говорят, что мы «спутываем» классовые интересы в деревне. Да, правда, мы и в городе «спутали» классовые интересы, ибо беднейшим крестьянам и рабочим не по пути с кулаками и капиталистами. Бедн. кр-ство увидело, что лев. с.-р. оторвались от него, что это не его партия, а постолько, поскольку лев. с.-р. не партия бедн. кр-ства, мы можем с нею не считаться».

От имени фракции коммунистов Бабишем вносится резолюция.

Резолюция по продовольственному вопросу. Наряду с тяжелой борьбой против межд. империализма и капитала за власть угнетенных, перед рабочим классом и беднейш. кр-ством стоит вопрос своего собств. существования, вопрос продовольственный.

Тяжелое наследие, оставленное в этом вопросе правительством соглаш. в 1917 г. и его результаты для беднейшего населения до настоящего времени, говорят, что теперь в момент сбора нового урожая должны быть направлены все свободные силы рабочих и крестьян. бедноты на разрешение этого вопроса, дабы не вернуться вновь к полуголод. существованию. 4-ый Яр. губ. с'езд. советов, обсудив прод. вопрос в связи с полной голодовкой в губ. в данный момент и сбором нового урожая, считает необходимым положить в основу работы нового Губ. Испол. К-та и губ. прод. б-та в дальнейшем следующее: 1) немедленная организация к-в дерев. бедноты по всей губ. и беспощадная борьба с кулаками, богатеями и спекулянтами, проникающими в эти к-ты и срывающими их работу; 2) немедленное создание учетно—реквизиционных аппаратов и отрядов по всей губ. для учета и правильн. распределения всех нормиров. продуктов питания а также ненормиров., если в этом будет необходимость; 3) точное определение сыпных пунктов и складов по всей губ.; 4) выделение всех фабр. зав. районов и др. на более голодающие места для удовлетворения их продуктами питания в первую очередь; 5) определение размера пайка для крестьян. населения, приняв во внимание все остальные продукты питания, кроме хлебных в деревнях и опред. различн. пайка для работы и остального населения в городах и др. более населен. пунктах губ.

6) Точный и неуклон. контроль всей частной торговли в губ., торгующей продуктами первой необходимости и переход ее в прод. отд. советов или же в крайнем случае в кооперативы; 7) точная и неуклонная централизация и подчинение всех уезд. продотд. и советов губернскому и 8) самая неустан. и беспощад. борьба с мешечн., спекул., укрывателями продуктов и всеми саботирующими мероприятия Сов. власти в прод. отношении. С'езд считает, что только такие мероприятия и точное выполнение их всеми прод. отделами дадут возможность разрешения прод. вопроса при нов. урожае и устранения возможности возвращения к положению настоящего времени в дальнейшем.

От фракции левых соц. рев.

С'езд выражает свой глубокий протест против хаотической неразумной реквизиции хлеба в деревне продотрядами без ведома труд. крестьян Советов; безсистемная реквизиция не дает и не даст желательных результатов для города, а только разорит деревню, т. к. под видом отобрания хлеба у кулаков, сплошь и рядом отбирается у трудов. крестьян и даже до последнего пуда, не считаясь с декретами и распоряжениями Сов. Нар. Комиссаров, а потому С'езд требует:

1) Подчинения всех реквизиционных отрядов Советам на местах; 2) Взятие всего хлеба на учет и разумного распределения излишков его между голодающими; 3) установить твердые цены не только на хлеб, но и на все решительно продукты массового потребления, чтобы обеспечить широкий и справедливый товарообмен деревни с городом.

Резолюции ставятся на голосование: за 1-ю подано 123 голоса, за 2-ю 14, таким образом подавляющим большинством голосов принимается резолюция коммунистов. Председатель предлагает назначить вместо фракции заседание пленарное с 4 час., чтобы члены Съезда коммунисты имели возможность присутствовать на обязат. обучении военному делу в 7 часов.

Оба предложения принимаются. В Губер. Исполн. Комитет на съезде проходят т. т. Коротков, Раевский, Киселев, Бабич, Смирнов Павел, Лебедев, Лепин, Сливин, Работнов, Москвин, Афанасьев, Пудов, Морозов, Бушуев, Томашевич, Еремеев.

На должность председателя на заседании вновь избранного Губисполкома был намечен тов. Коротков, но вследствие его отъезда в Иваново-Вознесенск его место занял тов. Киселев, а заместителем председателя выбран т. Раевский.

Оба съезда как уездный, так и губернский за исключением небольших стычек с лев. с. р. по прод. вопросу проходит стройно и организованно, всеми видимо чувствуется серьезность переживаемого момента и так ярко стоит перед глазами урок недавних кровавых кошмарных июльских дней. Настроение все время приподнятое до торжественности. Рабочие и крестьяне, пославшие на эти съезды лучших своих представителей в лице коммунистов, не ошиблись. Оба съезда являлись как бы праздниками.

Совет власти, торжествующий свою победу над белогвардейщиной. И недаром так торжественно оркестр и хор исполн. Интернационал.

Организация Красной Армии.

Грозные июльские события в Ярославле, а вместе с тем и общее тяжелое положение республики поставили со всей беспощадностью и немолимостью вопрос об организации Красной Армии.

Эта задача была возложена здесь на Губвоенкомат совместно с уездными и волостными военкоматами. Положение, в каком находился губернский военный комиссариат, уже достаточно обрисовал тов. Томашевич на Губернском Съезде Советов.

По тов. Томашевич, назначенный губвоенкомом после т. Скудре, недолго пробыл в Ярославле, его место заступил т. Намек.

Для работы по строительству Красной Армии был командирован, ряд партийных товарищей. Некоторые как напр. Ельцнер, заведующая агитационно вербовочным отделом губвоенкома, была послана в Ярославль из центра, другие были выделены местной организацией.

Так в горуездном военкомате работали Громов, Гарновский Дмитрий, Бычков, Барбей и др. Наша Красная Армия организовывалась так, как ни одна армия в мире. К участию в деле организации Красной Армии были призваны все трудящиеся, все партийные и профессиональ-

ные органы. Агитационно—вербовочный П'отдел Губвоенкомата развернул гигантскую работу, по всем уездам, волостям рассылаются агитаторы со специальными инструкциями для сознательного привлечения рабочих и крестьян в ряды Красной Армии. Выпускается ряд воззваний как к рабочим и крестьянам, так и к бывшим солдатам, унтер-офицерам и офицерам с призывом вступить в Красную Армию для защиты Советской России от иностранной интервенции.

В газетах печатаются аттестационные списки кандидатов на командные должности.

Всякий рабочий, всякий крестьянин, всякий член партии призываются дать тот или иной отзыв об этих кандидатах, указать, соответствуют ли они своему назначению или нет.

Но помимо организационной работы по призыву ведется огромная агитационная работа среди призванных. Распространяется масса листовок по вопросам общественно-политической жизни и советского строительства, устраивается ряд митингов и собраний, посвященных вопросу о Красной Армии, организуются так называемые «дни Красной Армии» как напр. 15 августа, на с'ездах и конференциях военных является одним из важных и главных вопросов, словом всюду и везде этот вопрос наряду с продовольственным выдвигается на первое место. Партия, профсоюзы, советские органы делают все возможное для Красной Армии, несут огромные жертвы.

Штабам отводятся лучшие помещения в городе, так или иначе сохранившиеся от июльских пожаров.

При огромном напряжении всех сил, огромных жертвах несмотря ни на какие преграды и препятствия, следуя непреклонной железной воле рабоче-крестьянского правительства, как феникс из пепла, рождается новая Красная Армия.

И уже в конце 18-го года на 5-ом горуездном С'езде Советов из доклада горуездного военкома можно было видеть, каких результатов достигла наша работа в области военного дела. Положение стало вполне удовлетворительным. Все распоряжения центра были блестяще выполнены. Тяжелые явления, с которыми приходилось военкомам встречаться на первых порах в особенности в уездах, так или иначе были устранены, мобилизация проходила в порядке и с подъемом, дело всеобщего обучения военному искусству шло вполне успешно и много продвинулось вперед против первоначального положения перед мятежем и в первые дни после него.

И в губвоенкомате еще были некоторые перебои в работе, происходящие от того, что целый ряд работавших там товарищей, будучи членами латышской организации, как напр. т. т. Томашевич, Намнек и др. должны были ехать в Латвию, где в то время начала организовываться Советская власть. Губвоенкомат некоторое время принужден был оставаться без должного руководства, ввиду трений какие возникли в связи с назначением губвоенкома между отдельными товарищами, лично заинтересованными в этом вопросе.

Но тем не менее Красная Армия росла и развивалась. Сначала помимо губвоенкомата в Ярославле находился штаб северного фронта, куда коммунистическая партия мобилизовала лучших партийных товарищей, а потом окружной штаб, которым развернута была работа как в организационном отношении, так и агитационном.

Борьба с голодом.

Продовольственный вопрос, особенно для того времени, являлся своего рода альфой и омегой общественной жизни. На съездах, конференциях, собраниях это был один из самых злободневных вопросов. Ни по одному докладу не возникало столько прений и шуму, как вокруг продовольственного. Из за этого вопроса приходилось выдерживать боевые схватки и ломать, как говорится, копыта с эсерами и меньшевиками чуть-ли не на всяком рабочем собрании.

Стоит просмотреть №№ газеты август и ноябрь 1919 г. — и чуть-ли не в каждом № видим целый ряд приказов как Центра так и местн. органов по поводу тех или иных мероприятий Советской Власти. Тут печатаются количество прибывших грузов, найденных предметов продовольствия, там обращение к гражданам об обществ. столовых. О нормах потребления по категориям, о введении новых продкарточек. Здесь встретите воззвания о комитетах бедноты, организации продотрядов и т. д. Одним словом, все силы все средства, какие только можно придумать, обращаются на борьбу с голодом, партия и профсоюзы мобилизовали порядочный комплект своих работников для той работы.

Из доклада тов. Охупкина на 5-м Съезде Советов г. Ярославля и уезда в конце 18-го года видно, как трудно было вести борьбу на продовольственном фронте.

После белогвардейского мятежа касса была пустой и в продовольственном отделе царил полнейший хаос.

Горюездипродком потерпел убыток от мятежа более 700.000 руб., а задолженность губпродкому на 1-е ноября была слишком 3000000.

В отделе не было опытных сотрудников, наблюдалось не мало преступных актов: расхищения, спекулирования служебным положением и обязанностями, продовольствия не было. Надвигался голод, надо было принять экстраординарные меры.

Такой мерой и являлось распределение населения по категориям, для чего специально были откомандированы лица в Ленинград для ознакомления с этим делом. Таким образом введен был плановый паек. Когда миновала острота кризиса, наиболее нуждающиеся получали сравнительно по тому времени удовлетворительный паек.

По выданным карточкам числилось едоков по 1-ой категории — 45998 — по 2-ой — 35519, 3-ей — 9631 и 4-ой — 2031. На очереди стояла тогда еще одна важная задача. — Проводимый в жизнь декрет о национа-

лизации частной торговли. В первую очередь была национализирована частная торговля мануфактурой, галантереей, готовым платьем и обувью.

Затем национализирована была и вся остальная частная торговля в городе.

Для участия в этом деле был привлечен кооператив «Единение», которому национализированная торговля и была передана. Расчеты с владельцами производились продорганами.

Кризис в городе не давал возможности наладить продовольственное дело в уезде, которое естественно в силу этого сильно «хромало»!

Но принимая во внимание условия переживаемого тогда момента, последствия войны, белогвардейского мятежа, отсутствие опытных работников, то надо сказать коммунистическая партия и Советская власть делали все, что только могли для борьбы с голодом.

Правда, на собраниях и с'ездах задавался докладчику целый ряд вопросов «почему»? Почему не дают муки вместо хлеба? Почему не открывают на каждом углу и перекрестке продовольственных лавок? Почему не уничтожены «хвосты»? Почему голодает железнодорожник? Почему забыты деревня, а главным образом «среднее крестьянство» и еще много других «почему»? Было недовольство реквизиционными отрядами и другими мерами. Обыкновенно все это говорилось теми людьми, которые добивались не улучшения или пользы дела, а прежде всего критики во чтобы то ни стало.

Обыкновенно таким критикам давали достойную отповедь наши товарищи, напр., тов. Будкин на подобные вопросы отвечал так «у нас просят муки, но где ее взять, никто не говорит, нас обвиняют в ошибках, но эти ошибки нас научают.

Мы взяли за государственный аппарат от станка и сохи, без опыта и знаний. Мы научимся, мы уже научились и все пойдет на лад. А сведение «личных счетов», что преследуется некоторыми критиками, преступно».

Городское хозяйство после мятежа.

На третий день мятежа перебрались на пароходе в Тверицы, но т. к. Тверицы тоже были заняты белыми, то пришлось идти дальше в деревню, где мы и остановились в нескольких верстах от Твериц в дер. Шебунино. Там уже собралось масса беженцев. В первые дни мятежа настроение крестьян и беженцев под влиянием агитации белых было против красных. Но по мере того, как мятеж затягивался, настроение переходило на сторону красных. Хотя крестьянство как будто бы и было за белых, но тем не менее активно выступить не хотело. И в ряды белых не шли, за исключением редких кулаков. В первые дни по деревням белые вели усиленную агитацию, развозили листовки, в которых писали о поражении красных и приходе из Архангельска, в помощь белым, англо-французских войск. Кулачество и частью обыватели, конечно, с нетерпением ждали прихода англо-французов, но их нет и нет. Обыватели беспокоились, пошли нарекания. Лучше бы уж получать по восьмьюшке хлеба, да поскорей бы кончилось. Белые обещали обывателю дать булок и пр. Но вместо этого дали груды пепла и головешек. К концу мятежа белые стали таять, бросали винтовки и бежали по деревням, яко-бы беженцы. Приехавшим отрядом Красной Гвардии из Вологды и Данилова Тверицы были заняты дней за 5-ть до конца мятежа. Публика облегченно вздохнула. Красные части в Тверицах открыли железнодорожную лавку и стали распределять продукты по продовольственным книжкам. Через 16 дней канонада прекратилась и на каланче 1-й части взвился красный флаг. Город был взят красными. Все облегченно вздохнули и дня через два стали пробираться в город.

Я получил разрешение из Тверицкого Ревкома на 2-й день сдачи города белыми быть в Ярославле. Первый визит был в Дом Народа, где мы получили пособие по 300 руб. Я пошел в свой отдел (механический), который был организован мной незадолго до мятежа, по распоряжению тов. Закгейма. В отделе я нашел инженера Слепцова, техника Марчука и еще техника, фамилию которого забыл, и очень был доволен, что они не изменились и готовы работать и приложить свои знания. В нашем отделе хотя замки у шкафов все были сломаны, но чертежи, протоколы и т. д. были целы, даже пишущая машинка цела и невредима. В первую очередь решили восстановить водопровод. (Белые во время мятежа возили воду с Волги, в железных коробках на автомобилях грузовиках). Мы командировали техника Марчука, очень дельного и старательного человека, который целые дни работал, бегал пешком и, кстати

сказать, почти голодный. Рабочие с водопровода, также полуголодные, работали день и ночь, сейчася не могу сказать сколько времени, но мне помнится, что мы без воды как будто и не были. Возстановили очень скоро хотя и не полным ходом снабжали водой гор. Ярославль.

В наш технический отдел то и дело являлись товарищи просить откомандировать инженера или архитектора осмотреть здание, не угрожает ли развалом и несчастием для жителей. Например у Почты с р. Которосли стена была разрушена, а за этой стеной жили люди с семьями, которых во избежание несчастья приходилось чуть-ли не силой удалять; на другой же день после оставления здания упала стена и потолок в верхних этажах. Во многих зданиях в стенах обнаружены были не разорвавшиеся снаряды, которые приходилось удалять, пригласив военных техников специалистов, но несчастных случаев не было. В это же время возстанавливалась электрическая станция, которая сама по себе не пострадала, но все провода пришлось проверить и заменить большую часть другими. На Октябрьской ул. столбы пришлось ставить новые для электровоза, так как нужно было связать станцию Всполье с городом. Трамвай возстановляли сами рабочие; конечно, коммунисты везде руководили. Все союзы и фабкомы были распущены и назначены перевыборы; эту работу мы проделали приблизительно в течение недели. После перевыборов правлений союзов и фабзавкомов была созвана губернская конференция, на которой избрали Исполком Профсовета; мне было поручено председательствование. По прошествии 2-х недель назначили совещание об организации ГСНХ, избрали коллегия Совнархоза из 5 товарищей Фреймана, Овсеевича, Васильева, Белавина и меня; (Фрейман был председателем). В Совнархозе все приходилось организовать снова.

После мятежа приехал из Москвы тов. Берзин с наказом из центра помочь жителям и главным образом детям одеждой, обувью, бельем: в результате чуть ли не все жители города были одеты в стеганные солдатские ватные куртки и шаровары: выдано было много белья и обуви; к холодам выдали много полушубков детям; к этому уже времени хорошо было организовано дело социального обеспечения.

Восстановлению промышленных предприятий мешал лозунг: «Город — Сад», этот лозунг приехал тоже из Москвы, и в самом деле как хорошо звучит после мятежа среди развалин, у нас должен быть «город-сад»; все фабрики и заводы должны быть удалены из центра города и вообще за город, а особенно такие, как спичечное производство, махорочное и кожевенное. Но рабочие, инстинктивно предчувствуя (они оказались правы), что из этого ничего не выйдет при такой нищете нашей, всеми правдами и неправдами начали сами возстанавливать свою промышленность. На спичечной ф-ке свои слесаря, свои мастера, не обращаясь ни к какой научной силе, стали собирать сгоревшие машины; части, которые мало пригодны, ремонтировали, прилаживали и из двух трех машин хотя и получали одну, но вполне исправную; таким образом, предприятие было пущено в ход и работало около 4-х лет. Также и махорочная бывш. Дунаева

(там машинное отделение и двигатель не пострадали) была исправлена и работает до сих пор. С кожаным производством дело обстояло не лучше — тоже мешал «город сад». Мы, совнархозники, сначала также были под влиянием «города сада» и относились пассивно к таким предприятиям, которые были назначены комитетом к удалению из города. Но под давлением профсоюзов давали средства, сначала неохотно, потом уже считали своей обязанностью как можно скорей восстановить промышленность. Первые дни в городе и пригороде после мятежа было плохо с продовольствием. Я видел, как маленькие дети из сгоревших магазинов собирали какие то семена для посева трав, (timoфеевка и еще какие-то) и эти полусгоревшие семена варили и ели. Да и я сам первые дни варил траву. Редко удавалось купить конины, хлеба не было совсем,

И. СТУПНИКОВ.

После тяжелых июльских дней.

(Помощь пострадавшему населению).

Мятеж ликвидирован.... Возшли в город; груды развалин, печные трубы в сгоревших до основания домах. Повсюду висят оборванные провода телеграфные, телефонные, электрические.

Пробираюсь и я через развалины, путаюсь в проволоке верхом на лошади, в свой отдел Социального Обеспечения, близ Американского моста. Отдел разбит, дела все в беспорядке. Отдел незадолго до мятежа был организован, работа исполкомом считалась удовлетворительной; снова приходится приступать к работе более серьезно. Собираются старые служащие. Сделал распоряжение привести в порядок дела, под'искал кто-то помещение на Власьевской улице, реквизировал и инвентарь, начали работать. Отдел социального обеспечения имел в своем распоряжении детских домов 15, с числом детей до 800 человек, богаделен-домов престарелых—12 с 600 человек; мятеж выкинул на улицу сотни инвалидов и сирот, но средств в распоряжении отсобеса не было, ап омошь нужна, развивается эпидемия на почве голода.

Приезжает представитель Центра, заведывающий пенсионным отделом Н. К. С. О. Тов. Броцкий, тов. Броцкий для оказания помощи привез три миллиона рублей.

Теперь: кому и как выдавать?

Для этой цели выработали инструкцию с тов. Броцким следующего содержания:

1. Помощь должна оказываться неработоспособным и неимущим (бедноте).

2. Для работоспособных должна быть под'искана работа через биржу труда (общественные работы, отправл. в деревню на полевые работы и т. д.).

3. Для определения неработоспособности (в грубом виде) воспользоваться имеющимися медицинскими комиссиями при Комиссариате Социального Обеспечения и Союзе Увечных воинов или образовать новые.

4. Для определения отсутствия источников существования организовать обследование.

5. Формы помощи следующие:

1. Организация бесплатных и дешевых обедов.

2. Разселение пострадавшей бедноты по буржуазным квартирам.

3. Размещение больных по больницам и др. лечебным учреждениям.

4. Бесприютных и сирот детей разместить по приютам и детским домам, устраивать ясли, детские площадки.

5. В виду предстоящего начала учебного года распределить детвору бедноты по школам и др. учебным заведениям.

6. От'езжающей бедноте выдавать билеты и суточные.

7. Инвалидов и стариков из бедноты размещать в богадельнях.

8. Помочь бедноте в восстановлении их жилища.

9. На первых порах, при отсутствии помощи натурой, допустима и денежная помощь при обязательном условии и отсутствии других источников существования.

10. Для борьбы со смертностью грудных детей бедноты организовать «капли молока» «ясли» и т. п.

11. Помощь в экстренных случаях должна быть оказываема немедленно, не откладывая до налаживания организованных форм помощи.

12. Губернский и Городской отделы Социального Обеспечения должны немедленно мобилизовать свои силы, вызвать работников из уезда и пригласить необходимый технический персонал по организации и подаче специальной помощи пострадавшей бедноте.

13. Обеспечение одеждой производить через склады Земского, Городского Союза, Красный Крест, а также организуя трудовые артели из пострадавшей бедноты.

Для того, чтобы знать положение пострадавшего и его прежнее положение, был создан кадр обследователей, которые заполняли выработанную нами анкету и давали свои заключения. В отделе не было кассира, не было бухгалтера, единственный счетовод т. Будрявцев, инвалид войны, который вел бухгалтерию, а в виду того, что было не кому поручить кассу, приходилось самому выдавать деньги. Денег было мало, а потребность большая.

Наши приюты все были разбиты, во всех приютах были перебиты стекла или выбиты целые простенки, не было постельного белья, не было хлеба, а это был самый больной вопрос. Тут приходилось изыскивать средства, чтобы спасти детей от смерти, и эта задача была выполнена. Как ни трудно было, но все же детей было спасено 90%, за исключением грудных детей, среди последних смертность была большая.

Для организации бесплатных и дешевых столовых пришлось об'ехать целый ряд бывших гостинниц и столовых и с трудом найти и отремонтировать столовую в одной из гостинниц.

По расселению рабочих по буржуазным домам и квартирам работал тов. Флоренский—заведывающий жилищным отделом.

Стариков и инвалидов размещали по богадельням, нагрузили все богадельни до невозможности, с каждым днем прибывали десятками. В очереди на помещение было до 300 человек, хотя очередь приходила скоро, т. к. смертность в 18 году была велика: прием в богадельню производился только по обследованию агентом и выяснения социального и семейного положения.

В целях борьбы со смертностью грудных детей был организован «Дом ребенка». Мы задались вначале целью создать свою молочную ферму в имении Павловское. На нее затратили 50000 рублей, отдали приютских коров голов 8, но после всего этого Земельный отдел взял в свое ведение ферму, нас выставил и стал доставлять молоко за денежки. Дом ребенка в Ярославле все-таки был создан в бывшем доме Лопатина при помощи врачей Александровского, Опочинского и женщины врача Троицкой. Заведывающим домом был назначен т. Щеголев, организована была молочная кухня, консультация детских яслей и столовая для детей бедноты.

Помощь пострадавшим от мятежа оказывалась во всех случаях с самого начала, как только поступили средства из Центра; не приходилось ждать, когда будет нанят бухгалтер и кассир, а выдавали деньги прямо из кармана, т. к. не было места, где бы их можно было хранить, хотя ревизионная комиссия делала указания, что неправильно ведется бухгалтерия. Я задал вопрос, ждать ли мне, когда Биржа Труда пришлет бухгалтера, или спасти людей от голода. А я сам учился читать не в школе, а на вывесках. Спрашиваю, правильно ли выдаются деньги?

Правильно, отвечает ревизор, но нужно бухгалтерию вести.

А вот, когда биржа труда пришлет кассира и бухгалтера, тогда и заведем, а сейчас дело не торпит, нужно оказывать помощь—продолжаю настаивать я.

Обеспечение одеждой было произведено комитетом. Одежда была прислана со складов Красного Креста: Фуфайки, шаровары, белье, ботинки, кроме того часть реквизированных вещей у буржуазии. Реквизированная одежда давалась частью бесплатно, частью по удешевленной цене, деньги, полученные за вещи, шли на питание детей в приютах. Но самое тяжелое время было, когда, находясь в железном кольце банд, Красная Армия вела ожесточенную борьбу, освобождая участок за участком. Нужно их было кормить, но и здесь, в тылу, нужно было накормить тем голодным пайком всю эту пострадавшую от белогвардейского мятежа массу и сохранить авторитет Советской Власти. Много трудностей приходилось переносить и от бюрократизма и от форма-

листки советских чиновников, каких было в то время достаточно. Когда видишь голодных детей и для того, чтобы их накормить, нужно было получить продукты в продорганах. Бывали случаи, что заведующий приютом ходил в течении недели из Губпродкома в Упродком, из Упродкома в Губпродком и не находил толку.

Но все же мы, рабочие от станков и крестьяне от сохи, построили Советский аппарат без всякой на то подготовки, одновременно вели борьбу с контр-революцией и саботажем чиновников, кои создавали бумажную волокиту, нередко вводили в заблуждение неопытных ответственных работников, доверившихся им, дабы подорвать авторитет коммунистов и Советской власти и мы победили.

О Ж И В Ы Х.

(Вместо послесловия).

Мы очень часто отмечаем героев тогда, когда они уже ушли, когда их уже нет в живых, когда они уже пали в революционной борьбе или пали под тяжестью бремени, возложенного на них революцией.

О живых героях мы говорим реже.

Больше того, говорим очень редко, почти совсем не говорим.

Эти строки посвящены деятелям, которые и посейчас несут свою тяжелую и ответственную работу, и посейчас служат делу пролетарской революции.

Эти строки посвящены тем из ярославских революционных деятелей, работе которых в дни белогвардейского мятежа Ярославль обязан многим.

В сущности, в живых из героев борьбы с белогвардейцами в Ярославле—много. Среди этих героев масса безымянных, доблестных солдат Революции красноармейцев 1-го Ярославского Советского полка.

Здесь мы останавливаемся лишь на наиболее ярких, видных революционных деятелях.

Первый из них—Пантин. Рабочий Гл. Ярославских железнодорожных мастерских. Бурная, мятежная, революционная натура. Сплошной сгусток революционного экстаза. Неистощимая энергия. Всепокупающая искренность. Пытливым умом с'умел пробить дорогу к начаткам знания. Критической оценкой действительности пришел в 1917 году в большевистскую организацию. «Везде, где нужно было в мастерских большевистское слово—М. Пантин всегда был первым», отзываются о нем товарищи по работе в Яросл. железнодорожных мастерских. Главная заслуга тов. М. Пантина перед ярославским пролетариатом в дни белогвардейского мятежа—в том, что именно он поставил под революционное красное знамя первый Советский полк, об'явивший было нейтралитет; этот полк с'играл затем крупную роль в подавлении мятежа. Пантину принадлежала инициатива созыва партийных товарищей железнодорожного ярославского района, созыва собрания, на котором родился Ревком ж. д. узла. Командуя правым крылом Советских войск, тов. М. Пантин с'играл, несомненно, в подавлении мятежа выдающуюся роль. Ныне Пан-

тин ушел с производства с тем, чтобы завоевывать твердыни и высоты научного знания; в момент выхода книги он учится в Московской Академии Коммунистического воспитания.

Другой деятель—тов. А. Громов. Перед началом мятежа в 1918 году тов. Громов был ярославским уездным военным комиссаром. В момент начала мятежа тов. Громов проник на ст. Всполье и вместе с тов. Скудре, подняв застрявший на станции проезжавший эшелон красноармейцев, сумел отстоять ж. д. мост через Волгу, не говоря уже о действиях против белогвардейцев, достаточно освещенных в воспоминаниях участников подавления мятежа. Тов. Громов, верный страж Революции, помимо участия в подавлении мятежа белогвардейцев, принимал активное участие в гражданской войне и на других фронтах. Ныне тов. Громов работает в Ярославском Губвоенкомате.

Нельзя кроме т. т. Пантина и Громова, не отметить из революционных деятелей Ярославля, эпохи белогвардейского мятежа—тов. Тимоф. Смирнова. Рабочий-модельщик Яросл. ж. д. мастерских, склонный к усидчивой, кабинетной работе, тов. Смирнов до мятежа работал в парторганизации РКП (б-ов) ж. д. района. Еще задолго до начала мятежа тов. Смирнов указывал на неизбежность белого восстания и призывал готовиться к нему. Во время мятежа т. Смирнов был секретарем Ревкома ж. д. узла, впоследствии отдавшись целиком работе в органах Ч. К.

А коммунистический отряд рабочих фабрики «Красный Перекоп»? Все время красный стяг гордо развевался над «Красным Перекопом». Коммунисты «Красного Перекопа» проявили также поистине героическую доблесть и энергию.

Мятеж потребовал, чтоб рабочий класс выдвинул целые фаланги революционных борцов.

И рабочий класс этих борцов и героев выдвинул.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТО- РИИ МЯТЕЖА:

Приказ командующего правым
крылом Советских войск.

На Ярославском фронте.

Приказ Чрезвычайного Штаба
Ярославского фронта.

Приговор Революцион. Три-
бунала по делу Перхурова и
Теляковского.

ПРИКАЗ

Командующего правым крылом советских войск.

9-го июля 1918 г.

§ 1. Весь Заготоросный район объявляется на *осадном положении*.

§ 2. Комиссаром означенных районов назначаю тов. *Абрамова*, которому находиться при управлении милиции 3-й части гор. Ярославля.

§ 3. Всем чинам гражданской милиции 3-й и 5-й частей немедленно занять посты, строго следить за порядком в районах, наблюдать за темными элементами и мародерами, которых на месте преступления разстреливать.

Иметь наблюдение за домами, чтобы из них не производилась стрельба, о всех подозрительных домах немедленно доносить комиссару.

Все неявившиеся милиционеры будут преданы военному суду.

§ 4. Всех неимеющих пропусков задерживать и доставлять комиссару. С 20-ти часов до 8-ми часов всякое движение жителей города по улицам должно быть прекращено.

§ 5. Всех замеченных в неисполнении сего приказа буду предавать военному суду.

§ 6. Настоящий приказ входит в силу со времени его опубликования, т. е. с 22 час. 9-го июля 1918 г.

П. П. Командующий войсками правого крыла *М. Пантин*.

На Ярославском фронте.

Оперативная сводка от 18 июля.

В ночь на 18 июля нашей артиллерией обстреливались важные укрепленные пункты противника.

Мельница Вахромеева загорелась; укрепившиеся там части белых выбиты и в панике разбежались. По ним открыт сильный пулеметный и шрапнельный огонь.

С 7 часов утра ведется артиллерийская подготовка при поддержке артиллерии Геккера, с которым наши оперативные действия согласованы.

На фронте свирепствует сильная буря и проливной дождь.

Оперативная сводка от 19-го июля.

Замкнутые, в кольцо, белые пытаются делать вылазки, но последние отражаются огнем.

Прибыла баржа с нашими пленными из центральной части Ярославля, бежавшая путем снятия с якоря.

ПРИКАЗ

Чрезвычайного Штаба Ярославского фронта.

Чрезвычайный Штаб Ярославского фронта объявляет населению города Ярославля. Всем, кому дорога жизнь, предлагается в течение 24 часов со дня объявления сего, оставить город и выйти к Американскому мосту. Оставшиеся после указанного срока в городе будут считаться участниками мятежников. По истечении 24 часов пощады никому не будет, по городу будет открыт самый беспощадный, ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химическими снарядами. Все оставшиеся погибнут под развалинами города, вместе с мятежниками, предателями и врагами революции рабочих и беднейших крестьян.

Ярославль, 20-го июля 1918 года.

Чрезвычайный Штаб Ярославского фронта.

П Р И Г О В О Р

Революционного Трибунала по делу Перхурова и Теляковского.

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Выездная сессия военной коллегии Верховного Трибунала при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете в г. Ярославле в составе председателя тов. Ульриха, членов т.т. Денисова и Татаринцева, июля 15, 16, 17, 18 и 19 дня 1922 года, рассмотрев дело Перхурова Александра Петровича, бывшего генерал-майора, обвиняемого в том, что:

1. Вступив в марте месяца 1918 года в заведомо контр-революционную организацию, именовавшуюся «союзом защиты родины и свободы» и состоя начальником центрального штаба союза, являлся активным руководителем и организатором в контр-революционных целях в ряде городов Советской Республики вооруженных восстаний, направленных к свержению власти рабочих и крестьянских Советов и Рабоче-Крестьянского правительства, в осуществление чего он—Перхуров: а) поддерживал связь и руководил работой контр-революционных организаций в городах: Ярославле, Рыбинске и Муроме, снабжая их деньгами, людьми и оружием, а также через члена центральной организации Дихгоф-Деренталь, имел сношение с представителями иностранных государств, склоняя их к вооруженному вмешательству в дела Республики; б) разработал план вооруженного восстания в г. Ярославле и лично руководил захватом артиллерийского склада и ряда других учреждений в городе; в) в обстановке народного волнения издал ряд воззваний к населению г. Ярославля, содержавших призыв к свержению власти Советов путем насильственных действий и активного противодействия Рабоче-Крестьянскому правительству, следствием чего явились массовые расстрелы ответственных советских работников.

2. Бежав после ярославского восстания в Казань, добровольно вступил в армию Колчака и, получив производство в генерал-майоры, участвовал в боевых действиях против Красной армии вплоть до февраля 1920 года, когда был захвачен в плен частями Красной армии.

3. В начале 1921 года, находясь в г. Екатеринбурге на ответственной должности при штабе ПРИУРВО, принял через офицера Голованенко предложение от белогвардейской контр-революционной организации в г. Колчедане взять на себя руководство и организацию в г. Колчедане, Каменске и др. местах вооруженных восстаний в целях свержения Советской власти, каковые деяния Перхурова предусмотрены ст.ст. 58, 59 и второй частью 69 Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. и

Теляковского Всеволода Николаевича, бывшего прапорщика в том, что примкнув не задолго до восстания к ярославской организации «союза защиты родины и свободы» в первый же день захвата власти в г. Ярославле мятежниками добровольно явился в штаб Перхурова и принимал участие в восстании против Советской власти и Красной армии, состоя сначала в команде по охране штаба восставших, а впоследствии находясь на боевом участке в отряде капитана Поборczego, где и был ранен, каковые деяния Теляковского предусмотрены ст. 60 Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.

Заслушав показания свидетелей Громова, Розановой, Шутова, Дурова, Бакакина, Бурцева, Цехонского, Путькова, Седова, Пасхина, Медведева, Капитанова, Колобаева и Озерова, объяснение обвиняемых Перхурова и Теляковского и речи общественного обвинителя М. И. Васильева-Южина и защитников Коммодова и Потемкина, военная коллегия Верховного Трибунала ВЦИК нашла судебным следствием установленным, что:

1. Перхуров Александр Петрович, бывш. генерал-майор, вступив в марте месяца 1918 года в контр-революционную организацию, именовавшуюся «союзом защиты родины и свободы», во главе которой стоял Б. Савинков и состоя начальником центрального штаба союза, являлся активным руководителем и организатором в контр-революционных целях в ряде городов Советской республики вооруженных восстаний, направленных к свержению Рабоче-Крестьянских Советов и Рабоче-Крестьянского правительства,

в осуществление чего он, Перхуров: 1) через члена центрального штаба Дихгоф-Деренталя вошел в сношение с представителями иностранных государств, в частности с представителем Франции Нулансом и представителем чехо-словаков Массариком, склоняя их на вооруженное нападение на территорию РСФСР и получал от них денежные средства на организацию восстаний внутри Республики, т. е., совершил деяние, предусмотренное статьей 59 Уголовного Кодекса; 2) находясь в должности начальника штаба центральной организации «Союза защиты родины и свободы», объединял и руководил деятельностью местных организаций Союза в г.г. Ярославле, Рыбинске, Муроме, Калуге и др. поддерживая с ними связь и снабжая их оружием, деньгами и людьми.

В целях идейного объединения местных организаций выработал и распространил программу организации, в которой ближайшей задачей поставил свержение существующего правительства и организацию твердой власти, непреклонно стоящей на страже национальных интересов России, воссоздание старой армии с восстановлением прав старого командного состава с целью продолжения войны с Германией, опираясь на помощь союзников, т. е. совершил преступное деяние, предусмотренное ст. 58 I части Уголовного Кодекса; 3) разработав план вооруженного восстания в г. Ярославле и удерживая его в течение двух недель, встав во главе его, лично руководил захватом артиллерийского склада и разоружением воинских частей в ночь на 6 июля 1918 г. и, опираясь на вооруженную силу из бывших офицеров, учащейся молодежи и городской интеллигенции, захватил в свои руки г. Ярославль, обрекая город всем ужасам осажденной крепости, следствием чего была гибель многих сотен граждан и полное разрушение одной трети города, и войдя в тесную связь с местными лидерами РСДРП (меньшевиков) в лице Дюшен, Богданова и Савинова и с местным эсером Мамыриным, выпустил в население г. Ярославля и губернии постановление об упразднении всех органов и постановлений Советской власти, как центральной так и местной, а также и постановления временного правительства об организации земельных комитетов, губернских и уездных комиссаров и о восстановлении губернских и уездных земств, городских управ, волостных старшин, уездных начальников, стражников, окружных судов и пр.; в частности в осуществление этого назначил городскую управу г. Ярославля во главе с городским головой домовладельцем Лопатиным, бывшим в этой должности до февральской революции, членом партии каде, в составе членов управы Горелова (каде), купцов: Каюкова и Кузнецова, присяжного поверенного Мешковского (меньшевика), Соболева бывшего члена управы до февральской революции и, включив в нее рабочего меньшевика Абрамова, совершил деяние, предусмотренное ст. 58 ч. I Уголовного Кодекса; 4) в первый же день восстания допустил убийство окружного военного комиссара тов. Нахимсона и председателя городского Совета тов. Закгейма и произвел массовые аресты граждан г. Ярославля по подозрению в сочувствии Советской власти, посадив их в количестве нескольких сот человек на баржу и поставив эту баржу посреди р. Волги, тем самым обрек на мучения и голодную смерть сотни арестованных, находившихся там в течении 13 дней, т. е., совершил деяние, предусмотренное ст. 58 ч. I Уголовного кодекса; 5) видя беспечность затейливой авантюры, опасаясь возмездия и не получив обещанной поддержки из Рыбинска от находившегося там Савинкова и не дождавшись помощи от ожидавшегося десанта союзников в Архангельске, Перхуров вместе со своим начальником штаба генералом Афанасьевым и рядом своих ближайших помощников, бежал 17-го июля под видом вылазки из Ярославля и, добравшись до Казани, в то время уже захваченной чехо-словаками, принял активное участие в обороне города от Красной армии, получив назначение начальника боевого участка, в каковой должности оставался до отхода из Казани бело-чехов, т. е. совершил деяние, предусмотренное ст. 60 уголовного кодекса; в) с сентября 1918 года по март 1920 года продолжал вооруженную борьбу с советской властью, занимая ответственные командные должности в рядах, так называемой народной армии, а в дальнейшем в армии адмирала Колчака, состоя командиром отдельной Казанской бригады и начальником отдельных партизанских отрядов, действующих в тылу Красной армии в Сибири, т. е.

совершил деяние, предусмотренное статьей 60 уголовного кодекса; г) скрыв свое участие в организации мятежа от органов советской власти и будучи принят на службу в штаб ПРИУРВО, принял в мае 1921 г. через подполковника Голованенко, бывшего офицера армии Калчака, предложение вступить в контр-революционную организацию, имевшую своей задачей, опираясь на находившиеся в районе Екатеринбургской губернии банды, поднять вооруженное восстание в целях свержения советской власти, т. е. совершил деяние, предусмотренное ст. 60 уголовного кодекса.

В) Теляковский Всеволод Николаевич быв. прапорщик, примкнув незадолго до восстания в г. Ярославле к Ярославской организации «союза защиты родины и свободы», в первый же день захвата власти в г. Ярославле мятежниками, т. е. 6 июля 1918 года, добровольно явился в штаб Перхурова и принимал участие в этом восстании, состоя в команде по охране штаба, а впоследствии находился на боевом участке, где и был ранен, т. е. совершил деяние, предусмотренное ст. 60 уголовного кодекса.

На основании вышеизложенного и принимая во внимание в отношении Теляковского, что последнему не были известны конечные результаты восстания, военная коллегия Верховного Трибунала ВЦИК приговорила:

Перхурова Александра Петровича, 46 лет, бывш. генерал-майора, окончившего академию генерального штаба, потомственного дворянина Тверской губернии, на основании ч. 1 58, 59 и 60 ст. уголовного кодекса, подвергнуть высшей мере наказания—расстрелять.

Теляковского Всеволода Николаевича, 22 лет, бывш. прапорщика, из дворян Ярославской губернии, на основании 60 статьи уголовного кодекса и второй части 58 статьи того же кодекса к лишению свободы сроком на три года с зачетом предварительного заключения.

Рассмотрев вопрос о применении к осужденным амнистий предшествующих лет, Трибунал определил:

к Перхурову Александру, как активнейшему контр-революционеру и организатору белогвардейских заговоров и восстаний, на основании пункта второго постановления ВЦИК об амнистии 1 мая 1920 года, пункта 4 инструкции НКЮ об амнистии от 7 ноября 1920 г. и пункта 4 лит. В об амнистии от 7 ноября 1921 г.—амнистии не применять.

К осужденному Теляковскому, принимая во внимание его молодость в момент совершения преступления и незначительность его роли в Ярославском мятеже и последующую добросовестную службу в советских учреждениях, Трибунал нашел возможным, применяя к Теляковскому амнистии всех предшествующих годов, от дальнейшего наказания его, Теляковского, освободить.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председатель сессии В. Ульрих, члены—Денисов и Татаринцев.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Тов. С. М. Нахимсон.
Тов. Д. Закгейм.
Тов. А. С. Савельев (Шелехес).
Тов. Зелинченко.
Тов. Шмидт.

Члены Революционного Комитета,
Ярославского жел.-дор. узла в 1918 г.
Первый после ликвидации Яросл.
Губ. Съезд Советов.

Президиум Губсъезда.

Губисполком, избранный на сентябрь-
ском Съезде

Похороны жертв белогвардейского
мятежа.

Памятник жертвам революции.

Похороны тов. Зелинченко и тов.
Лютова.

Ярославский Демидовский Юриличе-
ский лицей до мятежа.

Ярославский Демидовский Юриличе-
ский лицей после мятежа.

Завод быв. Смолякова после мятежа.

Даниловская улица после мятежа

Разрушители г. Ярославля:

Б. В. Савинков.

Богданов-Хорошев.

Полковник А. П. Перхуров.

Факсимиле приказа Перхурова.

Тов. С. М. Нахимсон.

Тов. Д. Закгейм.
Организатор Советской Власти в Ярославле.

Тов. А. С. Савельев (Шелехес).

Тов. Зелинченко.

Активный советский работник, погиб при подавлении мятежа (был председателем революционного трибунала во время процесса яросл. меньшевиков весной 1918 г.).

Тов. Шмидт. Член Губисполкома, погиб при ликвидации мятежа.

Члены Революционного Комитета Ярославского жел.-дор. узла в 1918 г.

- 1) Тов. Микелевич А. К., 2) Тов. Пантин М. И., 3) Тов. Сергей В. С., 4) Тов. Новиков Н. Н., 5. Тов. Канапышев А. А., 6) Тов. Суслов И. И., 7) Трв. Варламов И. А.

Первый после ликвидации мятежа Ярослав. Губ. Съезд Советов (в первых числах сентября 1918 г.).

Президиум Губ. Съезда (первый после мятежа).

За столом (справа налево): т.т. Раевский, Пожаров (чл. Ревкома), Рабей, Ленцман (чл. Ревкома) и Панин. Около стола справа (стоит)—чл. ревкома Н. Ф. Бушуев, под цифрой „4“—предгубкома Р.К.П. т. Берг.

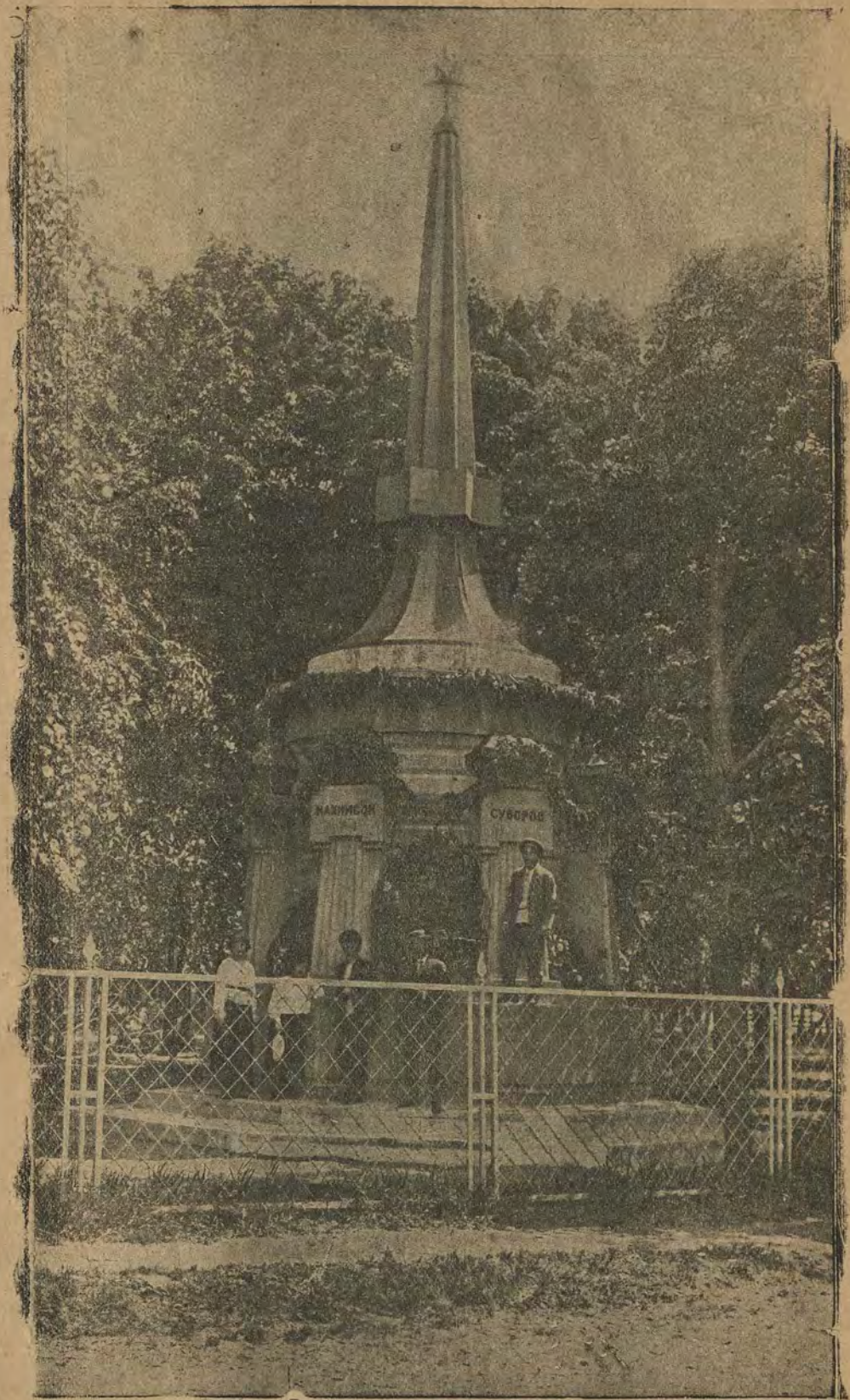

Губисполком избранный на Сентябрьском с'езде.
1) т. Бабич, 2) т. Н. Бушуев, б. чл. Ревкома.

Похороны жертв белогвардейского мятежа.

Памятник жертвам революции.

Похороны тов. Зелинченко и тов. Лютова.

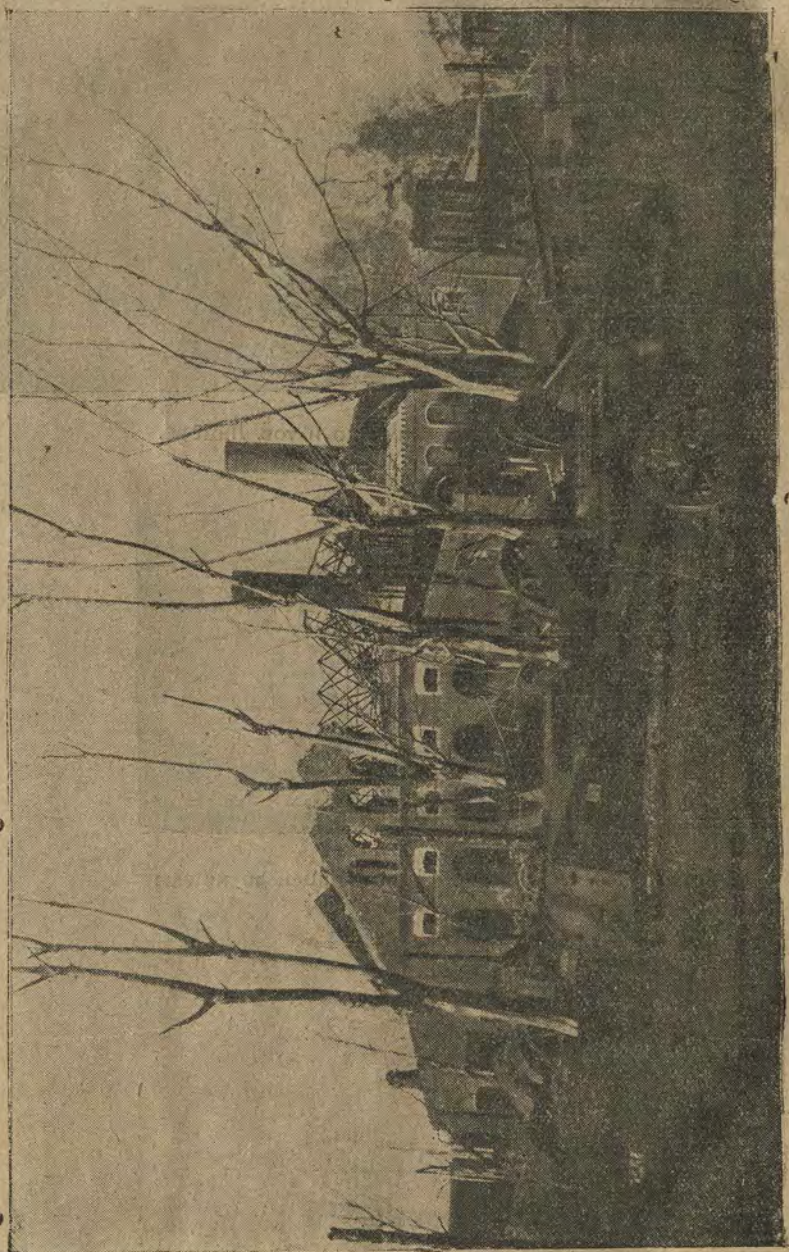

Яросл. Демидовский Юрид. Лицей до мятежа.

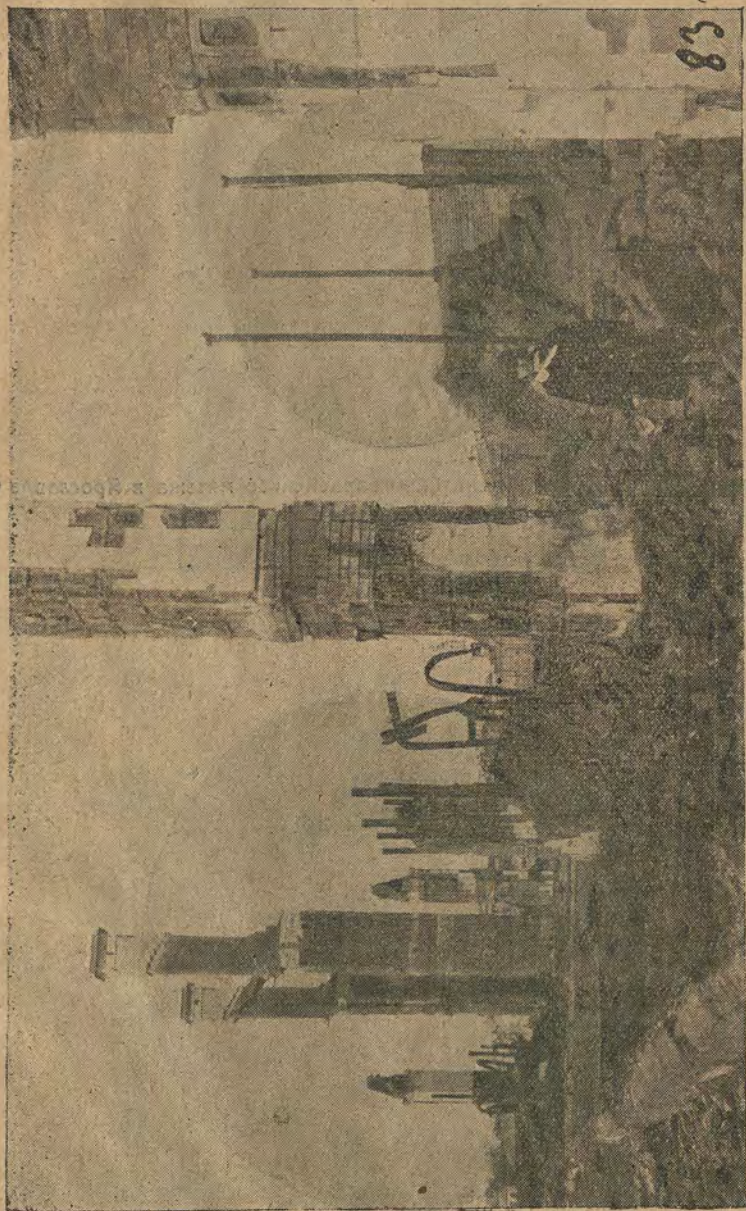
Яросл. Демидовский Юрид. Лицей после мятежа.

Завод бывш. Смолякова, после мятежа.

Даниловская, улица после мятежа.

Разрушители г. Ярославля.

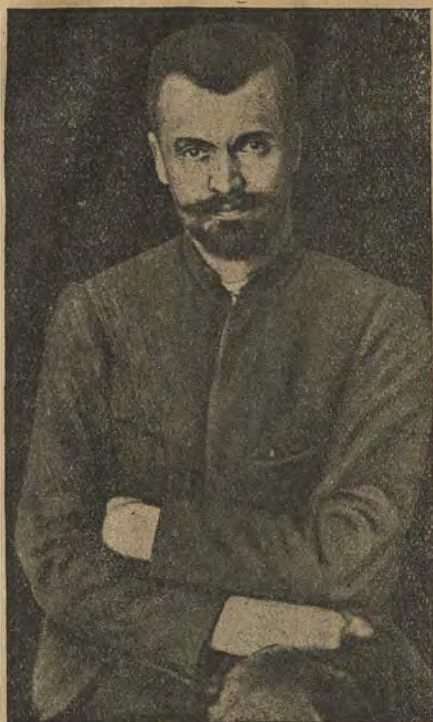

Организатор и вдохновитель белогвардейского мятежа в Ярославле
Б. В. Савинков.

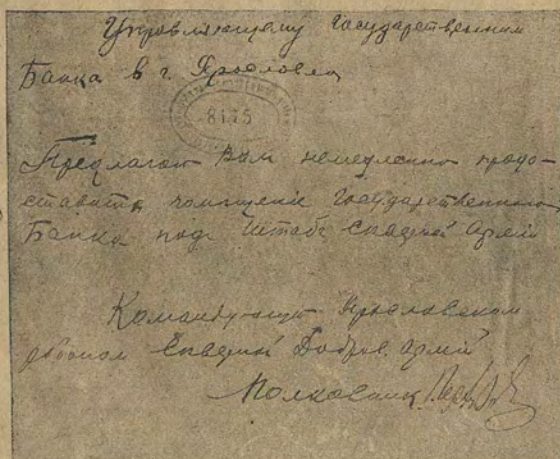

Богданов-Хорошев.
«Один» из лидеров ярославских меньшевиков.

Полковник А. П. Перхуров.

Факсимиле приказа Перхурова.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Вместо предисловия	3

Перед мятежем.

В Ярославле после Февраля — <i>Я. Минакова</i>	7
Борьба за власть советов в г. Ярославле до Октябрьского пере- рота — <i>Г. Петровичева</i>	28
У ярославских железнодорожников — <i>Ф. Чуркина</i>	40
Город перед мятежем — <i>Р. Гольдберг</i>	47

М я т е ж.

У белых под пятой — <i>Д. Малинина</i>	57
О днях прошедших — <i>Г. Петровичева</i>	88
Из под пуль — <i>Барышина</i>	131
Генерал-майор Перхуров-Ярославский — <i>М. Васильева-Южина</i>	135

Борцы революции.

С. М. Нахимсон — Биография	145
Т. Нахимсон в XII армии — <i>В. Денисенко</i>	148
Враги о т. Нахимсоне — <i>В. Л. Р.</i>	152
Памяти т. Закгейма — <i>Г. Петровичева</i>	153
Из воспоминаний о т. Закгейме — <i>М. Кадек</i>	160
А. С. Савельев (Шелехес) — <i>О. М.</i>	163
С. А. Суворов — <i>О. Розановой</i>	166
Тов. Будкин — <i>Н. Л.</i>	167
А. С. Шмидт — <i>Серкович</i>	168
Тов. Зелинченко <i>О. Р.</i>	170
Тов. Кожин	—
Тов. Лютов	171

Ярославские рабочие и крестьяне в дни мятежа.

Рабочие «Красного Перекопа» в дни мятежа — <i>В. Оханкина</i>	175
Ярославские железнодорожники в мятеж — <i>Ф. Чуркина</i>	179
Кулаки с белыми, бедняки — за советы — <i>А. Карулина</i>	185
Молодежь и белогвардейщина — <i>А. Сайкина</i>	189

После мятежа.

Общая обстановка в Ярославле после мятежа— <i>О. Розановой</i>	193
Военно-Революционный комитет	203
Чрезвычайная комиссия и борьба с контр-революцией	206
Парторганизация после мятежа	209
Партия и профсоюзы после мятежа	220
Советское строительство	230
Организация Красной Армии	239
Борьба с голодом	241
Городское хозяйство после мятежа— <i>В. Бутузова</i>	243
После тяжелых июльских дней— <i>И. Ступникова</i>	245
О живых (вместо послесловия)— <i>Н. Л. и О. Р.</i>	249

П р и л о ж е н и е.

Документы по истории мятежа	253
---------------------------------------	-----

Иллюстрации	I—XIII.
-----------------------	---------

05952

mp

2007077047